

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2026 Том 26 № 2

В номере: **Международные отношения в цифровую эпоху: новые возможности и традиционные вызовы**

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-2

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал

Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

К.П. Курьев,
доктор исторических наук,
профессор, РУДН, г. Москва, РФ
kurylev-kp@rudn.ru

Заместитель главного редактора

О.С. Чикризова,
кандидат исторических наук,
доцент, РУДН, г. Москва, РФ
chikrizova-os@rudn.ru

Ответственный секретарь

М.М. Агазаде,
кандидат исторических наук,
доцент, РУДН, г. Москва, РФ
agazade-mm@rudn.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ ОФИС

Никулин Максим Андреевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Рамич Мирзет Сафетович, кандидат политических наук, старший преподаватель, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Рандэсбар Мешкин Даниал, кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Аватков Владимир Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий отделом Ближнего и Постсоветского Востока, Институт научной информации по общественным наукам РАН; профессор кафедры международных отношений, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Ачарья Амита, профессор международных отношений, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США

Беллами Алекс Дж., директор, Азиатско-Тихоокеанский центр ответственности по защите, профессор по изучению проблем мира и конфликтов, Университет Квинсленда, Австралия; старший советник-нерезидент, Международный институт мира, г. Нью-Йорк, США

Бехера Навнита Чадха, профессор, кафедра политических наук, Университет Дели, г. Нью-Дели, Индия

Бонд Патрик, профессор, Университет Западной Капской провинции, Кейптаун, ЮАР

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий, кафедра политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Иррера Даниела, доцент, кафедра политических и социальных наук, Университет Катании; генеральный секретарь, Итальянская Ассоциация политических наук, г. Катания, Италия

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор, Центр исследований международных институтов, РАНХиГС; профессор, департамент мировой экономики, факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация

Маркетти Раффаэле, проректор по интернационализации, доцент международных отношений, кафедра политических наук, Университет ЛУИСС Гвидо Карли, г. Рим, Италия

Миттельман Джеймс, профессор, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель, Центр изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Мотоки Такахаси, профессор, Высшая школа исследований в области международного сотрудничества, Университет Кобе; президент, Японское общество по международному развитию, г. Кобе, Япония

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Рахимов Мирзохид Акрамович, доктор исторических наук, заведующий отделом Центра новейшей истории Узбекистана, Академия наук Республики Узбекистан, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Саква Ричард, доктор политических наук, профессор, Университет Кента, г. Кентербери, Великобритания

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра востоковедения, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Тикнер Арлин Б., профессор, факультет политических наук, Университет Росарио, г. Богота, Колумбия

Томани Пьер-Эммануэль, доктор философии, профессор геополитики, Институт социальных, экономических и политических наук; доцент, Университет Лион III, Университет Жана Мулена, г. Лион, Франция

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Цыганков Андрей Павлович, кандидат философских наук, доктор философии, профессор, Государственный университет Сан-Франциско, США

Чуров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор, кафедра международной журналистики, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Шабига Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год, ежеквартально.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 5.6.7 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), 5.5.4 – Международные отношения (политические науки).

Включен в Scopus, Белый список РЦНИ, RSCI, DOAJ, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka и Academia.Edu.

Языки: русский, английский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами Глобального Юга (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «Мир и безопасность», «Международное экономическое сотрудничество», «Двусторонние отношения», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2026–2027 гг. следующий:

Выпуск	Тема	Срок подачи рукописей статей
№ 3 2026	Региональные аспекты современных международных отношений	Прием статей закрыт
№ 4 2026	Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: к 35-летию создания Содружества Независимых Государств	Прием статей закрыт
№ 1 2027	Региональные исследования в контексте фрагментации международной системы	Прием статей закрыт
№ 2 2027	Новые измерения стратегической стабильности: технологические и институциональные аспекты	До 15 ноября 2026 г.
№ 3 2027	Ближний Восток: перманентная конфликтность в меняющейся геополитической реальности	До 15 февраля 2027 г.
№ 4 2027	ЦУР 17: Партнерство в интересах устойчивого развития	До 15 апреля 2027 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Редактор *И.Л. Панкратова*

Редакторы англоязычных текстов *А.Ю. Борзова, О.С. Чикризова, Л.Н. Замарайкина*
Компьютерная верстка *Т.Н. Селиванова*

Адрес редакции:

Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Подписано в печать 19.06.2025. Выход в свет 27.06.2025. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 26,9. Тираж 500 экз. Заказ № 547. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2026

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2026 VOLUME 26 No. 2

In this issue: International Relations in the Digital Era:
New Opportunities and Traditional Challenges

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-2

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Professor, Dr. Konstantin P. Kurylev
RUDN University, Moscow, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

PhD Olga S. Chikrizova
RUDN University, Moscow, Russia
chikrizova-os@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Mirmehdi M. Aghazada
RUDN University, Moscow, Russia
agazade-mm@rudn.ru

EDITORIAL OFFICE

Daniyal Ranjbar Meshkin, PhD (History), Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Maksim A. Nikulin, PhD (History), Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Mirzet S. Ramich, PhD (Political Sciences), Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Alex J. Bellamy, Director, Asia-Pacific Responsibility Center, Professor of Peace and Conflict Studies, University of Queensland, Australia; Senior Non-Resident Advisor, International Peace Institute, New York, USA

Amitav Acharya, Professor of International Relations, School of International Service, American University, Washington, USA

Andrei P. Tsygankov, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, University of California San Francisco, San Francisco, USA

Andrei V. Shabaga, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Arlene B. Tickner, Professor, Department of Political Science, University of Rosario, Bogota, Colombia

Daniela Irrera, Associate Professor, Department of Political and Social Sciences, University of Catania, Secretary General of the Italian Association of Political Sciences, Catania, Italy

Dmitry V. Mosyakov, Doctor of Historical Sciences, Head, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

James H. Mittelman, Professor, School of International Service, American University, Washington, USA

Marina A. Sapronova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Marina V. Larionova, Doctor of Political Sciences, Head, Centre for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics, the HSE, Moscow, Russian Federation

Mirzokhid A. Rakhimov, Doctor of Historical Sciences, Head of Department, Center for Contemporary History of Uzbekistan, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Navnita Chadha Behera, Professor, Department of Political Sciences, University of Delhi, New Delhi, India

Patrick Bond, Professor, University of the Western Cape, Cape Town, South African Republic

Pierre-Emmanuel Thomann, PhD, Professor of Geopolitics, Institute of Social, Economic and Political Sciences; Associate Professor, University of Lyon III, Jean Moulin University, Lyon, France

Raffaella Marchetti, Deputy Rector for Internationalization, Assistant Professor of International Relations, Department of Political Sciences, LUISS Guido Carli, Rome, Italy

Richard Sakwa, Doctor of Political Sciences, Professor, University of Kent, Canterbury, Great Britain

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Head, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Chugrov, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Journalism, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Kobe, Japan

Victor L. Jelfets, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, Representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Vladimir A. Avatkov, Doctor of Political Science, Director, Department of the Middle & Post-Soviet East Studies, The Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences; Professor, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Vladimir Ya. Portyakov, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by RUDN University, Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed in Scopus, White List of RCSI, RSCI, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory (<http://www.ulrichsweb.com>), Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringsskanaler/erihplus/>).

Accessible at Russian Index of Science Citation, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Academia.Edu.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, and Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow elaborating a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "Peace and Security", "International Economic Cooperation", "Bilateral Relations", and "International Academic Cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Scientific Schools".

Upcoming issues of the *Vestnik RUDN. International Relations* for 2026–2027 will deal with the following issues:

Issue	Thematic dossier	Deadline for the articles' submission
No. 3 2026	Regional Aspects of Contemporary International Relations	Submission of articles is closed
No. 4 2026	Integration Processes in the post-Soviet Space: On the 35th Anniversary of the Commonwealth of Independent States	Submission of articles is closed
No. 1 2027	Regional Studies in a Fragmenting International System	Submission of articles is closed
No. 2 2027	New Dimensions of Strategic Stability: Technological and Institutional Aspects	By November 15, 2026
No. 3 2027	The Middle East: Permanent Conflict in a Changing Geopolitical Reality	By February 15, 2027
No. 4 2027	SDG 17: Partnership for Sustainable Development	By April 15, 2027

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Journal and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Editor I.L. Pankratova

English text editors A.Yu. Borzova, O.S. Chikrizova L.N. Zamaraykina

Computer design T.N. Selivanova

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ТРАДИЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ

Арляпова Е.С., Пономарева Е.Г. Алгоритмическая асимметрия: пространство, власть и время в истории цифровой дипломатии	197
Рамич М.С., Потемкина В.О., Демина Е.В. Конкуренция регулятивных парадигм в сфере искусственного интеллекта: либеральная и государственно-центричная модели и их продвижение в ОЭСР и МСЭ	216
Жильцов С.С. Цифровизация Каспийского региона: современные тенденции и новые возможности	228
Лузянин С.Г., Умаров О.М. Интеграция цифровых технологий в систему коллективной безопасности Центральной Азии и России: разработка многоуровневой модели нейтрализации угроз	240
Емельянова Н.Н. Цифровая дипломатия России и Индии в контексте адаптивности «мягкосиловых» подходов	256
Тимошня В.А., Мартыненко Е.В. Киберпреступность в Латинской Америке: вызовы формирования эффективной системы безопасности в наименее защищенном регионе мира	272

БРИКС

Агоннуде Б.В.Ф., Глебов В.А., Маслов А.А. Политико-правовые аспекты сотрудничества стран БРИКС в сфере искусственного интеллекта: к формированию альтернативного регуляторного подхода	286
Кочеров О.С. Миростроительство как перспективное направление стратегической коммуникации БРИКС: опыт КНР	312

КИТАЙ В МИРЕ

Данилов В.А., Данилова Е.В., Дубровский И.Р. Сравнительный анализ опыта США и КНР в области применения технологий искусственного интеллекта в военной сфере	324
Гребенюк А.А., Кумуков А.М. Воздействие «мягкой силы» Китая на сознание российской студенческой молодежи	340

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Жилина Л.В. Цифровизация и формирование образа страны: лонгитюдные данные о восприятии России студентами японских университетов	352
---	-----

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

Алексеева Т.А., Лебедева М.М. Мировая политика в условиях цифровизации. <i>Интервью провели К.П. Курылев и М.С. Рамич</i>	372
Ивановский З. В., Яковлев П. П., Мартынов Б. Ф., Медина Гонсалес Х., Пачеко Пасифико А., да Коста С., Реис Мело Ф., Богатырева О. Н., Кодзоев М. А.-М., Яхнис Е. А. Лабиринты Латинской Америки: на перепутье эпох и интересов. <i>Интервью провела А.Ю. Борзова</i>	387

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Курылев К.П., Станис Д.В., Пархитко Н.П., Пятибратов И.С. «Трамплотамия» как феномен принятия внешнеполитических решений	394
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Медушевский Н.А. Рецензия на книгу: Kjeksrud S. Using Force to Protect Civilians: Successes and Failures of United Nations Peace Operations in Africa. Oxford: Oxford University Press, 2023. 240 p.	417
---	-----

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER: INTERNATIONAL RELATIONS IN THE DIGITAL ERA: NEW OPPORTUNITIES AND TRADITIONAL CHALLENGES

Arlyapova E.S., Ponomareva E.G. Algorithmic Asymmetry: Space, Power and Time in the History of Digital Diplomacy.....	197
Ramich M.S., Potemkina V.O., Demina E.V. Competition of Regulatory Paradigms in the Field of AI: Liberal and State-Centric Models and Their Promotion in the OECD and ITU.....	216
Zhil'tsov S.S. Digitalization of the Caspian Region: Current Trends and New Opportunities.....	228
Luzyanin S.G., Umarov O.M. Integrating Digital Technologies into the Collective Security System of Central Asia and Russia: Developing a Multi-Level Threat Neutralization Model.....	240
Emelyanova N.N. Digital Diplomacy of Russia and India in the Context of Adaptive Soft Power Approaches.....	256
Tsimashchenia V.A., Martynenko E.V. Cybercrime in Latin America: Challenges for Building Effective Security in the World's Most Vulnerable Region.....	272

BRICS

Agonnoude B.V.F., Glebov V.A., Maslov A.A. Political and Legal Aspects of BRICS Cooperation in the Field of Artificial Intelligence: Towards the Development of an Alternative Regulatory Approach	286
Kocherov O.S. Peacebuilding as a Promising Vector of BRICS Strategic Communication: China's Experience.....	312

CHINA IN THE WORLD

Danilov V.A., Danilova E.V., Dubrovskiy I.R. A Comparative Analysis of the United States and China's Experience in the Military Use of Artificial Intelligence Technologies.....	324
Grebenyuk A.A., Kumukov A.M. The Impact of China's "Soft Power" on the Consciousness of Russian Student Youth.....	340

INTERNATIONAL ACADEMIC COOPERATION

Zhilina L.V. Digitalization and Country Image Formation: Longitudinal Evidence from Japanese University Students' Perceptions of Russia.....	352
---	-----

SCIENTIFIC SCHOOLS

Alekseeva T.A., Lebedeva M.M. Global Politics in the Context of Digitalization. <i>Interviewed by K. P. Kurylev and M. S. Ramich</i>	372
Iwanowski Z.W., Yakovlev P.P., Martynov B.F., Medina Gonzalez V.X., Pacheco Pacifico A., da Costa S., Reis Melo F., Bogatyreva O.N., Kodzoev M.A.-M., Yakhnis E.A. The Labyrinths of Latin America: At the Crossroads of Eras and Interests. <i>Interviewed by A.Yu. Borzova</i>	387

POLITICAL PORTRAITS

Kurylev K.P., Stanis D.V., Parkhitko N.P., Pyatibratov I.S. 'Trumpplomacy' as a Phenomenon of Foreign Policy Decision-Making.....	394
--	-----

BOOK REVIEWS

Medushevsky N.A. Book review: Kjeksrud, S. (2023). Using Force to Protect Civilians: Successes and Failures of United Nations Peace Operations in Africa. Oxford: Oxford University Press, 240 p. (In Russian).....	417
--	-----

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ТРАДИЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ

THEMATIC DOSSIER: INTERNATIONAL RELATIONS IN THE DIGITAL ERA: NEW OPPORTUNITIES AND TRADITIONAL CHALLENGES

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-2-197-215

EDN: HMRMVZ

Научная статья / Research article

Алгоритмическая асимметрия: пространство, власть и время в истории цифровой дипломатии

Е.С. Арляпова¹, Е.Г. Пономарева²

¹Институт системно-стратегического анализа (ИСАН), Москва, Российская Федерация

²Московский государственный университет международных отношений (МГИМО) МИД России, Москва, Российская Федерация

nastya304@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой историко-аналитическое исследование развития цифровой дипломатии как отдельного направления дипломатических практик на заре его формирования и затем — как цифровой среды осуществления дипломатической деятельности. Раскрыта терминологическая динамика — от ранних попыток осмысления до более поздних дебатов о содержании и границах цифровой дипломатии как самостоятельного феномена. Особое внимание уделено процессу разграничения и смещения понятий «публичной дипломатии» и «цифровой дипломатии», что позволило выявить изменения в их иерархии, смысловых контурах и сферах применения. Предложена авторская периодизация истории цифровой дипломатии, основанная на хронологическом анализе ключевых событий, институциональных реформ и технологических сдвигов с 1990-х до середины 2020-х гг. Периодизация выявляет постепенный переход от экспериментальной стадии цифровой коммуникации внешнеполитических ведомств к этапу институционализации и далее — к фазе алгоритмизации дипломатических практик. Центральное место в исследовании отведено концепции алгоритмической асимметрии. Показано, что алгоритмы не только проецируют влияние во времени и пространстве с иной скоростью и плотностью, но и создают асимметричные условия для государств с разными уровнями адаптивности, технологического потенциала и развития и цифровой креативности. Алгоритмическая асимметрия проявляется в трех измерениях: пространственном, временном и властном. В заключении отмечается, что цифровая дипломатия развивается в условиях постоянной реконфигурации цифрового пространства, а алгоритмы наращивают влияние в международном взаимодействии. Сформированный рейтинг государств демонстрирует лишь временное состояние поля, поскольку в условиях алгоритмической асимметрии позиция государства определяется его восприимчивостью к инновациям, способностью к адаптации, стратегическому

© Арляпова Е.С., Пономарева Е.Г., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

освоению цифровых режимов власти и умением превращать особенности цифровых платформ в ресурс внешнеполитического влияния.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, власть и коммуникация, цифровизация, информационная безопасность, технологическая медиация, публичная дипломатия

Вклад авторов. Арляпова Е.С.: концепция исследования, хронология и периодизация цифровой дипломатии. Пономарева Е.Г.: методология исследования, цифровые технологии в реализации «мягкой силы». Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Арляпова Е. С., Пономарева Е. Г. Алгоритмическая асимметрия: пространство, власть и время в истории цифровой дипломатии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 2. С. 197–215. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-197-215>; EDN: HMRMVZ

Algorithmic Asymmetry: Space, Power and Time in the History of Digital Diplomacy

Elena S. Arlyapova¹, Elena G. Ponomareva²✉

¹ Institute of System-Strategic Analysis (ISSA), Moscow, Russian Federation

² Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

✉ nastya304@mail.ru

Abstract. The article provides a historical and analytical study of the development of digital diplomacy as a distinct domain of diplomatic practice, examining it first at the moment of its emergence and then as it evolved within the digital environment in which diplomatic activity takes place. The paper examines the dynamics of terminology: from the earliest conceptualizations to later debates about the substance and scope of digital diplomacy as an independent phenomenon. Particular attention is given to the processes of differentiation and conceptual displacement between “public diplomacy” and “digital diplomacy,” which makes it possible to trace how their hierarchy, semantic contours, and spheres of application have changed over time. The article also proposes an original periodization of the history of digital diplomacy based on a chronological analysis of key events, institutional reforms, and technological shifts from the 1990s to the mid-2020s. This periodization reveals a gradual progression from the experimental stage of MFA-led digital communication to the phase of institutionalization, and subsequently to the stage of algorithmization of diplomatic practices. The concept of algorithmic asymmetry is central to the study. The analysis demonstrates that algorithms not only project influence across time and space with different speeds and densities but also create asymmetric conditions for states with varying levels of adaptability, technological capacity, and digital creativity. Algorithmic asymmetry manifests itself in three dimensions: spatial, temporal, and power-related. In conclusion, the article emphasizes that digital diplomacy evolves within a constantly reconfiguring digital environment, while algorithms increasingly shape the dynamics of international engagement. The resulting ranking of states reflects only a temporary configuration of the field, since under conditions of algorithmic asymmetry, a state’s position is determined by its receptivity to innovation, its capacity for adaptation, its strategic mastery of digital regimes of power, and its ability to translate the properties of digital platforms into a resource of foreign-policy influence.

Key words: digital diplomacy, power and communication, digitalization, information security, technological mediation

Authors’ contributions. E.S. Arlyapova: research concept, chronology, and periodization of digital diplomacy. E.G. Ponomareva: research methodology and digital technologies in the implementation of “soft power.” Both authors read and approved the final version of the article.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Arlyapova, E. S., & Ponomareva, E. G. (2026). Algorithmic asymmetry: Space, power and time in the history of digital diplomacy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(2), 197–215. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-197-215>; EDN: HMRMVZ

Введение

История цифровой дипломатии насчитывает менее полувека, однако скорость и масштаб изменений, которые она породила в международных отношениях, делают ее исключительно значимым историческим явлением. Дипломатия, без преувеличения, «претерпевает радикальную трансформацию на наших глазах»¹ до такой степени, что «цифровые технологии и уровень их развития начали определять позиции государств на международной арене и спектр доступных им внешнеполитических возможностей» (Лебедева, Зиновьева, 2023, с. 145), а порой это даже касается «возникновения ранее неизвестных концепций того, как может осуществляться дипломатия»².

Цифровизацию часто ставят в один ряд с двумя другими «великими технологическими изобретениями, которые сформировали развитие дипломатии», — письменностью и электричеством³. В то же время сам термин «цифровизация дипломатии» подразумевает понимание того, что это долгосрочный процесс, влияние которого выходит далеко за рамки простого внедрения новых технологий⁴. Более того, роль самой технологии как предмета международной повестки дня неуклонно возрастает, и даже исследования, свободные от «техно-мессианских обертон», несут в себе ожидание того,

что «искусственный интеллект — определяющая технология нашего времени — готов произвести революцию в древнем искусстве дипломатии» (Kurbalija, 2025, p. 315).

В контексте продолжающейся дискуссии о направлении и текущем состоянии развития в этой области основная цель данного исследования — уточнить (и расширить) хронологические границы и попытаться предложить ее периодизацию. Второстепенная или сопутствующая цель — проверить гипотезу о так называемом «асимметричном преимуществе»⁵ или более известном, но также заимствованном извне понятии «асимметричного влияния» применительно к практике цифровой дипломатии по аналогии с другими областями (военное дело, борьба с терроризмом, информационная безопасность и т. д.), где это явление давно и широко изучается. Суть этой гипотезы заключается в том, что в сфере цифровой дипломатии с использованием современных и постоянно развивающихся технологий возникает форма асимметричного влияния, подобная той, которая наблюдается в военных действиях, терроризме и информационно-коммуникационных операциях. Соответственно, исследовательский вопрос формулируется следующим образом: может ли цифровая дипломатия стать — и становится ли — средой, в которой формируется и осуществляется асимметричное влияние? Если ответ утвердительный, автоматически возникает другой вопрос: является ли этот процесс преднамеренным? Однако это уводит нас в более широкую тематическую область рисков и потерь, связанных с цифровой дипломатией, которая, хотя и неотделима от данной темы, выходит за рамки этого исследования.

Для достижения этих целей реализованы следующие шаги: отбор и систематизация наиболее значимых событий в истории цифровой дипломатии, анализ ключевых случаев и отслеживание изменений в ее временном, простран-

¹ Зонова Т. Новое в дипломатии: от «ТвиПломаси» к «ТехПломаси» // Российский совет по международным делам. 18.04.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-v-diplomatii-ot-tviplomasi-k-tekhplomasi/> (дата обращения: 15.09.2025).

² Лебедева О. Современные инструменты «цифровой дипломатии» как важнейший элемент «мягкой силы» // Международная жизнь. 31.05.2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/22665> (дата обращения: 25.10.2025).

³ Berridge G. Book Review by G.R. Berridge: History of Diplomacy and Technology: From Smoke Signals To Artificial Intelligence, 2nd edition, Jovan Kurbalija (DiploFoundation, 2025) // DiploFoundation. 2025. URL: <https://www.diplomacy.edu/resource/book-review-jovan-kurbalija-history-of-diplomacy-and-technology-from-smoke-signals-to-artificial-intelligence-2nd-edition-diplofoundation-geneva-2025/> (accessed: 26.10.2025).

⁴ Manor I. The Digitalization of Diplomacy: Toward Clarification of a Fractured Terminology // DigDiploROx Working Paper. 2018 (January). No. 2. URL: <https://www.qeh.ox.ac.uk/sites/default/files/2023-08/DigDiploROxWP2.pdf> (accessed: 26.10.2025).

⁵ Spader B. Waging Information Warfare for Asymmetric Advantage: Increasing Multi-Domain Speed, Survivability, and Lethality in the Indo-Pacific // Journal of Indo-Pacific Affairs. April 1, 2022. URL: <https://www.airuniversity.af.edu/JIPA/Display/Article/2979934/waging-information-warfare-for-asymmetric-advantage-increasing-multi-domain-spe/> (accessed: 04.10.2025).

ственном и коммуникативном измерениях. Следует также уточнить, что термин «алгоритмическая асимметрия» в названии используется не как технический термин, а как метафора исторического сдвига. В прошлом дипломатическая асимметрия проистекала вследствие целого ряда материальных факторов, таких как военные возможности, ресурсы, доступ к СМИ и т. д. Она создавалась и усиливалась посредством коммуникации. Теперь она создается с помощью алгоритмов и цифровой архитектуры, которая определяет видимость, доступ, скорость и приоритезацию информации. Алгоритмические, а не материальные факторы формируют само возникновение этой асимметрии: важно, кто контролирует цифровые платформы и данные, кто видит те или иные сообщения и как быстро они распространяются, как именно они распространяются, как один дискурс усиливается, а другой подавляется и т. д.

В теоретической части, посвященной асимметричному влиянию, исследование опирается на классические и новейшие работы по асимметричным конфликтам (Taber, 1965; Mack, 1975; Hangström, 2025) и «нетрадиционным» войнам (Van Creveld, 1991; Kaldor, 2013). Также рассматриваются последующие правовые и этические исследования, касающиеся не только морально-правовых аспектов асимметрии, но и применения традиционных законов войны к таким конфликтам (Buffaloe, 2006; Lee, 2018), поскольку этот регулятивный опыт неизбежно будет востребован в дипломатической сфере.

Тематически и контекстуально релевантным для нашей работы является целый корпус исследований по информационной войне и коммуникациям (Repnikova & Chen, 2023). Эти исследования рассматривают конкретные случаи кибер- и информационных операций, создающих асимметричные преимущества в противостоянии с более сильным противником⁶, анализируют стратегии малых государств

в цифровой сфере (Li, 2024) и непосредственно фокусируются на манипулировании информацией⁷. Их выводы перекликаются с теми, которые были сделаны ранее в исследованиях в области военной политики и борьбы с терроризмом: нетрадиционный или просто более слабый субъект может использовать информацию и цифровые инструменты (или технологии), чтобы компенсировать ресурсное преимущество более сильного субъекта. Более того, малые государства помимо меньших ресурсов также несут пропорционально меньшую инфраструктурную нагрузку; их институциональные структуры часто более гибкие, динамичные и изобретательные.

Коммуникативный аспект терроризма особенно важен в контексте эффективных сетевых действий. Террористические организации обладают в этом отношении обширным опытом, который изучается как в рамках теории асимметричного конфликта⁸, так и в области политической коммуникации (Pattwell, Mitman & Porpora, 2015). Подобно другим относительно слабым субъектам, террористы стремятся достичь эффекта, несоразмерного их ресурсам, и делают это с помощью информации и символов, технологических инноваций и нетрадиционных методов. Террористические структуры, несомненно, стали бенефициарами цифровой эпохи и цифровой среды наряду с другими нетрадиционными субъектами. Свобода маневра, низкая предсказуемость и постоянное внедрение новых технологических решений⁹ неизменно помогают им получать преимущества и достигать значительных

for-asymmetric-advantage-increasing-multi-domain-speed (accessed: 04.10.2025).

⁷ Chang Y., Kebelis M. F., Li R., Iakovou E., White III C. C. The Value of Misinformation and Disinformation // *ArXiv*. January 8, 2019. URL: <https://arxiv.org/pdf/1901.01464> (accessed: 26.10.2025).

⁸ Stepanova E. Terrorism in Asymmetrical Conflict: Ideological and Structural Aspects // *SIPRI Research Report*. 2008. No. 23. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/RR/SIPRIRR23.pdf> (accessed: 01.10.2025).

⁹ Milevski L. Asymmetry is Strategy, Strategy is Asymmetry // *Joint Force Quarterly*. 2014 (4th Quarter). No. 75. P. 77–83. URL: https://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/jfq/jfq-75/jfq-75_77-83_Milevski.pdf (accessed: 02.11.2025).

⁶ Spader B. Waging Information Warfare for Asymmetric Advantage: Increasing Multi-Domain Speed, Survivability, and Lethality in the Indo-Pacific // *Journal of Indo-Pacific Affairs*. April 1, 2022. URL: <https://www.airuniversity.af.edu/JIPA/Display/Article/2979934/waging-information-warfare->

результатов в вербовке, мобилизации и пропаганде в социальных сетях (Ishengoma, 2013; Moncrieff et al., 2024).

Наконец, в последние годы были опубликованы исследования, которые не формулируют идею асимметрии непосредственно в контексте цифровой дипломатии, но тем не менее рассматривают феномен непропорционального влияния во внешней политике с разных сторон. Они фокусируются на культурных, коммуникационных и других источниках первоначального дипломатического неравенства (Rachmawati et al., 2024), на том, как такая асимметрия провоцирует дипломатические кризисы (Zaharna, 2004) и особенно на ее проявлениях в публичной дипломатии¹⁰. Хотя эти исследования напрямую не связаны с нашей темой, они обеспечивают важную концептуальную основу для более широкой проблемы асимметричного влияния посредством коммуникации. Они также затрагивают вопросы, центральные для нашего анализа: субъектность, пространство и «материальность» этой новой формы дипломатии (Hedling & Bremberg, 2021). Естественно, это включает в себя пристальное внимание к роли цифровых технологий и платформ в осуществлении «мягкой силы» государств — чего-то, что, с одной стороны, становится более доступным, а с другой — более уязвимым для риска и манипуляций. Практически значимыми являются последние исследования дискурсивной асимметрии — неравенства в создании смыслов, нарративов, определении «реальности» и влияния на символический порядок международной коммуникации между государствами, а иногда и между политическими лидерами (Brady et al., 2019). Примечательно, что на уровне странового анализа случаи американо-азиатского и внутриазиатского соперничества (например, по линии «Япония — Республика Корея») стали особенно заметны среди аналитиков (Huang & Wang, 2021; Lee & Shahin, 2023; Repnikova & Chen, 2023).

В той же группе практико-ориентированных работ находятся исследования цифровых дипломатических инициатив (Tsinovoi, 2020) и асимметричных коммуникационных методов, используемых в операциях иностранного вмешательства или влияния (Truong et al., 2024). Среди них — так называемое «асимметричное затопление» социальных сетей (Cirone & Hobbs, 2023). Его суть заключается в преднамеренном перенасыщении информационного пространства контентом с целью снижения видимости конкретного сообщения, усложнения его поиска и истощения аудитории. В нашем контексте этот метод показателен, поскольку требует минимальных ресурсов, но при этом производит значительный эффект, наглядно демонстрируя типичную форму асимметричного влияния. Технически логика проста: большое количество постов, хэштегов или комментариев публикуется — часто автоматически — в ответ на целевое сообщение. Вскоре лента переполняется, результаты поиска затруднены, и исходное сообщение «теряется».

Важно отметить, что деятельность троллей и ботов (специфический пример манипулирования трафиком) также создает методологические проблемы. Вопрос борьбы с ними «является одним из наиболее важных для исследователей цифровой дипломатии» (Павлюченко, 2024, с. 240). Это относится как к ручным, так и к машинным методам анализа данных. В настоящее время список исследовательских уязвимостей значительно расширился в связи с быстрым развитием искусственного интеллекта (ИИ) и его уверенным проникновением в дипломатическую сферу. Легко заметить, что технологические инновации практически неотделимы от темы рисков и угроз безопасности. Амбивалентность цифровых технологий, наряду с глубиной и необратимостью их интеграции во все сферы современного общества, давно прочно утвердилась в критических исследованиях СМИ (Castells, 1996; 1997; 1998; Fuchs, 2025; Shilina & Nepp, 2021). Остается лишь надеяться, что дипломатия, которая «всегда подходила к технологическим изменениям осторожно и избирательно» (Kurbalija, 2025), поступит так же и в этом случае.

¹⁰ Ahmed S. The Role of Soft Power in the Digital Age // The SAIS Review of International Affairs. March 7, 2025. URL: <https://saisreview.sais.jhu.edu/the-role-of-soft-power-in-the-digital-age/> (accessed: 10.11.2025).

Цифровая дипломатия: эволюция термина и концептуальные различия

На вопрос о том, когда и где зародилась цифровая дипломатия, нельзя ответить, не определив предварительно контуры самого понятия. Всего несколько лет назад некоторые специалисты (в том числе госсекретарь США Джон Керри) утверждали, что термин «цифровая дипломатия» устаревает, поскольку дипломатия в целом уже стала цифровой, а цифровые технологии полностью интегрировались в сам процесс дипломатической деятельности¹¹. Вполне возможно, что это предсказание однажды окажется верным: сегодня мало кто думает о проводных системах связи, когда говорит о телефонии, или о конных экипажах, когда обсуждает городской транспорт. Тем не менее термин «цифровая дипломатия» по-прежнему широко используется, и дискуссии вокруг него остаются активными.

В российских международных политических исследованиях цифровая дипломатия рассматривается прежде всего как компонент публичной дипломатии (Павлюченко, 2024, с. 228). Аналогичный подход, при котором цифровая дипломатия концептуализируется как форма публичной дипломатии, встречается также в зарубежной, преимущественно западной, историографии. В ней, естественно, основной акцент делается на «использовании государствами цифровых технологий и платформ социальных сетей, таких как *Twitter*¹², *Facebook*¹³ и *Weibo*, для взаимодействия с зарубежной аудиторией, как правило, в относительно недорогом формате» (Adesina, 2017, p. 2).

В этой перспективе цифровая дипломатия является «подразделением» публичной дипло-

матии и, соответственно, рассматривается как «пятый элемент» ее зонтичной структуры¹⁴. В буквальном и переносном смысле это отсылает к американскому опыту: Соединенные Штаты часто упоминаются как пионер цифровой индустрии (наряду с Южной Кореей и Японией), а также как один из первых лидеров в электронной дипломатии и сторонник институциональных моделей общего типа. Примечательно, что первая практическая инициатива США – виртуальное посольство в Тегеране — была создана именно на этом принципе: единая общая идентичность, «*USABehFarsi*», объединила множество каналов коммуникации в социальных сетях (включая мессенджеры и видеоплатформы), таких как *Facebook*¹⁵, *Instagram*¹⁶, *Telegram*, *Twitter*¹⁷ и *YouTube* (Арляпова, Пономарева, 2023, с. 33).

В рамках подхода, рассматривающего цифровую дипломатию как «подразделение» публичной дипломатии, ориентированное на общение с зарубежной общественностью посредством цифровых технологий (а иногда и только через социальные сети, в зависимости от подхода), сама публичная дипломатия интерпретируется гораздо шире. Она охватывает весь спектр задач, направленных на формирование влияния на зарубежные общества в интересах конкретного государства. В этой перспективе подход, ориентированный на государство, становится наиболее последовательным и, следовательно, наиболее распространенным, хотя аспект взаимодействия актора и коммуникации будет рассмотрен более подробно ниже.

¹⁴ Cull N. J. The Role of Public Diplomacy in the Digital Age: Comparative Models // Public Diplomacy Council of Catalonia. DIPLOCAT Agora 1. May 3, 2019. P. 8. URL: <https://catalunya-internacional.cat/media/upload/arxiu/publicacions/AgoraDP/AgDP1-DiplomaciaPublicaEraDigital-EN.pdf> (accessed: 26.10.2025).

¹⁵ Социальная сеть *Facebook* (входит в группу компаний *Meta*) запрещена в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

¹⁶ Социальная сеть *Instagram* (входит в группу компаний *Meta*) запрещена в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

¹⁷ Социальная сеть *X* (ранее *Twitter*) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ (Прим. ред.).

¹¹ Зонова Т. Новое в дипломатии: от «ТвиПломаси» к «ТехПломаси» // Российский совет по международным делам. 18.04.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-v-diplomatii-ot-tviplomasi-k-tekhplomasi/> (дата обращения: 15.09.2025).

¹² Социальная сеть *X* (ранее *Twitter*) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ (Прим. ред.).

¹³ Социальная сеть *Facebook* (входит в группу компаний *Meta*) запрещена в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

С сегодняшней точки зрения прежнее концептуальное сопоставление цифровой и публичной дипломатии — и особенно иерархическая взаимосвязь между ними — представляется несколько преждевременной фиксацией развивающихся явлений на конкретном этапе их непрерывного развития. Такая фиксация напоминает моментальный снимок знаний, актуальных на тот момент, но которые неизбежно должны обновляться по мере развития самого явления. В противном случае возникает риск ситуации, когда практическое развитие продолжается и даже ускоряется, в то время как теоретическая конструкция остается статичной. Всего несколько лет назад в ответ на прямой вопрос «В чем разница между цифровой дипломатией и публичной дипломатией?», веб-сайт *DiploFoundation*¹⁸ предложил следующий ответ: «Публичная дипломатия охватывает только один аспект цифровой дипломатии, а именно использование таких инструментов, как *Twitter*¹⁹, *Facebook*²⁰ и другие социальные сети, в дипломатической деятельности»²¹. Фактически из-за высокой медийной видимости деятельности дипломатов в социальных сетях цифровая дипломатия часто сводится исключительно к публичной дипломатии, хотя «на практике она гораздо шире и сложнее»²². Она также включает в себя дополнительные аспекты: формирование новых тем в дипломатической повестке дня (цифровое управление, кибербезопасность, искусственный интеллект и т. д.), меняющуюся геополитическую и геоэкономическую обстановку,

формируемую технологиями, и новые инструменты в дипломатической практике (Kurbalija, 2025).

Как мы видим, со временем произошло не только концептуальное разграничение между «цифровой дипломатией» и «публичной дипломатией», но и инверсия их значений. Это позволяет сделать вывод, что более ранние прогнозы о коротком сроке жизни термина «цифровая дипломатия» были не совсем обоснованными. Краткий обзор эволюции ключевого определения помогает проиллюстрировать эту тенденцию.

На раннем этапе своего изучения «цифровая дипломатия» понималась как дипломатическая практика, осуществляемая с использованием цифровых и сетевых технологий, включая Интернет, мобильные устройства и социальные платформы (*Cyber-Diplomacy...*, 2002). Несмотря на отсутствие некоторых современных технологий (особенно ИИ, который еще не был известен в своей нынешней форме), это определение полезно как иллюстрация выражения «Новое — это хорошо забытое старое».

Среди последующих более широких определений, которые, вероятно, способствовали их относительному успеху, защищая их от немедленного устаревания в условиях быстрых технологических изменений, выделяются две схожие формулировки: цифровая дипломатия как использование Интернета и новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для поддержки дипломатической деятельности²³ и цифровая дипломатия как использование дипломатами цифровых коммуникационных инструментов (социальных сетей) для взаимодействия с широкой общественностью²⁴.

Сходство между этими интерпретациями очевидно: необходимо участие цифровых тех-

¹⁸ *DiploFoundation*, или *Diplo* — швейцарско-мальтийская неправительственная организация, специализирующаяся на наращивании потенциала в области управления Интернетом и цифровой политики.

¹⁹ Социальная сеть *X* (ранее *Twitter*) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ (*Прим. ред.*).

²⁰ Социальная сеть *Facebook* (входит в группу компаний *Meta*) запрещена в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (*Прим. ред.*).

²¹ What Is the Difference Between Digital Diplomacy and Public Diplomacy? // *Diplo*. URL: <https://www.diplomacy.edu/ufaq/what-is-the-difference-between-digital-diplomacy-and-public-diplomacy/#:~:text=Public%20diplomacy%20only%20covers%20one,geopolitical%20or%20geo%20Deconomic%20ENVIRONMENT> (accessed: 02.11.2025).

²² *Ibid.*

²³ Hanson F. Baked in and Wired: eDiplomacy@State // Foreign Policy at Brookings. 2012. Series No. 30. P. 2. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/baked-in-hansonf-5.pdf> (accessed: 01.11.2025).

²⁴ Lewis D. Digital Diplomacy. Gateway House // Indian Council on Global Relations. December 19, 2014. URL: <https://www.gatewayhouse.in/digital-diplomacy-2/> (accessed: 05.10.2025).

нологий. На этом основании можно сгруппировать многочисленные англоязычные термины и их русскоязычные эквиваленты, которые функционируют как синонимы или почти синонимы основного понятия: «электронная дипломатия», «кибердипломатия», «сетевая дипломатия», «хэштег-дипломатия», «дипломатия 2.0», «публичная дипломатия 2.0», «сетевая дипломатия», «дипломатия в реальном времени», «государственное управление XXI века», «дипломатия в цифровую эпоху», «цифровизация дипломатии», «диджидипломатия»²⁵, а также «цифровая дипломатия», «виртуальная дипломатия» (Eggeling, 2017), «твитпломатия», «техпломатия»²⁶ и др. Подобное разнообразие наблюдается и на практике: МИД Германии описывает свой подход как «сетевая дипломатия» (*vernetzte Diplomatie*), датские дипломаты называют свою модель «технологической дипломатией», а франкоязычный мир опирается на «цифровую дипломатию» (*diplomatie numérique*). По сути, все эти термины относятся к практикам, процедурам и нормам дипломатии в условиях цифровизации (Eggeling, 2017).

Логично предположить, что именно здесь следует искать выход из терминологического лабиринта. Учитывая продолжающийся и ускоряющийся темп технологического развития, концептуальная и категориальная траектория, вероятно, предполагает отказ от чрезмерной специализации. Это подтверждается предыдущими попытками концептуализации в самой области цифровой дипломатии. В последние годы прилагались многочисленные усилия, направленные на избежание слишком узкого определения этой области. Среди наиболее заметных — призыв заменить термин «цифровая дипломатия» более широким и всеобъемлющим термином «цифровизация ди-

пломатии»²⁷. Эта инициатива основана на наблюдаемой специфике влияния ИКТ на дипломатическую сферу. Главное, что она исходит из понимания того, что цифровизация — это процесс, а не бинарное состояние. Иными словами, нельзя разделить дипломатов на «цифровых» и «нецифровых» (используя аналогию И. Манора). То же самое относится и к дипломатическим институтам. Это простое понимание возвращает нас к идее Джона Керри о коротком жизненном цикле, временности и условном характере широко используемого термина «цифровая дипломатия». И хотя в 2025 г., как и десятилетие назад, все еще можно было с уверенностью утверждать, что общепринятого определения цифровой дипломатии не существует — так же как и «нет надежной концептуальной основы для оценки эффективности социальных сетей» (Bjola & Jiang, 2015) или, в более широком смысле, цифровых технологий в дипломатии — нынешние направления теоретических дискуссий постепенно движутся к терминологическому консенсусу и разработке более надежных и эффективных аналитических инструментов.

Хронология и периодизация истории цифровой дипломатии

Уточнив ключевые понятия и обозначив стремление к пониманию этого явления в достаточно широком смысле (например, как всей дипломатической деятельности, происходящей в онлайн-сфере), следует перейти к его хронологии и периодизации. Для этого мы рассмотрим два параллельных направления.

Первое — это эволюционная, событийная линия, включающая основные вехи и этапы, которые сформировали основы и условия для возникновения цифровой дипломатии.

Второе — это накопленный корпус практических примеров, отражающих не начальный процесс формирования, а результаты цифро-

²⁵ Holmes M. Digital Diplomacy // Oxford Bibliographies. 2019. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780199743292/obo-9780199743292-0258.xml> (accessed: 23.10.2025).

²⁶ Зонова Т. Новое в дипломатии: от «ТвиПломаси» к «ТехПломаси» // Российский совет по международным делам. 18.04.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-v-diplomatii-ot-tviplomasi-k-tekhplomasi/> (дата обращения: 15.09.2025).

²⁷ Manor I. The Digitalization of Diplomacy: Toward Clarification of a Fractured Terminology // DigDiploROx Working Paper. 2018 (January). No. 2. P. 4. URL: <https://www.geh.ox.ac.uk/sites/default/files/2023-08/DigDiploROxWP2.pdf> (accessed: 26.10.2025).

вой дипломатии по мере ее функционирования на практике и опыт, накопленный в ходе ее применения. Событийная линия включает институциональный компонент лишь частично, поскольку этот аспект уже широко и подробно освещен в научной литературе.

Несмотря на позднее терминологическое разделение, отправной точкой «цифровой дипломатии» в области исследований обычно считается работа «Публичная дипломатия в компьютерную эпоху», опубликованная в 1984 г. (Hansen, 1984). Эта книга первой поставила под сомнение устоявшиеся общественные представления о разделении культурной и информационной деятельности. Особое внимание в ней уделялось глубоким преобразованиям, произошедшим в Информационном агентстве США под влиянием технологических достижений (инновация *WorldNet*, компьютеризация, программа модернизации «Голоса Америки»²⁸ и т. д.) за предыдущие пять лет. Таким образом, истинной отправной точкой можно считать период не позднее 1979 г.

В 1994 г. состоялся первый обмен электронными письмами между главами государств: Биллом Клинтоном (США) и Карлом Бильдтом (Швеция). Вот текст этих сообщений (он хранится в Национальном музее американской дипломатии²⁹):

Дорогой Билл, 4 февраля 1994 г.

Помимо проверки этого соединения в глобальной сети Интернет я хочу поздравить Вас с решением прекратить торговое эмбарго в отношении Вьетнама. Я планирую посетить Вьетнам в апреле и обязательно воспользуюсь случаем, чтобы поднять вопрос о пропавших без вести. Со стороны Швеции мы в прошлом старались оказывать помощь в этом вопросе и будем продолжать использовать имеющиеся у нас контакты.

²⁸ Радиостанция «Голос Америки» внесена в реестр иностранных агентов Министерства юстиции Российской Федерации (Прим. ред.).

²⁹ First E-mails Between Heads of State. Sweden/United States 1994 // National Museum of American Diplomacy. URL: <https://diplomacy.state.gov/items/first-e-mails-between-heads-of-state/> (accessed: 26.10.2025).

Швеция, как Вы знаете, является одной из ведущих стран мира в области телекоммуникаций, и вполне уместно, что мы одними из первых используем Интернет также для политических контактов и общения по всему миру.

*С уважением,
Карл*

Дорогой Карл, 5 февраля 1994 г.

Я ценю Вашу поддержку моего решения прекратить торговое эмбарго в отношении Вьетнама и благодарю Вас за все, что Швеция сделала в вопросе о военнопленных и пропавших без вести.

Я разделяю Ваш энтузиазм по поводу потенциала новых коммуникационных технологий. Эта демонстрация электронных коммуникаций является важным шагом на пути к созданию глобальной информационной магистрали.

*Искренне Ваш,
Билл*

Вполне логично, что первый обмен электронной перепиской произошел между американскими и шведскими лидерами: Соединенные Штаты и Швеция вскоре стали пионерами в области цифровой дипломатии. Это отличает их от других высокотехнологичных государств, таких как Япония, Республика Корея или Сингапур, являющихся глобальными цифровыми центрами. Несмотря на развитую инфраструктуру и высокий технологический потенциал, этим странам не удалось занять лидирующие позиции в цифровой дипломатии, и они долгое время оставались в роли догоняющих. Это наблюдение говорит о том, что технологический потенциал страны может создавать благоприятные условия для роста, но сам по себе не гарантирует ни быстрого и эффективного развития, ни, тем более, автоматического лидерства в этой сфере.

Следующими важными вехами в хронологии являются даты появления ключевых социальных сетей. Они, наряду с другими важными показателями, представлены в табл. 1.

Таблица 1. Хронология развития цифровой дипломатии

Этап 1			Этап 2		
Дата	Событие	Комментарий	Дата	Событие	Комментарий
1969	Первая передача пакета в сети ARPANET	Появление Интернета (США)			
1983	Переход к протоколу TCP/IP	Формирование архитектуры современного Интернета (США)			
1991	Запуск Всемирной паутины (WWW)	Формирование открытого глобального коммуникационного пространства; начало массовой цифровой рекламы (США)			
1991	Появление первого веб-сайта	Научно-исследовательский центр ЦЕРН (Швейцария)			
			1994	Первый обмен электронными сообщениями между главами государств (США — Швеция)	Символическое начало цифровой дипломатии; подтверждение возможности межгосударственного взаимодействия в онлайн-формате
			1994	Появление первого текстового веб-сайта на платформе <i>Gopher</i> , созданного внешнеполитическим ведомством (США)	Интернет-предшественник веб-сайта <i>state.gov</i> Государственного департамента США
			1995	Появление первого веб-сайта внешнеполитического ведомства (США)	
			2003	Создание Управления электронной дипломатии в структуре Государственного департамента США	Начало институционализации цифровой дипломатии, пока еще не получившей массового распространения
2003	Появление <i>LinkedIn</i>	США			
2004	Появление <i>Facebook</i> *	США			
2005	Появление <i>YouTube</i>	США			Формирование новой аудиовизуальной дипломатии
2006	Появление <i>Twitter</i> **	Впоследствии — ведущий сайт микроблогинга и наиболее полезный инструмент цифровой дипломатии (США)			Платформа для мгновенной политической коммуникации; феномен «твитпломатии»
2006	Основание <i>WikiLeaks</i>	Швейцария			
2006	Запуск «ВКонтакте» (ВК)	Россия, также популярен в странах СНГ			
			2007	Открытие виртуального посольства Швеции в <i>Second Life</i>	Первая в мире виртуальная дипломатическая миссия (в виртуальном пространстве) — важная веха в истории цифровой дипломатии
			2007	Мальдивы открыли виртуальное посольство в <i>Second Life</i>	Подтверждение глобального интереса к виртуальной дипломатии

Продолжение табл. 1

Этап 1			Этап 2		
Дата	Событие	Комментарий	Дата	Событие	Комментарий
			2009	Первый твит, опубликованный действующим послом	Посол Мексики в США. Текст твита: «Здорово быть первым послом в США с личным аккаунтом в <i>Twitter</i> **»; это отличный способ напрямую общаться с Америкой о Мексике!»
2009	Запуск <i>Sina Weibo</i>	Китай			
2010	Появление <i>WhatsApp</i> *	США			
			2010	Первый высокопоставленный чиновник ООН создал профиль в <i>Twitter</i> **	Бывший премьер-министр Новой Зеландии
2011	Запуск <i>Snapchat</i>	Под названием <i>Picaboo</i> , США			
			2011	Виртуальное посольство США в Тегеране	Первый пример «обходного» онлайн-посольства для взаимодействия с аудиторией, которая в противном случае была бы недоступна
			2012	Твит Белого дома (личная встреча избранных пользователей <i>Twitter</i> ** с определенной целью), США	Визит премьер-министра Великобритании в Вашингтон стал открытым событием для подписчиков аккаунта Белого дома в <i>Twitter</i> **
			2012	Официальный «сменяющийся куратор», Швеция	Проект был признан одной из официальных платформ страны в социальных сетях
			2013	Папа Франциск начал писать в <i>Twitter</i> ** @Pontifex	Создан годом ранее Папой Бенедиктом XVI
			2013	Трейлер к визиту Барака Обамы в Израиль	
			2013	Страница посольства США в Пакистане в <i>Facebook</i> * стала первой дипломатической страницей в <i>Facebook</i> *, достигшей отметки в 1 млн подписчиков	
			2013	Посольство Израиля в США создало и разместило фейковый профиль президента Ирана в <i>LinkedIn</i>	
			2014	Государственный департамент США запускает официальные приложения для взаимодействия с путешественниками, потенциальными стажерами и другими заинтересованными сторонами	

Окончание табл. 1

Этап 1			Этап 2		
Дата	Событие	Комментарий	Дата	Событие	Комментарий
			2014	Всемирная онлайн-акция протеста #Верните-НашихДевочек (#Bring-BackOurGirls)	Информация о пропавших школьницах в Нигерии
			2014	«Война карт» в <i>Twitter</i> **	НАТО против России
			2014	Посольство США в Москве и посол Дж. Теффт зарегистрировались в ВК	
			2014	Эстония запускает электронную систему резидентства	Создание первого крупномасштабного цифрового консульского инструмента
			2015	Запуск серии VR-видео-роликов ООН	Цель заключалась в том, чтобы донести до лиц, принимающих решения, и заинтересованной общественности по всему миру информацию о самых насущных глобальных проблемах
			2015	Возникновение эмодзи-дипломатии	Министр иностранных дел Австралии дал интервью, используя только эмодзи
			2015	Сотрудничество между <i>Microsoft</i> и Центром дипломатии США с целью развития интерактивной и цифровой дипломатии	
			2015	Министерство иностранных дел и по делам Содружества Великобритании стало первым министерством иностранных дел, запустившим аккаунт в <i>Snapchat</i>	Это положило начало активному использованию <i>Snapchat</i> министерствами иностранных дел в работе с молодежью
			2015	Организация Объединенных Наций запускает аккаунт в <i>Snapchat</i>	
			2016	Министр иностранных дел Исландии впервые использовал <i>Snapchat</i> во время официального визита в Индию	
			2016	<i>WhatsApp</i> * становится инструментом цифровой дипломатии	Появление «дипломатии <i>WhatsApp</i> »

Примечания. * — Социальные сети *Facebook* и *WhatsApp* (входят в группу компаний *Meta*) запрещены в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации.

** — Социальная сеть *X* (ранее *Twitter*) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ.

Источник: составлено Е.С. Арляповой.

Внимательный читатель заметит, что, несмотря на различия в заполнении подобных таблиц, они почти всегда заканчиваются 2016 г. Вероятно, причина в том, что после этого момента цифровая дипломатия перестала быть сферой инструментальных инноваций и стала самостоятельной средой международных отношений. Иными словами, 2016 г. ознаменовал конец периода формирования и начало нового этапа в ее развитии — алгоритмического этапа (2016–2018). Название отражает появление и — вскоре — доминирование алгоритмических лент в социальных сетях, таких как *Twitter*³⁰ и *Facebook*³¹, и на видеохостинговой платформе *YouTube*. В этот период государства и их внешнеполитические институты впервые столкнулись с ситуацией, когда алгоритмы, а не они сами определяли, что, как и когда увидит аудитория.

На фоне алгоритмически обусловленной асимметрии в видимости информации дипломатический мир столкнулся с феноменом асимметричного влияния. Алгоритмический поворот создал благоприятные условия для прорыва ряда малых государств в дипломатию высокого уровня (еще до глобальных изменений в составе дипломатических акторов). На практике началась гонка за контентом, «оптимизированным для алгоритма». Развитие в этом направлении продолжалось несколько лет и в 2018–2020 гг. обогатилось двумя заметными явлениями: «дипломатией влияния» и политическим таргетингом. Последний подразумевает целенаправленное воздействие на определенные группы людей с помощью цифровых инструментов и, естественно, в политических целях³². В этот период дипломатическая

конкуренция в *Instagram*³³ резко обострилась, *Facebook*³⁴ ввел прозрачность в политической рекламе, а в министерствах иностранных дел начали появляться первые «цифровые оперативные штабы» или «цифровые ситуационные центры» — центры цифрового управления политическими или дипломатическими ситуациями в режиме реального времени (как правило, во время информационных кризисов). Логично, что в этот период приобрела популярность концепция «дипломатии в реальном времени».

2020–2022 гг., отмеченные пандемией COVID-19 и ее последствиями, стали «точкой невозврата» в плане ускоренной и, казалось бы, необратимой цифровизации. Это был период гибридных и полностью виртуальных брифингов, саммитов и даже Генеральной Ассамблеи ООН, впервые проведенной в гибридном формате в сентябре 2021 г. Полный переход консульских услуг в онлайн-формат завершился, и страны, ранее отстававшие, были вынуждены ускорить цифровизацию своих министерств иностранных дел.

2022–2024 гг. принесли новую волну технологических инноваций и дипломатических изменений. В самом широком смысле характер этого этапа можно описать термином «*TikTok*-дипломатия» — в настоящее время наиболее быстрорастущее направление, в котором участники внешнеполитической деятельности используют сеть вертикальных видеороликов (основанных на рекомендациях, а не на подписках) для прямого взаимодействия с аудиторией. Акцент сместился на короткий визуальный контент. Вскоре он стал официальным форматом коммуникации, поскольку видео устанавливает связь быстрее, чем текст, — это «эмоциональная дипломатия». Вместе с *TikTok* молодежная аудитория впервые вышла на арену дипломатического влияния.

³⁰ Социальная сеть *X* (ранее *Twitter*) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ (Прим. ред.).

³¹ Социальная сеть *Facebook* (входит в группу компаний *Meta*) запрещена в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

³² Druckman J. Persuasive Political Targeting: A Remarkably Understudied Dynamic // Northwestern Institute for Policy Research (IPR) Working Paper Series. July 28, 2023. URL: <https://www.ipr.northwestern.edu/documents/workingpapers/2023/wp-23-31.pdf> (accessed: 02.11.2025).

³³ Социальная сеть *Instagram* (входит в группу компаний *Meta*) запрещена в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

³⁴ Социальная сеть *Facebook* (входит в группу компаний *Meta*) запрещена в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

Наконец, последние годы ознаменовались еще одним прорывом — появлением дипломатии с использованием ИИ и постепенным распространением иммерсивных форматов. Автоматизация в создании контента, прогнозировании кризисов, мониторинге, а также необходимость и прежде всего техническая возможность анализа больших данных привели в дипломатическую сферу несколько новых профессий: атташе по ИИ, цифровой аналитик, специалист по дипломатии в метавселенных и др. Говоря о метавселенных, наиболее известными из них являются *Decentraland* (Expo 2020), *Somnium Space*, *Roblox*³⁵ (с целевой аудиторией детей и подростков) и *Meta Horizon Worlds*³⁶ (разработанный для мероприятий, направленных на «мягкую силу»).

Таким образом, цифровая дипломатия стремительно и решительно развивалась от первого обмена электронными письмами в 1994 г. до виртуальных симуляций в 2024 г. Отходя от конкретных дат и событий, можно предложить следующую периодизацию (табл. 2).

Если описать периодизацию в общих чертах, то можно выделить лишь два сегмента (табл. 3).

Периодизация не будет работать в контексте отдельных стран за исключением государств, выступающих в качестве локомотивов цифровой дипломатии. Все участники этой сферы индивидуальны в своих реакциях, адаптации и простой способности создавать цифровой контент — особенно на постоянной основе и в жестких условиях конкуренции между сюжетными линиями и нарративами. Характеристики цифровой среды и характер вносимых ею изменений меняют баланс сил: многие «малые и средние государства поспешили внедрить цифровую поддержку своей внешнеполитической деятельности, надеясь таким образом увеличить свой вес на мировой арене»³⁷. В качестве показательных примеров можно привести подъем Дании благодаря «технологической политике» и назначение в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ) первого в мире министра искусственного интеллекта.

Таблица 2. Периодизация цифровой дипломатии

Период	Событие	Комментарий
1995–2000	Появление первых веб-сайтов МИД и посольств	Цифровая экспансия традиционных дипломатических миссий
2000–2012	Первые виртуальные посольства и другие технологические эксперименты	Вступление в виртуальную дипломатическую среду
2012–2015	Структурная интеграция цифровых подразделений в министерства иностранных дел различных стран	Институционализация цифровой дипломатии, переход от экспериментов к систематической практике
2016–2020	Массовый переход к использованию социальных сетей	Цифровизация публичной дипломатии, формирование новой нормы дипломатического присутствия
2020–2023	Пандемия коронавируса и полный переход консульских услуг в онлайн-формат	Размывание границ между онлайн- и офлайн-дипломатией
2023–2025	Появление пилотных проектов виртуальных посольств, внедрение искусственного интеллекта	Начало виртуальной иммерсивной дипломатии

Источник: составлено Е.С. Арляповой и Е.Г. Пономаревой.

Таблица 3. Общая периодизация цифровой дипломатии

Период	Событие	Комментарий
До 2016 г.	Период формирования	Акцент на цифровых инструментах
После 2016 г.	Период институционализации	Переход от цифровых инструментов к созданию цифровой среды

Источник: составлено Е.С. Арляповой и Е.Г. Пономаревой.

³⁵ Платформа заблокирована по решению Роскомнадзора (Прим. ред.).

³⁶ Платформа *Meta Horizon Worlds* входит в группу компаний *Meta*, признанной экстремистской организацией на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

³⁷ Зонова Т. Новое в дипломатии: от «ТвиПломаси» к «ТехПломаси» // Российский совет по международным делам. 18.04.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-v-diplomatii-ot-tviplomasi-k-tekhplomasi/> (дата обращения: 15.09.2025).

В заключении будут представлены данные одного из наиболее известных индексов цифровой дипломатии — *Digital Diplomacy Index* (для стран G20, активно использующих *Twitter*³⁸) — в качестве отправной точки для исследования, чтобы в отсутствие единых аналитических рамок для оценки эффективности цифровой дипломатии в разных странах стало возможным (хотя бы частично) ориентироваться в нынешнем балансе сил.

Пространственная, временная и властная асимметрия цифровой дипломатии

В цифровой среде пространство, время и власть перестают быть фиксированными и становятся изменчивыми, алгоритмически опосредованными категориями. Дипломатические деятели действуют в сложных условиях сжатых (и, наоборот, растянутых) расстояний, ускоренных (и, наоборот, замедленных) циклов коммуникации и нестабильных режимов внимания, формируемых платформами. Процесс цифровизации трансформирует самих деятелей: он влияет на то, как они интерпретируют свой собственный мир: например, «если дипломаты воспринимают свой мир как сетевой, они стремятся стать узлами в транснациональных сетях влияния... Если они видят мир как иерархический, они сосредотачиваются на взаимодействии с элитами»³⁹. Этот процесс также указывает, какие рабочие процедуры следует изменить, какие навыки развивать и т. д. Наконец, цифровизация — это «процесс, который со временем перераспределяет власть внутри дипломатических институтов»⁴⁰.

Цифровая дипломатия перестала быть сферой, сосредоточенной исключительно на государственном управлении. В число полноправ-

ных участников теперь входят международные организации, муниципалитеты (например, Барселона со своей независимой цифровой дипломатией, отдельной от МИД Испании), частные компании, СМИ, неправительственные организации (НПО), платформы, активисты, блогеры, волонтеры и обычные пользователи. Список акторов значительно расширился, и это расширение, вероятно, еще далеко не завершено.

Логика коммуникации изменилась: ранее это была строго вертикальная модель «МИД — посольства — аудитория». Теперь ее заменили горизонтальные и сетевые структуры. Дипломатический контент, некогда неприкосновенный, теперь обсуждается, редактируется, пародируется, превращается в мемы и подвергается контрнарративам. Сама коммуникация стала опосредованной алгоритмами. То есть все взаимодействия происходят через алгоритмы: рекомендации, модерации, поиск, таргетинг и др. Иными словами, цепочка «МИД — аудитория» трансформировалась в «МИД — алгоритм — аудитория». Это ключевой источник алгоритмической асимметрии.

Алгоритмы устанавливают границы видимости, определяют ритм событий и перераспределяют влияние между государственными и негосударственными участниками коммуникации. Участники оказываются втянутыми в неравные пространственные, временные и властные конфигурации. Цифровые платформы, с одной стороны, устраняют физическое расстояние между ними, обеспечивая мгновенную коммуникацию независимо от географического положения. С другой стороны, участники вынуждены занимать новые пространства, созданные цифровой средой, — пространства, которые ранее не считались дипломатическими (социальные сети, стриминговые платформы, метавселенные и т. д.). Как правило, это алгоритмические пространства, то есть пространства, регулируемые алгоритмами платформ. Государства не могут напрямую влиять на них, что также создает асимметрию.

Подобная двойственность проявляется и в отношении времени. С одной стороны, происходит ускорение (сжатие), поскольку новости

³⁸ Социальная сеть *X* (ранее *Twitter*) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ (*Прим. ред.*).

³⁹ Manor I. The Digitalization of Diplomacy: Toward Clarification of a Fractured Terminology // *DigDiploROx Working Paper*. 2018 (January). No. 2. P. 4. URL: <https://www.qeh.ox.ac.uk/sites/default/files/2023-08/DigDiploROxWP2.pdf> (accessed: 26.10.2025).

⁴⁰ *Ibid.*

распространяются за секунды и ответные действия должны быть незамедлительными. С другой стороны, некоторые процессы замедляются или даже зацикливаются, и все это происходит без прямого участия традиционных дипломатических субъектов.

Наконец, главная трансформация касается смещения власти (в цифровой среде). Сегодня платформы (алгоритмы) определяют, кто увидит что-либо или кого-либо, что они увидят, когда и в какой форме. Традиционные субъекты, особенно государства, не контролируют ключевые этапы современного информационно-коммуникационного цикла, такие как ранжирование, модерация, блокировка, фильтрация и т. д. Существует также феномен микровласти, проявляющийся в лайках, репостах и комментариях, которые формируют дипломатические нарративы. Эта власть находится в руках аудитории — основного ориентира публичной дипломатии в любой среде, цифровой или традиционной. Однако и это еще не все: блогеры, инфлюенсеры, журналисты, активисты и многие другие вмешиваются в дипломатическую коммуникацию, конкурируя с государством и его внешнеполитическими институтами за внимание.

Цифровые технологии не просто предлагают новые функции, они способствуют формированию новых норм и помогают создавать новые модели поведения. Цифровизация охватывает все аспекты и области дипломатии: аудиторию, институты, специалистов и практику; нормы, ценности и убеждения; поведение, процедуры, метафоры и ментальные модели⁴¹. Государство как один из наиболее влиятельных акторов движется параллельными путями, одновременно стремясь извлечь максимальную выгоду из технологической гонки и установить над ней контроль. В некоторых частях мира это в определенной степени удается.

Заключение

Цифровая дипломатия — относительно новое явление в международных отношениях, поэтому исследователи интерпретируют, описывают и понимают ее по-разному, хотя и с заметными сходствами. Нюансы ее интерпретации практикующими дипломатами еще больше способствуют терминологическому эклектизму. Хотя ключевые термины претерпели значительную эволюцию с течением времени — отличаясь друг от друга, как в случае с «цифровой» и «публичной» дипломатией, поиск общепринятого определения и концептуальной модели, охватывающей основные определения, продолжается.

Учитывая продолжающийся и даже ускоряющийся темп технологического развития, наиболее подходящим направлением представляется стремление исследователей избегать чрезмерно узких интерпретаций в пользу более широкого и динамичного понимания цифровой дипломатии. Показательной попыткой всесторонней, интегративной концептуализации этой новой дипломатической реальности является предложение использовать термин «цифровизация дипломатии». Этот термин легко отражает как влияние цифровых технологий на весь спектр дипломатической практики, так и повсеместное воздействие цифровизации. Что наиболее важно, он подчеркивает нормативное и временное воздействие цифровых технологий, четко указывая на то, что цифровизация — это долгосрочный процесс, результаты и последствия которого выходят далеко за рамки ограниченной проблемы «простого» использования инновационных технологий.

Сегодня цифровая дипломатия представляет собой автономную среду международных отношений, в которой алгоритмы, визуальная коммуникация, искусственный интеллект и гибридные форматы оказывают большее влияние, чем классические дипломатические каналы. Видео стало основным носителем дипломатического смысла. Онлайн-сервисы официально стали частью дипломатических обязательств. Виртуальная и дополненная реальность, а также метавселенные вступили в экспериментальную фазу (пилотные проекты в Объединенных Арабских Эмиратах, Сингапуре и Южной Корее).

⁴¹ Manor I. The Digitalization of Diplomacy: Toward Clarification of a Fractured Terminology // DigDiploROx Working Paper. 2018 (January). No. 2. P. 4. URL: <https://www.qeh.ox.ac.uk/sites/default/files/2023-08/DigDiploROxWP2.pdf> (accessed: 26.10.2025).

Таблица 4. Цифровая дипломатия — рейтинг государств G20

Место	Государство	Тренд
1	США	–
2	Россия	↗
3	Индия	↘
4	Индонезия	↗
5	Франция	↘
6	Мексика	↗
7	Саудовская Аравия	↗
8	Турция	↘
9	Канада	↘
10	Великобритания	↘
11	Китай	↗
12	Бразилия	–
13	Япония	↘
14	Австралия	↗
15	Италия	↘
16	Аргентина	↗
17	Германия	↘
18	ЮАР	–
19	Республика Корея	–

Источник: Digital Diplomacy Index. URL: <https://digital-diplomacy-index.com/> (accessed: 26.10.2025).

Иммерсивные среды — это не просто декоративные эксперименты, а реальная попытка существенно расширить дипломатическое присутствие, создать новые каналы коммуникации и разработать новые цифровые консульские услуги.

Общий рейтинг государств G20 в сфере цифровой дипломатии (на основе данных *Twitter*⁴²) в 2023 г. выглядел следующим образом (табл. 4).

Конечно, этот рейтинг лишь отчасти отражает эффективность цифровой дипломатии, поскольку он не охватывает весь спектр цифровых каналов и платформ. Он уже сегодня отличается от реальности и будет отличаться от нее еще больше завтра: в эпоху алгоритмической асимметрии устойчивость дипломатических субъектов, включая государства, определяется не столько объемом их ресурсов, сколько их адаптивностью, креативностью и способностью перестраивать свое цифровое присутствие во времени и пространстве.

Поступила в редакцию / Received: 14.11.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 31.01.2026

Принята к публикации / Accepted: 27.03.2026

Список литературы

- Арляпова Е. С., Пономарева Е. Г. Виртуальное посольство: новые технологии представительства и влияния (осмысливая американский опыт) // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2023. Т. 18, № 3. С. 32–47. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-03-02>; EDN: ARCGEN
- Лебедева М. М., Зиновьева Е. С. Специфика международных переговоров в эпоху цифровизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 144–156. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156>; EDN: TQVNYC
- Павлюченко А. А. Методы изучения цифровой дипломатии в российских международно-политических исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16, № 4. С. 225–250. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-4-225-250>; EDN: QSEPZN
- Adesina O. S. Foreign Policy in an Era of Digital Diplomacy // Cogent Social Sciences. 2017. Vol. 3, iss. 1. P. 1–13. <https://doi.org/10.1080/23311886.2017.1297175>
- Bjola C., Jiang L. Digital Diplomacy : Theory and Practice. London : Routledge, 2015. <https://doi.org/10.4324/9781315730844>
- Brady W. J., Wills J. A., Burkart D., Jost J. T., Van Bavel J. J. An Ideological Asymmetry in the Diffusion of Moralized Content on Social Media Among Political Leaders // Journal of Experimental Psychology: General. 2019. Vol. 148, no. 1. P. 1802–1813. <https://doi.org/10.1037/xge0000532>

⁴² Социальная сеть X (ранее Twitter) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ (Прим. ред.).

- Buffaloe D. L.* Defining Asymmetric Warfare // *The Land Warfare Papers*. 2006. No. 58 (September). P. 1–34. URL: <https://www.ausa.org/sites/default/files/LWP-58-Defining-Asymmetric-Warfare.pdf> (accessed: 12.10.2025).
- Castells M.* *The Information Age: Economy, Society, and Culture*. Vol. I : *The Rise of the Network Society*. Cambridge, MA ; Oxford, UK : Blackwell, 1996.
- Castells M.* *The Information Age: Economy, Society, and Culture*. Vol. II : *The Power of Identity*. Cambridge, MA ; Oxford, UK : Blackwell, 1997.
- Castells M.* *The Information Age: Economy, Society, and Culture*. Vol. III : *End of Millennium*. Cambridge, MA ; Oxford, UK : Blackwell, 1998.
- Cirone A., Hobbs W.* Asymmetric Flooding as a Tool for Foreign Influence on Social Media // *Political Science Research and Methods*. 2023. Vol. 11, iss. 1. P. 160–171. <https://doi.org/10.1017/psrm.2022.9>; EDN: IXKXNS
- Cyber-Diplomacy : Managing Foreign Policy in the Twenty-First Century* / ed. by E. H. Potter. Montreal ; Kingston : McGill—Queen’s University Press, 2002. <https://doi.org/10.2307/j.ctt7zt0w>
- Eggeling K. A.* Digital Diplomacy // *Oxford Research Encyclopedia of International Studies* / ed. by N. Roy. New York : Oxford University Press, 2017. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.790>
- Fuchs Ch.* The Question of Methodology in Critical Political Economy of Communication and the Media // *Journal of Communication Inquiry*. 2025. Online first. P. 01968599251405272. <https://doi.org/10.1177/01968599251405272>; EDN: LQVTMC
- Hangström J.* *Asymmetric Warfare : Politics and Cultures of the Modern Era*. Cambridge : Cambridge University Press, 2025. <https://doi.org/10.1017/9781009567633>
- Hansen A. C.* *USIA : Public Diplomacy in the Computer Age*. Westport, CT : Praeger, 1984.
- Hedling E., Bremberg N.* Practice Approaches to the Digital Transformations of Diplomacy: Toward a New Research Agenda // *International Studies Review*. 2021. Vol. 23, iss. 4. P. 1595–1618. <https://doi.org/10.1093/isr/viab027>; EDN: SMQVDA
- Huang Z. A., Wang R.* Exploring China’s Digitalization of Public Diplomacy on Weibo and Twitter: A Case Study of the U.S.—China Trade War // *International Journal of Communication*. 2021. Vol. 15. P. 1912–1939. URL: <https://hal.science/hal-03198493v1/file/Huang%20et%20Wang%20-%202021%20-%20Exploring%20China’s%20Digitalization%20of%20Public%20Diploma.pdf> (accessed: 18.09.2025).
- Ishengoma F. R.* Online Social Networks and Terrorism 2.0 in Developing Countries // *International Journal of Computer Science and Network Solutions*. 2013. Vol. 1, no. 4. P. 1–12. URL: <https://arxiv.org/pdf/1410.0531> (accessed: 12.09.2025).
- Kaldor M.* In Defense of New Wars // *Stability: International Journal of Security and Development*. 2013. Vol. 2, iss. 1. P. 1–16. <http://dx.doi.org/10.5334/sta.at>
- Kurbalija J.* *History of Diplomacy and Technology : From Smoke Signals to Artificial Intelligence*. Geneva : DiploFoundation, 2025.
- Lee K. K., Shahin S.* Reciprocity and Asymmetry in Digital Diplomacy: Geopolitics of National Identity in South Korea—Japan and South Korea—US Relations // *Policy & Internet*. 2023. Vol. 15, iss. 3. P. 415–430. <https://doi.org/10.1002/poi3.355>; EDN: YEJNJO
- Lee S. P.* The Moral Problems of Asymmetric War // *The Cambridge Handbook of the Just War* / ed. by L. May. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. P. 114–132. <https://doi.org/10.1017/9781316591307.008>
- Li T. Y.* Asymmetry in the Digital Age: Cyber Deterrence Strategies for Small States // *Journal of Strategic Security*. 2024. Vol. 17, no. 4. P. 71–88. <https://doi.org/10.5038/1944-0472.17.4.2268>; EDN: YDDGIR
- Mack A.* Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict // *World Politics*. 1975. Vol. 27, no. 2. P. 175–200. <https://doi.org/10.2307/2009880>
- Moncrieff M., Kilibarda P., Gaggioli G.* Social Network Analysis and Counterterrorism: A Double-Edged Sword for International Humanitarian Law // *Journal of Conflict and Security Law*. 2024. Vol. 29, iss. 1. P. 165–183. <https://doi.org/10.1093/jcsl/krae002>; EDN: IMEMXU
- Pattwell A., Mitman T., Porpora D.* Terrorism as Failed Political Communication // *International Journal of Communication*. 2015. Vol. 9. P. 1120–1139. URL: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/2247/1359> (accessed: 03.10.2025).
- Rachmawati I., Kuncoro H. R., Sari D. L., Tahalea S. P.* Digital Diplomacy in the 21st Century: The Transformative Role of Social Media Platforms in Public Engagement // *Proceedings of the 2nd International Conference on Advance Research in Social and Economic Science (ICARSE 2023)*. Dordrecht : Atlantis Press, 2024. P. 567–576. https://doi.org/10.2991/978-2-38476-247-7_57
- Repnikova M., Chen K. A.* Asymmetrical Discursive Competition: China—United States Digital Diplomacy in Africa // *International Communication Gazette*. 2023. Vol. 85, iss. 1. P. 15–31. <https://doi.org/10.1177/17480485221139460>; EDN: STGNPL

- Shilina M. G., Hepp A.* Pioneering Mediatization Studies: An Interview with Professor Andreas Hepp // *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2021. Vol. 26, no. 4. P. 739–744. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-4-739-744>; EDN: ASZQMF
- Taber R.* War of the Flea : The Classic Study of Guerilla Warfare. New York : L. Stuart, 1965.
- Truong B. T., Lou X., Flammini A., Menczer F.* Quantifying the Vulnerabilities on the Online Public Square to Adversarial Manipulation Tactics // *PNAS Nexus*. 2024. Vol. 3, no. 7. P. 1–13. <https://doi.org/10.1093/pnasnexus/pgae258>; EDN: IWGRDA
- Tsinovoi A.* The Management of Visibility in Digital Diplomacy: Infrastructures and Techniques // *First Monday*. 2020. Vol. 25, no. 5. <http://dx.doi.org/10.5210/fm.v25i5.10116>
- Van Creveld M. L.* The Transformation of War. New York : The Free Press, 1991.
- Zaharna R. S.* Asymmetry of Cultural Styles and the Unintended Consequences of Crisis Public Diplomacy // *Intercultural Communication and Diplomacy* / ed. by H. Slavik. Malta : Mediterranean Academy of Diplomacy, 2004. P. 133–155. URL: https://www.diplomacy.edu/wp-content/uploads/2021/06/IC-and-Diplomacy-FINAL_Part9.pdf (accessed: 03.10.2025).

Сведения об авторах:

Арляпова Елена Сергеевна — кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт системно-стратегического анализа; Российская Федерация, 111398, г. Москва, ул. Кусковская, д. 16; eLibrary SPIN-код: 2152-6679; ORCID: 0000-0002-8095-7229; e-mail: elena.s.arlyapova@gmail.com

Пonomарева Елена Георгиевна — доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России; Российская Федерация, 119454, г. Москва, пр-кт Вернадского, д. 76; eLibrary SPIN-код: 9664-7471; ORCID: 0000-0001-8370-8597; e-mail: nastya304@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-2-216-227

EDN: HNSWDN

Научная статья / Research article

Конкуренция регулятивных парадигм в сфере искусственного интеллекта: либеральная и государственно-центричная модели и их продвижение в ОЭСР и МСЭ

М.С. Рамич[✉], В.О. Потемкина^{id}, Е.В. Демина^{id}

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ramich-ms@rudn.ru

Аннотация. Конкуренция за лидерство в сфере искусственного интеллекта (ИИ) в последние годы стала основным элементом геополитической конкуренции Соединенных Штатов Америки (США) и Китайской Народной Республики (КНР). Помимо борьбы за лидерство технологических решений основные внешнеполитические усилия стран сосредоточены на формировании международного режима управления ИИ. В данной плоскости наблюдается столкновение основанной на этике, правовом регулировании и принципе открытого рынка либеральной модели (США, Европейский союз) и ориентированной на суверенитет и национальную безопасность государственно-центричной модели (КНР). Внутри либеральной модели, в свою очередь, между собой конкурируют американский рыночный подход и европейский регулятивный подход. Теоретической рамкой исследования выступают теория режимов и теория структурной власти, позволяющие рассмотреть конкуренцию трех моделей в международных институтах и проследить процесс их трансформации. Для этого применены дискурсивный и контент-анализ официальных документов США, ЕС, КНР, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Международного союза электросвязи (МСЭ) за 2017–2025 гг. Организация экономического сотрудничества и развития в существующей системе глобального управления выступает в качестве нормативного ядра для представителей либерального блока, в то время как Международный союз электросвязи служит основным пространством для конкуренции либерального и государственно-центричного подходов. Авторы приходят к выводу, что по мере нарастания геополитической напряженности все модели начинают тяготеть к имплементации более жестких, ориентированных на суверенитет подходов, смещая приоритеты с этики, прав человека и рыночного регулирования. Это подтверждается последовательным изменением дискурса как на уровне национальной стратегии, так и в международных организациях. Под влиянием этих факторов глобальный режим управления в сфере ИИ становится более фрагментированным, а международные организации, такие как ОЭСР и МСЭ, выступают в качестве основных инструментов для борьбы за структурную власть через установление международных стандартов.

Ключевые слова: США, ЕС, КНР, глобальное управление, структурная власть, международный режим

Заявление о доступности данных. Данные, подтверждающие выводы этого исследования, включены в опубликованную статью.

Вклад авторов. Рамич М.С.: концептуализация, разработка методологии исследования, проведение исследования, написание разделов рукописи. Потемкина В.О.: сбор и обработка данных, проведение исследования, написание разделов рукописи. Демина Е.В.: сбор и обработка данных, проведение исследования. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Рамич М.С., Потемкина В.О., Демина Е.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Рамич М.С., Потемкина В.О., Демина Е.В. Конкуренция регулятивных парадигм в сфере искусственного интеллекта: либеральная и государственно-центричная модели и их продвижение в ОЭСР и МСЭ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 2. С. 216–227. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-216-227>; EDN: HNSWDN

Competition of Regulatory Paradigms in the Field of AI: Liberal and State-Centric Models and Their Promotion in the OECD and ITU

Mirzet S. Ramich , Victoria O. Potemkina , Ekaterina V. Demina

RUDN University, Moscow, Russian Federation

ramich-ms@rudn.ru

Abstract. In recent years, competition for leadership in artificial intelligence (AI) has become a major element of geopolitical rivalry between the United States of America (USA) and the People's Republic of China (PRC). Alongside the struggle for leadership in technological solutions, the main foreign policy efforts of these states focus on establishing an international AI governance regime. This has led to a clash between two approaches: a liberal model based on ethical principles, legal regulations, and the open market, and a state-centric approach emphasizing sovereignty and national security. The former is promoted by the USA and the European Union, while the latter is advanced by the PRC. Within the liberal framework, there is also a competition between the US market-driven approach and the EU's regulatory approach. The theoretical framework of the study consists of regime theory and structural power theory. These approaches make it possible to examine the competition among the three models in international institutions and to trace their transformation. For this purpose, the study applies discourse and content analysis to official documents of the USA, the EU and the PRC as well as to materials of the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) and the International Telecommunication Union (ITU) for 2017–2025. In the current system of global governance, the OECD acts as the normative core for representatives of the liberal bloc, while the ITU serves as the main space for competition between liberal and state-centric approaches. The authors conclude that, as geopolitical tensions increase, all models begin to gravitate toward stricter sovereignty-oriented approaches and shift their priorities away from ethics, human rights and market regulation. This is confirmed by consistent changes in discourse both at the level of national strategies and in international organizations. Under the influence of these factors, the global AI governance regime is becoming more fragmented. International organizations, such as the OECD and the ITU, are becoming key instruments in the struggle for structural power by establishing international standards.

Key words: USA, EU, PRC, global governance, structural power, international regime

Data availability statement. The data supporting the findings of this study is included in the published article.

Authors' contributions. M.S. Ramich: conceptualization, development of research methodology, investigation, and drafting of manuscript sections. V.O. Potemkina: data collection and processing, investigation, and drafting of manuscript sections. E.V. Demina: data collection and processing, investigation. All authors have read and approved the final version of the article.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Ramich, M. S., Potemkina, V. O., & Demina, E. V. (2026). Competition of regulatory paradigms in the field of AI: Liberal and state-centric models and their promotion in the OECD and ITU. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(2), 216–227. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-216-227>; EDN: HNSWDN

Введение

Борьба за лидерство в сфере искусственного интеллекта (ИИ) стала одним из основных элементов американско-китайской конкуренции. Она протекает в двух плоскостях — разработки технологических решений и выработки новых норм и правил в сфере глобального

управления. В основе этого конфликта лежат фундаментальные различия в подходах к международному регулированию ИИ. Их воплощением становится, с одной стороны, либеральная модель, основанная на принципах открытого рынка и правовом регулировании, которую поддерживают США и Европейский союз (ЕС), а с другой — государственно-центричная

модель, ориентированная на суверенитет, которую продвигает Китайская Народная Республика (КНР) (Soriano Gatica, 2025). Однако, как представляется, либеральная модель не является монолитной. Она разделена на регуляторный подход ЕС и ориентированный на рынок подход США. Важность международного регулирования данной сферы подтверждается Г. Аллисоном, сравнивающим риски ИИ с рисками времен холодной войны, связанными с отсутствием регулирования ядерной сферы (Allison, 2020).

Борьба за формирование норм ведется в рамках ключевых международных институтов, где каждый из блоков стремится к универсализации своего подхода. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) стала опорой для либерального подхода к управлению ИИ, в рамках которой формируется синтез американской и европейской модели. Международный союз электросвязи (МСЭ), в свою очередь, выступает ареной для конкуренции либеральной и государственно-центричной моделей и основным пространством для продвижения китайского дискурса.

Исследование посвящено рассмотрению конкуренции норм и правил международного регулирования ИИ, а также механизмов их продвижения и трансформации посредством дискурсивного анализа предложений и документов США, ЕС и Китая с целью продемонстрировать различия трех основных моделей управления ИИ, далее исследуется процесс синтеза и гибридизации данных моделей в ОЭСР и МСЭ.

Теоретической основой исследования являются теория режимов и теория структурной власти. Согласно теории режимов, в качестве основополагающих элементов режима рассматриваются нормы, принципы, правила и процедуры принятия решений (Krasner, 1982). Данный подход предоставляет инструменты для анализа формирования фрагментированного «комплекса режимов» для ИИ и существующих проблем международного регулирования (Roberts et al., 2024). В свою очередь теория структурной власти позволяет рассматривать конкуренцию США и КНР не как спор о правилах, а как соперничество между двумя «технополисами» (*technopoles*) за контроль над

«глобальными структурами цифровой зависимости» (*global dependency structure in the digital domain*) (Mayer & Lu, 2025).

Для достижения цели исследования была сформирована целевая выборка официальных документов США, ЕС и КНР, а также материалов ОЭСР и МСЭ за период 2017–2025 гг., охватывающая три содержательных блока:

- 1) стратегические документы в сфере ИИ;
- 2) нормативно-правовые акты;
- 3) международные инициативы и отчеты.

На основе дискурсивного анализа каждого массива документов были выделены ключевые концепты, отражающие идеологические основания и регулятивные приоритеты соответствующих моделей регулирования ИИ. На этапе формирования эмпирической базы исследования авторами была осуществлена ручная выборка и верификация ключевых слов, выявленных в нормативно-правовых документах, с точки зрения их смысловой релевантности исследуемой проблеме. Полученные данные представлены в виде таблиц и интерпретированы в логике сравнительного анализа, что обеспечило выявление точек расхождения и процессов гибридизации либерального и государственно-центричного подходов в рассматриваемых международных институтах.

Подходы к международному регулированию в сфере искусственного интеллекта

Усиливающееся технологическое соперничество между США и КНР все чаще рассматривается не просто как гонка инноваций (Schmid et al., 2025), а как более масштабная гонка за глобальное лидерство или «холодная война» в сфере ИИ (*AI Cold War*) (He & Heeks, 2025). Данный процесс сопровождается столкновением ценностей цивилизаций Запада и Востока (McInerney, 2024). Эти ценности лежат в основе продвигаемых регулятивных парадигм в сфере ИИ, где либеральная «человекоцентричная» модель противопоставляется «государственно-центричной» модели, ставящей во главу угла государственный суверенитет (Arora et al., 2025).

В основе либеральной парадигмы, направленной на поддержку использования инновационного и надежного ИИ, лежат демократические ценности и идеи соблюдения прав человека (Roberts et al., 2024). При согласовании общих целей на международных площадках США и КНР по-разному подходят к отдельным вопросам регулирования ИИ. Так, США делают упор на доминировании рыночного подхода, в то время как ЕС, наоборот, поддерживает принцип общего нормативного регулирования (Sayankina et al., 2025). В качестве основной площадки для продвижения либеральной модели регулирования ИИ и США, и ЕС выбрали ОЭСР.

В свою очередь, государственно-центричная модель управления ИИ, продвигаемая КНР, ставит цифровой суверенитет выше личных свобод и прав человека в западном понимании. Данный подход, с одной стороны, направлен на ограничительное регулирование контента и данных, а с другой — на стимулирование промышленного и технологического развития (Ma, 2024).

На фоне усиливающейся технологической конкуренции между ИТ-державами китайское правительство рассматривает «стандартизированное глобальное управление» как ключ к историческому переходу от пассивного следования чужим нормам к активному созданию глобальных правил, однако на данный момент подобный сценарий возможен лишь после преодоления низкой интернационализации собственных технических регламентов и достижения инновационных прорывов в области цифровых стандартов (Dong, 2023). КНР использует МСЭ для легитимации своей модели и продвижения технологических стандартов, обеспечивающих контроль «сверху вниз» (Hoffmann, Lazanski & Taylor, 2020).

Таким образом, КНР предлагает многосторонний подход к международному регулированию ИИ в противовес мультистейкхолдеристскому подходу. Подобное разделение уже можно было наблюдать в информационном пространстве (Дегтерев, Рамич, Пискунов, 2021; Рамич, Пискунов, 2022). В современном мире уже прослеживается нарастающая фрагментация глобального регулирования кибер-

пространства в связи с расхождениями между сетевыми развитыми странами и сетевыми развивающимися государствами в понимании суверенитета, кибербезопасности и роли международного права, что препятствует достижению консенсуса (Tang & Li, 2022).

Либеральная модель международного регулирования ИИ

Как уже отмечалось, США и ЕС выступают основными защитниками либеральной модели регулирования ИИ, основанной на верховенстве прав человека и демократических ценностях. Несмотря на это, на практике их подходы в определенной степени различаются. США опираются на рыночный подход («снизу вверх») к установлению стандартов, в то время как ЕС отдает предпочтение регулятивному подходу («сверху вниз») (Shahin, 2024, p. 1122). В данном разделе будет представлен анализ документов для демонстрации практической реализации двух разных подходов, служащих единой цели.

Регулятивная модель Европейского союза

ЕС в условиях технологического отставания от США приоритизирует формирование правовых норм. Прежде всего задачей такого подхода является защита суверенитета ЕС в области ИИ путем установления глобального стандарта, ориентированного на защиту прав человека, и его глобальное продвижение (Mügge, 2024). Дискурсивный анализ документов ЕС позволяет выделить три этапа развития данной стратегии.

В 2018–2019 гг. был заложен фундамент дискурса ЕС в области ИИ. Данные демонстрируют, что наиболее значимыми фреймами для него стали «инновации» (74 упоминания в 2018–2019 гг.) и «этика» (116 упоминаний в 2018–2019 гг.) (табл. 1). Эти два понятия стали основой для «надежного ИИ» (*trustworthy AI*), закрепившего три базовых принципа: «законный», «этичный» и «устойчивый» (*lawful, ethical and robust*), где верховенство закона и права человека рассматриваются как неотъемлемые составляющие.

Таблица 1. Контент-анализ документов ЕС, 2018–2025 гг.

Ключевое слово	Год						
	2018	2019	2020	2021*	2021**	2025***	2025****
Этичный	25	91	9	15	18	6	1
Права человека	1	12	0	0	1	0	0
Инновации	65	9	25	16	97	44	36
Правовая база	5	2	5	10	5	1	1
Верховенство закона	0	9	1	2	1	0	0
Технологический (цифровой) суверенитет	0	0	1	1	1	6	4
Надежный	2	127	9	21	58	5	7

Примечания. * — «Акт об ИИ» (*The AI Act*); ** — Приложения к сообщению Европейской Комиссии о содействии европейскому подходу к искусственному интеллекту; *** — План действий «ИИ-континент» (*AI Continent Action Plan*); **** — Стратегия применения ИИ (*Apply AI Strategy*).

Источник: составлено В.О. Потемкиной на основе: Coordinated Plan on Artificial Intelligence // European Union. 2018. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=COM:2018:795:FIN> (accessed: 12.11.2025); High-Level Expert Group on Artificial Intelligence // European Commission. 2019. URL: <https://www.aepd.es/sites/default/files/2019-12/ai-ethics-guidelines.pdf> (accessed: 12.11.2025); White Paper on Artificial Intelligence — A European Approach to Excellence and Trust // European Commission. February 19, 2020. URL: https://commission.europa.eu/system/files/2020-02/commission-white-paper-artificial-intelligence-feb2020_en.pdf (accessed: 12.11.2025); The AI Act // European Commission. 2021. URL: <https://artificialintelligenceact.eu/wp-content/uploads/2021/08/The-AI-Act.pdf> (accessed: 12.11.2025); Annexes to the Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions Fostering a European Approach to Artificial Intelligence // European Commission. April 21, 2021. URL: https://www.eciia.eu/wp-content/uploads/2021/05/1_en_annexe_autre_acte_part1_v8_vf_C4B261EB-ABA4-5C30-1555482869410384_75787.pdf (accessed: 12.11.2025); AI Continent Action Plan // European Commission. April 9, 2025. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ai-continent-action-plan> (accessed: 12.11.2025); Apply AI Strategy // European Commission. 2025. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52025DC0723> (accessed: 12.11.2025).

В 2020–2021 гг. на указанных этических принципах начали формироваться правовые нормы. Белая книга 2020 г. обозначила позицию ЕС по вопросам технологического суверенитета¹. Закон об ИИ оформил понятие «надежности» в конкретный ориентированный на риски (*risk-based*) подход, сделав ее элементом правовой управляемости и прозрачности². Это подтверждает высказанный ранее тезис о позиционировании ЕС как глобального нормотворца, рассчитывающего на так называемый «брюссельский эффект», под которым понимается способность ЕС распространять нормы, регуляторные меры и стандарты своего внутреннего рынка за пределы Союза, превращая их в фактические глобальные стандарты (Bradford, 2020, p. 14).

К 2025 г. дискурс ЕС сместился в сторону конкретных целей по укреплению «технологического суверенитета» (10 упоминаний в двух

документах). После построения нормативной основы ЕС перешел к конкретным инфраструктурным механизмам, таким как «ИИ-фабрики», «Закон о развитии облачных технологий и ИИ» и «Союз данных» (*AI Factories, Cloud and AI Development Act, Data Union*), которые дают возможность контролировать платформы и наращивать потенциал собственной автономии.

Рыночная модель сохранения технологического лидерства США

Для США главной задачей является сохранение лидерства в сфере ИИ. Они продвигают свои стандарты ИИ как основу глобального регулирования, используя международные коалиции и параллельно инвестируя в НИОКР, чтобы победить в глобальной конкуренции (Joshi, 2025, p. 23). Обладая технологическим превосходством, которого в настоящий момент нет у ЕС и КНР, США имеют временное «окно возможностей» для продвижения своих ценностей и стандартов на глобальном уровне.

Американская стратегия аналогичным образом прошла через несколько этапов развития. Ее отличительной чертой стала ориентация на технические и рыночные аспекты регулирования ИИ.

¹ White Paper on Artificial Intelligence — A European Approach to Excellence and Trust // European Commission. February 19, 2020. URL: https://commission.europa.eu/system/files/2020-02/commission-white-paper-artificial-intelligence-feb2020_en.pdf (accessed: 12.11.2025).

² The AI Act // European Commission. 2021. URL: <https://artificialintelligenceact.eu/wp-content/uploads/2021/08/The-AI-Act.pdf> (accessed: 12.11.2025).

В 2019–2021 гг., когда президентом США был Д. Трамп, США делали акцент на «лидерстве» (7 упоминаний в 2019–2020 гг.) и конфиденциальности (19 упоминаний в 2019–2020 гг.) (табл. 2). Это, с одной стороны, подчеркивает стремление США к сохранению глобального лидерства, а с другой — демонстрирует приверженность принципам открытого рынка. Вопросы доверия в американской модели сосредоточены вокруг технической надежности и гибкого нормативного регулирования. В финальном отчете Национальной комиссии о безопасности в области ИИ (NSCAI) за 2021 г.³ ОЭСР и МСЭ определяются как площадки для продвижения собственного подхода на международной арене. ОЭСР выступает каналом экспорта американских норм, а МСЭ должен обеспечить соответствие технологических стандартов демократическим ценностям, не допуская влияния китайского подхода.

В 2022–2024 гг. во время президентского срока Дж. Байдена была сформирована концептуальная рамка американской глобальной стратегии. Как и ожидалось, дискурс США сместился в сторону технических категорий. В этот период наблюдаются пиковые значения упоминания следующих терминов: «конфиденциальность» (86 раз в 2022 г.), «управление рисками» (79 раз в 2023 г.), «надежный» (23 раза в 2023 г.) и «безопасный» (37 раз в 2022–2023 гг.) (табл. 2). Документы этого периода: «Система управления рисками в сфере искусственного интеллекта» (*Artificial Intelligence Risk Management Framework* (NIST AI RMF 1.0))⁴ и «План создания „Билля о правах ИИ“» (*Blueprint for AI Bill of Rights*)⁵ — создают систему добровольных, измеримых механизмов управления рисками. Эта система, в отличие от «Закона ЕС об ИИ», легко может

быть трансформирована в универсальный стандарт для глобального закрепления без необходимости принятия обязывающих законов.

В 2025 г. после возвращения Д. Трампа в Белый дом США вернулись к идее сохранения статуса архитектора глобальной инфраструктуры ИИ посредством вовлечения партнеров в собственные стандарты. Техноэкономические альянсы, созданные США, должны сдерживать технологический потенциал КНР и поддерживать глобальное доминирование США в сфере ИИ.

Таблица 2. Контент-анализ документов США, 2019–2025 гг.

Ключевое слово	Год				
	2019	2020	2022	2023	2025
Подотчетность	0	0	7	15	0
Права человека	0	0	9	1	0
Инновации	4	2	14	2	29
Лидерство	6	1	0	4	7
Конфиденциальность	11	8	86	31	3
Управление рисками	0	0	4	79	0
Безопасность	3	3	25	12	1
Надежный	1	1	8	23	6

Источник: составлено В.О. Потемкиной на основе: Executive Order 13859 of February 11, 2019 — Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence // Federal Register. February 14, 2019. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2019-02-14/pdf/2019-02544.pdf> (accessed: 12.11.2025); Executive Order of December 3, 2020 — Promoting the Use of Trustworthy Artificial Intelligence in the Federal Government // Federal Register. December 8, 2020. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2020-12-08/pdf/2020-27065.pdf> (accessed: 12.11.2025); Blueprint for an AI Bill of Rights // The White House. 2022. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/ostp/ai-bill-of-rights/> (accessed: 12.11.2025); Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0) // NIST. 2023. URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ai/NIST.AI.100-1.pdf> (accessed: 12.11.2025); Winning the Race America's AI Action Plan // The White House. July 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/07/Americas-AI-Action-Plan.pdf> (accessed: 12.11.2025).

Государственно-центричная модель регулирования ИИ КНР

Как уже отмечалось выше, государственно-центричная модель КНР, в отличие от либеральной, ставит во главу угла цифровой суверенитет и национальную безопасность, а не личные свободы. Эта логика обусловлена необходимостью обеспечения социальной стабильности, национальной безопасности и эко-

³ Final Report // National Security Commission of Artificial Intelligence. 2021. URL: <https://www.dwt.com/-/media/files/blogs/artificial-intelligence-law-advisor/2021/03/nscai-final-report--2021.pdf> (accessed: 12.11.2025).

⁴ Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0) // NIST. 2023. URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ai/NIST.AI.100-1.pdf> (accessed: 12.11.2025).

⁵ Blueprint for an AI Bill of Rights // The White House. 2022. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/ostp/ai-bill-of-rights/> (accessed: 12.11.2025).

номического развития (Agora et al., 2025). По этой причине КНР одновременно использует жесткое регулирование цифрового контента и стимулирует технологическое развитие (Ма, 2024). Поэтому в качестве двух основ китайской стратегии можно выделить цифровой суверенитет для обеспечения национальной безопасности и технологические инновации для глобального лидерства. При этом стандартизация превращается в ключевой инструмент китайской «мягкой силы», что позволяет транслировать собственные регулятивные принципы в международных институтах, тем самым усиливая право голоса Китая и увеличивая его влияние (Dong, 2023, p. 91).

Дискурс КНР в области цифрового суверенитета строится вокруг понятий «контроль», «национальная безопасность», «безопасность данных» и «социальная стабильность» (табл. 3). Важным этапом институционального закрепления государственно-центричной модели КНР стала публикация Белой книги 2021 г.⁶, в которой был зафиксирован фокус на управление и регулирование ИИ-систем для гарантии социальной стабильности. Логичным продолжением данного процесса стал временный документ по управлению сервисами генеративного искусственного интеллекта (ГИИ) (2023 г.), который закрепил государственный контроль над данными, моделями и инфраструктурой уже на стадии стандартизации⁷. В основу документа заложены социалистические ценности и принципы управляемости, где безопасность трактуется как форма политической стабильности.

Вторая важная основа — это технологические инновации для глобального лидерства. Его значимость подтверждается наиболее высокой частотностью упоминаний в 2017 (63 раза), 2022 (34 раза) и 2025 (13 раз) гг. (табл. 3). Ориентация на технологический про-

цесс была зафиксирована в Белой книге (2022 г.)⁸, где ключевым вектором стало достижение инновационного прогресса в связке с инженерным компонентом и безопасностью, а также гармонизация китайских и глобальных технологических стандартов.

Таблица 3. Контент-анализ документов КНР, 2017–2025 гг.

Ключевое слово	Год				
	2017	2021	2022*	2022**	2025
Национальная безопасность	8	1	1	0	1
Социальная стабильность	0	1	1	1	0
Контроль (контролируемость)	30	6	7	4	3
Безопасность данных	1	1	9	2	0
Инновации	63	5	34	1	13

Примечания. * — Белая книга по ИИ (*Artificial Intelligence White Paper*); ** — Руководство по этическому управлению в сфере ИИ (*Position Paper of the People's Republic of China on Strengthening Ethical Governance of AI*).

Источник: составлено В.О. Потемкиной на основе: Artificial Intelligence Development Plan // Foundation for Law & International Relations. July 8, 2017. URL: <https://flia.org/notice-state-council-issuing-new-generation-artificial-intelligence-development-plan/> (accessed: 12.11.2025); White Paper on Trustworthy A Next Generation Artificial Intelligence Development Plan // Center for Security and Emerging Technologies. September 14, 2021. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/white-paper-on-trustworthy-artificial-intelligence/> (accessed: 12.11.2025); Artificial Intelligence White Paper (2022) // Center for Security and Emerging Technologies. June 16, 2022. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/artificial-intelligence-white-paper-2022/> (accessed: 12.11.2025); Position Paper of the People's Republic of China on Strengthening Ethical Governance of Artificial Intelligence (AI) // Ministry of Foreign Affairs, People's Republic of China. November 17, 2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zy/wjzc/202405/t20240531_11367525.html (accessed: 12.11.2025); Opinions of the State Council on Deepening the Implementation of the “Artificial Intelligence+” Initiative // Center for Security and Emerging Technologies. September 24, 2025. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/china-ai-plus-opinions-2025/> (accessed: 12.11.2025).

Начальным этапом международного продвижения норм стало выдвижение Китаем собственного набора этических принципов, сочетающих принятую в ООН риторику («ИИ во благо») и китайские стратегические компоненты («сообщество единой судьбы челове-

⁶ White Paper on Trustworthy A Next Generation Artificial Intelligence Development Plan // Center for Security and Emerging Technologies. September 14, 2021. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/white-paper-on-trustworthy-artificial-intelligence/> (accessed: 12.11.2025).

⁷ Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services // Cyrilla. July 10, 2023. URL: <https://cyrilla.org/api/files/1728288405530qs2ud3o27ys.pdf> (accessed: 12.11.2025).

⁸ Artificial Intelligence White Paper (2022) // Center for Security and Emerging Technologies. June 16, 2022. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/artificial-intelligence-white-paper-2022/> (accessed: 12.11.2025).

чества»)⁹. Для КНР ключевым отличием стало продвижение многосторонней модели управления, где определяющую роль играют государства, в противовес мультистейкхолдеризму.

В 2025 г. КНР закрепила курс на совместное и взаимовыгодное регулирование технологиями, продвигая идею о роли ИИ как международного общественного блага и подчеркивая необходимость разработки глобальных правил на международных платформах¹⁰.

Конкуренция подходов в международных организациях

Организация экономического сотрудничества и развития

ОЭСР стала основной организацией для соединения подходов США и ЕС в единую либеральную парадигму. Данный процесс в большей степени характеризуется синтезом правового этического подхода ЕС и технологических стандартов США.

В 2019 г. в ОЭСР были выработаны принципы ИИ, в которых фигурируют «права человека» (12 упоминаний) и «верховенство закона» (3 упоминания), относящиеся к модели ЕС, и «управление рисками» (8 упоминаний) и «подотчетность» (8 упоминаний), относящиеся к модели США (табл. 4).

Параллельно с преобразованиями в нормотворчестве ЕС и США в сфере ИИ в 2020–2023 гг. в отчетах организации прослеживается переход от этики к непосредственному управлению технологиями. В 2023 г. становится заметным влияние подхода США, поскольку в документе ОЭСР, посвященном разработке единой терминологии в контексте предвосхищения и мониторинга ИИ-угроз, преобладают американские

категории («управление рисками» и «безопасность»), которые предполагают унификацию процедур управления рисками и безопасностью с сохранением добровольного технического режима без жесткого законодательного регулирования, присущего ЕС. В это же время на ценностном уровне документ сохраняет подход ЕС, где технологические риски воспринимаются через призму базовых ценностей и прав человека.

Таблица 4. Контент-анализ документов ОЭСР, 2019–2025 гг.

Ключевое слово	Год				
	2019	2023	2025*	2025**	2025***
Безопасность	11	21	8	3	66
Верховенство закона	3	1	3	1	14
Контроль	0	7	0	0	50
Многосторонность	0	0	0	4	2
Мультистейкхолдеры	0	0	7	2	2
Подотчетность	8	2	3	8	132
Права человека	12	10	9	9	26
Правовая база	0	1	0	3	11
Развитие	8	50	24	37	198
Регулирование	1	54	0	12	83
Технологический суверенитет	0	0	0	0	1
Управление рисками	8	17	3	15	57
Устойчивость	0	1	0	0	0
ЦУР	1	0	0	1	3
Этичный	0	5	2	9	91

Примечания. * — Рекомендация Совета по ИИ (*Recommendation of the Council on AI*); ** — Управление будущим ИИ: стратегии упреждающего управления (*Steering AI's Future: Strategies for Anticipatory Governance*); *** — Управление с помощью ИИ (*Governing with AI*).

Источник: составлено В.О. Потемкиной на основе: OECD AI Principles Overview // OECD. 2019. URL: <https://oecd.ai/en/ai-principles> (accessed: 12.11.2025); Stocktaking for the Development of an AI Incident Definition // OECD Artificial Intelligence Papers. 2023 (October). No. 4. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/10/stocktaking-for-the-development-of-an-ai-incident-definition_64c69a10/c323ac71-en.pdf (accessed: 12.11.2025); Recommendation of the Council on Artificial Intelligence // OECD. 2025. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/api/print?id=648> (accessed: 12.11.2025); Steering AI's Future: Strategies for Anticipatory Governance // OECD. February 7, 2025. URL: https://www.oecd.org/en/publications/steering-ai-s-future_5480ff0a-en.html (accessed: 12.11.2025); Governing with Artificial Intelligence — The State of Play and Way Forward in Core Government Functions // OECD. September 2025. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/06/governing-with-artificial-intelligence_398fa287/795de142-en.pdf (accessed: 12.11.2025).

К 2025 г. в ОЭСР была выработана собственная процедурная модель реализации принципов на основе стратегии «опережающе-

⁹ Position Paper of the People's Republic of China on Strengthening Ethical Governance of Artificial Intelligence (AI) // Ministry of Foreign Affairs, People's Republic of China. November 17, 2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zy/wjzc/202405/t20240531_11367525.html (accessed: 12.11.2025).

¹⁰ Opinions of the State Council on Deepening the Implementation of the “Artificial Intelligence+” Initiative // Center for Security and Emerging Technologies. September 24, 2025. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/china-ai-plus-opinions-2025/> (accessed: 12.11.2025).

го регулирования» (*anticipatory governance*), включающей элементы инклюзивности, прав человека, подотчетности, безопасности, гибкого регулирования, вовлечения стейкхолдеров и участие таких структур, как ООН, «Большая семерка» (G7), «Большая двадцатка» (G20), ЕС и Организация Североатлантического договора (НАТО)¹¹. Основной целью дискурса стало продвижение нормативного подхода, в котором инновации сочетаются с этическими принципами и механизмами регулирования¹², что представляет собой совокупность ключевых концептуальных рамок США и ЕС.

Международный союз электросвязи

МСЭ, функционирующий под эгидой ООН, выступает главной ареной для конкуренции либеральной и государственно-центричной моделей управления ИИ. Это связано с тем, что МСЭ выступает одной из главных площадок формирования ядра глобального режима управления технологиями через концепцию «ИИ во благо» (*AI for Good*), включая ИИ в глобальную инициативу в рамках достижения целей устойчивого развития (ЦУР) ООН. Целенаправленное встраивание Китая в создаваемые ООН многосторонние форматы помогает использовать МСЭ как пространство для консолидации позиций «сетевых развивающихся стран» в попытке взять на себя роль их представителя и продвигать альтернативный дискурс в глобальном управлении ИИ (Tang & Li, 2022).

Анализ отчетов ООН за 2022–2024 гг. позволяет увидеть, что на уровне терминологии дискурс был смещен в сторону либеральной модели. Это подтверждает высокая частота упоминания терминов «права человека», «мультистейкхолдеры», «этичный» и др. (табл. 5). С одной стороны, МСЭ закрепляет тен-

денцию развития технологий ИИ в качестве «общественного блага», избегая открытого геополитического противостояния, но, с другой стороны, укрепляет роль США и ЕС в качестве ведущих игроков установления правил цифровой политики за счет использования их терминологии.

Таблица 5. Контент-анализ документов МСЭ, 2022–2025 гг.

Ключевое слово	Год				
	2022	2023	2024	2025*	2025**
Безопасность	82	132	191	135	24
Верховенство закона	5	8	20	0	3
ИИ во благо	28	31	34	26	26
Контроль	25	21	38	43	29
Многосторонность	4	10	23	7	12
Мультистейкхолдеры	27	35	49	15	16
Подотчетность	9	6	13	20	24
Права человека	205	228	259	7	16
Правовая база	0	1	5	2	0
Развитие	687	890	1293	128	94
Регулирование	30	49	65	42	20
Технологический (цифровой, ИИ-) суверенитет	0	0	0	2	10
Управление рисками	5	5	10	9	11
Устойчивость	4	8	6	4	1
ЦУР	1049	1539	2131	0	1
Этичный	56	100	159	42	28

Примечания. * — Стандарты ИИ для глобального воздействия: от управления к действиям (*AI Standards for Global Impact: From Governance to Action*); ** — Ежегодный отчет об управлении ИИ за 2025 г.

Источник: составлено В.О. Потемкиной на основе: United Nations Activities on Artificial Intelligence (AI) // ITU. 2022. URL: <https://demo.ifgict.org/wp-content/uploads/2024/09/ITU-UN-AI-Activities-2022-IFGICT.pdf> (accessed: 12.11.2025); United Nations Activities on Artificial Intelligence (AI) // ITU. 2023. URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-s/opb/gen/S-GEN-UNACT-2023-PDF-E.pdf (accessed: 12.11.2025); UN Activities on AI Report 2024 // ITU. 2024. URL: <https://www.itu.int/hub/publication/s-gen-unact-2024/> (accessed: 12.11.2025); AI Standards for Global Impact: From Governance to Action // ITU. 2025. URL: <https://s41721.pcdn.co/wp-content/uploads/2025/09/ai-standards-for-global-impact.pdf> (accessed: 12.11.2025); The Annual AI Governance Report 2025: Steering the Future of AI // ITU. 2025. URL: https://mcit.gov.eg/Upcont/Documents/Reports%20and%20Documents_9112025000_Annual_AI_Governance_Report_2025_Steering_Future_of_AI_9112025.pdf (accessed: 12.11.2025).

В отчете 2025 г.¹³ явно доминирует американская риторика. Фокус смещается к универсальному, измеримому и стандартизированному

¹¹ Steering AI's Future: Strategies for Anticipatory Governance // OECD. February 7, 2025. URL: https://www.oecd.org/en/publications/steering-ai-s-future_5480ff0a-en.html (accessed: 12.11.2025).

¹² Governing with Artificial Intelligence — The State of Play and Way Forward in Core Government Functions // OECD. September 2025. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/06/governing-with-artificial-intelligence_398fa287/795de142-en.pdf (accessed: 12.11.2025).

¹³ AI Standards for Global Impact: From Governance to Action // ITU. 2025. URL: <https://s41721.pcdn.co/wp-content/uploads/2025/09/ai-standards-for-global-impact.pdf> (accessed: 12.11.2025).

управлению технологиями с сохранением гарантии безопасности, контроля, подотчетности и управления рисками. Превалирует использование таких терминов, как «безопасность» (135 раз), «контроль» (43 раза), «управление рисками» (9 раз) (см. табл. 5).

Однако в годовом отчете по управлению ИИ за 2025 г.¹⁴ можно увидеть гибридизацию всех трех моделей. Он регламентирует контроль над ИИ через инфраструктуру в логике США, заостряет внимание на вопросах цифрового неравенства и социальной справедливости в логике ЕС, а также вводит термин «суверенный ИИ» (*sovereign AI*) и повышает значимость многосторонности в логике КНР. Обращаясь к статистике, отметим, что за последнее десятилетие активность КНР в МСЭ стремительно выросла: число представителей многократно увеличилось, а доля вкладов (*contributions*) в сектор стандартизации электросвязи превысила 50 %, что создает для КНР благоприятные условия для дальнейшего продвижения китайской государственно-центричной модели регулирования технологий на глобальном уровне¹⁵.

Таким образом, МСЭ трансформируется из площадки, где доминировали либеральные принципы, в гибридную платформу для регулирования ИИ, где сосуществуют все три конкурирующие модели.

Заключение

Проведенный анализ демонстрирует, что по мере нарастания геополитической конкуренции между США и КНР в либеральной модели происходит смещение приоритетов от примата этического подхода (в ЕС) и риторики

свободного регулирования (в США) к более жесткому подходу, ориентированному на технологический суверенитет, верховенство закона, управление рисками и безопасность. Это позволяет сделать вывод, что страны либерального блока частично заимствуют инструментальный государственно-центричной модели.

Текущая динамика подтверждает изменения в режиме глобального управления ИИ, который становится более фрагментированным. ОЭСР стала нормативным «ядром» для стран Запада, сформировав единый глобальный подход на основе смешения американской и европейской моделей. В условиях конкуренции с КНР такой подход до настоящего момента позволяет США и ЕС продвигать свои нормы и правила в международных институтах.

Центральной ареной для конкуренции либеральной и государственно-центричной моделей стал МСЭ. Для КНР эта площадка является основным международным пространством для продвижения собственной модели международного регулирования ИИ. Несмотря на изначальное доминирование в организации либерального дискурса, в 2025 г. в терминологический оборот организации вошел термин «суверенный ИИ», явно отсылающий к китайской модели. Это свидетельствует о переходе на более высокий уровень конкуренции за право устанавливать международные стандарты, ставшие инструментом структурной силы. В текущих реалиях КНР стремится закрепить многостороннюю модель глобального управления, чтобы лишить конкурентов из числа развитых стран преимуществ доминирующей мультистейкхолдеристской модели.

Методологический инструментальный теории режимов позволил подтвердить тезис о фрагментированности сферы глобального управления ИИ, где ключевой проблемой является координация норм, принципов, правил и процедур в условиях формирующегося комплекса режимов. В свою очередь, применение теории структурной власти позволило определить характер отношений между ключевыми акторами как соперничество между технологически развитыми державами за контроль над глобальными структурами цифровой зависи-

¹⁴ The Annual AI Governance Report 2025: Steering the Future of AI // ITU. 2025. URL: https://mcit.gov.eg/Upcont/Documents/Reports%20and%20Documents_9112025000_Annual_AI_Governance_Report_2025_Steering_Future_of_AI_9112025.pdf (accessed: 12.11.2025).

¹⁵ NIST Report: A New “Great Game?”: China’s Role in International Standards for Emerging Technologies // Exovera’s Center for Intelligence Research and Analysis. August 31, 2022. P. 18–24. URL: <https://cira.exovera.com/research-analysis/china/nist-report-a-new-great-game-chinas-role-in-international-standards-for-emerging-technologies/> (accessed: 12.11.2025).

мости, выходящее за рамки процесса создания международных правил.

В итоге вне зависимости от идеологической основы либеральная и государственно-центричная модели склоняются в сторону суверенизации сферы ИИ, смещая приоритеты в глобальном управлении с этических вопро-

сов в сторону обеспечения национальной безопасности и национальных интересов. Ключевыми инструментами для конкурирующих блоков стали ОЭСР и МСЭ, которые одновременно используются для распространения собственных норм и противодействия продвижению конкурирующих подходов.

Поступила в редакцию / Received: 11.11.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 27.02.2026

Принята к публикации / Accepted: 27.03.2026

Список литературы

- Дегтерев Д. А., Рамич М. С., Пискунов Д. А. Подходы США и КНР к глобальному управлению киберпространством: «новая биполярность» в «сетевом обществе» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2021. Т. 16, № 3. С. 7–33. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-03-01>; EDN: RHBSFR
- Рамич М. С., Пискунов Д. А. Секьюритизация информационного пространства: от конструирования норм до создания правовых режимов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 2. С. 238–255. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-238-255>; EDN: KSSXFK
- Allison G. T. The Clash of AI Superpowers // *The National Interest*. 2020. No. 165. P. 11–24. URL: <https://www.jstor.org/stable/27197033> (accessed: 11.10.2025).
- Arora A. S., Saboia L., Arora A., McIntyre J. R. Human-Centric Versus State-Driven: A Comparative Analysis of the European Union's and China's Artificial Intelligence Governance Using Risk Management // *International Journal of Intelligent Information Technologies*. 2025. Vol. 21, iss. 1. P. 1–13. <https://doi.org/10.4018/IJIT.367471>
- Bradford A. The Brussels Effect: How the European Union Rules the World. New York : Oxford University Press, 2020. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190088583.001.0001>
- Dong Q. Zhongguo canyu quanqiu zhili de “shouzheng” yu “tuo-zhan”: jiyu biao-zhun-hua shi-jiao [«Сохранение правильного курса» и «расширение» участия Китая в глобальном управлении: анализ с точки зрения стандартизации] // *Jingji xuejia* [Экономист]. 2023. No. 1. P. 87–97. (На китайском языке). <https://doi.org/10.16158/j.cnki.51-1312/f.2023.01.002>
- He Y., Heeks R. Analysing the US—China “AI Cold War” Narrative // *St. Antony's International Review*. 2025. Vol. 20, iss. 2. P. 28–54. URL: <https://stair.shox.bodleian.ox.ac.uk/STAIR/article/view/417> (accessed: 12.03.2026).
- Hoffmann S., Lazanski D., Taylor E. Standardising the Splinternet: How China's Technical Standards Could Fragment the Internet // *Journal of Cyber Policy*. 2020. Vol. 5, iss. 2. P. 239–264. <https://doi.org/10.1080/23738871.2020.1805482>; EDN: WJIGMX
- Joshi S. Securing U.S. AI Leadership: A Policy Guide for Regulation, Standards and Interoperability Frameworks // *International Journal of Science and Research Archive*. 2025. Vol. 16, no. 3. P. 1–26. <https://doi.org/10.30574/ijrsra.2025.16.3.2519>; EDN: TFOCLY
- Krasner S. D. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables // *International Organization*. 1982. Vol. 36, iss. 2. P. 185–205. <https://doi.org/10.1017/S0020818300018920>
- Ma A. Regulation in Pursuit of Artificial Intelligence (AI) Sovereignty: China's Mix of Restrictive and Facilitative Modalities // *The African Journal of Information and Communication (AJIC)*. 2024. No. 34. P. 1–16. <https://doi.org/10.23962/ajic.i34.20103>; EDN: YXEVGC
- Mayer M., Lu Y. C. Global Structures of Digital Dependence and the Rise of Technopoles // *New Political Economy*. 2025. Vol. 30, iss. 5. P. 755–774. <https://doi.org/10.1080/13563467.2025.2497766>; EDN: NIKRUY
- McInerney K. Yellow Techno-Peril: The ‘Clash of Civilizations’ and Anti-Chinese Racial Rhetoric in the US—China AI Arms Race // *Big Data & Society*. 2024. Vol. 11, iss. 2. P. 1–13. <https://doi.org/10.1177/20539517241227873>; EDN: VLXJNE
- Mügge D. EU AI Sovereignty: For Whom, to What End, and to Whose Benefit? // *Journal of European Public Policy*. 2024. Vol. 31, iss. 8. P. 2200–2225. <https://doi.org/10.1080/13501763.2024.2318475>
- Roberts H., Hine E., Taddeo M., Floridi L. Global AI Governance: Barriers and Pathways Forward // *International Affairs*. 2024. Vol. 100, iss. 3. P. 1275–1286. <https://doi.org/10.1093/ia/iaae073>; EDN: BRKOBY

- Sayankina S., Tsen E., Tan E. W., Ko R. K. L. Defining the Intension and Extension of Nations' Sovereignty in the Age of Generative AI // *Territory, Politics, Governance*. 2025. P. 1–16. <https://doi.org/10.1080/21622671.2025.2568474>
- Schmid S., Lambach D., Diehl C., Reuter C. Arms Race or Innovation Race? Geopolitical AI Development // *Geopolitics*. 2025. Vol. 30, iss. 4. P. 1907–1936. <https://doi.org/10.1080/14650045.2025.2456019>
- Shahin J. Dancing to the Same Tune? EU and US Approaches to Standards Setting in the Global Digital Sector // *Journal of European Integration*. 2024. Vol. 46, iss.7. P. 1111–1131. <https://doi.org/10.1080/07036337.2024.2398430>; EDN: XPQIRQ
- Soriano Gatica J. P. Geopolitics in the Digital Age: The U.S.—China Competition Through Their Narratives on Digital Technologies // *IDP. Internet, Law and Politics Journal*. 2025. No. 43. P. 1–17. <http://dx.doi.org/10.7238/idp.v0i43.428663>; EDN: OQKJGW
- Tang R., Li Z. Quanguo wangluo kongjian zhili de xin lujing: Lianheguo “shuanggui zhi” pingtai ji Zhongguo canyu [Новый путь глобального управления киберпространством: платформа «двухколейной системы» ООН и участие Китая] // *Zhejiang chuanmei xueyuan xuebao* [Журнал Чжэцзянского института медиа и коммуникаций]. 2022. Vol. 29, no. 3. P. 44–52. (На китайском языке). <https://doi.org/10.13628/j.cnki.zjcmxb.2022.03.009>

Сведения об авторах:

Рамич Мирзет Сафетович — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 1830-1087; ORCID: 0000-0003-1479-2785; e-mail: ramich-ms@rudn.ru

Потемкина Виктория Олеговна — студент кафедры востоковедения и африканистики, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 9876-9865; ORCID: 0009-0001-9004-4685; e-mail: potemkinavik@yandex.ru

Демина Екатерина Васильевна — ассистент кафедры иностранных языков, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; ORCID: 0009-0002-9568-1381; e-mail: demina.ekaterina.v@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-2-228-239

EDN: HPRFLF

Научная статья / Research article

Цифровизация Каспийского региона: современные тенденции и новые возможности

С.С. Жильцов

Дипломатическая академия МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

 serg.serg56@mail.ru

Аннотация. Важным фактором, определяющим современное развитие Каспийского региона, становится цифровизация. В последние годы прикаспийские государства приняли стратегические и программные документы, направленные на развитие цифровой сферы. Этот процесс усиливается, трансформируя политические и социально-экономические отношения в субрегионе и открывая новые возможности для взаимодействия. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа цифровизации в Каспийском регионе и критического осмысления ее последствий. Цель состоит в выявлении ключевых факторов, направлений и последствий цифровой трансформации субрегиональной системы международных отношений. Методологическую основу исследования составляют историко-аналитический и сравнительный методы, метод социально-политических аналогий, а также политический анализ. В теоретическом плане исследование опирается на теорию рационального выбора, позволившую выявить факторы, влияющие на решения прикаспийских государств по усилению внимания к цифровизации как отражению глубинных трансформаций региона. В рамках системного подхода Каспийский регион рассматривается как целостная структура, в которой формируются новые связи между государствами. В исследовании также уделено внимание влиянию внешней среды, включая деятельность внерегиональных акторов и участие прикаспийских стран в международных организациях, нормативно-правовым документам в сфере цифровизации, принятым в государствах региона, а также роли международно-правовых механизмов регулирования цифровой сферы. Предметом исследования являются процессы цифровизации и их влияние на развитие Каспийского региона. Показано, что формирующаяся субрегиональная система международных отношений характеризуется множественностью сценариев развития, что создает как новые возможности, так и риски. В заключение дана оценка современных тенденций цифровизации в Каспийском регионе и выделены ключевые факторы, определяющие ее дальнейшую динамику. Обоснован вывод о том, что цифровизация выступает долгосрочным трендом, уже трансформирующим регион и оказывающим существенное влияние на его будущее развитие.

Ключевые слова: прикаспийские государства, внерегиональные акторы, геополитическая ситуация, субрегиональная система, цифровая трансформация, теория рационального выбора

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Жильцов С. С. Цифровизация Каспийского региона: современные тенденции и новые возможности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 2. С. 228–239. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-228-239>; EDN: HPRFLF

© Жильцов С.С., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Digitalization of the Caspian Region: Current Trends and New Opportunities

Sergey S. Zhiltsov

Diplomatic Academy of MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation
serg.serg56@mail.ru

Abstract. Digitalization is becoming a crucial factor in shaping the development of the Caspian region today. In recent years, the Caspian littoral states have adopted strategic and policy documents aimed at advancing the digital sphere. This process is intensifying, transforming political and socio-economic relations within the subregion and creating new opportunities for interaction. The relevance of the study is driven by the need for a comprehensive analysis of digitalization in the Caspian region and a critical assessment of its implications. The aim of the research is to identify the key factors, directions, and consequences of the digital transformation of the subregional system of international relations. The methodological framework of the study includes historical-analytical and comparative methods, the method of socio-political analogies, and political analysis. Theoretically, the research is grounded in rational choice theory, which makes it possible to identify the factors influencing the decisions of the Caspian states to prioritize digitalization as a reflection of the region's deeper transformations. Within the systems approach, the Caspian region is considered as an integral structure in which new linkages between states are being formed. The study also examines the impact of external environment, including the activities of extra-regional actors and the participation of the Caspian states in international organizations, as well as national regulatory frameworks in the field of digitalization and the role of international legal mechanisms governing the digital sphere. The object of the study is the processes of digitalization and its impact on the development of the Caspian region. It is demonstrated that the emerging subregional system of international relations is characterized by multiple development scenarios, presenting both new opportunities and risks. The conclusion provides an assessment of current trends in digitalization in the Caspian region and identifies the key factors determining its future trajectory. It is argued that digitalization represents a long-term trend that is already transforming the region and will continue to have a significant impact on its future development.

Key words: Caspian states, extra-regional actors, geopolitical situation, subregional system, digital transformation, rational choice theory

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Zhiltsov, S. S. (2026). Digitalization of the Caspian region: Current trends and new opportunities. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(2), 228–239. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-228-239>; EDN: HPRFLF

Введение

Целью исследования является выявление фундаментальных причин, которые привели к утверждению в Каспийском регионе процесса цифровизации, а также определение текущего состояния и потенциальных изменений в субрегионе. В рамках этого проблемного поля предстоит решить ряд исследовательских вопросов, связанных с текущим состоянием цифровизации в Каспийском регионе и направлениями ее развития в перспективе. Под цифровизацией понимается комплексный процесс внедрения цифровых технологий во все сферы жизни общества и экономики прикаспийских государств, направленный на повышение эф-

фективности, создание новых бизнес-моделей, улучшение качества жизни граждан и развитие человеческого капитала. При этом речь идет не только и не столько об оснащении инфраструктуры, но и о трансформации менталитета населения, проживающего в прикаспийских странах, о формировании новой цифровой культуры и внедрении нормативно-правовой базы, соответствующей современным политическим и экономическим реалиям. Исходя из этого, автор исследования поставил амбициозную задачу найти ответ на фундаментальный вопрос, почему цифровизация стала стремительно развиваться в странах Каспийского региона, и выявить долгосрочные тренды подобных изменений.

Часто вместе с термином «цифровизация» используется понятие «цифровая трансформация» и «цифровая экономика». Однако понятия цифровизации и цифровой трансформации различаются по своему содержанию. Цифровизация связана прежде всего с активным внедрением современных технологий и их использованием в рамках цифровой экономики. В свою очередь цифровая трансформация представляет собой более комплексный и многоуровневый процесс: она предполагает не только технологические изменения, но и переосмысление институционального устройства государства, принципов его функционирования, а также оценку имеющихся ресурсов и механизмов, обеспечивающих устойчивость преобразований (Савзиханова, Бучаев, 2021, с. 808).

Актуальность исследования определяется новыми процессами, которые происходят в Каспийском регионе. Исторически сформировавшиеся и сохраняющиеся тенденции сотрудничества стран, сложившаяся субрегиональная система международных отношений подвергается все более сильному влиянию новых факторов, одним из которых является цифровизация. Соответственно, предметным полем данного исследования выступает цифровизация, которая набирает силу и развивается в последние годы.

Основными методами, применяемыми в ходе исследования, являются историко-аналитический метод, метод сравнения, метод социально-политических аналогий и метод политического анализа. Опираясь на системный подход, автор рассматривает Каспийский регион в качестве структуры, в которой устанавливаются новые связи между отдельными ее составляющими — прикаспийскими государствами. Ценность данного подхода состоит в возможности изучить исторические факторы развития цифровизации и составить целостное представление о том, как это скажется на развитии Каспийского региона в будущем.

В методологическом плане применена теория рационального выбора, при помощи которой выявлены факторы, которые оказали влияние на решения прикаспийских государств усилить внимание к цифровизации, отражаю-

щей фундаментальные изменения в Каспийском регионе.

Проблема цифровизации активно изучается исследователями прикаспийских государств. Следует обратить внимание на работы, в которых дана оценка фундаментальным изменениям в жизни общества, в том числе в международных отношениях, в связи с развитием технологий. На этом еще в начале XXI в. акцентировали свое внимание такие американские исследователи, как М. Роко и У. Бейнбридж (Roco & Bainbridge, 2002). В свою очередь российский исследователь Н.И. Быстрицкий отмечает фундаментальные изменения, связанные с внедрением информационных технологий, которые в конечном итоге окажут влияние и на международные отношения (Быстрицкий, 2023).

Интерес представляет работа российских исследователей М.Р. Ильясова и М.В. Когана, в которой выявлена роль цифровизации в реализации международных транспортных проектов в Каспийском регионе (Ильясов, Коган, 2024).

Большинство работ, связанных с цифровизацией в Каспийском регионе, отличает узкая направленность. Такие российские исследователи, как С.В. Агафонова, Н.Г. Брюхова, Б.В. Кайгородов и Ю.В. Кузнецова фокусируют свое внимание на вопросах, связанных с цифровой трансформацией образования в Каспийском регионе (Agafonova et al., 2022).

В других российских исследованиях делается акцент на роли цифровизации в развитии молодежной среды. Например, С.В. Тетерский, А.И. Измаилов, Е.Р. Дахина и С.В. Ильясова выделяют данный аспект в вопросах цифровизации в странах Каспийского региона (Teterskiy et al., 2022).

Российский ученый В.В. Овсянникова исследовала вопросы цифровизации через призму развития сельскохозяйственной отрасли, выявив современные тенденции формирования и влияния цифровизации на эту сферу в контексте экономической безопасности (Овсянникова, 2023).

Исследователи Н.А. Шутов и А.А. Волков рассматривают цифровизацию Каспийского

региона через призму транспортно-логистической сферы, изменения в которой окажут влияние на эффективность грузоперевозок (Шутов, Волков, 2025). Часть российских ученых сконцентрировали внимание на вопросах цифровизации, рассматривая законодательную базу и экономические аспекты этого процесса (Айтпаева, Петелина, Бисалиев, 2021).

Ряд российских исследователей рассматривает проблему цифровизации в политической сфере. В частности, в работе Е.В. Кудряшовой представлен анализ многоаспектного влияния искусственного интеллекта на избирательные процессы и государственное управление (Кудряшова, 2025).

В отличие от российских исследователей, которые в своих работах делали попытки рассмотреть проблему цифровизации применительно к Каспийскому региону, ученые прикаспийских государств в большей степени ориентируются на особенности развития национальных экономик. Например, проблеме цифровизации уделяют большое внимание туркменские ученые. В частности, Ч. Ходжаммедов выявляет влияние цифровизации на различные секторы туркменской экономики (Ходжаммедов, 2025). Роль цифровизации подчеркивают туркменские исследователи Ш. Италмазова, С. Муханова и Б. Гурдова, отмечая, что она приобрела для экономики страны особое значение. При этом акцент делается на цифровизацию образования и создание новых возможностей для молодежи (Италмазова, Муханова, Гурдова, 2025, с. 518).

Азербайджанский исследователь З.Ф. Мамедов рассматривает цифровые технологии как важный стратегический вектор в национальной политике по диверсификации экономики (Мамедов, 2024).

Иранский исследователь Р. Махдави, выделяя значение цифровизации, подчеркивает важность решения финансовых вопросов (Mahdavi, 2022, p. 17), другие исследователи отмечают ключевые последствия цифровой трансформации в шельфовой нефтегазовой отрасли на организационном уровне (Noadoust & Ranjbar, 2024). К аналогичным выводам пришел российский автор О.И. Решиков, акцентируя

внимание на том, что правительство Ирана рассматривает цифровую трансформацию в качестве фактора будущего экономического благосостояния населения страны (Решиков, 2022, с. 32).

Внимания заслуживают работы казахстанских исследователей. В частности, К.О. Шаяхметова и И.М. Кабдулин рассматривают развитие экономики в условиях цифровизации через призму финансового сектора (Шаяхметова, Кабдулин, 2021). Исследователи Т.И. Какижанова, С.Ы. Умирзаков и У.А. Болатбек делают акцент на выявлении взаимозависимости развития экономики от уровня цифровизации (Kakizhanova, Umirzakov & Bolatbek, 2025). Аналогичные оценки дают А.А. Лучанинова, А.М. Баймухамедова, М.Ф. Баймухамедов и Н.Н. Исаева, которые приходят к выводу, что ключевым фактором развития казахстанской экономики является цифровая трансформация производственных предприятий, использование цифровых информационно-коммуникационных технологий для перестройки бизнеса (Luchaninova et al., 2023, p. 119). Этот тезис раскрывается и в других исследованиях казахстанских авторов. Так, С.Т. Каргабаева, С. Болаткызы, К.М. Камали и К.И. Ахметова обращают внимание на оценку уровня влияния цифровизации на развитие электронной торговли в Казахстане и ее взаимосвязь с макроэкономическими показателями (Kargabayeva et al., 2025, p. 58).

Таким образом, несмотря на значительное количество работ о цифровизации в странах Каспийского региона, следует сделать вывод, что эта проблематика пока изучена достаточно слабо и фрагментарно. Исследования носят страновую направленность, в них акцентируется внимание преимущественно на приоритетных секторах экономики.

Современное состояние цифровизации в Каспийском регионе

Современный этап цифровизации в Каспийском регионе характеризуется выраженной неоднородностью. Данное обстоятельство обусловлено структурными факторами, включая различия в уровне социально-экономического

развития государств и их инвестиционной привлекательности. Несмотря на наличие общей тенденции к внедрению цифровых технологий, степень их распространения, характер воздействия и эффективность использования существенно варьируются между прикаспийскими странами.

Ответ на ключевой вопрос: почему цифровизация стала стремительно развиваться в последнее время в Каспийском регионе — дает теория рационального выбора. Через цифровизацию прикаспийские государства рассчитывают значительно повысить эффективность своих экономик, тем самым укрепив свои позиции в регионе.

По уровню развития цифровых технологий в Каспийском регионе Россия занимает лидирующие позиции. Страна реализует национальные программы, такие как «Цифровая экономика Российской Федерации»¹, направленные на развитие цифровой инфраструктуры, подготовку кадров, внедрение цифровых технологий в ключевые отрасли экономики и государственное управление. Внедряются технологии «умного города»² и электронного документооборота. Цифровизация активно развивается в финансовом секторе (финтех), ритейле, промышленности (индустрия 4.0) и логистике. В некоторых отраслях компании находятся на переходном этапе к следующему витку развития — «индустрии 5.0»³. Развиваются облачные технологии, большие данные, внедряется искусственный интеллект (ИИ), формируются технопарки, венчурные фонды, поддерживающие IT-стартапы.

Республика Казахстан также демонстрирует высокие темпы цифровизации. Значитель-

ное внимание в стране уделяют развитию «электронного правительства» и цифровой трансформации бизнеса⁴. Развиваются сети мобильной связи и проекты по внедрению цифровых технологий в государственном управлении. Особое внимание уделяется «цифровизации добывающей промышленности, сельского хозяйства, транспорта и логистики, развиваются FinTech-сервисы»⁵.

Повышенное внимание развитию цифровой инфраструктуры и внедрению электронных услуг уделяет Азербайджан, рассматривая цифровизацию как драйвер экономического роста, особенно в условиях диверсификации экономики и ухода от нефтегазовой зависимости. В последние годы «инновационный сектор стал восприниматься как неотъемлемый компонент долгосрочных целей социально-экономического развития страны»⁶. Значительная часть новых инвестиционных проектов в стране сосредоточена в таких секторах, как финансовые/бизнес-услуги, программное обеспечение и IT-услуги, а также производство промышленного оборудования⁷. Цифровизация направлена на нефтегазовый сектор, транспорт, а порт Баку развивается как цифровой хаб.

Региональная специфика цифровизации заключается в том, что, в отличие от России,

¹ Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // Минцифры. URL: <https://digital.gov.ru/target/nacziionalnaya-programma-czifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 21.12.2025).

² Рейтинг цифровизации и внедрения ИИ в регионах России (январь-апрель 2025 года) // Регионы России. 19.05.2025. URL: <https://rrmag.ru/2025/05/19/rejting-czifrovizaczii-i-vnedreniya-ii-v-regionah-rossii-yanvar-aprel-2025-goda/> (дата обращения: 27.12.2025).

³ Сухих Е. Революционный держите шаг // Ведомости. 02.06.2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2025/06/02/1112459-revoljutsionnii-derzhite> (дата обращения: 21.12.2025).

⁴ Послание Президента 2024: как Казахстан формирует цифровую экосистему // Официальный информационный ресурс Премьер-министра Республики Казахстан. 04.09.2025. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/poslanie-prezidenta-2024-kak-kazaxstan-formiruet-cifrovuiu-ekosistemu-30474> (дата обращения: 22.12.2025).

⁵ Ахметова Я. Финтех в Казахстане: динамика индустрии и компании, формирующие будущее // Forbes. 15.10.2024. URL: <https://forbes.kz/articles/finteh-v-kazahstane-dinamika-industrii-i-kompanii-formiruyushie-budushee-1f6312?ysclid=mioysf89jg394291549> (дата обращения: 26.12.2025).

⁶ Азербайджан в шаге от цифровой трансформации // Интернет-портал СНГ «Содружество интеграций». 15.06.2024. URL: <https://web.archive.org/web/20240712100241/https://e-cis.info/news/567/118958/> (дата обращения: 29.12.2025).

⁷ Утверждено Положение об Информационной системе электронного правительства. Что ожидается? // Министерство цифрового развития и транспорта Азербайджанской Республики. 18.08.2025. URL: <https://mincom.gov.az/ru/media-ru/novosti/utverzdeno-polozenie-ob-informacionnoi-sisteme-elektronnogo-pravitelstva-cto-ozidaetsia> (дата обращения: 28.12.2025).

Казахстана и Азербайджана, цифровизация в Иране проходит в условиях «специфического политического и экономического контекста, включая санкционные ограничения» (Андреев, 2025). Тем не менее страна активно развивает национальные IT-ресурсы и стремится к самодостаточности в этой сфере. Вместе с тем важно отметить, что в Иране скорость Интернета и доступ к некоторым зарубежным ресурсам могут быть ограничены. Кроме того, Иран имеет одну из самых строгих в мире систем интернет-цензуры.

Из всех прикаспийских государств Туркменистан наиболее жестко регулирует цифровизацию. Государство контролирует развитие IT-сектора, уделяя основное внимание обеспечению национальной безопасности и стабильности. И хотя национальные сети связи развиваются и внедряются современные стандарты цифровизации, «доступ к глобальному Интернету для широкой публики ограничен и контролируется»⁸. Цифровизация ориентирована прежде всего на стратегические отрасли, такие как добыча углеводородов, энергетика и транспорт.

Таким образом, несмотря на существенные различия в подходах, все прикаспийские государства рассматривают цифровизацию через призму будущего развития государства. Происходит постепенное внедрение цифровых технологий, хотя скорость и глубина этого внедрения зависят от внутренних факторов и внешних условий.

Правовые аспекты цифровизации в Каспийском регионе

Регулирование цифровой сферы в Каспийском регионе находится на стадии формирования и сталкивается с рядом вызовов. Каждое из пяти прикаспийских государств — Азербайджан, Иран, Казахстан, Россия и Туркменистан — разрабатывает собственные подходы

к цифровизации, исходя из своих национальных приоритетов и экономических возможностей. Страны региона объединяет осознание необходимости перехода к цифровой экономике и информационному обществу. При этом в каждом из государств присутствует своя специфика.

В Казахстане одним из основных документов является Государственная программа «Цифровой Казахстан»⁹. Документ направлен на ускоренное развитие цифровой экономики, создание благоприятной цифровой экосистемы и формирование «умного» общества. В тексте программы отмечается, что «цифровизация является мощным импульсом для повышения конкурентоспособности экономики, создания новых рабочих мест и улучшения качества жизни населения»¹⁰.

Российская Федерация реализует национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации»¹¹, которая трансформировалась в национальный проект, охватывающий широкий спектр направлений — от нормативного регулирования и развития информационной инфраструктуры до цифрового образования и кибербезопасности. Документ предусматривает существенное увеличение доли цифровой экономики в валовом внутреннем продукте (ВВП) страны и широкое внедрение цифровых технологий во всех отраслях. В паспорте национального проекта «Цифровая экономика» указывается, что его целью является «обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере»¹². Акцент сделан на развитии отече-

⁹ Цифровой Казахстан // Министерство искусственного интеллекта и цифрового развития Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/maidd/activities/14764> (дата обращения: 31.12.2025).

¹⁰ Там же.

¹¹ Распоряжение Правительства России от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Информационно-правовой портал «Гарант». 03.08.2017. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634878/?ysclid=mj1vc7z1b8242606980> (дата обращения: 28.12.2025).

¹² Паспорт национального проекта Национальная программа Цифровая экономика Российской Федерации (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // Судебные и нормативные акты РФ.

⁸ Волмамедова Г., Сони А., Иванов Л.П. Цифровая трансформация в Туркменистане: от стратегии к действию // News Central Asia. 25.11.2024. URL: <https://www.newscentralasia.net/2024/11/25/tsifrovaya-transformatsiya-v-turkmenistane-ot-strategii-k-deystviyu/> (дата обращения: 30.12.2025).

ственных технологий и платформ, что является ответом на геополитические вызовы и стремление к технологическому суверенитету.

В свою очередь в Азербайджане цифровые инициативы интегрированы в стратегические документы, среди которых выделяется «Стратегическая дорожная карта по развитию телекоммуникационной и информационных технологий в Азербайджанской Республике»¹³. Цифровизация поддерживается в рамках концепции «Азербайджан 2030: Национальные приоритеты социально-экономического развития». Документы направлены на создание развитой инфраструктуры информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), совершенствование электронного правительства, поддержку инноваций и развитие человеческого капитала. В частности, «Стратегическая дорожная карта» подчеркивает необходимость «трансформации Азербайджана в региональный цифровой хаб» и наращивания экспортного потенциала в сфере ИКТ¹⁴. В конце 2025 г. президент И.Г. Алиев утвердил «Стратегию развития цифровой экономики на 2026–2029 годы», согласно которой ставится задача развития механизмов поддержки цифровой трансформации экономической деятельности частного сектора¹⁵.

Исламская Республика Иран, несмотря на санкции, развивает свою цифровую инфраструктуру и электронное правительство в рам-

ках «Национальной информационной сети» (*National Information Network, NIN*)¹⁶ и «20-летнего перспективного плана Ирана в сфере ИКТ»¹⁷. NIN позволяет выборочно отключать ресурсы: государство может блокировать международные платформы (например, *WhatsApp* и *Instagram*¹⁸), сохраняя при этом полноценную работоспособность местных сервисов (государственных СМИ, банковских приложений). Помимо этой системы реализован проект «великого иранского файрволла» (*Iranian Great Firewall, IRGFW*), который создан по аналогии с китайской системой *Great Firewall (GFW)*, но с «более строгим принуждением и централизованным контролем, этот экран фильтрует, блокирует и отслеживает трафик по всей стране»¹⁹. Иранские власти неоднократно заявляли о стремлении к «цифровому самообеспечению», что отражено в многочисленных правительственных документах, регулирующих сферу ИКТ.

В стороне от мировых тенденций не остается и Туркменистан. «Концепция развития цифровой экономики в Туркменистане на 2019–2025 годы»²⁰, утвержденная указом президента Туркменистана от 3 сентября 2019 г., является основным документом, определяющим стратегические направления цифровизации. В документе ставятся задачи по развитию

URL: <https://sudact.ru/law/pasport-natsionalnogo-proekta-natsionalnaia-programma-tsifrovaia-ekonomika/pasport/6/?ysclid=mj1vf7ar9969567453> (дата обращения: 22.12.2025).

¹³ Azerbaijan Declares Strategic Road Map for Development of Telecommunication and Information Technologies // Report. December 30, 2016. URL: <https://report.az/en/ict/azerbaijan-revealed-strategic-road-map-for-development-of-telecommunication-and-information-technologies?ysclid=mj1vyti96j775328249> (accessed: 26.12.2025).

¹⁴ Президент Ильхам Алиев утвердил приоритеты развития Азербайджана до 2030 года // Федеральная национально-культурная автономия азербайджанцев России. 05.02.2021. URL: <https://fnkaa.ru/prezident-ilham-aliev-utverdil-prioritety-razvitiya-azerbajdzhana-do-2030-goda/?ysclid=mj1w0licuul88155511> (дата обращения: 27.12.2025).

¹⁵ Садыгов К. В Азербайджане будет разработана «Программа поддержки развития цифровой экономики» // Report. 10.12.2025. URL: <https://report.az/ru/ikt/v-azerbajdzhane-budet-razrabotana-programma-podderzhki-razvitiya-cifrovoj-ekonomiki?ysclid=mj1w38xf46759230467> (дата обращения: 30.12.2025).

¹⁶ Технический взгляд на отключения Интернета в Иране // Хабр. 18.07.2025. URL: <https://habr.com/ru/companies/ruvds/articles/928124/> (дата обращения: 28.12.2025).

¹⁷ Лаврова Д. Ландшафт киберугроз в Иране: H2 2024 — H1 2025 // Группа международной аналитики PT Cyber Analytics. 25.09.2025. URL: <https://ptsecurity.com/research/analytics/cybersecurity-threatscape-iran-h2-2024-h1-2025/> (дата обращения: 19.12.2025).

¹⁸ Социальные сети *WhatsApp* и *Instagram* (входят в группу компаний *Meta*) запрещены в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (*Прим. ред.*).

¹⁹ Хетагуров А. Кибермощь Ирана. Киберстражи Исламской Революции // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/cyberiran/?ysclid=mj1whkigrp431303967> (дата обращения: 22.12.2025).

²⁰ Концепция развития цифровой экономики в Туркменистане на 2019–2025 годы // Министерство здравоохранения и медицинской промышленности Туркменистана. URL: <https://www.saglykhm.gov.tm/ru/dowlet-maksatnamalary-we-strategiyalary/turkmenistanda-2019-2025-nji-yyllarda-sanly-ykdysadyeti-osdurmegin-konsepsiyasy> (дата обращения: 19.12.2025).

цифровой инфраструктуры, внедрению электронного документооборота и электронного правительства, поскольку «цифровизация призвана стать одним из ключевых драйверов устойчивого экономического роста и социального прогресса страны» (Атаева, 2024, с. 266).

Туркменистан активно внедряет цифровые технологии в различные области экономики. Их применение в различных сферах позволяет более эффективно решать стоящие перед страной задачи. В государстве уже внедрено «электронное правительство»: правовой основой для этого послужил принятый в 2022 г. Закон Туркменистана «Об электронном правительстве»²¹, устанавливающий порядок деятельности электронного правительства и регулирующий отношения, возникающие в этой сфере. В 2025 г. также была утверждена «Концепция развития цифровой экономики в Туркменистане на 2026–2028 годы»²².

Общие черты и отличия цифровизации в прикаспийских государствах

Программы по развитию информационных технологий в странах Каспийского региона демонстрируют как схожие, так и уникальные черты. В частности, Казахстан инвестирует в создание центров обработки данных (ЦОД), развитие электронных платежных систем и цифровизацию государственных услуг через портал eGov.kz, который является одним из самых продвинутых в СНГ. Россия, в свою очередь, уделяет значительное внимание развитию отечественного программного обеспечения, созданию собственной экосистемы цифровых платформ и развитию технологий искусственного интеллекта. Азербайджан фо-

кусируется на расширении широкополосного доступа в Интернет, в частности через проект «Азербайджанский оптический магистральный кабель» (*Azerbaijan Digital Hub*)²³, который направлен на превращение страны в региональный центр данных и транзита интернет-трафика. Кроме того, активно развивается электронное правительство (*ASAN Xidmət*), предоставляющее гражданам интегрированные государственные услуги через «одно окно». Что касается Ирана, то он инвестирует в строительство волоконно-оптических сетей по всей стране, развитие местных Интернет-сервисов и создание национальных облачных платформ.

Однако наряду с амбициозными планами и проектами отдельных стран региона существуют и значительные проблемные области цифровизации, которые требуют дальнейшего регулирования. Одной из ключевых проблем является цифровое неравенство. Несмотря на усилия правительств, доступ к высокоскоростному Интернету и цифровым устройствам остается неравномерным, особенно между городскими и сельскими территориями. Это проявляется и в уровне цифровой грамотности населения.

По-разному складывается сотрудничество прикаспийских государств в области цифровизации. Одним из наиболее ярких примеров двустороннего сотрудничества в области развития трансграничной инфраструктуры и обмена данными является проект Транскаспийской волоконно-оптической линии связи (*Trans-Caspian Fiber Optic Cable*, TCFOC) между Казахстаном и Азербайджаном²⁴. Этот амбициозный проект, получивший поддержку на высоком межправительственном уровне, является частью инициативы «Цифрового Шелкового пути», соединяющего Европу и Азию через Каспий. В Меморандуме о взаимопонимании между «Казахтелеком» и *AzerTelecom*, под-

²¹ «Об электронном правительстве». Закон Туркменистана (Ведомости Милли Генгеша Туркменистана, 2022 г., № 3, ст. 71) // Меджлис Туркменистана. URL: <https://mejlis.gov.tm/single-law/17?lang=ru> (дата обращения: 23.12.2025).

²² Утверждена Концепция развития цифровой экономики в Туркменистане на 2026–2028 годы // Государственное информационное агентство Туркменистана «Туркменистан сегодня». 08.10.2025. URL: <https://tdh.gov.tm/ru/post/46454/utverzhdjena-koncepciya-razvitiya-cifrovoj-ekonomiki-v-turkmenistane-na-2026-2028-gody> (дата обращения: 22.12.2025).

²³ AzerTelecom представляет программу Azerbaijan Digital Hub на выставке BakuTel // ABC.az. 04.12.2019. URL: <https://abc.az/az/news/37321> (дата обращения: 12.12.2025).

²⁴ Azerbaijan, Kazakhstan to Start Laying Trans-Caspian Fiber-Optic Cable Line // Report. July 25, 2024. URL: <https://report.az/en/infrastructure/azerbaijan-kazakhstan-to-start-laying-trans-caspian-fiber-optic-cable-line?ysclid=mj2hq5hm-wh998822277> (accessed: 23.12.2025).

писанном в 2019 г., была закреплена готовность сторон к совместной реализации проекта²⁵.

Помимо двусторонних усилий значительную роль в формировании цифровой повестки Каспийского региона играют региональные интеграционные объединения, например Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в состав которого из числа прикаспийских стран входят Россия и Казахстан. Хотя в рамках ЕАЭС вопросы цифровизации не регулируются отдельным двусторонним соглашением между Россией и Казахстаном, тем не менее решения Евразийской экономической комиссии «закладывают основы для гармонизации законодательства в области цифровой экономики»²⁶. Схожая ситуация наблюдается и в рамках другой региональной платформы — Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), членами которой также являются Россия и Казахстан. Здесь вопросы цифровой повестки сосредоточены главным образом на международной информационной безопасности.

Вместо заключения: перспективные направления цифровизации в Каспийском регионе

В развитии цифровизации в Каспийском регионе следует выделить как общие тенденции, так и специфические особенности. В концептуальном плане цифровизация в прикаспийских государствах рассматривается преимущественно как инструмент реализации национальной политики. В то же время различия в уровне развития информационно-технологической сферы и несовпадение приоритетных задач препятствуют формированию условий для многостороннего взаимодействия в области цифровизации.

²⁵ Казахстан и Азербайджан проложат линию связи по дну Каспийского моря // Tengrinews.kz. 31.12.2022. URL: <https://tengrinews.kz/internet/kazakhstan-azerbaydjan-prolojat-liniyu-svyazi-dnu-kaspiyskogo-478996/> (дата обращения: 24.12.2025).

²⁶ «Договор о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 25.12.2025).

Во всех странах Каспийского региона государство играет доминирующую или крайне значимую роль в финансировании и координации процесса цифровизации. Это связано со стратегическим характером цифровой трансформации, необходимостью масштабных инфраструктурных инвестиций, которые частный сектор не всегда готов взять на себя в полном объеме, а также с желанием государств сохранить контроль над критической цифровой инфраструктурой.

Для стран Каспийского региона, исторически зависимых от добычи и экспорта углеводородов, цифровизация предоставляет уникальный шанс диверсифицировать экономику, снизить углеродный след и перейти к более устойчивым моделям развития.

В этом контексте цифровизация открывает для прикаспийских государств новые возможности. Одним из перспективных направлений цифровизации может стать зеленая повестка. Прежде всего, это касается повышения энергоэффективности и интеграции возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Технологии «умных» сетей позволят оптимизировать производство, распределить потребление энергии, снизить потери и повысить надежность электроснабжения.

Цифровизация может сыграть ключевую роль в устойчивом управлении природными ресурсами региона. В сельском хозяйстве, особенно в обширных аграрных регионах России и Казахстана, технологичное земледелие при внедрении цифровизации позволит оптимизировать использование воды, удобрений и пестицидов, что особенно актуально в условиях нарастания дефицита водных ресурсов. Датчики влажности почвы, дроны для мониторинга состояния посевов и ИИ-алгоритмы для анализа данных помогут оптимизировать использование ресурсов, сократить отходы и минимизировать негативное воздействие на окружающую среду.

Для Ирана и Туркменистана, сталкивающихся с острым дефицитом воды, цифровые решения в управлении водными ресурсами будут иметь критическое значение. Системы мониторинга уровня воды в водоемах, датчики

утечек в ирригационных системах и «умные» системы орошения, управляемые ИИ, значительно повысят эффективность использования воды. Иран уже разрабатывает собственные цифровые платформы для управления водными ресурсами в условиях засухи.

Борьба с изменением климата и адаптация в Каспийском регионе получают новые инструменты благодаря цифровым технологиям. Большие данные и ИИ позволят создавать более точные климатические модели, прогнозировать экстремальные погодные явления (засухи, наводнения, ураганы) и оценивать их воздействие на различные секторы экономики и инфраструктуру. Это критически важно для Каспийского региона, который подвержен таким явлениям, как опустынивание (особенно в Казахстане, Туркменистане, Иране) и колебаниям уровня Каспийского моря.

Тем не менее нельзя игнорировать тот факт, что на пути цифровизации государств региона стоят определенные трудности. Прикаспийские государства, богатые углеводородными ресурсами, уже столкнулись с дилеммой: стремясь развивать цифровую экономику, они в то же время пока не могут преодолеть проблему выработки энергии за счет использования ископаемого топлива. В России, например, многие крупные дата-центры используют электроэнергию из традиционных источников. Казахстан активно развивает зеленую энергетику для собственных нужд, включая цифровые центры. Иран с его высокой энергоемкостью экономики и субсидированием топлива также стоит перед необходимостью обеспечения дата-центров более чистой энергией.

Одним из наиболее существенных вызовов является значительный цифровой разрыв как между странами региона, так и внутри отдельных государств. Высокоскоростной Интернет и современные цифровые сервисы, как правило, сконцентрированы в крупных городах и промышленных центрах, в то время как сельские и удаленные районы остаются недо-

статочно охваченными (Кирамов, 2025), что усиливает социальное и экономическое неравенство. Высокая стоимость доступа в Интернет и цифровых устройств для некоторых слоев населения, особенно в странах с более низким уровнем доходов, ограничивает возможности участия значительной доли общества государств региона в цифровой экономике. Недостаток квалифицированных IT-специалистов и низкий уровень цифровой грамотности населения в целом замедляют внедрение и эффективное использование новых технологий.

Несмотря на все трудности, цифровизация открывает значительные перспективы для экономического роста Каспийского региона, повышения эффективности управления, улучшения качества жизни населения и укрепления регионального сотрудничества. Россия как одна из крупнейших и наиболее развитых в технологическом плане стран региона играет ключевую роль в этом процессе, выступая как драйвер, партнер и центр притяжения для реализации совместных цифровых проектов.

Цифровизация Каспийского региона представляет собой многогранную задачу, которая способна трансформировать экономику, социальную сферу и систему управления государствами региона. Прежде всего, это касается необходимости преодоления цифрового разрыва, обеспечения надежной кибербезопасности, модернизации инфраструктуры, совершенствования регуляторной базы и укрепления доверия между партнерами. Цифровизация Каспийского региона — это не только технологический, но и геополитический проект, требующий политической воли, стратегического видения и совместных усилий всех прикаспийских государств. Россия, будучи одним из ключевых игроков, может внести существенный вклад в создание процветающего и безопасного цифрового будущего для этого стратегически важного региона. Несмотря на существующие вызовы, потенциал для развития сотрудничества в сфере цифровых технологий в Каспийском регионе огромен.

Поступила в редакцию / Received: 06.01.2026

Доработана после рецензирования / Revised: 24.03.2026

Принята к публикации / Accepted: 27.03.2026

Список литературы

- Айтпаева А. А., Петелина И. В., Бисалиев А. А.* Перспективы цифровизации стран Прикаспия: законодательная база и экономический аспект // Каспий в цифровую эпоху : материалы Национальной научно-практической конференции с международным участием в рамках Международного научного форума «Каспий 2021: пути устойчивого развития». Астраханский государственный университет. Астрахань, 2021. Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2021. С. 444–448. EDN: BСННLK
- Андреев Л. А.* Цифровизация банковской системы в Иране // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 1. С. 166–171. <https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-1-4>; EDN: PSWLPD
- Атаева Д. Д.* Концепция развития цифровой экономики в Туркменистане на 2019–2025 годы // Вестник науки. 2024. Т. 4, № 4. С. 265–270. EDN: TBOSWN
- Быстрицкий Н. И.* Вопросы трансформации исторического знания в цифровую эпоху // Цифровое востоковедение. 2023. Т. 3, № 3–4. С. 9–14. EDN: CSHTOW
- Ильясов М. Р., Коган М. В.* Цифровизация транспортной логистики в Каспийском регионе // Социально-экономическое развитие региона в цифровую эпоху : материалы IV Международной научно-практической конференции. Астрахань, 2024. Астрахань : Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, 2024. С. 55–57. EDN: CSGIBQ
- Италмазова Ш., Муханова С., Гурдова Б.* Этапы цифровизации экономики Туркменистана и социально-экономического развития // Экономика, управление и финансы: новые подходы и решения : тезисы докладов и выступлений Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Донецк, 2025. Донецк : Донецкий национальный университет, 2025. С. 517–521. EDN: UFGMNF
- Киравов Б. М.* Влияние цифровизации на трансформацию мировой экономики // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2025. № 3. С. 1–6. EDN: KRHYNV
- Кудряшова Е. В.* Применение технологий искусственного интеллекта в политической сфере стран Азии: возможности, риски и геополитический контекст // Вопросы элитологии. 2025. Т. 6, № 4. С. 190–207. EDN: NEMWFF
- Мамедов З. Ф.* Цифровизация финансового сектора Азербайджана // Информация и инновации. 2024. Т. 19, № 1. С. 21–28. <https://doi.org/10.31432/1994-2443-2024-19-1-21-28>; EDN: HNVNHM
- Овсянникова В. В.* Современные тенденции формирования цифровой платформы сельскохозяйственной отрасли Каспийского региона в контексте экономической безопасности // Caspium Securitatis: журнал Каспийской безопасности. 2023. Т. 3, № 2. С. 54–64. EDN: QONQAL
- Решиков О. И.* Процесс цифровизации в Иране в период санкций // Азия и Африка сегодня. 2022. № 8. С. 26–33. EDN: VFQBVV
- Савзиханова С. Э., Бучаев А. Я.* Экспоненциальный сдвиг технологической парадигмы: от цифровизации к цифровой трансформации // Креативная экономика. 2021. Т. 15, № 3. С. 805–820. <https://doi.org/10.18334/се.15.3.111885>; EDN: THSSVR
- Ходжаммедов Ч.* Цифровизация экономики Туркменистана и ее последствия // Символ науки. 2025. № 2–1. С. 88–89. EDN: OFTMSX
- Шаяхметова К. О., Кабдулин И. М.* Финансовый сектор в условиях цифровизации Казахстана // Теория и практика проектного образования. 2021. № 3. С. 20–22. EDN: RHVUTK
- Шутов Н. А., Волков А. А.* Цифровизация логистики на Каспии от бумаги к блокчейну // Логистика как фактор созидания. Глобальный мир: угрозы и возможности. Память поколений : материалы VII Международного круглого стола (конференции), в рамках мероприятий, посвященных празднованию 80-летия Великой Победы. Астрахань, 2025. Астрахань : ИП Сорокин Роман Васильевич, 2025. С. 51–54. EDN: KWOOLG
- Agafonova S.V., Bryukhova N.G., Kaigorodov B.V., Kuznetsova Yu.V.* Digital Transformation of Education for Sustainability of the Caspian Region // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. Vol. 4, no. 3. P. 208–222. <https://doi.org/10.46539/gmd.v4i3.321>; EDN: FRHULZ
- Kakizhanova T. I., Umirzakov S. Y., Bolatbek Y. A.* Impact of Digitalization on Creative Economy: Evidence From Kazakhstan // Statistics, Accounting and Audit. 2025. No. 3. P. 44–53. <https://doi.org/10.51579/1563-2415.2025.-3.04>; EDN: NSGUTD
- Kargabayeva S. T., Bolatkyzy S., Kamali K. M., Akhmetova K. I.* Digitalisation Impact on E-Commerce in Kazakhstan: Macroeconomic Effects and Forecast // Экономика: стратегия и практика. 2025. Т. 20, № 3. С. 53–67. <https://doi.org/10.51176/1997-9967-2025-3-53-67>; EDN: LRFJOT
- Luchaninova A. A., Baimukhamedova A. M., Baimukhamedov M. F., Isaeva N. N.* Prospects for Digitalization and Robotization of the Economy of Kazakhstan // Вестник Университета Туран. 2023. № 2. С. 118–129. <https://doi.org/10.46914/1562-2959-2023-1-2-118-129>; EDN: AYJHAW

- Mahdaviaeh R.* State Adoption of Cryptocurrency: A Case Study Analysis of Iran, Russia, and Venezuela // *American Journal of Undergraduate Research*. 2022. Vol. 19, no. 1. P. 13–22. <https://doi.org/10.33697/ajur.2022.055>; EDN: WFDSGY
- Noadoust S., Ranjbar M. S.* Tarahi-ye model-e tahavvol-e digital dar san'at-e naft-o gaz-e daryayi dar Iran [Разработка модели цифровой трансформации в шельфовой нефтегазовой отрасли Ирана] // *Industrial Management Journal*. 2024. Vol. 16, no. 1. P. 117–147. (На фарси). <https://doi.org/10.22059/imj.2024.374051.1008139>
- Roco M. C., Bainbridge W. S.* Converging Technologies for Improving Human Performance: Integrating From the Nanoscale // *Journal of Nanoparticle Research*. 2002. Vol. 4, no. 4. P. 218–295. <https://doi.org/10.1023/A:1021152023349>; EDN: BCJRPP
- Teterskiy S. V., Izmailov A. I., Dakhina E. R., Ilyasova S. V.* Digitalization of Creative Spaces of the Caspian Region Youth // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2022. Vol. 4, no. 4. P. 265–283. <https://doi.org/10.46539/gmd.v4i4.349>; EDN: IFKVPD

Сведения об авторе:

Жильцов Сергей Сергеевич — доктор политических наук, заведующий кафедрой политической теории, Дипломатическая академия МГИМО МИД России; Российская Федерация, 119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1; eLibrary SPIN-код: 4297-7880; ORCID: 0000-0002-4898-2627; e-mail: serg.serg56@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-2-240-255

EDN: HQFCWE

Научная статья / Research article

Интеграция цифровых технологий в систему коллективной безопасности Центральной Азии и России: разработка многоуровневой модели нейтрализации угроз

С.Г. Лузянин^{1,2} , О.М. Умаров¹ ¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация²Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация omuhammadaliyevich@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено проблеме трансформации архитектуры коллективной безопасности в Евразийском регионе в условиях цифровизации и возникновения новых трансграничных угроз. Анализ современных вызовов показывает, что существующие интеграционные структуры, такие как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Евразийский союз (ЕАЭС), хотя и обладают значительным потенциалом, демонстрируют ограниченную эффективность в противодействии современным цифровым угрозам, включая кибератаки на критическую инфраструктуру, экологические катастрофы и энергетические кризисы. Особую остроту эти проблемы приобретают в контексте усиления технологической фрагментации и появления новых форм трансграничной преступности. Цель исследования — разработка комплексной модели цифровой субрегиональной безопасности для государств Центральной Азии и России, интегрирующей передовые технологические решения с институциональными механизмами евразийских объединений. Научная новизна исследования заключается в синтезе институционального анализа и технологического моделирования, что позволяет преодолеть традиционную фрагментарность подходов к региональной безопасности в сфере цифровизации. В отличие от существующих исследований предлагаемая модель учитывает как вертикальные, так и горизонтальные связи между национальными ведомствами и интеграционными структурами. Методологическую основу составляет сравнительный анализ компетенций и архитектуры евразийских организаций, дополненный проектированием многоуровневой системы координации с применением технологий искусственного интеллекта, блокчейна и Интернета вещей. Особое внимание уделено принципам совместимости систем и предиктивной аналитики. Выявлены системные пробелы в охвате современных угроз существующими механизмами безопасности, разработан Шаблон цифровой субрегиональной безопасности (ШЦСБ), установлены конкретные показатели эффективности внедрения цифровых решений и предложены адаптивные механизмы финансирования с учетом дифференцированных возможностей стран-участниц. Особую важность представляет ориентация на практическую реализацию проекта, внедрение результатов в деятельность профильных ведомств и интеграционных объединений. Предлагаемый подход позволяет существенно повысить оперативность реагирования на современные вызовы и угрозы.

Ключевые слова: цифровизация, киберугрозы, критическая инфраструктура, межведомственное взаимодействие, трансграничные вызовы, искусственный интеллект, блокчейн, Интернет вещей, управление рисками

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в опубликованную статью.

© Лузянин С.Г., Умаров О.М., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. Лузянин С.Г.: концепция исследования, методология исследования, анализ системы международных организаций, разработка комплексной модели цифровой субрегиональной безопасности. Умаров О.М.: анализ системы международных организаций, разработка комплексной модели цифровой субрегиональной безопасности. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лузянин С. Г., Умаров О. М. Интеграция цифровых технологий в систему коллективной безопасности Центральной Азии и России: разработка многоуровневой модели нейтрализации угроз // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 2. С. 240–255. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-240-255>; EDN: HQFCWE

Integrating Digital Technologies into the Collective Security System of Central Asia and Russia: Developing a Multi-Level Threat Neutralization Model

Sergey G. Luzyanin^{1,2}, Otabek M. Umarov¹✉

¹National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

²Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
✉ omuhammadaliyevich@mail.ru

Abstract. The study addresses the pressing issue of transforming the collective security architecture in the Eurasian region amidst digitalization and the emergence of new transnational threats. An analysis of contemporary challenges reveals that existing integration structures, such as the Collective Security Treaty Organization (CSTO), the Shanghai Cooperation Organisation (SCO), and the Eurasian Economic Union (EAEU), demonstrate limited effectiveness in countering modern hybrid threats. These include cyberattacks on critical infrastructure, environmental disasters, and energy crises. The acuteness of these problems is further amplified by increasing technological fragmentation and the emergence of new forms of transnational crime. The primary aim of this work is to develop a comprehensive model of a digital subregional security for the states of Central Asia and Russia. This model integrates advanced technological solutions with institutional mechanisms of the Eurasian associations. The scientific novelty of the research lies in the synthesis of institutional analysis and technological modelling. The proposed model accounts for both vertical and horizontal linkages between national agencies and integration structures. The methodological foundation comprises a comparative analysis of the competencies and architecture of Eurasian organizations, supplemented by the design of a multi-level coordination system utilizing artificial intelligence, blockchain, and the Internet of Things technologies. The study's results include the identification of systemic gaps in the coverage of modern threats by existing security mechanisms, the development of a hierarchical security management model—the Digital Subregional Security Template (DSST), the establishment of specific performance indicators for the implementation of digital solutions, and the proposal of adaptive financing mechanisms considering the differentiated capabilities of participating states. A particular value lies in the focus on practical implementation through the creation of pilot zones. This distinguishes the present research from theoretical developments in the field of regional security, and ensures the integration of its findings into the operations of relevant government agencies and integration associations.

Key words: cyber threats, critical infrastructure, interagency cooperation, transnational challenges, artificial intelligence, blockchain, Internet of Things, risk management

Data availability statement. All data obtained during this study are included in the published article.

Authors' contributions. S.G. Luzyanin: research concept, research methodology, analysis of the system of international organizations, development of a comprehensive model of digital subregional security. O.M. Umarov: analysis of the system of international organizations, development of a comprehensive model of digital subregional security. Both authors read and approved the final version of the article.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Luzyanin, S. G., & Umarov, O. M. (2026). Integrating digital technologies into the collective security system of Central Asia and Russia: Developing a multi-level threat neutralization model. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(2), 240–255. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-240-255>; EDN: HQFCWE

Введение

Современная архитектура евразийской безопасности переживает период фундаментальной трансформации, обусловленной динамичным изменением характера угроз и стремительной цифровизацией всех сфер общественной жизни. На геополитической карте Евразии сформировалась уникальная многоуровневая система международных организаций, где Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) представляют собой взаимодополняющие, но недостаточно интегрированные институциональные структуры в сфере цифровой безопасности, что обусловлено как нормативно-правовыми пробелами, так и некоторым технологическим отставанием стран-членов. Цифровая трансформация, с одной стороны, создает новые уязвимости, а с другой — открывает беспрецедентные возможности для совершенствования системы коллективной безопасности.

Актуальность исследования обусловлена стремительной цифровизацией и появлением новых трансграничных угроз, требующих пересмотра традиционных подходов к обеспечению региональной безопасности. Особую значимость приобретает необходимость преодоления фрагментарности существующих механизмов безопасности в условиях нарастания гибридных угроз, включая кибератаки на критическую инфраструктуру, энергетические кризисы и экологические катастрофы.

Целью исследования является разработка комплексной модели цифровой субрегиональной безопасности, интегрирующей технологические решения с институциональными механизмами евразийских объединений для государств Центральной Азии и России. В рамках достижения данной цели предполагается провести сравнительный анализ эффективности существующих структур безопасности,

выявить системные пробелы в охвате современных угроз и разработать многоуровневую систему координации с применением передовых цифровых технологий.

Научная новизна исследования состоит в представлении новой интегрированной цифровой платформы субрегиональной безопасности — Шаблона цифровой субрегиональной безопасности (ШЦСБ), содержащего дорожную карту, иерархическую структуру, функционал, предложения по его внедрению и проч.

Создание интегрированной цифровой платформы субрегиональной безопасности, как представляется, позволит существенно повысить оперативность реагирования на современные вызовы за счет обеспечения совместимости систем пяти национальных субъектов (России, Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана)¹, внедрения предиктивной аналитики и реализации многоуровневой киберзащиты. Предполагается, что предлагаемая модель сможет эффективно дополнить существующие институты безопасности за счет устранения нормативных и технологических разрывов, а также усилить синергию между национальными ведомствами и интеграционными структурами в цифровой сфере.

Отличительной особенностью исследования является ориентация на практическую реализацию предлагаемой модели через создание пилотных зон и механизмов технологического трансфера в рамках внедрения предлагаемой модели в деятельность профильных ведомств и интеграционных объединений.

Материалы и методы

Проблемы цифровой безопасности на уровне государственных и корпоративных институтов, защиты критической инфраструктуры от кибератак, включая возможности меж-

¹ В силу закрытости данных в перечень субъектов Шаблона не был включен Туркменистан.

дународного сотрудничества в сфере цифровизации, а также цифрового неравенства и суверенитета поднимались в конце 1990-х – в 2000-е гг. в ряде западных², российских (Гаврилов, 2020; Бухарин, 2016; Зиновьева, Шитьков, 2023; Володенков и др., 2021) и китайских исследований (Ма и др., 2019; Duan, 2022; Xiao, Xie & Wu, 2020; Chen et al., 2019). При этом китайский экспертный опыт больше ориентирован на внутренние цифровые проекты Поднебесной, а также цифровизацию своего проекта «Шелкового пути». Российские же разработки кроме собственно российских цифровых проектов выступают как основа для исследования международных, субрегиональных цифровых форматов, в частности в системе «Россия — Центральная Азия».

Тема использования новых технологий и искусственного интеллекта (ИИ) в сфере безопасности учеными из Центральной Азии исследована слабо, преимущественно авторами из Казахстана и Узбекистана (Даубасова, Алаева, Джумабаева, 2024). Публикации в основном посвящены использованию правовому регулированию ИИ в обороне и национальной безопасности (Мустафина, Далелхан, Ногаева Карача, 2025) и проблемам и перспективам внедрения информационных технологий с ИИ в государственном секторе государств региона (Аминов, Очилов, Ботирова, 2025; Умаров, 2025). Тематические публикации из Кыргызстана Таджикистана и Туркменистана в академических базах данных отсутствуют, что указывает на пробелы в региональном дискурсе о цифровизации.

Методологическая база исследования основана на комплексном подходе, сочетающем системный подход, который позволяет анализировать архитектуру региональной безопасности как целостный комплекс взаимосвязанных элементов, а применение сравнительного метода обеспечивает выявление специфики

функционирования ключевых интеграционных структур, таких как ОДКБ, ШОС и ЕАЭС, в контексте их адаптации к современным вызовам. Институциональный анализ позволил определить компетенции и зоны ответственности существующих механизмов безопасности, в то время как структурно-функциональный метод способствовал проектированию многоуровневой модели управления угрозами.

Сценарное моделирование в рамках данного исследования проводилось на основе системного анализа трансформации угроз и возможностей, возникающих в процессе цифровизации пространства евразийской безопасности для оценки устойчивости и потенциальной эффективности предлагаемой модели Шаблона цифровой субрегиональной безопасности (ШЦСБ) в условиях различных траекторий развития региональной ситуации. Моделирование строилось на разработке и сопоставлении ряда альтернативных сценариев, учитывающих переменные факторы, такие как динамика гибридных угроз, скорость технологической адаптации интеграционных структур и глубина межгосударственной координации. Прогнозная аналитика выступила ключевым связующим звеном между институциональным проектированием и технологическим наполнением разрабатываемой комплексной модели безопасности.

Критерии отбора организаций для сравнительного анализа базируются на их системообразующей роли в архитектуре евразийской безопасности и непосредственной релевантности для целевого субрегиона (Россия и Центральная Азия). ОДКБ, ШОС и ЕАЭС были избраны как необходимый и достаточный набор, поскольку в совокупности они исчерпывают ключевые форматы сотрудничества (военно-политический, широкой региональной безопасности и экономической интеграции), полностью охватывая государства, для которых проектируется модель цифровой безопасности. Сравнительный анализ этих организаций позволяет выявить функциональные пересечения, нормативно-технологические разрывы и институциональные пробелы в цифровой сфере, что непосредственно обосновывает необходимость разработки новой интегриро-

² Spafford E. H. Cyber Terrorism: The New Asymmetric Threat. Testimony before the House Armed Services Committee, Subcommittee on Terrorism, Unconventional Threats and Capabilities. July 24, 2003 // Association for Computing Machinery. URL: https://www.acm.org/binaries/content/assets/public-policy/usacm/privacy-and-security/cybersecurity/03_07_24_spafford1.pdf (accessed: 29.10.2025). См. также: (Denning, 1999; Schneier, 2003).

ванной платформы, призванной дополнить и синхронизировать существующие, но фрагментированные механизмы системы цифровой безопасности в Центральной Азии.

Междисциплинарный характер исследования потребовал интеграции методологического аппарата из смежных областей знания: теории международных отношений, кибербезопасности и цифровой экономики. Такой подход обеспечил всесторонний анализ проблематики и способствовал разработке сбалансированной модели, учитывающей как технологические, так и политико-правовые аспекты интеграции цифровых технологий в систему региональной безопасности.

Результаты исследования

На современной геополитической карте Евразии сформировалась уникальная многоуровневая система международных организаций, каждая из которых решает специфические задачи в сфере безопасности. ЕАЭС, ШОС и ОДКБ представляют собой три столпа этой архитектуры. Их цели и функции часто пересекаются, но сами организации имеют четкие различия, от преимущественно экономической интеграции до военно-политического союза.

ОДКБ, созданная в 2002 г., представляет собой военно-политический альянс оборонительной направленности, являющийся ключевым элементом системы безопасности на постсоветском пространстве. Организация, включающая шесть государств, базируется на принципе коллективной обороны: агрессия против одного участника рассматривается как агрессия против всех. Институциональная структура ОДКБ включает как политические (Совет коллективной безопасности, советы министров), так и военные органы (Объединенный штаб). Помимо задач коллективной обороны организация координирует противодействие терроризму, наркоторговле, нелегальной миграции и киберугрозам (табл. 1).

ШОС (создана в 2001 г.) является более широкой региональной платформой безопасности, включающей не только постсоветские страны, но и Китай, Индию, Пакистан и Иран.

Ключевой особенностью организации является специализированная Региональная антитеррористическая структура (РАТС), координирующая взаимодействие спецслужб, формирование баз данных по терроризму и проведение совместных учений. Высшими политическими органами ШОС выступают советы глав государств и правительств (см. табл. 1).

ЕАЭС (образован в 2015 г.) – экономический союз пяти государств, интегрирующий вопросы безопасности в хозяйственные процессы. Ключевой институт – Евразийская экономическая комиссия, чьи департаменты обеспечивают безопасность через таможенное регулирование, контроль стандартов и фитосанитарию. Механизмы защиты включают противодействие недобросовестной конкуренции, сохранение конфиденциальности данных и прослеживаемость товаров (см. табл. 1).

Сравнительный анализ функций, состава и структур этих организаций (см. табл. 1) позволил выявить различные подходы к безопасности. ОДКБ фокусируется на военно-политической составляющей и коллективной обороне, ШОС специализируется на нетрадиционных угрозах через координацию спецслужб, а ЕАЭС интегрирует безопасность в экономические процессы. По составу ОДКБ и ЕАЭС объединяют постсоветские страны, тогда как ШОС, как уже отмечалось, представляет собой более широкую платформу с участием крупных азиатских государств. Взаимодействие этих организаций формирует многоуровневую систему безопасности, где каждый институт занимает свою нишу. Процесс цифровизации в рамках евразийских интеграционных структур привнес значительные преобразования в механизмы межгосударственного взаимодействия. Ключевым преимуществом стало повышение эффективности кооперации между странами-участницами. Создание единых информационных систем, таких как РАТС ШОС, способствует ускорению обмена данными и улучшению координации совместных действий. Цифровизация таможенных процедур в рамках ЕАЭС приводит к существенному сокращению времени обработки грузов и минимизации коррупционных рисков (табл. 2).

Таблица 1. Функции, состав и структура ключевых организаций евразийской безопасности

Наименование / тип организации	Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)	Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)	Евразийский экономический союз (ЕАЭС)
	Военно-политический альянс	Платформа по безопасности и взаимодействию в Азии	Экономическая интеграция с элементами безопасности
Назначение	Обеспечение коллективной обороны участников Координация действий в сфере борьбы с международным терроризмом, незаконным оборотом наркотиков, нелегальной миграцией и кибербезопасностью	Укрепление взаимного доверия и добрососедских отношений Совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму Развитие сотрудничества в политической, торгово-экономической, культурной и иных областях	Формирование единого экономического пространства, обеспечение «четырёх свобод» (движение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы) Проведение скоординированной экономической политики
Состав участников	Армения Беларусь Казахстан Кыргызстан Россия Таджикистан	Государства-члены: Россия, Китай, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Индия, Пакистан, Иран, Беларусь Государства-наблюдатели: Афганистан, Монголия Партнёры по диалогу: Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Турция, Шри-Ланка и др.	Армения Беларусь Казахстан Кыргызстан Россия
Внутренняя структура и функции	СКБ — высший орган, принимает стратегические решения СМИД и СМО — координация внешнеполитической и военной деятельности КССБ — выработка подходов к противодействию современным вызовам и угрозам ПС — текущая работа и координация ГС — обеспечение реализации решений ОШ ОДКБ — подготовка и применение сил и средств системы коллективной безопасности	СГГ ШОС — высший орган, определяет приоритеты и стратегию РАТС ШОС — ключевой исполнительный орган в сфере безопасности СНК ШОС — координация взаимодействия внутри организации СГП, и СМИД, СМО — решение вопросов практического взаимодействия	ЕЭК — наднациональный регулирующий орган СБ ЕЭК — защита конфиденциальной информации КЕЭК — решения по ключевым вопросам функционирования внутреннего рынка МПС — координация действий пограничных ведомств СПТ — противодействие контрабанде и мошенничеству

Примечание. ОДКБ — Организация Договора о коллективной безопасности; СКБ ОДКБ — Совет коллективной безопасности ОДКБ; СМИД — Совет министров иностранных дел ОДКБ; СМО — Совет министров обороны ОДКБ; КССБ — Комитет секретарей советов безопасности ОДКБ; ПС — Постоянный Совет ОДКБ; ГС — Генеральный секретариат ОДКБ; ОШ ОДКБ — Объединенный штаб ОДКБ.

ШОС — Шанхайская организация сотрудничества; СГГ — Совет глав государств ШОС; РАТС — Региональная антитеррористическая структура ШОС; СНК — Совет национальных координаторов ШОС; СГП — Совет глав правительств ШОС; СМИД — Совет министров иностранных дел ШОС; СМО — Совет министров обороны ШОС.

ЕАЭС — Евразийский экономический союз; ЕЭК — Евразийская экономическая комиссия ЕАЭС; СБ ЕЭК — Совет по безопасности ЕЭК ЕАЭС; КЕЭК — Коллегия Евразийской экономической комиссии ЕАЭС; МПС — Механизмы пограничного сотрудничества ЕАЭС; СПТ — Системы прослеживаемости товаров ЕАЭС.

Источник: составлено С.Г. Лузяниным и О.М. Умаровым.

Существенно усиливаются возможности обеспечения безопасности. Совместные системы кибермониторинга, разрабатываемые под эгидой ОДКБ³, позволяют своевременно выяв-

лять и нейтрализовывать киберугрозы. Формирование общих баз данных по терроризму и экстремизму в рамках ШОС (Румянцев, Рахимов, 2022) повышает точность и эффективность превентивных мер.

³ Замахина Т. Парламенты ОДКБ приняли концепцию борьбы с киберугрозами // Российская газета. 30.11.2020. URL: [https://rg.ru/2020/11/30/parlamenty-odkb-priniali-](https://rg.ru/2020/11/30/parlamenty-odkb-priniali-konceptiiu-borby-s-kiberugrozami.html)

[konceptiiu-borby-s-kiberugrozami.html](https://rg.ru/2020/11/30/parlamenty-odkb-priniali-konceptiiu-borby-s-kiberugrozami.html) (дата обращения: 28.08.2025).

Таблица 2. Сравнительный анализ цифровых стратегий безопасности в рамках ОДКБ, ШОС и ЕАЭС

Критерий	Организация		
	ОДКБ	ШОС	ЕАЭС
Основной фокус цифровизации	Военно-политическая безопасность, киберзащита, управление кризисами	Противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму, киберсуверенитет	Экономическая интеграция, снижение неэкономических рисков
Ключевые структуры и механизмы	Координационный центр по кибербезопасности (с 2017 г.), информационная система ОДКБ	Региональная антитеррористическая структура (РАТС), базы данных по терроризму и киберугрозам	Интегрированные информационные системы, «цифровые транспортные коридоры», электронные сертификаты
Основные направления деятельности	Мониторинг и противодействие киберугрозам, обмен информацией о кибератаках, гармонизация законодательства, проведение учений (например, «ПРОРЫВ»)	Интеграция информации из национальных источников, предиктивный анализ угроз, регулирование контента, противодействие «цветным революциям»	Реализация проектов прослеживаемости товаров, минимизация рисков контрабанды и мошенничества, гармонизация требований к безопасности
Специфические особенности	Оперативный обмен данными в режиме реального времени, акцент на гибридных угрозах	Продвижение концепции государственного контроля над интернет-пространством, инициативы по цифровой торговле	Фокус на экономической безопасности, обеспечение «четырех свобод» (движение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы)

Источник: составлено С.Г. Лузяниным и О.М. Умаровым.

Анализ архитектуры ОДКБ, ШОС и ЕАЭС также позволил обнаружить системные проблемы в охвате современных нетрадиционных угроз. Несмотря на развитое сотрудничество в сферах кибербезопасности и противодействия терроризму, остаются неструктурированными ключевые сферы: энергетическая безопасность (отсутствуют механизмы кризисного реагирования и защиты инфраструктуры); экологические угрозы (нет систем мониторинга и ликвидации трансграничных катастроф); продовольственная безопасность (не созданы системы раннего предупреждения и адаптации агропромышленных комплексов стран-участниц); социально-демографические вызовы (не развиты механизмы управления миграцией и демографическими угрозами); технологические риски (отсутствует регулирование ИИ и биобезопасности).

При этом вопросы безопасности на евразийском пространстве актуальны как никогда. На саммите ШОС, прошедшем 31 августа 2025 г. в г. Тяньцзинь (Китайская Народная Республика (КНР)), было одобрено соглашение об Универсальном центре по противодействию вызовам и угрозам безопасности странам — членам объединения и об Антинаркотическом центре, а также утверждена дорожная карта по

развитию энергетического взаимодействия до 2030 г.⁴ 9 октября 2025 г. в рамках саммита «Центральная Азия – Россия» в Душанбе заместитель председателя правительства РФ Дмитрий Григоренко провел совещание по развитию цифрового сотрудничества в регионе⁵.

Однако существующая архитектура евразийской безопасности сохраняет реактивный характер, ориентированный на традиционные вызовы. Отсутствие проактивных механизмов создает серьезные уязвимости перед новыми угрозами, для противодействия которым необходима комплексная цифровая стратегия, включающая создание специализированных подразделений безопасности в ключевых сферах (энергетика, экология, миграция и др.), а также научно-аналитических центров раннего предупреждения. Критически важным является формирование постоянно действующих рабочих групп с применением ИИ для анализа угроз и разработки многоуровневой системы координации между всеми механизмами безопасности.

⁴ Совет глав государств — членов ШОС одобрил Тяньцзиньскую декларацию // РИА Новости. 01.09.2025. URL: <https://ria.ru/20250901/shos-2038770495.html> (дата обращения: 03.11.2025).

⁵ Второй саммит Россия — Центральная Азия // Президент России. 09.10.2025. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/78180> (дата обращения: 30.10.2025).

В условиях стремительной цифровой трансформации и роста трансграничных угроз актуализируется необходимость формирования согласованных механизмов обеспечения безопасности на субрегиональном уровне. Предлагаемая модель Шаблона цифровой субрегиональной безопасности призвана объединить усилия пяти государств — Российской Федерации, Республики Узбекистан, Республики Казахстан, Республики Таджикистан и Киргизской Республики в сфере противодействия современным вызовам в киберпространстве, энергетике, экологии, борьбе с трансграничной преступностью и координации действий при чрезвычайных ситуациях.

Концептуальные основы ШЦСБ

ШЦСБ базируется на принципах совместимости систем, предиктивной аналитики и многоуровневой киберзащиты. Реализация Шаблона предполагает создание интегрированной цифровой экосистемы, включающей:

- единую платформу мониторинга и прогнозирования чрезвычайных ситуаций (ЧС), объединяющую данные национальных служб министерств по чрезвычайным ситуациям (МЧС) с использованием ИИ для моделирования сценариев развития катастроф, разработку общих стандартов для систем мониторинга и предупреждения ЧС, обучение и подготовку кадров в области цифровых технологий для МЧС, включая симуляции и обучение на основе данных;
- межгосударственную систему противодействия киберпреступности и наркотрафику, основанную на распределенных реестрах (блокчейн) для отслеживания перемещения запрещенных грузов и машинного анализа криминальных сетей с использованием больших данных, а также разработки протоколов обмена информацией между правоохранительными органами для быстрого реагирования на угрозы;
- цифровые двойники энергосистем с элементами *Smart Grid*, обеспечивающие устойчивость к кибератакам и оптимизацию распределения энергоресурсов;
- создание единой экосистемы для мониторинга экологической ситуации в регионе с использованием спутниковых данных и IoT-

устройств — Экологического цифрового атласа, аккумулирующего данные дистанционного зондирования Земли, показания датчиков и гидрометеорологические наблюдения для прогнозирования экологических угроз; разработка цифровых инструментов для оценки воздействия на окружающую среду, включая системы раннего предупреждения о природных катастрофах; обмен данными о состоянии экосистем между странами для более эффективного реагирования на экологические угрозы.

Систематизация основных направлений цифровой трансформации в рамках ШЦСБ позволяет составить предварительную *дорожную карту* реализации этой структуры в виде комплексного стратегического плана, направленного на поэтапное внедрение цифровых технологий в ключевые сферы обеспечения региональной безопасности, где последовательно раскрываются основные векторы развития, конкретные мероприятия, технологическая база и прогнозируемые результаты трансформационных процессов (табл. 3).

Предложенная модель безопасности основана на синергии решений, где меры в одной области (экология) приносят пользу другим (МЧС, энергетика). Четкие показатели эффективности обеспечивают объективную оценку прогресса. Дорожная карта интегрирует технологические инновации с межгосударственным сотрудничеством, формируя методологическую основу цифровой трансформации безопасности. Дальнейшая работа требует конкретизации финансирования, создания рабочих групп и запуска пилотных проектов.

Предложенная дорожная карта реализует принцип последовательного и нарастающего внедрения, где временные рамки этапов (2026–2030 гг.) определены с учетом технологической сложности, степени институциональной готовности и необходимости формирования доверия между участниками.

Первый этап фокусируется на создании базовой технологической и нормативной платформы через относительно менее чувствительные, но критически важные направления, цифровизацию МЧС и экологический мониторинг, что закладывает основу для обмена данными.

Таблица 3. Дорожная карта ШЦСБ: задачи, мероприятия, технологии и результаты

Задачи	Ключевые мероприятия	Технологические решения	Ожидаемые результаты*	Этапы реализации
Цифровизация МЧС	Создание единой межгосударственной платформы обмена данными о ЧС. Разработка общих стандартов мониторинга. Подготовка кадров с использованием цифровых симуляторов	Облачные технологии, ИИ-аналитика, VR-тренажеры	Повышение оперативности реагирования на 30–40 %, сокращение времени принятия решений	1-й этап (2026–2028 гг.)
Борьба с транснациональной преступностью	1. Внедрение системы анализа преступной деятельности. 2. Разработка протоколов обмена информацией 3. Создание механизмов отслеживания наркотрафика	Big Data, блокчейн-технологии, криптографическая защита	Увеличение раскрываемости преступлений на 25 %, снижение объемов нелегального трафика	2-й этап (2027–2029 гг.)
Энергетическая безопасность	1. Развертывание системы мониторинга энергопотоков 2. Стандартизация управления инфраструктурой 3. Реализация проектов ВИЭ	Smart Grid, цифровые двойники, системы автоматизации	Оптимизация энергопотребления, снижение потерь до 15–20 %	2-й этап (2027–2030 гг.)
Экологический мониторинг	1. Создание единой системы эко-контроля 2. Разработка инструментов оценки воздействия 3. Организация обмена экоданными	Дистанционное зондирование, IoT-датчики, спутниковый мониторинг	Улучшение прогнозирования катастроф, снижение экологического ущерба	1-й и 2-й этапы (2026–2030 гг.)

Примечания. Раздел по ожидаемым результатам основан на оценках: Emergency Response Training VR: Preparing Responders with Immersive, Realistic Simulations // Spark. January 8, 2026. URL: <https://sparkemtech.co.uk/blog/emergency-response-training-vr-preparing-responders-with-immersive-realistic-simulations> (accessed: 03.02.2026); McDermid M. Evolving Technologies Can Enhance Emergency Responses in Smart Cities // StaeTech. January 12, 2022. URL: <https://statetechmagazine.com/article/2022/01/evolving-technologies-can-enhance-emergency-responses-smart-cities#:~:text=From%20limited%20budgets%20to%20staffing,by%2030%20to%2040%20percent> (accessed: 03.02.2026); Building an AI to Predict Infrastructure Damage from Disasters // NTT Group Information Security Policy. April 25, 2024. URL: <https://group.ntt/en/newsrelease/2024/04/25/240425a.html> (accessed: 03.02.2026); Harnessing Emerging Technologies for Disaster Risk Reduction // World Meteorological Organization. December 18, 2023. URL: <https://wmo.int/media/magazine-article/harnessing-emerging-technologies-disaster-risk-reduction> (accessed: 03.02.2026). См. также: (Eom & Lee, 2022; Kostina & Kostin, 2022; Brayne, 2018; Антипова, 2026; Kabeyi & Olanrewaju, 2023).

Условные обозначения: ЧС — чрезвычайные ситуации, ИИ — искусственный интеллект, ВИЭ — возобновляемые источники энергии, VR — виртуальная реальность (*virtual reality*); Big Data — большие массивы информации, их сбор, обработка и аналитика; IoT — Интернет вещей (*Internet of Things*), то есть сеть физических объектов («вещей»), оснащенных датчиками, программным обеспечением и сетевыми модулями, которые позволяют им обмениваться данными через Интернет с другими устройствами и системами без участия человека.

Источник: составлено С.Г. Лузяниным и О.М. Умаровым.

Второй этап, являясь логическим продолжением первого, параллельно запускает более комплексные и политически деликатные модули борьбы с преступностью и энергетической безопасности, однако их различная длительность (2027–2029 и 2027–2030 гг. соответственно) отражает объективные различия в масштабе задач, от интеграции программных решений и протоколов до синхронизации

физической инфраструктуры и масштабных инвестиций.

Хронология этапов внедрения ШЦСБ не является жестким коридором, а представляет собой гибкую схему, где проекты, сгруппированные по логике запуска, имеют индивидуальные сроки реализации, обусловленные их спецификой и необходимой глубиной трансформации.

Таблица 4. Иерархическая структура Шаблона цифровой субрегиональной безопасности

Подразделение	Составляющие	
Высший совет	Министры цифрового развития	
	Министры безопасности	
	Министры энергетики	
	Министры экологии	
	Министры МЧС 5 стран	
Исполнительный комитет	Постоянные представители государств	
	Международные эксперты	
Центры компетенций	Центр кибербезопасности и противодействия преступности	ФСБ (РФ) КНБ (Казахстан) СНБ (Узбекистан)
	Центр цифровых систем МЧС	МЧС России Казселезащита МЧС др. стран
	Центр энергетического мониторинга	Россети KEGOC Барки точек
	Центр экологического мониторинга	Росгидромет Казгидромет Узгидромет и др.
Технологическая инфраструктура	Единая облачная платформа	
	Блокчейн-системы	
	IoT-сети	
	Ситуационные центры в каждой стране	

Примечания. ФСБ РФ — Федеральная служба безопасности Российской Федерации (РФ); КНБ (Казахстан) — Комитет национальной безопасности Республики Казахстан (РК); СНБ (Узбекистан) — Служба национальной безопасности Республики Узбекистан (РУ); МЧС России — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий; Россети — ПАО «Федеральная сетевая компания Россети», один из крупнейших в мире электросетевых холдингов; KEGOC — АО KEGOC (*Kazakhstan Electricity Grid Operating Company*), национальный оператор электрических сетей Казахстана; Барки точек — (ОАХК «Барки Точки»), государственная энергетическая компания Республики Таджикистан; Росгидромет — Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды РФ; Казгидромет – Республиканское государственное предприятие «Казгидромет», гидрометеорологическая служба РК при Министерстве экологии и природных ресурсов РК; Узгидромет — Центр гидрометеорологической службы при Кабинете министров Республики РУ.

Источник: составлено С.Г. Лузяниным и О.М. Умаровым.

Структура ШЦСБ

Для обеспечения эффективного функционирования, необходимого уровня прозрачности и международной привлекательности предлагаемой модели ШЦСБ требуется создание комплексной организационной архитектуры, включающей несколько взаимосвязанных уровней управления и координации. Концепция ШЦСБ представляет собой сложную многоуровневую систему, где каждый элемент выполняет строго определенные функции при сохранении гибкости взаимодействия с другими компонентами структуры (табл. 4).

На вершине иерархической структуры располагается *Высший совет* (ВС) ШЦСБ, выполняющий функции стратегического руководящего органа. В его состав входят профильные министры пяти государств-участников, отвеча-

ющие за ключевые направления сотрудничества: цифровое развитие, национальную безопасность, энергетику, экологию и чрезвычайные ситуации. ВС может функционировать под эгидой существующих интеграционных структур (ОДКБ, ШОС, ЕАЭС). Этот коллегиальный орган определяет стратегические приоритетные векторы развития сотрудничества и принимает основополагающие политические решения, которые затем транслируются на нижестоящие уровни управления. Его задачи включают гармонизацию нормативно-правовых баз, проведение совместных учений по кибербезопасности и выработку протоколов обмена данными (табл. 4).

Оперативное воплощение решений Высшего совета обеспечит *Исполнительный комитет*, состоящий из постоянных представителей государств и привлекаемых международных

экспертов (см. табл. 4). Данный орган выполняет критически важную функцию трансформации стратегических установок в конкретные программы действий, одновременно осуществляя мониторинг их реализации и подготовку аналитических материалов для корректировки курса. Особенностью данной структуры является ее способность оперативно адаптироваться к изменяющимся условиям благодаря включению в состав независимых экспертов с различными профессиональными профилями.

Функциональная составляющая системы реализуется через сеть специализированных *Центров компетенций*, организованных по отраслевому принципу, каждый из которых фокусируется на конкретном направлении сотрудничества.

Центр кибербезопасности и противодействия преступности объединяет оперативные возможности национальных спецслужб (ФСБ России, КНБ Казахстана, СНБ Узбекистана), создавая единое информационное пространство для выявления и нейтрализации трансграничных угроз. Параллельно *Центр цифровых систем МЧС* обеспечивает интеграцию технологических решений в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, используя передовые методы анализа рисков и прогнозирования.

Центр энергетического мониторинга обеспечивает интеграцию данных от ведущих сетевых операторов региона (Россетей, КEGOC, «Барки точик» и др.), что через координацию их действий позволяет не только повышать надежность энергосистем, но и оптимизировать распределение ресурсов.

Центр экологического мониторинга объединяет возможности гидрометеорологических служб (Росгидромета, Казгидромета, Узгидромета и др.) в области контроля состояния окружающей среды. Экологический мониторинг позволяет обеспечивать комплексный контроль состояния окружающей среды с применением современных технологий дистанционного зондирования.

Технологическая инфраструктура ШЦСБ представляет собой сложный симбиоз цифровых решений. Технологическую основу ШЦСБ могут составить:

- единая защищенная облачная платформа для хранения и обработки данных, служащая

основой для хранения и обработки данных и обеспечивающая при этом необходимый уровень безопасности и доступности информации;

- блокчейн-системы обеспечения доверия и отслеживания транзакций — для создания доверенной среды обмена данными, особенно в чувствительных областях, таких как отслеживание трансграничных преступных схем;

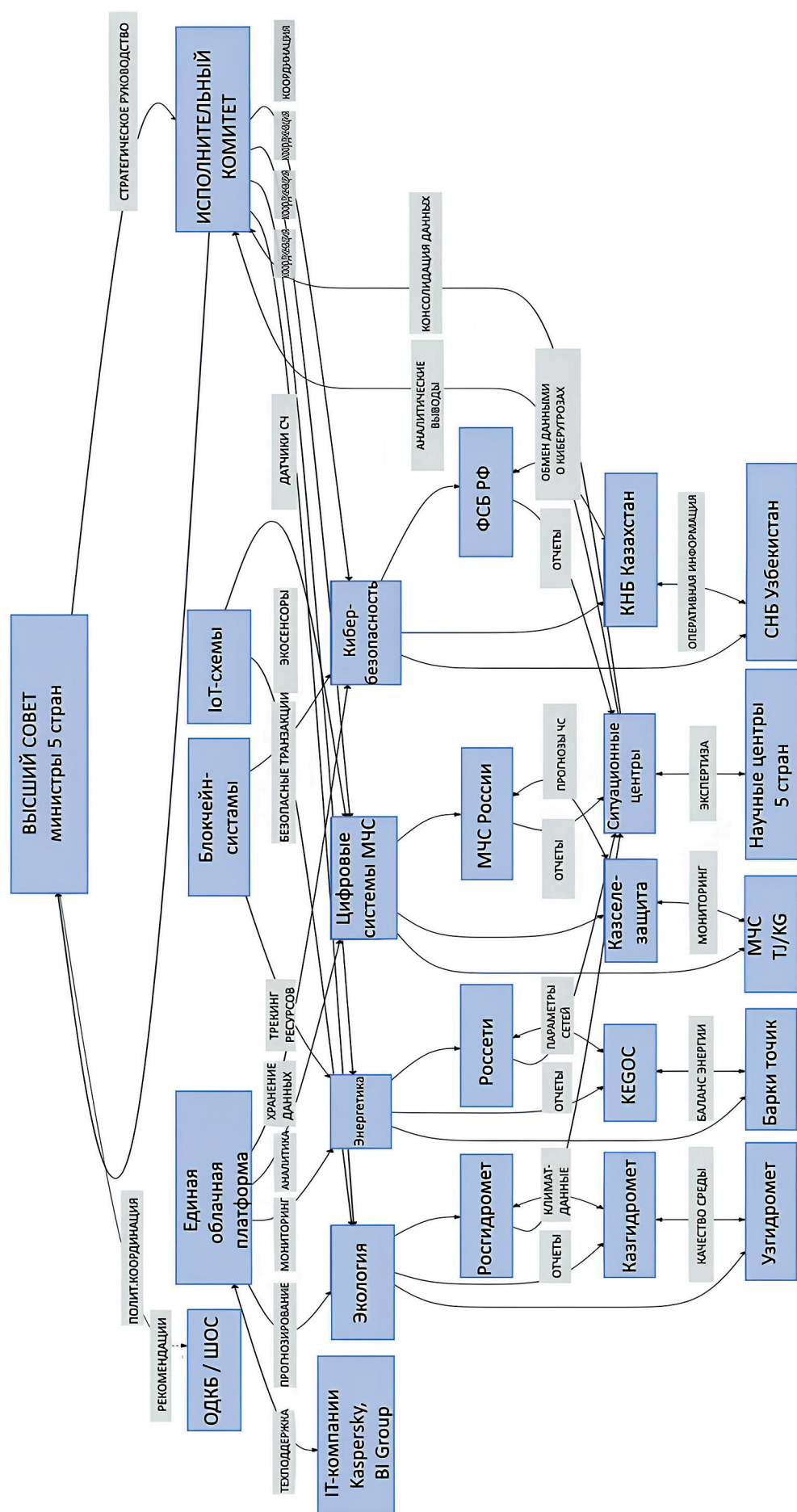
- распределенная сеть IoT-устройств, образующая распределенную систему мониторинга в реальном времени;

- сеть ситуационных центров в каждой стране-участнице, которая будет обеспечивать оперативную обработку поступающей информации (см. табл. 4).

Технологические особенности реализации ШЦСБ требует поэтапного развертывания защищенной облачной инфраструктуры с применением российских и совместно разработанных странами-участницами криптографических решений. Учитывая различия в уровне цифровизации вовлеченных государств, целесообразно предусмотреть механизмы технологического трансфера (например, создание региональных центров компетенций на базе ведущих IT-вузов России и Казахстана).

Информационные потоки в системе ШЦСБ организованы по принципу многоуровневой фильтрации и верификации данных (рис.). Вертикальные коммуникации обеспечивают передачу стратегических решений сверху вниз и оперативной отчетности снизу вверх. Горизонтальные связи между национальными ведомствами различных стран создают основу для оперативного обмена информацией и координации действий. Особое внимание уделено кросс-функциональным взаимодействиям, позволяющим интегрировать данные из различных источников для комплексного анализа угроз.

Технологическая интеграция достигается через систему стандартизированных интерфейсов, обеспечивающих совместимость разнородных информационных систем участников. Внешние взаимодействия с международными организациями и научными учреждениями осуществляются через специально разработанные протоколы, гарантирующие защиту суверенных интересов участников при сохранении открытости к сотрудничеству.

Структурно-функциональная организация ИССБ с визуализацией информационных потоков

Источник: составлено С.Г. Лузяниным и О.М. Умаровым.

Эффективность ШЦСБ напрямую зависит от адаптации к политико-экономическим реалиям Центральной Азии. Это предполагает:

– разработку многоязычных интерфейсов платформ с поддержкой русского и национальных языков;

– гибкие схемы финансирования, включающие взвешенное распределение затрат между более развитыми (РФ, Казахстан, Узбекистан) и нуждающимися в инфраструктурной модернизации (Таджикистан, Кыргызстан) участниками;

– создание пилотных зон для тестирования решений (например, трансграничный мониторинг рек Сырдарья/Амударья в рамках экологического модуля).

С точки зрения ожидаемых эффектов внедрение ШЦСБ позволит повысить оперативность реагирования на ЧС за счет автоматизированного анализа рисков, усилить контроль над незаконными трансграничными потоками через цифровую идентификацию грузов, снизить потери энергии путем оптимизации режимов работы энергосетей, а также сформировать научно обоснованную базу для принятия решений в экологической политике.

В результате проведенного исследования сложился предварительный конструкт Комплексной структуры реализации Шаблона цифровой субрегиональной безопасности (табл. 5).

Таблица 5. Комплексная структура реализации ШЦСБ

Компонент	Элементы	Участники / механизмы	Финансирование
Технологическая архитектура	– Единая защищенная облачная платформа (российские/гибридные решения) – Децентрализованные системы обмена данными (блокчейн, IoT) – Ситуационные центры с едиными стандартами	Технические специалисты всех стран-участниц, ИТ-компании	Инвестиции в инфраструктуру Технологический бартер (обмен мощностями)
Правовая база	– Многостороннее соглашение о кибербезопасности – Протоколы взаимопомощи (по образцу ОДКБ/ШОС)	Юридические службы государств, МИД, интеграционные объединения (ШОС, ЕАЭС)	Финансирование правовых разработок Гранты на гармонизацию законодательства
Институциональная структура	Россия: Минцифры, ФСБ, Росгвардия, Росгидромет, Ростех Казахстан: МЦРИАП, КНБ, KEGOC, Казгидромет Узбекистан: Министерство ИКТ, СНБ, Узгидромет, Нацгвардия Таджикистан/Кыргызстан: Агентства по ИБ, МЧС, гидромет, энергoreгуляторы	Национальные ведомства, координационные советы, международные эксперты	Бюджетное финансирование госорганов Поддержка интеграционных объединений
Финансовая модель	Бюджетные источники: долевое участие; целевые фонды ШОС/ОДКБ/ЕАЭС – Внебюджетные источники: Гранты (ООН, ВБ — для экологических и антикриминальных модулей) – ЧГП (<i>Kaspersky, BI Group, Uzbektelecom</i> и др.) Технологический бартер (РФ предоставляет облачные мощности, Казахстан — дата-центры и т. п.)	Министерства финансов, международные организации, частный сектор	РФ, KZ — 30 %; UZ — 20 %; TJ, KR — 10 %; ШОС/ОДКБ/ЕАЭС (до 40 %)

Примечания. Расшифровка аббревиатур и условных обозначений: РФ — Российская Федерация, KZ — Республика Казахстан, UZ — Республика Узбекистан, KR — Киргизская Республика, TJ — Республика Таджикистан; МЦРИАП — Министерство цифрового развития Казахстана, КНБ — Комитет нацбезопасности Казахстана, KEGOC — энергосети Казахстана, ИБ — информационная безопасность, ВБ — Всемирный банк, ЧГП — частно-государственное партнерство.

Источник: составлено С.Г. Лузяниным и О.М. Умаровым.

Таблица 6. Общие цифровые проблемы, решаемые ШЦСБ

Сфера	Проблемы	Решение через ШЦСБ
Цифровизация стандартов и платформ МЧС	Несовместимость систем оповещения, слабая координация при ЧС	Единая платформа мониторинга и реагирования на ЧС с ИИ-аналитикой
Цифровизация данных трансграничной преступности и наркотрафика	Разрозненные базы данных, низкий уровень обмена информацией	Общая криптозащищенная система анализа преступных сетей и блокчейн-трекинг грузов
Цифровизация энергетических вопросов	Дисбалансы в энергосетях, кибератаки на инфраструктуру	Умные сети (Smart Grid) с общей киберзащитой и прогнозной аналитикой
Цифровизация экологических тем	Отсутствие единого мониторинга загрязнений, климатических угроз	Цифровой экологический атлас с датчиками и спутниковым анализом

Источник: составлено С.Г. Лузяниным и О.М. Умаровым.

Реализация концепции ШЦСБ связана с определенными рисками и вызовами, что требует дополнительных усилий заинтересованных сторон (табл. 6).

Предлагаемая модель не является жесткой конструкцией, а представляет собой динамичную, гибкую систему, способную адаптироваться к эволюции угроз. Для ее внедрения можно предложить пилотный проект на базе одной из сфер (например, МЧС) с последующим масштабированием. Финансирование предлагается осуществлять через смешанные фонды (ЕАЭС, ШОС, национальные бюджеты).

Важно отметить, что успешная реализация данной модели требует не только технологических инвестиций, но и укрепления доверия между участниками.

В перспективе ШЦСБ может стать прототипом для аналогичных систем в других макрорегионах Евразии.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует глубокую трансформацию парадигмы евразийской безопасности в условиях цифровой эпохи. Опираясь на системный подход и сравнительный анализ, авторы провели диагностику архитектуры евразийской безопасности и предложили модель ее адаптации к вызовам цифровой эпохи. Полученные выводы структурируются в рамках ключевых задач работы.

Во-первых, подтверждено, что существующие институты (ОДКБ, ШОС и ЕАЭС), являясь необходимыми столпами регионального порядка, демонстрируют функциональную ра-

зобщенность и технологическое отставание, что формирует критические пробелы в охвате гибридных угроз от кибератак до экологических катастроф.

Во-вторых, в ответ на этот вызов разработана концепция ШЦСБ как многоуровневой институционально-технологической экосистемы, интегрирующей стратегические, оперативные и экспертные уровни управления через сеть специализированных центров компетенций.

В-третьих, детализирована дорожная карта реализации ШЦСБ, обосновывающая поэтапный переход от пилотных проектов в сферах МЧС и экологии к внедрению сложных модулей энергобезопасности и борьбы с преступностью, с четкой хронологией и инструментами прогнозной аналитики.

Центральным выводом исследования является подтверждение гипотезы о необходимости создания интегрированных цифровых экосистем безопасности, способных обеспечить кросс-границное сквозное управление рисками. Практическая реализация модели: сочетание блокчейн-технологий, предиктивной аналитики и распределенных систем мониторинга позволит достичь качественно нового уровня координации между государствами-участниками.

Реализация модели ШЦСБ требует конкретных шагов. В качестве первоочередной меры целесообразно заключение межправительственного рамочного соглашения между заинтересованными государствами, определяющего базовые принципы сотрудничества, статус создаваемых органов и протоколы обмена данными, что создаст необходимую правовую

основу для последующей гармонизации национальных законодательств в сфере кибербезопасности и защиты критической инфраструктуры. Финансирование пилотной фазы обеспечит целевой фонд со смешанными источниками посредством взвешенных взносов из национальных бюджетов и грантов ЕАЭС. Для привлечения частных инвестиций может быть создана модель частно-государственного партнерства в форме консорциума IT-компаний, развертывающего платформу на принципах концессии.

Исследование выявило латентные синергетические эффекты, возникающие от интеграции разрозненных систем безопасности в единую цифровую экосистему. Ключевым из них является формирование кросс-доменного аналитического контура, когда данные из одной

сферы (экологический мониторинг) автоматически становятся источником для моделирования в других областях (прогнозирование нагрузок на энергосистемы или рисков ЧС). Еще один эффект — взаимное усиление нормативных режимов, при котором стандарты кибербезопасности и протоколы обмена данными, разработанные для одного модуля (энергетика, правоохранительная деятельность), адаптируются для других (МЧС, экология), снижая общие транзакционные издержки системы.

Важным результатом стало подтверждение целесообразности применения принципа «цифрового суверенитета» в региональном масштабе, что позволяет совместить преимущества интеграции с сохранением национальных интересов отдельных государств-участников.

Поступила в редакцию / Received: 10.11.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 27.02.2026

Принята к публикации / Accepted: 27.03.2026

Список литературы

- Аминов Ф. Б., Очиллов А. О., Ботирова К. Б. к. Информационные технологии и искусственный интеллект в Узбекистане: проблемы и перспективы // В центре экономики. 2025. Т. 6, № 1. С. 28–32. URL: <https://vcsc.ru/index.php/vcec/article/view/153> (дата обращения: 01.11.2025).
- Антипова А. Л. Применение алгоритмов ИИ и анализа больших данных в борьбе с преступностью // Интеллектуальные ресурсы — региональному развитию. 2026. № 1. С. 505–510. EDN: IOGFEF
- Бухарин В. В. Компоненты цифрового суверенитета Российской Федерации как техническая основа информационной безопасности // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 6. С. 76–91. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-6-51-76-91>; EDN: YGCPJX
- Володенков С. В., Воронов А. С., Леонтьева Л. С., Сухарева М. Цифровой суверенитет современного государства в условиях технологических трансформаций: содержание и особенности // Полилог. 2021. Т. 5, № 1. С. 5. <https://doi.org/10.18254/S258770110014073-2>; EDN: WKLJNK
- Гаврилов Е. О. Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4, № 2. С. 146–152. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-146-152>; EDN: WCSQFR
- Даубасова С. Ш., Алаева Г. Т., Джумабаева К. А. Искусственный интеллект и уголовное преследование в Казахстане // Eurasian Scientific Journal of Law. 2024. № 4. С. 19–29. URL: <https://esjl.turan-edu.kz/jour/article/view/239> (дата обращения: 01.11.2025).
- Зиновьева Е. С., Шитков С. В. Цифровой суверенитет в практике международных отношений // Международная жизнь. 2023. № 3. С. 38–51. EDN: HBTQYT
- Ма Х., Мэн Ч., Ян Д., Ван Х. Цифровая трансформация Китая : опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики. Пер. с кит. Москва : Интеллектуальная литература, 2019.
- Мустафина А., Далелхан А., Ногаева Карача А. Қазақстан Республикасының әскери ісіндегі жасанды интеллект технологиясының перспективалары мен құқықтық реттелуі [Перспективы и правовое регулирование технологий искусственного интеллекта в военных делах Республики Казахстан] // Мемлекеттік басқару және мемлекеттік қызмет [Государственное управление и гражданская служба]. 2025. Т. 94, № 3. С. 171–179. (На казахском языке). <https://doi.org/10.52123/1994-2370-2025-1522>; EDN: CSJNFF
- Румянцева А. К., Рахимов К. Х. Роль ШОС в противодействии терроризму в странах Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5, № 8. С. 835–846. EDN: MCZNRN

- Умаров О. М. Цифровизация в малых государствах Центральной Евразии: общее и особенное, вызовы и риски // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник : материалы VII международной научно-практической конференции : в 4 частях. Вып. 8, ч. 2. Москва, 2025. Москва : ИД «УМЦ», 2025. С. 175–182. EDN: VYFCSI
- Brayne S. The Criminal Law and Law Enforcement Implications of Big Data // Annual Review of Law and Social Science. 2018. Vol. 14. P. 293–308. <https://doi.org/10.1146/annurev-lawsocsci-101317-030839>
- Chen Ch., Li Zh., Hao Zh., Chao L., Mengwei W., Hao C. Zhongguo qiyeshuzihua shengcun guanli shijian shijiao de chuanguang yanjiu [Исследование практики управления цифровым выживанием китайских предприятий, ориентированных на инновации] // Guanli kexue xuebao [Журнал управленческих наук (JMAS)]. 2019. No. 10. P. 1–8. (На китайском языке).
- Denning D. E. Information Warfare and Security. New York : ACM Press, 1999.
- Duan N. Qiye jingying guanli shijiao xia shuzihua zhuanxing de fa zhan tanjiu [Исследование развития цифровой трансформации с точки зрения управления предприятием] // Dianzi tongxin yu jisuanji kexue [Электронные коммуникации и компьютерные науки (EECS)]. 2022. Vol. 4, no. 3. P. 74–76. (На китайском языке). <https://doi.org/10.37155/2717-5170-0403-29>
- Eom S.J., Lee J. Digital Government Transformation in Turbulent Times: Responses, Challenges, and Future Direction // Government Information Quarterly. 2022. Vol. 39, iss. 2. P. 1–9. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2022.101690>; EDN: GWQOEW
- Kabeyi M. J. B., Olanrewaju O. A. Smart Grid Technologies and Application in the Sustainable Energy Transition: A Review // International Journal of Sustainable Energy. 2023. Vol. 42, iss. 1. P. 685–758. <https://doi.org/10.1080/14786451.2023.2222298>; EDN: VVRHKJ
- Kostina E. A., Kostin A. V. How Do Smart City Technologies Help to Cope with the Pandemic? // Regional Research of Russia. 2022. Vol. 12, no. 2. P. 241–249. <https://doi.org/10.1134/S2079970522020149>; EDN: QUZATZ
- Schneier B. Beyond Fear : Thinking Sensibly about Security in an Uncertain World. New York : Copernicus Books, 2003.
- Xiao J., Xie K., Wu Y. Shuju qudong de chanpin shiying xing chuanguang — shuzi jingji de chuanguang luoji [Адаптивные инновации в продуктах, основанные на данных: инновационная логика цифровой экономики] // Beijing jiaotong daxue xuebao (Shehui kexue ban) [Журнал Пекинского университета Цзяотун (издание по социальным наукам)]. 2020. Vol. 19, no. 1. P. 7–18. (На китайском языке).

Сведения об авторах:

Лузянин Сергей Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор департамента зарубежного регионоведения, НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 119017, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17; профессор кафедры востоковедения, МГИМО (У) МИД РФ; Российская Федерация, 119454, г. Москва, пр-кт Вернадского, д. 76; eLibrary SPIN-код: 2864-9951; ORCID: 0000-0001-9578-6023; e-mail: luzyanin.sergey@mail.ru

Умаров Отабек Мухаммадалиевич — соискатель департамента зарубежного регионоведения, НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 119017, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17; ORCID: 0009-0008-3091-1872; e-mail: omuhhammadaliyevich@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-2-256-271

EDN: HQXMOI

Научная статья / Research article

Цифровая дипломатия России и Индии в контексте адаптивности «мягкосиловых» подходов

Н.Н. Емельянова

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

 nemelyanova86@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу активности России и Индии в контексте цифровизации международных отношений. Россия и Индия являются примерами государств, динамично трансформирующих свой внешнеполитический инструментарий в соответствии с требованиями цифровой эпохи, поэтому систематизация их опыта имеет значимый эвристический потенциал. Отмечено, что систематизация анализа деятельности государства в области цифровой дипломатии как ключевого элемента стратегий «мягкой силы» может быть проведена по трем основным направлениям: 1) формирование горизонтальных коммуникаций; 2) инструментально-технологическое и 3) регуляторное. Через эти направления с помощью сравнительной методологии раскрыты адаптивный потенциал и конкурентоспособность России и Индии в области использования и регулирования цифровых технологий. Обзор российской модели цифровой дипломатии охватывает как значимые достижения (развитая цифровая сеть МИД России в социальных сетях, медийная активность в онлайн-пространстве, противодействие дезинформации, цифровое сопряжение с дружественными государствами, проактивная повестка в области киберпреступности и регулирования технологий искусственного интеллекта), так и сопутствующие вызовы, обусловленные в первую очередь рестрикциями и санкционным давлением. Цифровая дипломатия Индии успешно проявляется в использовании онлайн-инструментов для взаимодействия с диаспорой и модернизации консульских услуг. Рассмотрена не только активность Министерства иностранных дел Индии в социальных сетях, но и влияние популярности аккаунтов премьер-министра Нарендры Моди на формирование глобальной повестки. Также освещено продвижение индийских цифровых технологий, таких как *India Stack* и UPI. В заключении отмечено, что кибердипломатия России и Индии направлена в первую очередь на противодействие милитаризации цифрового пространства.

Ключевые слова: цифровизация международных отношений, внешняя политика, мягкая сила, публичная дипломатия, регулирование ИИ, кибердипломатия, социальные сети, международная конкурентоспособность

Сведения о финансировании. Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Емельянова Н. Н. Цифровая дипломатия России и Индии в контексте адаптивности «мягкосиловых» подходов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 2. С. 256–271. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-256-271>; EDN: HQXMOI

© Емельянова Н.Н., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Digital Diplomacy of Russia and India in the Context of Adaptive Soft Power Approaches

Natalya N. Emelyanova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

nemelyanova86@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the activities of Russia and India in the context of the digitalization of international relations. These countries are examples of states that are dynamically transforming their foreign policy tools to meet the demands of the digital era, and the systematization of their experience has significant heuristic potential. It is noted that the systematization of the analysis of the state's activities in the field of digital diplomacy as a key element of soft power strategies can be carried out in three main areas: 1) forming horizontal communications, 2) using instruments and technologies, and 3) creating regulations. Through these areas, the adaptive potential and competitiveness of Russia and India in using and regulating digital technologies can be explored using comparative methodology. The review of the Russian digital diplomacy model covers both significant achievements (the Ministry of Foreign Affairs' well-developed social media digital network, media activity in the online space, countering disinformation, digital cooperation with friendly states, and a proactive agenda in the areas of cybercrime and the regulation of artificial intelligence technologies), as well as the associated challenges, primarily caused by restrictions and sanctions pressure. India's digital diplomacy has been successful in using online tools to engage with the diaspora and modernize consular services. The article also examines not only the Ministry of External Affairs of India's activities on social media but also the impact of the popularity of Prime Minister Narendra Modi's accounts on shaping the global agenda. It also highlights the promotion of Indian digital technologies such as India Stack and UPI. In conclusion, it is noted that the cyber diplomacy of Russia and India is primarily aimed at countering the militarization of the digital space.

Key words: digitalization of international relations, foreign policy, soft power, public diplomacy, AI regulation, cyber diplomacy, social media, international competitiveness

Funding sources. The study was carried out as part of the state assignment at Lomonosov Moscow State University.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Emelianova, N. N. (2026). Digital diplomacy of Russia and India in the context of adaptive soft power approaches. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(2), 256–271. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-256-271>; EDN: HQXMOI

Введение

Цифровые технологии все в большей степени формируют и усиливают глобальное медиатизированное пространство, то есть социально-информационное пространство, испытывающее существенное влияние со стороны медийных технологий, традиционных и новых медиа (Гуреева, Киреева, 2022, с. 35; Володенков, 2016). Роль цифровых технологий во внешнеполитической деятельности стала стремительно возрастать еще в 1990-е гг. К началу XXI в. большинство государств признало цифровые (диджитал) технологии стратегическим инструментом реализации внешней политики и решения дипломатических задач (Заемский, Карпович, 2021, с. 265).

С 2009 г. термин «цифровая дипломатия» стал использоваться в стратегических документах США как часть публичной дипломатии (Зиновьева, 2013, с. 214). Примечательно, что в качестве одной из первоначальных целей развития американской цифровой дипломатии было поставлено ограничение влияния и присутствия России на постсоветском медийном пространстве.

Цифровая дипломатия уже 10 лет назад не только модифицировала ежедневные практики дипломатической службы для выполнения рутинных задач, но и изменяла сами дипломатические институты, адаптировавшие под влиянием цифровых технологий структуру и методы работы внешнеполитических ведомств (Зонова, 2015). К началу 2020-х гг. эксперимен-

тальные практики окончательно уступили место системному использованию цифровых платформ (Цветкова, 2020). В настоящее время в условиях гибридизации международных отношений цифровая дипломатия представляет собой значимую составляющую реализации стратегии «мягкой силы» государства, которое активно задействует цифровые технологии, информационные сети и онлайн-платформы для осуществления своей внешнеполитической деятельности.

Для систематизации анализа деятельности государства в сфере цифровой дипломатии как ключевого элемента «мягкой силы» можно выделить три основных направления:

1) формирование горизонтальных коммуникаций;

2) инструментально-технологическое направление;

3) регуляторное направление в сфере цифровых технологий.

Общий обзор направлений представлен в табл. 1.

Россия и Индия являются примерами стран, которые адаптируют свой внешнеполитический инструментарий под требования цифровой эпохи (Бурлинова и др., 2020; Dasgupta & Vora, 2024). Эволюция цифровой дипломатии обеих стран и адаптация их «мягкосиловых» подходов в сравнительной перспективе могут быть рассмотрены через призму трех указанных основных направлений деятельности государства в сфере цифровой дипломатии.

Таблица 1. Основные направления деятельности государства в сфере цифровой дипломатии

№	Направление	Описание
1	Формирование горизонтальных коммуникаций	Направление фокусируется на развитии горизонтальных связей с целевыми группами через прямое разъяснение и продвижение определенной повестки или позиции. В содержательном плане это означает демократизацию информационных потоков: облегчение доступа к информации, обеспечение оперативной обратной связи и применение менее формальных, визуально ориентированных коммуникативных практик, включая инфотейнмент (Zeng et al., 2010). Отдельное внимание уделяется выявлению и нейтрализации заведомо ложной, негативной и провокационной информации, распространяющейся среди широкой аудитории (Kreps, 2020; Синчук, Власов, Огурцов, 2022)
2	Инструментально-технологическое направление	Подход опирается на современные технологические достижения цифровизации для улучшения внешних связей государства. Это включает в себя как оптимизацию консульских услуг, например в сфере визовой документации, так и активно развивающуюся «дипломатию данных» (Павлюченко, 2024; Цветкова, Кузнецов, 2020). Последняя подразумевает работу с большими данными и интеллектуальными системами (включая использование чат-ботов) для быстрой фильтрации информации по различным критериям (темы, источники, запросы, реакции). Это позволяет выявлять ключевых лидеров мнений, а также подбирать наиболее эффективные каналы коммуникации для охвата целевой аудитории. Кроме того, к инструментально-технологическому направлению можно отнести продвижение собственных успешных разработок в сфере информационно-коммуникационных технологий
3	Регуляторное направление в сфере цифровых технологий	Направление предполагает активное вовлечение государств в процесс создания норм и стандартов для цифровой сферы и обеспечения кибербезопасности. Цель такой кибердипломатии — наладить межгосударственное сотрудничество для выработки эффективных регуляторных механизмов, способных противостоять агрессивным действиям извне. К таким действиям относятся сетевые и хакерские атаки, а также любые формы цифрового вмешательства, имеющие политическую подоплеку и направленные на дискредитацию государства или ослабление его суверенитета. Важное место здесь также занимают вопросы, касающиеся применения технологий искусственного интеллекта (Гришанина, 2021) и его регулирования в масштабах межгосударственных взаимодействий

Источник: составлено Н.Н. Емельяновой.

Цифровизация горизонтальных коммуникаций как элемент «мягкосиловых» подходов России и Индии.

Россия

Задача по работе с «мягкой силой» и новыми технологиями была публично обозначена перед российским дипломатическим корпусом 8 июля 2012 г. во время выступления президента России Владимира Путина на совещании послов и постоянных представителей России. Он подчеркнул необходимость более активного применения этих инструментов для совершенствования деятельности Министерства иностранных дел (МИД) Российской Федерации¹. Позднее, в 2013 г., готовность к развитию альтернативных классической дипломатии методов и технологий была отражена в Концепции внешней политики (п. 20, 41)².

МИД России начало развивать свои аккаунты в социальных сетях с 2011 г. (табл. 2).

МИД России также активно борется с дезинформацией и фейковыми новостями, направленными против страны и искажающими ее внешнюю политику. С 2017 г. на сайте МИД работает специальный раздел «Антифейк», где публикуются опровержения и разоблачения недостоверной информации из зарубежных СМИ. Инициатива была расширена на социальные сети, особенно популярны материалы в Telegram-каналах министерства (#АнтиФейк, #Antifake).

Департамент информации и печати МИД России, отвечающий за информационное сопровождение министерства и его зарубежных представительств, играет ключевую роль в развитии дипломатии в социальных сетях. Отдел цифровой дипломатии, основанный в 2014 г. в рамках этого департамента, занимается связями с общественностью в онлайн-пространстве.

На 2024 г. МИД России официально присутствовал на 12 цифровых платформах, используя русский, а также английский, испанский, фран-

цузский и арабский языки («Цифра» и искусственный интеллект..., 2024, с. 5). В целом цифровая сеть МИД России включает более 1,2 тыс. аккаунтов. В настоящее время все российские загранучреждения ведут аккаунты в социальных сетях. Работу в социальных сетях через свои персональные аккаунты также ведут 23 российских дипломата, занимающие должности высшего и среднего уровней (послы, уполномоченные, постоянные представители и др.)³.

Однако помимо усилий МИД России в 2010-е гг. была успешно развернута модель с опорой на продвижение информации и значимых нарративов через поддержку аккаунтов в социальных сетях ведущих отечественных масс-медиа, транслирующих информацию для зарубежной аудитории.

Российские медиа в цифровой дипломатии изначально делали ставку на подходы по сегментированию аудитории, стремились создавать персонализированные истории (нарративы), адаптированные под интересы, запросы и особенности различных групп потребителей информации. Анализ больших данных с помощью интеллектуальных систем позволял выстраивать более эффективные модели взаимодействия, объединяя в сообщества пользователей с разнообразными социальными, интеллектуальными и идеологическими взглядами.

К середине 2010-х гг. российские СМИ заметно укрепили свои позиции на международной арене, активно используя социальные сети для расширения аудитории. В то же время после 2014 г. на фоне роста российского медийного влияния постепенно стали вводиться ограничения и разворачиваться информационные кампании, направленные против России, а после 2022 г. информационная война против России привела к ограничениям, которые вынудили российское руководство начать трансформацию этой модели. Помимо блокировки многочисленных новостных порталов, прекращения деятельности и вещания ключевых российских медиа было существенно ограничено распространение контента российских СМИ в социальных сетях (табл. 3).

¹ Латухина К. Владимир Путин призвал российских послов осваивать новые технологии // Российская газета. 09.07.2012. URL: <https://rg.ru/2012/07/10/putin.html> (дата обращения: 01.11.2025).

² Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.) // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> (дата обращения: 01.11.2025).

³ Аккаунты в соцсетях // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/social_accounts/ (дата обращения: 01.11.2025).

Таблица 2. Онлайн-активность МИД России: хронология запуска официальных аккаунтов в социальных сетях

Год запуска	Платформа	Аккаунт / канал	Языки	Активность и основные тематические сюжеты контента
2011	Twitter*	MID_RF	Русский	– Публикация официальных заявлений и комментариев МИД России – Оперативное информирование русскоязычной аудитории о внешнеполитической деятельности – Взаимодействие со СМИ и общественностью
2011	Twitter*	MFA Russia	Английский	– Информирование международной аудитории о позиции РФ по ключевым вопросам – Публикация переводов ключевых заявлений – Диалог с зарубежными СМИ и дипломатами
2012	YouTube	midrftube	Русский, английский	– Размещение официальных видеоматериалов (пресс-конференции, брифинги) – Публикация записей выступлений официальных лиц – Был закрыт из-за претензий по авторским правам
2012	YouTube	Ministry of Foreign Affairs of Russia	Русский, английский	– Возобновление видеодетальности после закрытия предыдущего канала – Размещение официальных видеодокументов, интервью, церемоний – Субтитры и переводы для международной аудитории
2013	Facebook**	MIDRussia	Русский, английский	– Распространение новостей МИД – Публикация аналитических материалов и комментариев – Взаимодействие с пользователями через комментарии и репосты
2014	Flickr	MFA Russia	Английский	– Публикация фотоматериалов о деятельности МИД – Освещение визитов, переговоров, мероприятий – Визуальная фиксация дипломатической работы
2016	Instagram**	MIDRussia	Русский, английский	– Визуальное повествование о работе МИД – Первый пост — о соколах-сапсанах на крыше здания МИД (неформальный подход) – Фоторепортажи с международных мероприятий, закулисные кадры
2016	Telegram	t.me/MID_Russia (рус.) t.me/MFARussia (англ.)	Русский, английский	– Мгновенное распространение официальных заявлений – Короткие комментарии по текущим событиям – Дублирование ключевых сообщений на нескольких языках для глобальной аудитории – Оперативные ответы на актуальные вопросы
2024	Telegram	t.me/MAERussia (исп.) t.me/MAErusse (фр.) t.me/Russia_ar (ар.)	Испанский, французский, арабский	
2015	ВКонтакте	vk.com/mid	Русский	– Информирование российской аудитории о внешней политике – Публикации новостей, статей, видео – Проведение онлайн-мероприятий, опросов – Взаимодействие с молодежной аудиторией
2021	Одноклассники	https://ok.ru/group/62089256763599	Русский	– Охват более широкой возрастной аудитории – Репосты ключевых новостей из других социальных сетей МИД – Общение с пользователями, ответы на вопросы
2023	Дзен	dzen.ru/mid_russia	Русский	– Публикация лонгридов, аналитических материалов – Мультимедийный контент (видео, инфографика) – Блоги и колонки официальных лиц – Интеграция с поисковыми и рекомендательными системами платформы

Примечания. * — Социальная сеть X (ранее Twitter) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ.

** — Социальные сети Facebook и Instagram (входят в группу компаний Meta) запрещены в Российской Федерации. Компания Meta признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации.

Источник: составлено Н.Н. Емельяновой.

Таблица 3. Хронология основных ограничений активности российских медиа в социальных сетях*

Дата	Платформа / сервис	Действие	Описание / затронутые ресурсы
Февраль 2022 г.	<i>Facebook</i> **	Ограничения аккаунтов	Начался ввод ограничений в отношении официальных аккаунтов российских СМИ: РИА «Новости», «Лента.ру», «Газета.ру», RT, <i>Sputnik</i>
28 февраля 2022 г.	<i>Spotify</i>	Блокировка контента	Полностью скрыт контент СМИ, ассоциируемых с Россией
1 марта 2022 г.	<i>Twitter (X)</i> ***	Маркировка аккаунтов	Запущена маркировка аккаунтов сотрудников <i>Sputnik</i> в виде подписи «СМИ, связанные с государством Россия»
8 марта 2022 г.	<i>Instagram</i> **	Понижение в поисковой выдаче	Публикации со ссылками на поддерживаемые государством российские СМИ понижены в выдаче и помечены
11 марта 2022 г.	<i>YouTube</i>	Блокировка каналов	По всему миру заблокированы российские каналы, ассоциируемые с государством
13 марта 2022 г.	<i>YouTube</i>	Блокировка каналов	Заблокированы каналы Гостелерадиофонда России: «Советское телевидение. Гостелерадиофонд» и «Советское радио. Гостелерадиофонд»
4 августа 2022 г.	<i>Twitter (X)</i> ***	Блокировка аккаунта	Заблокирован аккаунт «РИА Новости» в Великобритании и странах ЕС
17 сентября 2024 г.	<i>Meta (Facebook, Instagram, WhatsApp)</i> **	Блокировка аккаунтов	Заблокированы аккаунты <i>Russia Today</i> и медиа-группы «Россия сегодня» (включая дочерние медиакомпании «РИА Новости», <i>Ruptly</i> и <i>Sputnik</i>)

Примечания. * — Информация обо всех ограничениях со стороны интернет-платформ регулярно обновляется в специальном разделе официального сайта МИД России. См.: Репрессии в отношении российских СМИ и журналистов за рубежом // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/journalist_help/repressions/ (дата обращения: 01.11.2025).

** — Социальная сеть *X* (ранее *Twitter*) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ.

*** — Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации. Социальные сети *Facebook*, *Instagram* и *WhatsApp*, входящие в группу компаний *Meta*, запрещены в Российской Федерации.

Источник: составлено Н.Н. Емельяновой.

Отдельно также следует отметить, что в приложении *AppStore* началась прямая борьба и с российской социальной сетью ВКонтакте и ее приложениями: 26 сентября 2022 г. «ВКонтакте», «VK Музыка», «VK Клипы», «VK Мессенджер», «VK Play», «VK Админ», а также *Mail.ru* были удалены. Тем самым сужалась опция донесения контента до зарубежной аудитории через эту социальную сеть.

В то же время все эти действия наглядно продемонстрировали, что глобальное цифровое пространство и социальные сети как важная часть этого пространства до сих пор в большей степени находится под контролем США. Американская активность в развитии глобальной сети Интернет рассматривается как стратегическое преимущество: владение сетевым кодом, протоколами, английским языком и программным обеспечением обеспечивает Вашингтону возможность оценивать и прогнозировать действия всех участников международных отношений — как дружественных, так и враждебных (Ситказиева, 2023, с. 96).

В контексте ограничений деятельности российских СМИ через их активность в социальных сетях можно упомянуть один показательный случай, который произошел в феврале 2025 г., когда была приостановлена работа англоязычного аккаунта *RT India* в социальной сети *X*⁴. Блокировка произошла на фоне репортажа корреспондентки *RT Рунжун Шармы*, первой заснявшей вблизи российский истребитель *Su-57* на авиационно-космической выставке *Aero India* в Бангалоре. Опубликованный в этой социальной сети репортаж за несколько часов до блокировки набрал сотни тысяч просмотров и реакций. При блокировании в качестве нарушений правил платформы было обозначено то, что владельцы страницы «выдавали себя за другое лицо»⁵. Приостановка

⁴ Социальная сеть *X* (ранее *Twitter*) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ (Прим. ред.).

⁵ Аккаунт *RT India* заблокировали в *X* после репортажа о *Su-57* // RT на русском. 11.02.2025. URL: <https://russian.rt.com/world/news/1433347-akkaunt-rt-india-zablokirovali-v-x> (дата обращения: 14.02.2025).

работы аккаунта, однако, была кратковременной и продолжалась несколько дней (с 11 по 15 февраля 2025 г.). Примечательно, что блокировка произошла непосредственно в дни проведения авиасалона *Aero India*, где конкурентами Су-57 были американские истребители F-35A и F-16. Так технологическая конкуренция между странами была спроецирована на информационное пространство одной из социальных сетей в мире.

Несмотря на информационные рестрикции, в Концепции гуманитарной политики России за рубежом (от 5 сентября 2022 г.) отдельно подчеркивается, что в эпоху глобализации именно Интернет способствует культурной интеграции и взаимопониманию (п. 70). При этом именно российские СМИ, в частности телеканалы и новые медиа (социальные сети, мессенджеры, блоги), признаются наиболее эффективным инструментом «мягкой силы» (п. 72). Итак, в Концепции зафиксирована необходимость повышения эффективности инструментов российской цифровой дипломатии с помощью продвижения отечественных цифровых платформ и социальных сетей (п. 75): отдельное внимание уделяется и будет уделяться развитию таких онлайн-площадок, как *RUTUBE*, ВКонтakte, ОК (Одноклассники) и «Дзен»⁶.

Однако здесь существуют свои возможности и ограничения. С одной стороны, развитие собственных платформ позволяет помимо обеспечения цифрового суверенитета участвовать в конструктивном регулировании взаимодействия с контентом и целевыми аудиториями. С другой стороны, число пользователей российских социальных сетей достаточно ограничено, и быстро переориентировать на них зарубежную аудиторию в большом количестве в условиях высокой конкуренции социальных сетей в мире достаточно проблематично.

Основу актуальной медийной работы с зарубежной аудиторией составляет институциональное развитие социальных сетей диплома-

тических представительств, «Русских домов» за рубежом, а также некоммерческих организаций (НКО) из числа партнерской сети Россотрудничества. Дипломатические представительства и «Русские дома» за рубежом стремятся переориентироваться на работу с социальными сетями, выступая в качестве медиацентров, единых информационных каналов, не только передающих информационные потоки, но и генерирующих информацию, хотя это не всегда получается в силу ограниченности ресурсов.

Индия

В ранних исследованиях индийских авторов по проблеме использования цифровых технологий во внешнеполитической деятельности акцент делался на необходимости построения единых нарративов в медийно-цифровом пространстве социальных сетей и важности более скоординированной межведомственной работы для достижения этой цели (Natarajan, 2014). В актуальных индийских исследованиях нередко подчеркивается двойственный характер цифровой дипломатии, который важно учитывать в развитии различных инициатив в сфере дипломатии социальных сетей: с одной стороны, она способна продвигать национальные интересы через формирование повестки, а с другой — требует более тонкого понимания аудитории (Joshi et al., 2025).

Стартом системной работы внешнеполитического ведомства Индии по цифровизации горизонтальных связей как одного из основных элементов «мягкосилового» подхода страны можно считать 2010 г. (табл. 4), когда был создан первый аккаунт Управления общественной дипломатии Министерства иностранных дел Индии в *Twitter*⁷.

Среди популярных инициатив Министерства иностранных дел Индии в целях усиления диалога с молодой аудиторией можно выделить запуск популярной инициативы *#AsktheSpokesperson* в *Twitter*⁸ в конце

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280> (дата обращения: 01.11.2025).

⁷ Социальная сеть X (ранее *Twitter*) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ (*Прим. ред.*).

⁸ Социальная сеть X (ранее *Twitter*) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ (*Прим. ред.*).

Таблица 4. Онлайн-активность МИД Индии: хронология запуска официальных аккаунтов в социальных сетях

Год запуска	Платформа	Аккаунт / канал	Активность и основные тематические сюжеты контента
2010	<i>Twitter*</i>	@IndianDiplomacy	– Повышение осведомленности о деятельности МИД Индии – Освещение внешнеполитических задач – Знакомство аудитории с индийской культурой, традициями, Историей и современными достижениями – Новости о кадровых перестановках в дипломатических кругах – Официальные заявления
2011	<i>Twitter*</i>	@MEAIndia	– Официальный аккаунт пресс-секретаря МИД – Публикация официальных заявлений с мультимедийными материалами (фото, аудио, видео) – Релизы о визитах, встречах и переговорах высшего руководства страны
2011	<i>YouTube</i>	@MEAIndia	– Видеозаписи мероприятий, пресс-конференций и брифингов
2013	<i>YouTube</i>	@IndianDiplomacy	– Видеозаписи мероприятий, пресс-конференций и брифингов – Документальные фильмы, снятые по заказу МИД Индии (включая материалы с 1990-х гг.)
2012	<i>Facebook**</i>	MEAINDIA	– Более подробная подача контента (по сравнению с <i>Twitter*</i>) – Высокая популярность (одно из лидирующих мест среди страниц МИД других стран) – К апрелю 2025 г. количество подписчиков достигло более 2,1 млн человек
2014	<i>Instagram**</i>	@MEAIndia	– Визуальное представление деятельности МИД; активное взаимодействие с аудиторией
2015	<i>LinkedIn</i>	URL: https://ru.linkedin.com/company/ministry-of-external-affairs-india	– Работа с профессиональными сообществами – Информация и обновления об официальных визитах, встречах и мероприятиях – Материалы, описывающие специфику двусторонних отношений с другими государствами и участия в международных организациях – Публикации, освещающие специфику роли Индии в мире, позицию страны по глобальным проблемам – Распространение информации в режиме реального времени часто сопровождается не только фото и видео, но и качественной графикой

Примечания. * — Социальная сеть *X* (ранее *Twitter*) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ.

** — Социальные сети *Facebook* и *Instagram* (входят в группу компаний *Meta*) запрещены в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации.

Источник: составлено Н.Н. Емельяновой.

2010-х — начале 2020-х гг. С 2017 г. эта платформа позволяла пользователям задавать вопросы официальному представителю ведомства, который отвечал на них в режиме реального времени. Сессия вопросов и ответов проходила каждые два месяца⁹.

⁹ Singh S. Digital Diplomacy: India's Increasing Digital Footprint // SSPC Research Paper. 2018. (December). P. 13. URL: https://www.researchgate.net/publication/331772911_Digital_Diplomacy_India's_Increasing_Digital_Footprint (accessed: 18.09.2025).

Зарубежные представительства Индии также поддерживают обширное присутствие в социальных сетях. Дипломатические миссии активно делятся инфографикой, демонстрирующей успехи Индии в различных сферах, динамичными видеороликами о визитах делегаций, живописными материалами о туристических направлениях и культурных мероприятиях, а также инфотейнмент-контентом, призванным одновременно информировать и развлекать аудиторию. Онлайн-викторина

«Узнай Индию» (*Bharat Ko Janiye, Know India Quiz*) служит примером применения инфотейнмента. Квиз разработан Министерством иностранных дел Индии и ориентирован на распространение знаний об истории и культуре Индии среди представителей индийской диаспоры за рубежом и иностранных граждан в возрасте от 14 до 50 лет. Победители получают возможность совершить двухнедельное ознакомительное путешествие по Индии.

Отдельное внимание в работе с социальными медиа также уделяется трансляции в онлайн-пространстве образа Нарендры Моди. Аккаунт премьер-министра Моди в социальной сети *X*¹⁰ (@narendramodi) входит в число рекорсменов по количеству подписчиков (более 100 млн человек¹¹). Помимо активного присутствия в социальной сети *X*¹² команда Нарендры Моди динамично развивает и *YouTube*-канал премьер-министра, который насчитывает более 30 млн подписчиков¹³. Следить за деятельностью главы индийского правительства можно также на его официальных страницах в *Facebook*¹⁴, *Instagram*¹⁵, *Tumblr*, *LinkedIn*, *Pinterest*, *StumbleUpon* и китайском микроблоге *Weibo*.

Практически сразу после прихода к власти Нарендры Моди в 2014 г. его социальные сети подверглись существенной ревизии и трансформации в плане генерации и подачи информации. Так, в аккаунтах премьер-министра Ин-

дии начала использоваться смесь «позитивных» сообщений, обращений к знаменитостям и ритуальных ответов, что способствовало росту его аудитории. Особое внимание уделялось «*feel good*»-сообщениям, которые создавали образ позитивного и заботливого лидера. Также в аккаунтах премьер-министра Индии стала использоваться стратегия выборочных ответов на сообщения и фиксации активных подписчиков (*followbacks*), что укрепляло лояльность аудитории. Социальные сети Н. Моди в короткий срок позволили формировать повестку и управлять восприятием его деятельности. Это выгодно отличало подход команды премьер-министра от традиционных методов политической коммуникации (Pal, 2015; Rankawat, 2023).

Большая популярность образа Нарендры Моди проявляется даже тогда, когда источником контента выступает не лично премьер-министр, а технологии искусственного интеллекта (ИИ) или визуальные подмены. Здесь следует остановиться на нескольких интересных примерах последнего времени.

Так, в 2023 г. в *Instagram*¹⁶ вирусным стал дипфейк, созданный пользователем @ai_whizwires при помощи технологий искусственного интеллекта: аудиодипфейк, наложенный на фото, воспроизводил популярную болливудскую песню синтезированным голосом Н. Моди. Этот дипфейк достаточно быстро набрал более 3 млн просмотров. Еще один интересный пример — случай с якобы Моди, танцующим гарбу, — динамичный народный танец индийского штата Гуджарат. Видеоролик также приобрел большую популярность и узнаваемость в социальных сетях, после того как один из пользователей *Instagram*¹⁷ поделился им в своем аккаунте. Если первоначально видео вызвало серьезные опасения относительно использования технологий глубокой подделки, то в ноябре 2023 г. стало известно, что произошла ошибоч-

¹⁰ Социальная сеть *X* (ранее *Twitter*) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ (Прим. ред.).

¹¹ *JagaJam* — сервис для сбора статистики и анализа сообществ и аккаунтов в социальных сетях. См.: JagaJam. URL: <https://jagajam.com/search/twitter/narendramodi/TW:18839785> (дата обращения: 01.11.2025).

¹² Социальная сеть *X* (ранее *Twitter*) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ (Прим. ред.).

¹³ Narendra Modi // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/user/narendramodi> (accessed: 30.03.2026).

¹⁴ Социальная сеть *Facebook* (входит в группу компаний *Meta*) запрещена в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

¹⁵ Социальная сеть *Instagram* (входит в группу компаний *Meta*) запрещена в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

¹⁶ Социальная сеть *Instagram* (входит в группу компаний *Meta*) запрещена в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

¹⁷ Социальная сеть *Instagram* (входит в группу компаний *Meta*) запрещена в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

ная идентификация: танцующим гарбу оказался очень похожий на премьер-министра Индии предприниматель и актер Викас Маханте¹⁸.

Были ли эти случаи результатом чьей-то спонтанной креативности или тщательно продуманных политических технологий в рамках набиравшей обороты предвыборной кампании в нижнюю палату индийского парламента Лок Сабху? Официальная публичная информация на этот счет, конечно, отсутствует. Факт состоит в том, что указанные случаи тем не менее позволили раскрыть в глобальном публичном пространстве индийское видение сразу нескольких тем, а именно: проблему регулирования дипфейков с помощью нанесения специальных водяных знаков на соответствующий сгенерированный технологиями искусственного интеллекта контент как часть современной цифровой повестки¹⁹ и привлечение внимания к особому значению для мировой культуры танца гарба и индуистскому фестивалю Наваратри, на котором исполняется этот ритмичный ритуальный танец преданности богине Дурге.

Инструментально-технологическое направление цифровой дипломатии России и Индии

Автоматизация консульских услуг в России началась с внедрения автоматизированной системы для паспортно-визовой работы в 1993 г. Первоначально, до 2012 г., усилия были сосредоточены на оптимизации внутренних административных процессов. Однако затем цифровая трансформация консульских услуг стала стратегическим инструментом цифровой дипломатии, призванным усилить внешнеполитическое влияние России и улучшить коммуникацию с гражданами, находящимися за границей.

¹⁸ Deodia A. Fact Check: Not PM Modi Dancing to Garba Beats, This Video Shows His Lookalike! // India Today. November 10, 2023. URL: <https://www.indiatoday.in/fact-check/story/not-pm-modi-dancing-to-garba-beats-viral-video-shows-his-lookalike-vikas-mahante-2461512-2023-11-10> (accessed: 01.11.2025).

¹⁹ Нарендра Модии обсудил с Биллом Гейтсом регулирование в сфере ИИ // Большая Азия. 29.03.2024. URL: <https://bigasia.ru/narendra-modi-obsudil-s-billom-gejtsov-regulirovanie-v-sfere-ii/> (дата обращения: 01.011.2025).

Помимо ключевой стратегической цели развития информационно-технологического направления цифровой дипломатии России (а именно — оптимизации консульских услуг с точки зрения доступности, скорости и удобства для всех заявителей, с одновременным укреплением механизмов контроля и безопасности) следует отдельно отметить повышение коммуникационной значимости соответствующих решений, так как они способствуют прямому общению с российскими гражданами за рубежом и иностранцами, рассматривающими Россию как интересное туристическое направление или стремящимися получить здесь образование, осуществлять трудовую деятельность или развивать бизнес.

Наиболее значимые инициативы и решения в консульских услугах России в рамках стратегических цифровых трансформаций после 2012 г. представлены в табл. 5.

В межгосударственных взаимодействиях Россия стремится проводить политику цифрового сопряжения с дружественными странами, основными торговыми партнерами, то есть осуществлять взаимодействие в области цифровой экономики и синхронизировать цифровые трансформации. Так, Россия и Китай обсуждают возможность выстраивания совместной цифровой экосистемы для обмена технологическими решениями, развития трансграничных платформ, масштабирования успешного опыта совместных цифровых кампаний в рамках продвижения и укрепления позиций на глобальном рынке. Некоторые успешные кейсы и решения в дальнейшем могут быть использованы в рамках БРИКС+.

Индия, в свою очередь, уделяет особое внимание использованию цифровых технологий в диаспоральной политике, являющейся важной частью реализации ее стратегии «мягкой силы». В качестве примеров можно привести такие цифровые решения, как *e-Migrate system* (интегрированная онлайн-платформа по предоставлению информации и помощи индийским эмигрантам, оказавшимся в затруднительном положении вплоть до спасения и репатриации), *Students Registration Portal* (портал для регистрации и мониторинга индийских студентов, обучающихся за рубежом) и др.

Таблица 5. Цифровые решения в консульских услугах России

Вид консульских услуг	Наименование решения (продукта)	Краткое описание и функционал
Электронные визы	Система электронных виз (с 2017 г.)	Позволяет иностранцам оформить визу в РФ дистанционно. Изначально — пилотный проект для отдельных регионов, с 2021 г. работает по всей стране
Мобильные приложения	«Зарубежный помощник» (МИД России)	Официальное приложение для россиян за рубежом
	RuID (запущено в 2025 г.)	Мультиязычное приложение для иностранных граждан
Онлайн-сервисы	Сайт Консульского департамента МИД России (Консульский информационный портал, https://www.kdmid.ru/)	Подготовка документов для консульских процедур
	<i>Consul Online</i>	Сервис для оформления документов в посольствах и консульствах РФ
Дополнительные (в том числе интегрированные) инициативы	Система электронной предварительной записи в консульские учреждения МИД России	Онлайн-запись для посещения консульских учреждений
	Интеграция с Единой биометрической системой (ЕБС)	Верификация данных в цифровых сервисах

Источник: составлено Н.Н. Емельяновой.

Инновационным цифровым решением стало мобильное приложение Министерства иностранных дел Индии (*MEAIndia*), запущенное в 2013 г. для платформ *Android* и *iOS*. Помимо данных о консульских вопросах и внешней политике страны приложение предлагает уникальную функцию «Следуй за своим премьер-министром», позволяющую отслеживать зарубежные поездки Н. Моди. Запустив это приложение, МИД Индии стало первым в мире министерством иностранных дел, которое объединило все свои государственные услуги на одной цифровой платформе²⁰.

Система *MADAD* (*MEA in Aid of Diaspora in Distress*), запущенная МИД Индии в 2015 г., является примером успешной интеграции веб-технологий и социальных сетей для улучшения консульских услуг. Она была создана для оптимизации процесса подачи заявок и жалоб индийскими гражданами за рубежом. Благодаря активному взаимодействию с платформами *X*²¹

и *Facebook*²² *MADAD* значительно ускоряет решение проблем. Система пользуется особой популярностью среди индийских студентов, обучающихся за границей²³.

Начиная с IT-аутсорсинга в технологической сфере как элемента продвижения своего внешнеполитического имиджа (Mullen, 2015, pp. 431–433), Индия в настоящее время входит в число мировых лидеров развития IT-сектора, включая использование 5G (Баткаев, 2023, с. 8). Ключевым цифровым решением, предлагаемым Индией миру, является *India Stack* — технология 5G и интерфейс прикладных программ (проект оцифровки, включающий четыре технологических уровня: предоставление физическим лицам цифровых удостоверений личности; совместимая платежная система; виртуальные документы и их верификация; управление персональными данными)²⁴. Соглашения о взаимном использовании *India*

²⁰ Chand M. Thinking Smart: A Giant Digital Leap for India's Foreign Office // *India Writes Network*. July 30, 2013. URL: <https://www.indiawrites.org/diplomacy/thinking-smart-indias-foreign-office-giant-digital-leap/> (accessed: 01.11.2025).

²¹ Социальная сеть *X* (ранее *Twitter*) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ (Прим. ред.).

²² Социальная сеть *Facebook* (входит в группу компаний *Meta*) запрещена в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

²³ Mohilay A. Social Media and India's Digital Diplomacy: Lessons from Recent International Events // *Indian Council of World Affairs (ICWA)*. December 28, 2023. URL: https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=10333&lid=6588 (accessed: 01.11.2025).

²⁴ *IndiaStack*. URL: <https://www.indiastack.org/> (accessed: 01.11.2025).

Stack тем не менее пока получили небольшое развитие: соответствующие документы подписаны между Индией и Тринидад и Тобаго (2023 г.), Арменией, Сьерра-Леоне, Суринамом и Антигуа и Барбудой (2024 г.).

В рамках установок Нью-Дели на глобальное технологическое лидерство в области цифровых технологий важной является деятельность Группы технологических инноваций (*TIG-6G*), которая стремится к тому, чтобы Индия обладала не менее 10 % мировых патентов на 6G²⁵.

Другие индийские решения в области цифровых технологий также получают мировую известность и признание благодаря системному продвижению. Так, страна стала крупнейшим в мире рынком цифровых платежей, главным образом, благодаря Системе унифицированного платежного интерфейса (*Unified Payments Interface, UPI*), разработанной в 2016 г. Национальной платежной корпорацией Индии (*NPCI*) и объединившей несколько банковских счетов в одном мобильном приложении. *UPI* продвигается на международном уровне в целях снижения геополитических рисков и зависимости от западной инфраструктуры. Мировой охват *UPI* постепенно расширяется. По итогам 2024 г. система имела связи с платежными системами таких государств, как Шри-Ланка, Республика Маврикий, Объединенные Арабские Эмираты, Сингапур, Бутан, Непал и др. В феврале 2024 г. Франция также стала первой европейской страной, принявшей *UPI* из Индии²⁶.

Подходы России и Индии к защите цифрового суверенитета в контексте цифровой дипломатии

Выстраивая цифровую дипломатию, государства по-разному воспринимают ситуацию, когда они являются объектом, а не субъектом

воздействия. В пространстве цифровых коммуникаций, как правило, речь идет об обеспокоенности собственной уязвимостью, что выливается в специальные меры по защите цифрового суверенитета. Данная установка также напрямую переплетается с ценностями многополярного мира, в котором ценится суверенное право государств на управление собственным цифровым пространством, исключая внешние вмешательства, которые могут носить деструктивный характер.

Для России определяющее значение имеет развитие и применение национальных технологий, инфраструктуры и стандартов, которые рассматриваются как фундамент для обеспечения контроля над цифровыми активами страны и защиты от внешних угроз. Стратегическая цель состоит в создании *полностью* независимой цифровой экосистемы, свободной от обусловленных извне воздействий (Кочетков, Маслов, 2022).

Индия в свою очередь, ориентируясь на достижение баланса между государственным регулированием цифровой сферы и стимулированием инновационной деятельности, параллельно с развитием собственных цифровых платформ стремится к открытости в международном сотрудничестве, что на практике не так легко согласовать²⁷. Тем не менее в настоящее время идет обсуждение возможности запрашивать исходный код иностранных цифровых продуктов для проверки безопасности. В частности, в январе 2026 г. агентство *Reuters* со ссылкой на источники и конфиденциальные документы сообщало, что Индия планирует ввести новые правила для производителей смартфонов, обязывая их предоставлять доступ к исходному коду своих устройств и вносить изменения в программное обеспечение для повышения безопасности. Этот пакет мер, включающий 83 стандарта безопасности, также предусматривает уведомление властей о каких-либо значительных обновлениях про-

²⁵ 6G Technology // Ministry of Communications of India. December 21, 2021. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1885360> (accessed: 01.11.2025).

²⁶ Цифровая дипломатия: система UPI в Индии получает еще один глобальный толчок с запуском во Франции // India News Network. 05.02.2024. URL: <https://www.indianewsnetwork.com/ru/20240205/digital-diplomacy-india-s-upi-system-gets-another-global-push-with-launch-in-france> (дата обращения: 01.11.2025).

²⁷ Purushottam S., Singh P. J. What Has Been Missed is India's Digital Sovereignty // The Hindu. August 2, 2025. URL: <https://www.thehindu.com/opinion/lead/what-has-been-missed-is-indias-digital-sovereignty/article69884151.ece> (accessed: 01.12.2025).

граммного обеспечения. Данная инициатива является частью усилий премьер-министра Нарендры Моди по усилению защиты пользовательских данных на фоне участвовавших случаев онлайн-мошенничества и утечек информации в Индии, которая является вторым по величине рынком смартфонов с почти 750 млн устройств²⁸.

Таким образом, несмотря на общую цель — минимизировать зависимость от зарубежных технологических решений и усилить контроль над цифровой сферой, — стратегии защиты цифрового суверенитета России и Индии имеют некоторые различия в определяемых приоритетах, хотя в подходе Индии намечаются трансформации.

Позиции России и Индии в глобальной цифровой повестке и перспективном регулировании цифровых технологий

На мировой арене Россия относится к странам с проактивной цифровой повесткой, работая на уровне кибердипломатии как части цифровой дипломатии.

Среди значимых инициатив России для выстраивания продуктивных экспертных и общественных дискуссий по киберпреступности можно выделить следующие:

- подготовка и принятие резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 74/247 от 27 декабря 2019 г. «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях»;
- создание Рабочей группы ООН по международной информационной безопасности в целях борьбы с киберпреступностью (в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 75/240 от 31 декабря 2020 г.);
- разработка Конвенции против киберпреступности (одобрена резолюцией Гене-

ральной Ассамблеи ООН № 79/243 от 24 декабря 2024 г.).

В частности, в Конвенции содержатся такие важные положения, как:

- установление уголовной ответственности за незаконные доступ, перехват и воздействие на электронные данные;
- предоставление правоохранительным органам процессуальных полномочий по сбору и хранению электронных доказательств;
- развитие государственных программ защиты и реабилитации жертв, а также профилактики соответствующих правонарушений²⁹.

Кроме того, в целях содействия расследованиям киберпреступлений Конвенцией предусмотрено создание специальной сети оперативной помощи с доступом для всех государств-участников³⁰. Более того, Конвенция является первым глобальным соглашением, которое направлено на защиту детей от сексуального насилия с применением IT-технологий.

Нью-Дели на основе человекоориентированного подхода к технологиям и с учетом обязательств перед мировым сообществом³¹ в выстраивании цифрового лидерства в странах Глобального Юга стремится формировать инфраструктуру связи, инновационные решения в области здравоохранения, цифровые финансы и финансовые активы.

Регулирование военных аспектов применения технологий искусственного интеллекта по понятным причинам являются особым направлением различных дискуссий глобального уровня, в которых Россия также принимает непосредственное участие. Основными площад-

²⁹ Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям, принята резолюцией 79/243 от 24 декабря 2024 г. // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243> (дата обращения: 01.11.2025).

³⁰ Там же.

³¹ Jagtiani S.L., Hagebölling D. India's G20 Presidency: Decoding the Digital Technology Agenda // *The Diplomat*. January 30, 2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/01/indias-g20-presidency-decoding-the-digital-technology-agenda/> (accessed: 01.11.2025).

²⁸ Плетнева С. Reuters: Индия предложила обязать производителей смартфонов раскрывать исходный код // *Forbes.ru*. 12.01.2025. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/553379-reuters-india-predlozila-obazat-proizvoditelej-smartfonov-raskryvat-ishodnyj-kod> (дата обращения: 01.02.2026).

ками для такого рода консультаций выступают Комиссия ООН по разоружению и Группа правительственных экспертов по смертоносным автономным системам вооружений. Последняя учреждена в 2016 г. государствами — участниками Конвенции о «негуманном» оружии для изучения этических, правовых, моральных и социальных аспектов применения автономных роботов для ношения оружия и их программирования для участия в реальных боевых действиях. Россия и Индия наряду с США, Китайской Народной Республики (КНР) и Израилем относятся к странам, обладающим серьезными наработками и заделом в этой сфере и не поддерживающим запрет на применение такого оружия. Также против радикальных ограничительных мер выступают Япония и Республика Корея. Однако консультации по разработке регламента превентивного моратория на использование автономных систем ведутся на площадках ООН с 2018 г. (Лекторский и др., 2022, с. 27). В настоящее время мандат ООН на разработку международного договора в этой сфере отсутствует.

Заключение

Итак, начиная с 2010-х гг. Россия и Индия активно работают по всем основным направлениям цифровой дипломатии.

В рамках *формирования горизонтальных коммуникаций* расширяются связи с аудиторией зарубежных стран: обе страны развивают дипломатию социальных сетей, обладая весьма разветвленной системой аккаунтов и стремясь использовать менее формальные коммуникативные практики.

Тем не менее в генерируемом заграничреждениями обеих стран контенте есть некоторые общие слабости, в частности дублирование информационных сюжетов и сопутствующих материалов с одинаковой подачей в схожие временные промежутки без учета специфики платформ социальных сетей, в которых выстраивается работа (в том числе запросов молодежной аудитории), а также отсутствие персонализированных историй (историй впечатлений, успехов и т. п.) от пер-

вого лица в формате сторителлинга, что снижает интерактивность и вирусный потенциал постов.

Россия в отличие от Индии в 2010-е гг. продемонстрировала эффективную модель трансляции информации и смыслов с помощью аккаунтов в социальных сетях ведущих отечественных СМИ, ориентированных на работу с зарубежной аудиторией. Причиной этого были и различия в системе взаимодействия государства и СМИ: в России кооперация государства и медиа более четко выстроена, чем в Индии, где сохраняется фрагментация медиaprостранства, что затрудняет формирование единых кампаний внешнего имиджевого позиционирования государства по разным тематическим блокам. Тем не менее после 2014 г. на фоне явного медийного расширения возможностей России стали проявляться рестрикции, достигшие своего пика в период с 2022 по 2024 г., когда социальные сети российских СМИ попали под мощнейшее санкционное давление. Таким образом, с началом специальной военной операции (СВО) в 2022 г. модель дипломатии социальных сетей России стала трансформироваться в сторону работы социальных медиа дипломатических представительств «Русских домов» за рубежом как самостоятельных медиацентров. Эти практики только начинают формироваться.

Благодаря активности на *инструментально-технологическом направлении* Россия и Индия продвигают собственные прикладные технологии в сфере информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта, а также проекты по управлению большими данными в различных областях. К примеру, Россия готова выстраивать совместные цифровые экосистемы с дружественными странами (как в двустороннем, так и в многостороннем форматах) для обмена технологическими решениями и развития трансграничных платформ, работать над совместными оценками соответствия технологий искусственного интеллекта в различных областях экономического развития. Индия, в свою очередь, продвигает проект *India Stack* (технологии 5G и интерфейс прикладных программ)

и Систему унифицированного платежного интерфейса *UPI*.

Кибердипломатия обеих стран в рамках *регуляторного направления* ориентирована в первую очередь на борьбу с вызовами, связанными с тем, что интернет-ресурсы и социальные сети могут становиться площадками гибридных войн, кибервойн, кибертерроризма и киберпреступлений. В Москве и Нью-Дели присутствует понимание того, что борьба должна подразделяться на нейтрализацию опасной инфраструктуры (защита компьютерных систем, сетей, программ, данных; определение реальных злоумышленников и т. п.) и на противостояние дезинформации и трансляции деструктивных смыслов.

Россия относится к странам с проактивной цифровой повесткой. В частности, с 2019 г.

Россия на площадке ООН инициирует важные шаги в области борьбы с киберпреступностью, вылившиеся в разработку и принятие Конвенции против киберпреступности.

Россия и Индия как страны с серьезными наработками и заделом в области «умного» оружия также принимают деятельное участие в дискуссиях на площадках ООН относительно нормативного регулирования военных аспектов использования технологий искусственного интеллекта. Признавая важность ответственного отношения к применению соответствующих технологий, обе страны наряду с США и Китаем, тем не менее, в настоящее время не готовы поддерживать юридически обязывающий международный договор в этой сфере, отдавая предпочтение национальным нормам регулирования.

Поступила в редакцию / Received: 14.11.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 07.02.2026

Принята к публикации / Accepted: 27.03.2026

Список литературы

- «Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии / под ред. Е.С. Зиновьевой. Москва : МГИМО-Университет, 2024. EDN: XNUQNA
- Баткаев Р. И. Индийское «цифровое чудо» // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 7. С. 6–11. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2023-7-6-11>; EDN: RCXIDI
- Бурлинова Н. В., Василенко П. И., Иванченко В. С., Шакиров О. И. 10 шагов на пути к эффективной публичной дипломатии России. Экспертный обзор российской публичной дипломатии в 2018–2019 гг. Москва : Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам», 2020. EDN: BTVZUU
- Володенков С. В. Медиатизация и виртуализация современного пространства публичной политики // Коммуникология. 2016. Т. 4, № 4. С. 125–136. EDN: WJXUBJ
- Гришанина Т. А. Искусственный интеллект в международных отношениях: роль и направления исследования // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2021. № 4. С. 10–18. EDN: SJHUVN
- Гуреева А. Н., Киреева П. А. Формирование медиаобраза государства в контексте медиатизации политической коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2022. № 6. С. 28–56. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.6.2022.2856>; EDN: YHNWGV
- Заемский В. Ф., Карпович О. Г. Цифровая дипломатия — дипломатия будущего // Дипломатическая служба. 2021. № 3. С. 264–276. <https://doi.org/10.33920/vne-01-2103-05>; EDN: RTWWGR
- Зиновьева Е. С. Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности // Индекс безопасности. 2013. Т. 19, № 1. С. 213–228. EDN: PILMGR
- Зонова Т. В. Цифровая дипломатия в дипломатической и консульской службе // Право и управление. XXI век. 2015. № 3. С. 176–183. EDN: VDGUQD
- Кочетков А. П., Маслов К. В. Цифровой суверенитет как основа национальной безопасности России в глобальном цифровом обществе // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2022. № 2. С. 31–45. EDN: BJJUXI
- Лекторский В. А., Алексеева Е. А., Емельянова Н. Н., Катунин А. В., Меркулова А. Г. и др. Искусственный интеллект в исследованиях сознания и общественной жизни (к 70-летию статьи А. Тьюринга «Вычислитель-

- ные машины и разум») (материалы круглого стола) // *Философия науки и техники*. 2022. Т. 27, № 1. С. 5–33. <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2022-27-1-5-33>; EDN: URJТОМ
- Павлюченко А. А. Методы изучения цифровой дипломатии в российских и международно-политических исследованиях // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2024. Т. 16, № 4. С. 225–250. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-4-225-250>; EDN: QSEPZN
- Синчук Ю. В., Власов Б. Е., Огуцов А. Е. Цифровая дипломатия как инструмент внешней политики // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2022. № 4. С. 52–61. https://doi.org/10.52070/2500-347X_2022_4_849_52; EDN: BOHNRV
- Ситказиева С. С. Информационное пространство как «поле сражений» современных политических элит России и США // *Вопросы элитологии*. 2023. Т. 4, № 1. С. 89–100. EDN: OHCHQW
- Цветкова Н. А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2020. № 2. С. 37–47. EDN: BZGMRE
- Цветкова Н. А., Кузнецов Н. М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2020. № 4–1. С. 27–44. EDN: CWDQZV
- Dasgupta A., Vora K. Increasing Digital Footprints: A Study of India's Digital Diplomacy in the Interconnected World // *75 Years of India's Foreign Policy* / ed. by P. P. Basu, T. Arshed. Singapore : Palgrave Macmillan, 2024. P. 505–526. https://doi.org/10.1007/978-981-97-6054-1_22
- Joshi A., Siddhapura J., Suchak P., Mawewe L. India's Digital Diplomacy: Leveraging Social Media for Global Influence // *International Journal of Research Culture Society*. 2025. Vol. 9, iss. 4. P. 10–15. URL: <https://ijrcs.org/wp-content/uploads/IJRCS202504003-min.pdf> (accessed: 11.10.2025).
- Kreps S. E. Social Media and International Relations. Cambridge : Cambridge University Press, 2020. <https://doi.org/10.1017/9781108920377>
- Mullen R. D. India's Soft Power // *The Oxford Handbook of Indian Foreign Policy* / ed. by D. M. Malone, C. R. Mohan, S. Raghavan. Oxford : Oxford University Press, 2015. P. 188–202. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198743538.013.14>
- Natarajan K. Digital Diplomacy and a Strategic Narrative for India // *Strategic Analysis*. 2014. Vol. 38, iss. 1. P. 91–106. <https://doi.org/10.1080/09700161.2014.863478>
- Pal J. Banalities Turned Viral: Narendra Modi and the Political Tweet // *Television & New Media*. 2015. Vol. 16, iss. 4. P. 378–387. <https://doi.org/10.1177/1527476415573956>
- Rankawat V. Modi's Digital Diplomacy: A Comprehensive Analysis of Social Media as a Political Communication and Governance Tool // *International Journal of Political Science and Governance*. 2023. Vol. 5, iss. 2. P. 75–80. <https://doi.org/10.33545/26646021.2023.v5.i2b.258>; EDN: DTTWQM
- Zeng D., Chen H., Lusch R., Li S.-H. Social Media Analytics and Intelligence // *IEEE Intelligent Systems*. 2010. Vol. 25, no. 6. P. 13–16. <https://doi.org/10.1109/MIS.2010.151>

Сведения об авторе:

Емельянова Наталья Николаевна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры сравнительной политологии факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; elibrary SPIN-код: 3752-4559; ORCID: 0000-0002-0039-2206; e-mail: nemelyanova86@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-2-272-285

EDN: HRIDVR

Научная статья / Research article

Киберпреступность в Латинской Америке: вызовы формирования эффективной системы безопасности в наименее защищенном регионе мира

В.А. Тимошечня^{id}✉, Е.В. Мартыненко^{id}

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ v.timoshchenya@gmail.com

Аннотация. Проблема киберпреступности в Латинской Америке приобретает критический характер на фоне технологической отсталости региона, фрагментации стратегий безопасности и растущей зависимости от иностранных технологических решений. Согласно Глобальному индексу кибербезопасности 2024 г., регион занимает последнее место в мире (35,12 пункта), уступая даже странам Африки (37,25). Данное противоречие усугубляется стремительным ростом кибератак (25 % в год) и ограниченным доступом населения к защищенным интернет-сервисам (62 %). Цель исследования – систематизировать ключевые вызовы, препятствующие формированию эффективной системы кибербезопасности, с акцентом на инфраструктурные ограничения, кадровый дефицит и геополитическую конкуренцию за влияние в цифровой сфере. Научная новизна работы определяется комбинацией методов: сетевого анализа взаимосвязей (*Network Influence Analysis*) для визуализации зон технологического доминирования (США, Китай, Европейский союз, Россия) и контент-анализа 18 национальных стратегий (2020–2026 гг.). Эмпирическая база включает данные Международного союза электросвязи, Межамериканского банка развития, IBM и документы региональных организаций (Организации американских государств (ОАГ), Общего рынка стран Южной Америки (МЕРКОСУР)). Результаты выявили поляризацию подходов: от централизованных систем управления (Бразилия, Коста-Рика) до гибридных моделей цифрового суверенитета (Венесуэла, Куба), сочетающих национальные приоритеты с зависимостью от иностранных технологий. Доминирование компаний *Huawei* (70 % 4G-сетей) и *Microsoft* (облачные решения) повышает уязвимость критической инфраструктуры. Реактивный характер мер подтверждает пример Коста-Рики, где финансирование кибербезопасности выросло на 446 % после атак 2022 г. Ключевой вывод — необходимость синхронизации региональных инициатив в рамках ОАГ через гармонизацию стандартов (*CSIRT Americas*) и стимулирование государственно-частного партнерства. Только 23 % организаций используют искусственный интеллект для защиты данных (на 17 % ниже глобального уровня). Исследование вносит вклад в дискуссию о балансе геополитических интересов и коллективной безопасности, предлагая адаптивную модель для Латинской Америки. Ее ключевой элемент — целевые инвестиции в оптоволоконные сети, подготовку кадров и интеграцию международных практик с учетом локальной специфики, включая преодоление цифрового разрыва.

Ключевые слова: кибербезопасность, цифровая инфраструктура, региональная безопасность, технологическая зависимость, искусственный интеллект, критическая инфраструктура, геополитическая конкуренция, стратегии киберзащиты

Заявление о доступности данных. Данные, подтверждающие выводы этого исследования, получены из открытых источников и включены в опубликованную статью.

© Тимошечня В.А., Мартыненко Е.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. Тимошня В.А.: концептуализация, методология, формальный анализ, проведение исследования, написание, подготовка первоначального черновика. Мартыненко Е.В.: научное руководство, валидация результатов, рецензирование и редактирование. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Тимошня В. А., Мартыненко Е. В. Киберпреступность в Латинской Америке: вызовы формирования эффективной системы безопасности в наименее защищенном регионе мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 2. С. 272–285. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-272-285>; EDN: HRIDVR

Cybercrime in Latin America: Challenges for Building Effective Security in the World's Most Vulnerable Region

Viachaslau A. Tsimashchenia^{ID}✉, Evgeny V. Martynenko^{ID}

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ v.timoshchenya@gmail.com

Abstract. The issue of cybercrime in Latin America has reached critical levels, against a backdrop of the region's technological lag, fragmented security strategies, and a growing reliance on foreign technological solutions. According to the 2024 Global Cybersecurity Index, the region ranks last globally (35.12 points), behind even African countries (37.25). This contradiction is exacerbated by the rapid annual growth in cyberattacks (25%) and limited public access to secure internet services (62%). The study aims to systematize the key challenges hindering the development of an effective cybersecurity system, focusing on infrastructure limitations, workforce shortages, and geopolitical competition for digital influence. The scientific novelty of the work lies in its combination of methods, including network influence analysis to visualize zones of technological dominance (the USA, China, the EU, Russia) and content analysis of 18 national cybersecurity strategies. The empirical foundation incorporates data from the International Telecommunication Union, the Inter-American Development Bank, IBM, and documents from regional organizations, such as the Organization of American States (OAS) and MERCOSUR. The results of this study reveal polarized approaches, ranging from centralized management systems (Brazil, Costa Rica) to hybrid models of digital sovereignty (Venezuela, Cuba), which blend national priorities with reliance on foreign technologies. The dominance of companies like Huawei (70% of 4G networks) and Microsoft (cloud solutions) has exacerbated vulnerabilities in critical infrastructure. The reactive nature of measures is exemplified by Costa Rica, which saw a 446% increase in cybersecurity funding after 2022's cyberattacks. The key conclusion of the study underscores the need for regional cooperation and harmonization of standards under the OAS framework through harmonized standards (CSIRT Americas) and enhanced public-private partnerships. Only 23% of organizations employ AI for data protection (17% below the global average). The study contributes to discussions on balancing geopolitical interests and collective security by proposing a more adaptive model for Latin America. Its core elements include targeted investments in fiber-optic networks, workforce training, and the integration of international best practices adapted to local contexts, with an emphasis on bridging the digital divide.

Key words: cybersecurity, digital infrastructure, regional security, technological dependence, artificial intelligence, critical infrastructure, geopolitical competition, cyber defense strategies

Data availability statement. The data supporting the findings of this study were obtained from public sources and included in the published article.

Authors' contributions. V.A. Tsimashchenia: conceptualization, methodology, formal analysis, investigation, original draft preparation. E.V. Martynenko: supervision, validation, review and editing. Both authors have read and approved the final version of the article.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Tsimashchenia, V. A., & Martynenko, E. V. (2026). Cybercrime in Latin America: Challenges for building effective security in the world's most vulnerable region. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(2), 272–285. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-272-285>; EDN: HRIDVR

Введение

В системе кризисных явлений Латинской Америки проблематика кибербезопасности представляет собой наименее изученное направление исследований. Регион, направляющий значительные ресурсы на развитие традиционных механизмов обеспечения безопасности, сталкивается с парадоксом: несмотря на развитие конвенциональных структур безопасности, страны Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) обнаруживают критическую неготовность к противодействию цифровым угрозам. Государства региона, демонстрируя самый высокий в мире рост кибератак — 25 % в год за последнее десятилетие¹, одновременно остаются наименее защищенным регионом со средним показателем кибербезопасности 10,2 из 20². Данный диссонанс усугубляется тем, что 62 % населения не имеют доступа к шифрованным интернет-сервисам³, а 67 % кибератак на компании ЛАКБ классифицируются как «серьезные»⁴, что ставит под угрозу экономическую стабильность и социальное развитие региона.

Ключевой проблемой выступает институциональная инерция. Национальные стратегии кибербезопасности, принятые в 16 странах региона, фокусируются на реактивных мерах, таких как создание групп реагирования на компьютерные инциденты (*Computer Emergency Response Team, CERT*) после крупных атак, но

игнорируют превентивные инвестиции в инфраструктуру и кадры. Формирование глобальных систем киберзащиты не учитывает специфику латиноамериканского контекста — сочетание технологической зависимости, неравномерного развития инфраструктуры и фрагментированных правовых рамок.

Цель исследования заключается в систематизации ключевых вызовов, препятствующих формированию эффективной системы кибербезопасности в ЛАКБ, с акцентом на инфраструктурные ограничения, кадровый дефицит и геополитическую конкуренцию за влияние в цифровой сфере.

Методологическая новизна работы базируется на комбинации сетевого анализа зон технологического доминирования (США, Китай, Европейский союз (ЕС)) и контент-анализа 18 национальных киберстратегий, что позволяет выявить поляризацию подходов — от централизованных моделей Бразилии и Коста-Рики до цифрового суверенитета Венесуэлы и Кубы.

Теоретическую рамку исследования составляет синтез теории секьюритизации и концепции международных режимов применительно к киберпространству. Кибербезопасность рассматривается как политико-институциональная категория — процесс, в ходе которого цифровые угрозы конструируются государствами как вопросы национальной безопасности, требующие чрезвычайных мер (Solar, 2023, p. 98). Региональные режимы кибербезопасности понимаются как совокупность норм, институтов и практик, координирующих поведение государственных и негосударственных акторов в цифровой сфере (Grassi, Jacon Ayres Pinto & de Conti Pagliari, 2024, p. 12). Такой подход позволяет связать различия в национальных стратегиях с более широкими процессами региональной фрагментации и геополитической конкуренции.

Эмпирический анализ проводился в два этапа. На первом применялся качественный контент-анализ национальных стратегий кибербезопасности. В выборку вошли 18 официальных доктринальных документов стран Латинской Америки и Карибского бассейна, принятых в 2017–2030 гг. и находящихся в открытом доступе. Критериями отбора служили официальный

¹ Vergara Cobos E. Cybersecurity Economics for Emerging Markets // The World Bank. 2024. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstreams/692c6149-748f-40dc-b9e6-8e09ba3e47bf/download> (accessed: 10.01.2025).

² Global Cybersecurity Index 2024. 5th edition// International Telecommunication Union. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Documents/GCIv5/2401416_1b_Global-Cybersecurity-Index-E.pdf (accessed: 10.01.2025).

³ Internet Access Services: Status as of December 31, 2022 // Federal Communications Commission. September 2024. URL: <https://docs.fcc.gov/public/attachments/DOC-405486A1.pdf> (accessed: 10.01.2025).

⁴ El 67% de los ciberataques a empresas latinoamericanas fueron considerados graves // Kaspersky. 16 de octubre de 2024. URL: https://latam.kaspersky.com/about/press-releases/el-67-de-los-ciberataques-a-empresas-latinoamericanas-fueron-considerados-graves?srsId=AfmBOoq9nKioKhDpad_FYxy25kk2B7vswXyiG6bFQpnaARJLBFroTbU (accessed: 10.01.2025).

(правительственный или ведомственный) статус документа, его действующая редакция и наличие раздела, посвященного кибербезопасности. Кодирование осуществлялось по семи параметрам: ключевые угрозы, приоритеты, защищаемая критическая инфраструктура, используемые технологии, форматы международной кооперации и уровень государственно-частного партнерства. На основе сопоставления кодов выделены три типологические группы стратегий — централизованные, ориентированные на международное сотрудничество и нацеленные на цифровой суверенитет.

На втором этапе использовался сетевой анализ зависимостей (*Network Influence Analysis*) для визуализации зон технологического доминирования внерегиональных акторов. Узлами сети выступили четыре внешних поставщика технологий и инфраструктуры (США, Китай, Евросоюз и Россия) и страны региона. Размер узла отражает совокупный уровень влияния поставщика, а связи типологизированы по четырем каналам зависимости: цифровая инфраструктура, технологии, подготовка кадров и критическая инфраструктура. Данные о связях агрегированы из отчетов международных организаций, корпоративной отчетности технологических компаний и национальных программ цифровой трансформации.

Эмпирическую основу исследования составляют данные Международного союза электросвязи, Межамериканского банка развития, Всемирного банка, компании IBM, а также документы региональных организаций (Организации американских государств (ОАГ), Общего рынка стран Южной Америки (МЕРКОСУР)). Основной вывод работы указывает на необходимость «гибридной» модели, синхронизирующей международные стандарты с локальными приоритетами через инвестиции в оптоволоконные сети, подготовку кадров и стимулирование государственно-частного партнерства.

В рамках данного исследования «киберуправление» рассматривается как система принятия решений и распределения ответственности между государственными органами, частным сектором и международными организациями в области обеспечения безопасности

цифровой инфраструктуры (Fuenmayor Tobar et al., 2024, p. 15). Под «кибербезопасностью» авторы понимают комплекс технических, организационных и правовых мер, направленных на защиту компьютерных систем, сетей и данных от несанкционированного доступа, повреждения или атак с целью эксплуатации, нарушения функционирования или кражи информации.

Современные тенденции развития кибербезопасности в Латинской Америке

На фоне глобального ускорения цифровой трансформации Латинская Америка остается одним из наиболее уязвимых регионов мира, что подтверждается данными Национального индекса кибербезопасности (*National Cyber Security Index, NCSI*) (Kosevich, 2024). В настоящее время, с приходом четвертой промышленной революции, регион сталкивается с необходимостью адаптации существующих механизмов безопасности к новым технологическим вызовам (Борзова, Павлова, 2019, с. 51).

По ключевым показателям технологического развития (оптоволоконные сети, точки обмена интернет-трафиком, центры обработки данных, суперкомпьютеры, спутники, полупроводники, участие в крупных технологических компаниях, облачные технологии, патенты в области передовых технологий) регион остается на периферии технологического развития, участвуя лишь в начальных этапах цепочек создания стоимости (Flores Cedeño & López Paz, 2024, p. 685).

К 2022 г. средний уровень проникновения фиксированного широкополосного доступа в регионе достиг 62 %, что существенно ниже показателей Северной Америки и Европы (100 и 90 % соответственно). Проникновение мобильного широкополосного доступа в регионе составляет 78 активных подписок на 100 жителей против 105 в Европе и 150 в Северной Америке (табл. 1)⁵.

⁵ Показатель отражает число активных подписок на мобильный широкополосный доступ в расчете на 100 жителей и может превышать 100, поскольку один пользователь способен оформить несколько подписок (например, для смартфона и планшета). Методология разработана Международным союзом электросвязи.

Таблица 1. Ключевые показатели цифровой инфраструктуры по регионам

Основные показатели	Латинская Америка	Северная Америка	Европа	Азия	Африка
Доступ к Интернету (подписки на 100 жителей)					
Фиксированный широкополосный доступ	62	100	90	41,9	4,6
Мобильный широкополосный доступ	78	150	105	55	48
Инфраструктура					
Дата-центры и IXP	Ограниченные	Развитая сеть	Развитая сеть	Широкая сеть	Низкое
Спутниковая связь	Низкое	Высокое	Среднее	Высокое	Низкое
Технологический потенциал					
Облачные технологии и искусственный интеллект	Ограниченные	Развиты	Развиты	Развиты	Ограниченные
Полупроводниковая индустрия	Начальные стадии	Развита	Развита	Широкая сеть	Ограниченная

Источник: составлено В.А. Тимошечей и Е.В. Мартыненко на основе данных: Facts and Figures 2023 // International Telecommunication Union. URL: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/2023/10/10/ff23-subscriptions/> (accessed: 10.01.2025); Internet Access Services: Status as of December 31, 2022 // Federal Communications Commission. September 2024. URL: <https://docs.fcc.gov/public/attachments/DOC-405486A1.pdf> (accessed: 10.01.2025); The State of Mobile Internet Connectivity Report // GSMA Intelligence. October 2023. URL: <https://www.gsmainelligence.com/research/the-state-of-mobile-internet-connectivity-2023> (accessed: 10.01.2025); The Digital Economy and Society Index (DESI) // European Commission. 2023. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/desi> (accessed: 10.01.2025); Global Broadband Subscriptions in Q1 2023: Fibre Glides Past Two Thirds // Point Topic. July 19, 2023. URL: <https://www.point-topic.com/post/global-broadband-subscriptions-q1-2023> (accessed: 10.01.2025).

Ограниченное распространение высокоскоростных сетей обусловлено высокими затратами на инфраструктуру, недостаточным финансированием, а также сложностями с обеспечением равномерного покрытия в удаленных и сельских районах. Кроме того, несмотря на более высокий уровень проникновения мобильного широкополосного доступа (78 %), в ЛАКБ данный показатель также остается ниже, чем в развитых странах, таких как США и страны Европы, что ограничивает доступ населения региона к онлайн-услугам, образовательным и медицинским ресурсам, а также к возможностям для бизнеса, особенно в районах с низким уровнем дохода и недостаточной цифровой грамотностью (Flores Cedeño & López Paz, 2024, p. 685).

Ключевые технологические показатели, такие как количество точек обмена интернет-трафиком (*Internet Exchange Point, IXP*) и доступ к дата-центрам, в регионе также остаются ограниченными. В отличие от Северной Америки и Европы Латинская Америка сталкивается с нехваткой критической инфраструктуры для хранения и обработки данных, что влечет за собой высокие затраты на международный трафик и увеличивает задержки при

передаче данных (Grassi, Jacon Ayres Pinto & de Conti Pagliari, 2024, p. 14). Данный факт ограничивает местные компании в возможностях конкурировать на глобальном рынке и создает дополнительные риски для обеспечения кибербезопасности в регионе (Симонова и др., 2023). Низкая степень участия Латинской Америки в развитии полупроводниковой промышленности и облачных технологий также указывает на зависимость ЛАКБ от импорта передовых технологий, что затрудняет переход к инновационной экономике и повышает уязвимость перед кибератаками (Vila Seoane, 2021, p. 102). В связи с этим усилия, направленные на расширение доступности высокоскоростного интернета и увеличение инвестиций в технологическую инфраструктуру, становятся особенно актуальными для региона (Fuenmayor Tobar et al., 2024, p. 17).

Масштабы киберпреступности и ее экономические последствия

В 2023 г. Латинская Америка и Карибский бассейн заняли второе место в мире по росту еженедельных криминальных кибератак (29 %), уступая только Северной Америке

Таблица 2. Сравнительный анализ показателей кибербезопасности и кибератак по регионам

Регион	Рост еженедельных кибератак, %	Средний показатель по Глобальному индексу кибербезопасности	Позиция в мире	Основной уровень уязвимости	Среднемировой уровень
Северная Америка	52	65,78	1	Умеренный	55,64
ЛАКБ	29	35,12	5	Низкий	
Африка	21	37,25	4	Высокий	
Европа	18	70,15	2	Низкий	
Азия	24	56,50	3	Умеренный	

Источник: составлено В.А. Тимошеней и Е.В. Мартыненко по данным: Global Cybersecurity Index 2024. 5th edition // International Telecommunication Union. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Documents/GCIv5/2401416_1b_Global-Cybersecurity-Index-E.pdf (accessed: 10.01.2025).

Таблица 3. Крупные кибератаки на критическую инфраструктуру Латинской Америки в 2022–2023 гг. и их последствия

Год	Страна	Атакованная инфраструктура	Тип атаки	Последствия	Финансовые потери, млн долл. США
2022	Коста-Рика	Система социального обеспечения	Вымогательское ПО	Остановка социальных служб, шифрование данных	800
2022	Колумбия	Системы здравоохранения	Утечка данных	Утечка конфиденциальной медицинской информации, задержка в обслуживании	550
2023	Мексика	Государственные агентства	Вымогательское ПО	Прерывание работы госуслуг, требование выкупа	700

Источник: составлено В.А. Тимошеней и Е.В. Мартыненко по данным: Cost of a Data Breach Report 2024 // IBM. URL: <https://www.ibm.com/reports/data-breach> (accessed: 10.01.2025).

(52 %)⁶. Согласно Глобальному индексу кибербезопасности 2024 г., регион демонстрирует самый низкий средний показатель в мире — 35,12 пункта, что ниже африканского (37,25) и среднемирового (55,64) уровней (табл. 2).

Согласно оценкам *LatAm Cyber Security Summit*, годовые убытки от кибератак в Латинской Америке и Карибском бассейне (табл. 3) могут превысить 90 млн долл. США к 2026 г. при среднем показателе более 18,5 млн атак в год⁷. Наиболее заметным примером стала атака на правительственные учреждения Коста-Рики в апреле 2022 г., которая затронула многочисленные государственные структуры

с требованием выкупа в размере 10 млн долл. США (Datta & Acton, 2024, p. 60). Последующая атака в мае 2022 г. на фонд социального страхования Коста-Рики вынудила правительство объявить чрезвычайное положение, что стало первым случаем применения чрезвычайных фондов для борьбы с последствиями кибератаки (Datta & Acton, 2024, p. 62).

Согласно отчету *IBM*, компании, внедрившие искусственный интеллект (ИИ) в свои стратегии киберзащиты, сократили жизненный цикл атак с утечкой данных на 94 дня, что позволило сэкономить свыше 1 млн долл. США на устранение последствий⁸. При этом только 23 % организаций региона используют ИИ для защиты, что на 17 % ниже среднемирового уровня (Виноградова, 2023, p. 34). Недостаточная подготовленность и слабая киберзащита создают высокий риск для государственных

⁶ Díaz R.M., Núñez G. Ciberataques a la logística y la infraestructura crítica en América Latina y el Caribe // CEPAL. 2023. URL: <https://repositorio.cepal.org/server/api/core/bitstreams/2db8feef-29d6-4981-9741-9ad3154d3789/content> (accessed: 30.10.2024).

⁷ LatAm Cyber Summit 2024 Annual Report // CS4CA. URL: <https://latam.cs4ca.com/wp-content/uploads/LatAm-Cyber-Summit-2024-Annual-Report.pdf> (accessed: 10.01.2025).

⁸ См.: Cost of a Data Breach Report 2024 // IBM. URL: <https://www.ibm.com/reports/data-breach> (accessed: 10.01.2025).

и частных секторов государств ЛАКБ (Urbanovics, 2022, p. 87). В условиях растущей зависимости от цифровых технологий регион должен сосредоточиться на укреплении кибербезопасности, внедрении более строгих мер защиты и развитии кадрового потенциала для противодействия угрозам.

Национальные меры противодействия киберпреступности в странах Латинской Америки

Контент-анализ национальных стратегий кибербезопасности стран Латинской Америки выявил значительные различия в подходах к обеспечению цифровой безопасности. Из 18 проанализированных стратегий полноценные национальные документы разработаны в 16 странах. В Боливии и Венесуэле формальные кибердоктрины отсутствуют, а Куба и Колумбия интегрировали вопросы кибербезопасности в программы цифровой трансформации.

Страны региона можно разделить на три группы:

- 1) государства с централизованной системой управления кибербезопасностью (Бразилия, Чили);
- 2) страны, ориентированные на международное сотрудничество (Перу, Панама, Парагвай);
- 3) страны, развивающие цифровой суверенитет (Венесуэла, Куба, Никарагуа).

Наиболее устойчивые модели управления характеризуются государственно-частным партнерством, четкой идентификацией критической инфраструктуры и технологическим развитием (табл. 4).

Центральная Америка и Карибский бассейн сосредоточены на защите госсистем и борьбе с киберпреступностью. Коста-Рика после атак 2022 г. увеличила финансирование кибербезопасности на 446 %⁹, а Панама интегрировала цифровую защиту в систему охраны Панамского канала¹⁰. Доминиканская Республика развивает военную «киберэкспертизу»¹¹, а Уругвай внедряет квантовую криптографию¹².

Таблица 4. Контент-анализ стратегий кибербезопасности государств Латинской Америки

Страна	Год	Ключевые угрозы	Приоритеты	КИ	Технологии	Кооперация	ГЧП
Аргентина	2023	Киберпреступность, утечки данных	КИ, международное сотрудничество	Э, Т, С, Ф	ИИ, блокчейн	ООН, МЕРКОСУР	В
Бразилия	2020–2023	Атаки на инфраструктуру	Централизация управления	Э, Т, В, С, Ф	5G, квантовые	Forum IRS, США	В
Венесуэла	2024	Электоральные атаки	Защита суверенитета	Э, Н, ИС	Нац. система	Россия, Иран	Н
Гватемала	2018	Фишинг	Защита КИ	Э, Т	Облачные	ОАГ, Межамериканский банк развития	СР
Доминикана	2021–2024	Военные уязвимости	Центр операций	Э, С, О	ИИ-системы	США, ЕС	В
Колумбия	2023–2026	Цифровой разрыв	Социальная трансформация	Э, С, Т	ИИ, спутники	ОЭСР, США	СР
Коста-Рика	2023–2027	Вымогатели	Центр кибербезопасности	С, Э, З	Блокчейн, ИИ	США, ЕС	В
Куба	2024	Санкции	Развитие нац. ПО	Э, З, ИКТ	Облачные	Россия, Китай	Н

⁹ MICITT lidera la respuesta nacional ante el creciente panorama de ciberamenazas // Presidencia de la República de Costa Rica. Octubre 2024. URL: <https://www.presidencia.go.cr/noticias/micitt-lidera-la-respuesta-nacional-ante-el-creciente-panorama-de-ciberamenazas> (accessed: 10.01.2025).

¹⁰ Resolución N° 17 del Consejo Nacional para la Innovación Gubernamental, de 10 de septiembre de 2021. Estrategia Nacional de Ciberseguridad 2021–2024 // Gaceta Oficial de Panamá. URL: https://www.gacetaoficial.gob.pa/storage/gacetas/2021/12/29434_A/88864.pdf (accessed: 01.03.2026).

¹¹ Decreto 313-22. Estrategia Nacional de Ciberseguridad 2021–2030 de la República Dominicana // Centro Nacional de Ciberseguridad. URL: <https://cnscs.gob.do/decreto-313-22/> (accessed: 10.01.2025).

¹² Estrategia Nacional de Ciberseguridad del Uruguay 2024–2030 // Agencia de Gobierno Electrónico y Sociedad de la Información y del Conocimiento (AGESIC). 27 de febrero de 2025. URL: <https://www.gub.uy/agencia-gobierno-electronico-sociedad-informacion-conocimiento/comunicacion/publicaciones/estrategia-nacional-ciberseguridad-2024-2030-0> (accessed: 01.03.2026).

Окончание табл. 4

Страна	Год	Ключевые угрозы	Приоритеты	КИ	Технологии	Кооперация	ГЧП
Мексика	2017	Киберпреступность	Международная координация	Э, Т, Ф	Системы защиты	ООН, ОАГ	СР
Никарагуа	2020–2025	Внешние угрозы	Центр реагирования	Э, Т	—	Россия, ОАГ	Н
Панама	2021–2024	Атаки на Панамский канал	КИ, обучение	К, Э, З	ИИ-мониторинг	ОАГ	В
Парагвай	2024–2028	Целевые атаки	Центр реагирования	Э, В, С	Биометрия	Межамериканский банк развития, МЕРКОСУР	СР
Перу	2021–2026	Слабая защита	Центр безопасности	Э, Т, З	Аналитика	Межамериканский банк развития, ООН	Н
Сальвадор	2024	Атаки на госсистемы	Агентство защиты	Э, С, Ф	ИИ-системы	CISCO, ЕС	СР
Уругвай	2024–2030	Вымогатели	Квантовая защита	Э, Ф, Т	Квантовая	Межамериканский банк развития, ОАГ	В
Чили	2023–2028	Дефицит кадров	Агентство безопасности	Э, Т, З	ИИ-системы	Испания	В
Эквадор	2022–2025	Устаревшие системы	Центр реагирования	Э, Т, Ф	Анализ данных	ЕС, ОАГ	СР

Примечания. КИ (критическая инфраструктура): Э — энергетика, Т — транспорт, С — связь, Ф — финансы, З — здравоохранение, В — водоснабжение, О — оборона, Н — нефтяной сектор, К — канал, ИС — избирательные системы, ИКТ — информационно-коммуникационные технологии.

ГЧП (государственно-частное партнерство): В — высокий уровень, СР — средний уровень, Н — низкий уровень.

Источник: составлено В.А. Тимошеней и Е.В. Мартыненко на основании: Resolución 44/2023 de la Secretaría de Innovación Pública. Segunda Estrategia Nacional de Ciberseguridad // Boletín Oficial de la República Argentina. 1 de septiembre de 2023. URL: <https://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/385000-389999/389245/norma.htm> (accessed: 01.03.2026); Decreto N° 10.222, de 5 de febrero de 2020. Aprova a Estratégia Nacional de Segurança Cibernética (E-Ciber) // Presidência da República. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2019-2022/2020/decreto/d10222.htm (accessed: 01.03.2026); Decreto 4975 sobre Consejo Nacional de Ciberseguridad // Gaceta Oficial de la República Bolivariana de Venezuela. 20 de agosto de 2024. URL: <https://tugacetaoficial.com/leyes/decreto-4975-sobre-consejo-nacional-de-ciberseguridad/> (accessed: 01.03.2026); Estrategia Nacional de Seguridad Cibernética // Ministerio de Gobernación de Guatemala. 2018. URL: <https://ogdi.org/ogdi/uploads/2021/08/Estrategia-Nacional-de-Seguridad-Cibernetica.pdf> (accessed: 01.03.2026); Estrategia Nacional de Ciberseguridad de la República Dominicana 2021–2024 (ENCS) // Agenda Digital. URL: <https://agendadigital.gob.do/wp-content/uploads/2022/02/Plan-de-Accion-2021-2024-v2.pdf> (accessed: 01.03.2026); Estrategia Nacional Digital de Colombia 2023–2026 // Ministerio de Tecnologías de la Información y las Comunicaciones. 2023. URL: https://www.mintic.gov.co/portal/715/articles-334120_recurso_1.pdf (accessed: 01.03.2026); Estrategia Nacional de Ciberseguridad de Costa-Rica 2023–2027 // Ministerio de Ciencia, Innovación, Tecnología y Telecomunicaciones (MICITT). 2023. URL: <https://www.micitt.go.cr/sites/default/files/2023-11/NCS%20Costa%20Rica%20-%2010Nov2023%20SPA.pdf> (accessed: 01.03.2026); Decreto-Ley No. 35 de las Telecomunicaciones, las Tecnologías de la Información y la Comunicación y del Uso del Espectro Radioeléctrico // Cubalex. 17 de agosto de 2021. URL: <https://cubalex.org/2021/08/17/nuestros-abogados-opinan-sobre-el-decreto-ley-35-recien-aprobado-por-el-consejo-de-estado-y-el-consejo-de-ministros/> (accessed: 01.03.2026); Estrategia Nacional de Ciberseguridad // Gobierno de México. 2017. URL: https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/271884/Estrategia_Nacional_Ciberseguridad.pdf (accessed: 01.06.2026); De aprobación de la “Estrategia nacional de ciberseguridad 2020–2025”. Decreto presidencial n°. 24-2020, aprobado el 24 de septiembre de 2020 // Cyber Policy Portal Database. URL: <https://database.cyberpolicyportal.org/entity/xsbof4xi99n?page=6&file=1658413502730hn23ut3iuc1.pdf> (accessed: 01.03.2026); Resolución N° 17 del Consejo Nacional para la Innovación Gubernamental, de 10 de septiembre de 2021. Estrategia Nacional de Ciberseguridad 2021–2024 // Gaceta Oficial de Panamá. URL: https://www.gacetaoficial.gob.pa/storage/gacetitas/2021/12/29434_A/88864.pdf (accessed: 01.03.2026); Decreto Ejecutivo N° 3900, de 22 de mayo de 2025. Estrategia Nacional de Ciberseguridad 2025–2028 // Ministerio de Tecnologías de la Información y la Comunicación (MITIC) de Paraguay. 23 de mayo de 2025. URL: <https://drive.mitic.gov.py/s/ZS7YXfEJrxfgdia?dir=/&editing=false&openfile=true> (accessed: 01.03.2026); Propuesta de la Estrategia Nacional de Ciberseguridad del Perú 2026–2028 (ESNACIB) // Secretaría de Gobierno y Transformación Digital — Presidencia del Consejo de Ministros. 15 de agosto de 2025. URL: <https://www.gob.pe/institucion/pcm/informes-publicaciones/7046161-estrategia-nacional-de-ciberseguridad-del-peru-2026-2028-esnacib> (accessed: 01.03.2026); Decreto N° 143. Ley de Ciberseguridad y Seguridad de la Información // Asamblea Legislativa de la República de El Salvador. 12 de noviembre de 2024. URL: <https://www.asamblea.gob.sv/sites/default/files/documents/decretos/D056D9A1-299D-4188-941A-9C3B5898D3F3.pdf> (accessed: 01.03.2026); Estrategia Nacional de Ciberseguridad del Uruguay 2024–2030 // Agencia de Gobierno Electrónico y Sociedad de la Información y del Conocimiento (AGESIC). 27 de febrero de 2025. URL: <https://www.gub.uy/agencia-gobierno-electronico-sociedad-informacion-conocimiento/comunicacion/publicaciones/estrategia-nacional-ciberseguridad-2024-2030-0> (accessed: 01.03.2026); Decreto N° 164/2023 del Ministerio del Interior y Seguridad Pública. Aprueba la Política Nacional de Ciberseguridad 2023–2028 // Ministerio del Interior y Seguridad Pública. 4 de diciembre de 2023. URL: <https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=1198702> (accessed: 01.03.2026); Estrategia Nacional de Ciberseguridad // Gobierno Electrónico del Ecuador. 2022. URL: <https://www.gobiernoelectronico.gob.ec/wp-content/uploads/2022/10/Difusion-ENC.pdf> (accessed: 01.03.2026).

Финансирование остается ключевым фактором эффективности национальных стратегий. Крупнейшие экономики (Бразилия, Мексика) инвестируют в технологии и подготовку кадров, тогда как страны с ограниченными ресурсами (Парагвай, Гватемала) зависят от международных доноров, что усложняет реализацию долгосрочных проектов.

Международное сотрудничество также неоднородно: Венесуэла и Куба ориентируются на партнерство с Россией и Китаем, а Колумбия, Чили и Перу укрепляют связи с Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и США. Различие стратегий отражает более широкий геополитический контекст и влияет на модели регулирования, выбор технологий и интеграцию в глобальные системы цифровой безопасности.

Развитие региональных режимов кибербезопасности

В контексте данного исследования под «режимами кибербезопасности» понимаются структурированные системы управления, норм, институтов и практик, регулирующих поведение государственных и негосударственных субъектов в киберпространстве (Grassi, Jason Ayres Pinto & de Conti Pagliari, 2024, p. 12). Региональные режимы могут быть классифицированы по степени централизации (от иерархических до сетевых), по ориентации (техничко-инфраструктурные, государственно-центричные или ориентированные на права пользователей), а также по уровню институционализации (Solar, 2023, p. 98).

В сфере развития региональных режимов и институтов управления кибербезопасностью наиболее значительные достижения отмечаются на межамериканском уровне. Развитие региональных режимов кибербезопасности в Латинской Америке опирается на координацию в рамках ОАГ, реализующей комплексную программу через Межамериканский комитет по борьбе с терроризмом (*Comité Interamericano contra el Terrorismo, CICTE*). В рамках инициативы создана сеть групп реагирования на инциденты кибербезопасности (*Computer Security Incident Response Team, CSIRT*) — *CSIRT Americas*, объединяющая 47 национальных цен-

тров реагирования из 20 стран региона, что позволяет организовывать обмен оперативными данными об угрозах, координировать защитные меры и проводить совместные учения (Guevara, 2022, p. 420). Финансирование сети осуществляется за счет государственных взносов стран-участниц, международных грантов и технической помощи частного сектора, включая крупные технологические компании (табл. 5).

Дополнительно при поддержке ОАГ в структуре КАРИКОМ действует Региональный центр сбора и анализа оперативной информации (*Regional Intelligence Fusion Centre, RIFC*), обеспечивающий мониторинг угроз и защиту критической инфраструктуры через распределенную систему анализа и моделирование кибератак в реальном времени. Информация поступает от национальных центров кибербезопасности и частных технологических партнеров, что позволяет оперативно выявлять новые методы атак и вырабатывать защитные меры.

ОАГ также реализует масштабную программу подготовки специалистов, направленную на сокращение кадрового разрыва. В рамках Центра образования и развития трудовых ресурсов в области кибербезопасности (*National Initiative for Cybersecurity Education, NICE*) подготовлено более 6000 специалистов, однако этого недостаточно для покрытия существующего дефицита кадров¹³. Программы финансируются при участии Межамериканского банка развития и ведущих технологических компаний, включая *Microsoft*, *Amazon Web Services (AWS)* и *Cisco*, которые также оказывают техническую поддержку образовательным инициативам. Дополнительно Межамериканский банк развития финансировал программу «Создание карьерного пути в сфере кибербезопасности (2017–2024)» (*Creating a Career Path in Cybersecurity (2017–2024)*), направленную на формирование долгосрочных карьерных маршрутов в сфере кибербезопасности¹⁴.

¹³ Vergara Cobos E., Diao H. De la ficción a la realidad: cómo América Latina se convirtió en el campo de batalla cibernético más crítico del mundo // Banco Mundial Blogs. 28 de noviembre de 2024. URL: <https://blogs.worldbank.org/es/latinamerica/seguridad-cibernetica-en-america-latina-y-el-caribe> (accessed: 10.01.2025).

¹⁴ *Creating a Career Path in Cybersecurity (2017–2024)* // OAS. URL: <https://www.oas.org/ext/DesktopModules/MVC/OASDnnModules/Views/Item/Download.aspx?type=1&id=1173&lang=1> (accessed: 10.01.2025).

Таблица 5. Региональные инициативы кибербезопасности в Латинской Америке

Инициатива	Запуск / обновление*	Цели	Финансирование
CSIRT Americas (ОАГ)	2004/2023	Создание сети центров реагирования на кибератаки	Государственные взносы, гранты ОАГ, частные спонсоры
План действий КАРИКОМ по кибербезопасности и борьбе с киберпреступностью (CARICOM Cyber Security and Cybercrime Action Plan)	2016/2019	Гармонизация стандартов кибербезопасности, борьба с преступностью	USAID, взносы государств КАРИКОМ, международные доноры
Цифровая повестка МЕРКОСУР (MERCOSUR Digital Agenda)	2017/2023	Развитие цифровой безопасности, единые регламенты	Государственные бюджеты МЕРКОСУР, гранты
eLAC2026 (CEPAL (ООН))	2005/2024	Расширение цифровой инфраструктуры, повышение кибербезопасности	Государственные взносы, поддержка ООН, инвестиции ЕС
Иберо-американский форум киберзащиты (Ibero-American Cyber Defense Forum)	2016/2024	Сотрудничество военных и оборонных ведомств стран в сфере киберзащиты	Государственные бюджеты, оборонные инвестиции
Цифровая повестка Тихоокеанского альянса (Pacific Alliance Digital Agenda)	2016/2023	Цифровая интеграция и развитие кибербезопасности	Государственные бюджеты, международные фонды
SICA Cybersecurity Initiative (Центральная Америка)	2019/2024	Разработка единой правовой базы по киберпреступности	Внутренние ресурсы, поддержка России
Будапештская конвенция (Совет Европы)	2001/2022	Унификация уголовного законодательства, борьба с киберпреступностью	Страны-участницы, гранты ЕС

Примечание. * — Данные о годах обновления инициатив актуальны на февраль 2025 г. согласно последним доступным отчетам организаций.

Источник: составлено В.А. Тимошеней по данным: Protecting the Americas in Cyberspace // Organization of American States (OAS) — Cybersecurity Program. URL: <https://csirtamericas.org/en/> (accessed: 01.03.2026); Updated CARICOM Cyber Security and Cybercrime Action Plan (CCSCAP) launched // CARICOM Implementation Agency for Crime and Security (IMPACS). November 1, 2025. URL: <https://www.caricomimpacs.org/articles/updated-caricom-cyber-security-and-cybercrime-action-plan-ccscap-launched> (accessed: 01.03.2026); Grupo Agenda Digital del MERCOSUR // MERCOSUR. URL: <https://www.mercosur.int/temas/agenda-digital/> (accessed: 01.03.2026); Digital Agenda for Latin America and the Caribbean (eLAC2026) // CEPAL. November 8, 2024. URL: <https://www.cepal.org/en/publications/80861-digital-agenda-latin-america-and-caribbean-elac2026> (accessed: 01.03.2026); España lidera en 2022 el Foro Iberoamericano de Ciberseguridad // Ministerio de Defensa de España. 17 de marzo de 2022. URL: <https://www.defensa.gob.es/comun/slider/2022/03/220317-presidencia-fic-2022.html> (accessed: 01.03.2026); Technical Group Digital Agenda // Alianza del Pacifico. URL: <https://alianzapacifico.net/en/technical-group-digital-agenda/> (accessed: 01.03.2026); Región SICA avanza en Ciberseguridad e Inteligencia Artificial // Sistema de la Integración Centroamericana (SICA). 28 de agosto de 2024. URL: https://www.sica.int/noticias/region-sica-avanza-en-ciberseguridad-e-inteligencia-artificial_1_134432.html (accessed: 01.03.2026); Конвенция о компьютерных преступлениях. Будапешт, 23 ноября 2001 г. Неофициальный перевод // Совет Европы. URL: <https://rm.coe.int/1680081580> (дата обращения: 01.03.2026).

Различия в уровне цифрового развития стран региона создают барьеры для построения единого механизма кибербезопасности. В то время как Бразилия, Мексика, Чили и Колумбия внедряют передовые технологии защиты, развивают национальные центры киберкомпетенций и интегрируют кибербезопасность в стратегическое планирование, малые государства региона испытывают нехватку базовой инфраструктуры и кадров (Lemos, de Espíndola & Tosatti, 2024). ОАГ стремится сократить этот разрыв через программы технической помощи и целевого финансирования, однако эффективность этих мер во

многом зависит от способности стран-получательниц адаптировать и применять предлагаемые механизмы.

Помимо инициатив ОАГ на региональном уровне действуют программы цифровой интеграции, такие как Цифровая повестка МЕРКОСУР, ориентированная на унификацию стандартов защиты данных¹⁵, и План действий КАРИКОМ по кибербезопасности и киберпреступности, направленный на выработку единых подходов к борьбе с киберпреступностью

¹⁵ Grupo Agenda Digital del MERCOSUR // MERCOSUR. URL: <https://www.mercosur.int/temas/agenda-digital/> (accessed: 01.03.2026).

в Карибском регионе¹⁶. Центральноеамериканская система интеграции (*SICA*) реализует программу по гармонизации законодательства и созданию совместных механизмов кибербезопасности. Важным шагом к международной координации стало присоединение девяти стран региона к Будапештской конвенции Совета Европы, что упрощает сотрудничество в расследовании киберпреступлений и способствует унификации правовых механизмов¹⁷.

Несмотря на активную работу ОАГ и других организаций, отсутствие централизованной координации и неравномерность финансирования остаются основными вызовами для государств ЛАКБ (Косевич, 2022, с. 114). Дальнейшее развитие регионального режима кибербезопасности требует усиления финансовой поддержки менее развитых стран и расширения технической помощи для преодоления цифрового разрыва.

Уязвимость цифрового суверенитета: зависимость Латинской Америки от внешних технологий

Кибербезопасность стран Латинской Америки определяется зависимостью от технологий и инфраструктуры, поставляемых США, Китаем, Европейским союзом и Россией. Китайские компании *Huawei* и *ZTE* доминируют в сегменте телекоммуникационной инфраструктуры, обеспечивая до 70 % 4G-сетей в регионе и активно участвуя в строительстве 5G (Mendez & Estrada, 2025, p. 200). Наиболее показательны примеры Бразилии, где *Huawei* поставляет оборудование для шести из семи мобильных сетей (Borrastero & Juncos, 2024, p. 126), и Венесуэлы, где *ZTE* реализовала проект цифровой идентификации *Carnet de la Patria* (Arsentyeva, 2024, p. 61). Системы видео-

наблюдения китайского производства также развернуты в Аргентине, Боливии, Эквадоре, Панаме и Уругвае.

В сфере программного обеспечения и облачных технологий доминируют американские компании *Microsoft*, *Amazon* и *Google*. США активно инвестируют в развитие кибербезопасности через различные программы, включая выделение 25 млн долл. США на создание центра киберопераций в Коста-Рике¹⁸ и 10 млн долл. США Ямайке через Агентство США по международному развитию (*USAID*)¹⁹. Европейский союз, в свою очередь, продвигает нормативное регулирование через Цифровой Альянс ЕС — ЛАКБ, внедряя стандарты Общего регламента по защите данных (*General Data Protection Regulation, GDPR*), в то время как Россия сосредотачивается на системах мониторинга и сотрудничестве с Венесуэлой и Никарагуа (Solar, 2023).

В регионе наблюдается существенный кадровый дефицит: несмотря на реализацию китайской программы *Huawei ICT Academy* в 90 университетах (выпущено 36 000 подготовленных специалистов)²⁰ и сети *Red Ciberlac* Межамериканского банка развития (26 университетов из 12 стран)²¹, нехватка

¹⁸ United States Announces \$25 Million to Strengthen Costa Rica's Cybersecurity // U.S. Embassy in Costa Rica. March 29, 2023. URL: <https://cr.usembassy.gov/united-states-announces-25-million-to-strengthen-costa-ricas-cybersecurity/> (accessed: 10.01.2025).

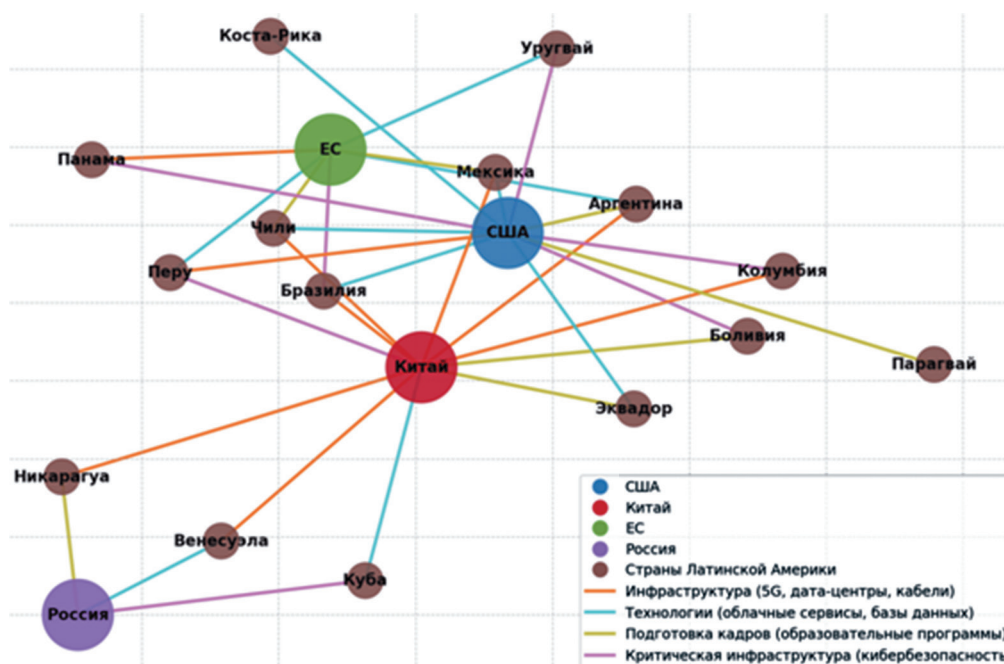
¹⁹ Patterson C. Jamaica's Cybersecurity Infrastructure Strengthened Through Stakeholder Initiatives // The Jamaica Information Service, Government of Jamaica. June 28, 2023. URL: <https://jis.gov.jm/jamaicas-cybersecurity-infrastructure-strengthened-through-stakeholder-initiatives/> (accessed: 10.01.2025).

²⁰ Baisotti P. La ofensiva del encanto de China en América Latina y el Caribe: Un análisis exhaustivo de la estrategia de comunicación de China en la región [Parte II: Influir en los medios de comunicación] // Diálogo Américas. 6 de marzo de 2024. URL: <https://dialogo-americas.com/es/articles/la-ofensiva-del-encanto-de-china-en-america-latina-y-el-caribe-un-analisis-exhaustivo-de-la-estrategia-de-comunicacion-de-china-en-la-region-parte-ii-influir-en-los-medios-de-comunicacion/> (accessed: 10.01.2025).

²¹ Cyber Range por Red Ciberlac: una plataforma para la creación de capacidades en ciberseguridad en América Latina y el Caribe // Inter-American Development Bank. 30 de abril de 2024. URL: <https://www.iadb.org/es/blog/modernizacion-del-estado/administracion-publica/cyber-range-por-red-ciberlac-una-plataforma-para-la-creacion-de-capacidades-en-ciberseguridad-en> (accessed: 10.01.2025).

¹⁶ CARICOM Cyber Security and Cybercrime Action Plan // Caribbean Telecommunications Union. URL: https://ctu.int/wp-content/uploads/2021/02/CARICOM-Cyber-Security-and-Cybercrime-Action-Plan_Final_Ver3-copy.pdf (accessed: 10.01.2025).

¹⁷ The Convention on Cybercrime (Budapest Convention, ETS No. 185) and Its Protocols // The Council of Europe. 2001. URL: <https://www.coe.int/en/web/cybercrime/the-budapest-convention> (accessed: 10.01.2025).

Зависимость стран Латинской Америки от иностранных поставщиков кибербезопасности:

размер узлов отражает уровень влияния поставщика. Цвета узлов: синий — США, красный — Китай, зеленый — ЕС, фиолетовый — Россия, коричневый — страны Латинской Америки. Линии: оранжевые — цифровая инфраструктура, голубые — технологии, желтые — подготовка кадров, розовые — критическая инфраструктура

Источник: составлено В.А. Тимоценей и Е.В. Мартыненко по данным: 2025 Cybersecurity Report: Vulnerability and Maturity Challenges to Bridging the Gaps in Latin America and the Caribbean // Inter-American Development Bank, Organization of American States. URL: <https://publications.iadb.org/en/2025-cybersecurity-report-vulnerability-and-maturity-challenges-bridging-gaps-latin-america-and> (accessed: 01.03.2026); Global Cybersecurity Index 2024. 5th edition // International Telecommunication Union.

URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Documents/GCIv5/2401416_1b_Global-Cybersecurity-Index-E.pdf (accessed: 10.01.2025); Digital Connectivity for Inclusion and Growth. Latin America and the Caribbean Economic Review // World Bank. October 2023. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/e046afb8-c194-499b-8fdd-f88ac767c33a> (accessed: 01.03.2026); 2023 Annual Report // Huawei Investment & Holding Co., Ltd. 2024. URL: https://www-file.huawei.com/minisite/media/annual_report/annual_report_2023_en.pdf (accessed: 01.03.2026); 2023 Annual Report 2023 // Microsoft Corporation. URL: <https://www.microsoft.com/investor/reports/ar23/index.html> (accessed: 01.03.2026); Amazon Web Services in Latin America // Amazon Web Services, Inc. URL: <https://aws.amazon.com/solutions/case-studies/innovators/latam-innovators/> (accessed: 01.03.2026); Creating a World of Potential: 2023 Annual Report // Cisco Systems, Inc. 2023. URL: https://www.cisco.com/c/dam/en_us/about/annual-report/cisco-annual-report-summary-2023.pdf (accessed: 01.06.2026); 2023 Annual Report // ZTE Corporation. 2024. URL: https://www.zte.com.cn/content/dam/zte-site/investorrelations/en_annual_report/20240326.pdf (accessed: 01.03.2026).

квалифицированных специалистов, по оценкам ОАГ, превышает 520 000 человек²². Рост спроса на специалистов опережает темпы подготовки из-за цифровой трансформации. Технологическая зависимость усугубляется низким уровнем проникновения Интернета — только 62 % населения региона имеют доступ к сети против 100 % в Северной Америке и 90 % в Европе (см. табл. 1).

²² Reporte sobre el desarrollo de la Fuerza Laboral de Ciberseguridad en una Era de Escasez de Talento y Habilidades // OEA. 2022. URL: https://www.oas.org/es/sms/cicte/docs/Reporte_sobre_el_desarrollo_de_la_fuerza_laboral_de_ciberseguridad_en_una_era_de_escasez_de_talento_y_habilidades.pdf (accessed: 10.01.2025).

Как показывает анализ зависимости стран Латинской Америки от иностранных поставщиков кибербезопасности (рис.), крупнейшие поставщики технологий разделяют регион на зоны влияния: США контролируют облачные сервисы и киберразведку, Китай доминирует в телекоммуникационной инфраструктуре, ЕС внедряет правовые стандарты, а Россия развивает программы киберобороны.

В условиях геополитической конфронтации такая многовекторная зависимость создаёт риски для устойчивости цифровых систем региона и вписывается в более широкую логику цифрового развития государств Глобального Юга в условиях технологического соперниче-

ства США и КНР (Столетов, 2022). Это особенно заметно в контексте американской стратегии противодействия китайскому влиянию через предложение альтернативных инвестиционных проектов (Дегтерев, Пискунов, Еремин, 2023), как в случае с Эквадором, получившим заем в 3,5 млрд долл. США от Международной финансовой корпорации развития США (*U.S. International Development Finance Corporation, DFC*) при условии отказа от китайских технологий в 5G-инфраструктуре (Flor-Unda et al., 2023, p. 3).

Заключение

Проведенное исследование выявило парадоксальную ситуацию: регион с богатым опытом многостороннего взаимодействия в традиционных сферах безопасности демонстрирует неспособность сформировать эффективную систему коллективной киберзащиты, что обусловлено сочетанием трех ключевых факторов: технологической фрагментацией при интеграции в конкурирующие экосистемы (американскую, китайскую и европейскую), рекомендательным характером региональных механизмов без обязательных норм взаимодействия и существенным разрывом в уровне цифрового развития между странами.

Ключевым вызовом остается отсутствие всеобъемлющей стратегии кибербезопасности, учитывающей специфику латиноамериканского контекста. Несмотря на функционирование механизмов сотрудничества (*CSIRT Americas*, программы ОАГ), их эффективность ограничи-

вается недостаточным обменом информацией об угрозах и успешных практиках. Формирование единой региональной платформы обмена данными о кибератаках становится необходимым условием преодоления фрагментации.

Преодоление выявленных ограничений требует перехода от национальных подходов к интегрированной региональной системе, включающей постоянно действующий механизм координации между центрами реагирования, гармонизацию законодательства и общие протоколы защиты критической инфраструктуры. Ключевую роль приобретает государственно-частное партнерство для стимулирования инвестиций в подготовку кадров и модернизацию цифровой инфраструктуры.

При сохранении геополитической конкуренции за цифровое влияние критически важным становится баланс между интеграцией в глобальные технологические цепочки и развитием собственного потенциала кибербезопасности. Наблюдается дисбаланс между растущими инвестициями и их эффективностью: отсутствие системного подхода к развитию человеческого капитала снижает результативность вложений. Заслуживает внимания и проблема цифрового суверенитета, когда стремление к технологической независимости при ограниченных ресурсах может привести к изоляции от передовых решений. Региону требуется многоуровневая модель сотрудничества с дифференцированными форматами взаимодействия для стран с разным технологическим потенциалом при сохранении общего вектора развития коллективной кибербезопасности.

Поступила в редакцию / Received: 05.12.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 27.02.2026

Принята к публикации / Accepted: 27.03.2026

Список литературы

- Борзова А. Ю., Павлова М. П. Сотрудничество стран Латинской Америки и Карибского бассейна по поддержанию устойчивого развития региона // *Латинская Америка*. 2019. № 8. С. 47–60. EDN: NQMLZY
- Виноградова Е. А. Технологии искусственного интеллекта и нарастающие киберугрозы в Латинской Америке // *Латинская Америка*. 2023. № 3. С. 34–48. EDN: ODEFBD
- Дегтерев Д. А., Пискунов Д. А., Еремин А. А. 5G-конкуренция США и КНР в странах Латинской Америки: у истоков технологического декаплинга // *Полис. Политические исследования*. 2023. № 3. С. 20–38. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.03>; EDN: OPJLVI

- Косевич Е. Ю. Защита киберпространства в странах Латинской Америки // Полис. Политические исследования. 2022. № 3. С. 108–123. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.09>; EDN: HCOGER
- Симонова Л. Н., Лавут А. А., Мацур В. А., Разумовский Д. В., Кучинов П.А. и др. Цифровая трансформация в Латинской Америке. Москва : ИЛА РАН, 2023. EDN: UMFZEK
- Столетов О. В. Стратегии цифрового развития ключевых государств «Глобального Юга» в условиях американо-китайского технологического соперничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 2. С. 221–237. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-221-237>; EDN: SYEGYC
- Arsentyeva I. I. China's Digital Silk Road: Challenges and Opportunities for Latin America and the Caribbean // Vestnik RUDN. International Relations. 2024. Vol. 24, no. 1. P. 51–64. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-51-64>; EDN: EUXXHM
- Borrastero C., Juncos I. El Oligopolio Tecnológico Global, la Periferia Digital y América Latina // Desarrollo Económico. Revista de Ciencias Sociales. 2024. Vol. 64, no. 243. P. 110–136. <https://doi.org/10.59339/de.v64i243.699>; EDN: VMVODL
- Datta P. M., Acton T. Ransomware and Costa Rica's National Emergency: A Defense Framework and Teaching Case // Journal of Information Technology Teaching Cases. 2024. Vol. 14, iss. 1. P. 56–67. <https://doi.org/10.1177/20438869221149042>; EDN: JPSPVH
- Flores Cedeño P. R., López Paz C. R. Government Management of Information Technology in the Latin American Context // Salud, Ciencia y Tecnología — Serie de Conferencias. 2024. No. 3. P. 682–693. <https://doi.org/10.56294/setconf2024682>; EDN: KFTAEO
- Flor-Unda O., Simbaña F., Larriva-Novo X., Acuña Á., Tipán R., Acosta-Vargas P. A Comprehensive Analysis of the Worst Cybersecurity Vulnerabilities in Latin America // Informatics. 2023. Vol. 10, no. 3. P. 1–24. <https://doi.org/10.3390/informatics10030071>
- Fuenmayor Tobar J. H., Torres Lozano D. K., Monsalve Pérez L. D., Becerra Moreno A. M. La Inteligencia Artificial y Blockchain, Dos Elementos Decisivos en el Futuro de la Ciberseguridad // Revista Agunkuyãa. 2024. Vol. 14, no. 1. P. 13–26. URL: <https://revia.areandina.edu.co/index.php/Cc/article/view/2431/2760> (accessed: 02.12.2025).
- Grassi J. M., Jacon Ayres Pinto D., de Conti Pagliari G. Cooperação em Segurança e Defesa Cibernética e a Proteção das Democracias Sul-Americanas // Relações Internacionais. 2024. No. 82. P. 11–27. <https://doi.org/10.23906/ri2024.82a02>; EDN: LZIFNL
- Guevara M. B. C. América Latina, Relaciones Políticas Internacionales, Medios de Comunicación. Discriminación (Revisión) // Roca: Revista Científico-Educaciones de la Provincia de Granma. 2022. Vol. 18, no. 2. P. 410–426. URL: <https://revistas.udg.co.cu/index.php/roca/en/article/view/3365/7606#info> (accessed: 01.12.2025).
- Kosevich E. Cybersecurity, Cyberspace and Cyberthreats at the Beginning of the 21st Century: A Latin America Typology and Review // Area Development and Policy. 2024. Vol. 9, iss. 1. P. 86–107. <https://doi.org/10.1080/23792949.2023.2259972>; EDN: DEZTKI
- Lemos G., de Espindola M. B., Tosatti N. C. M. Soberania Digital: Definições, Desafios e Implicações na Era da Dataficação // Logeion: Filosofia da Informação. 2024. Vol. 11. P. 1–22. <https://doi.org/10.21728/logieion.2024v11e-7364>; EDN: EBORFM
- Mendez A., Estrada G. Geopolitical Game-Changer: China's Expanding Role in Latin America's Defense, Aerospace, and Telecommunications // The Great Power Competition / ed. by A. Farhadi, M. Grzegorzewski, A. J. Mays. Cham, Switzerland : Springer, 2025. P. 185–206. https://doi.org/10.1007/978-3-031-70767-4_9
- Solar C. Cybersecurity Governance in Latin America : States, Threats, and Alliances. Albany : State University of New York Press, 2023. <https://doi.org/10.1515/9781438491424>
- Urbanovics A. Cybersecurity Policy-Related Developments in Latin America // Academic and Applied Research in Military and Public Management Science. 2022. Vol. 21, no. 1. P. 79–94. <https://doi.org/10.32565/aarms.2022.1.6>; EDN: JOBKFG
- Vila Seoane M. F. Chinese and U.S. AI and Cloud Multinational Corporations in Latin America // Towards an International Political Economy of Artificial Intelligence / ed. by T. Keskin, R. D. Kiggins. Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2021. P. 85–111. https://doi.org/10.1007/978-3-030-74420-5_5

Сведения об авторах:

Тимошня Вячеслав Андреевич — аспирант кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; ORCID: 0000-0002-0961-2244; e-mail: v.timoshchenya@gmail.com

Мартыненко Евгений Владимирович — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 7588-8419; ORCID: 0000-0003-4285-9959; e-mail: martynenko-evl@rudn.ru

БРИКС BRICS

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-2-286-311

EDN: GXVEKS

Научная статья / Research article

Политико-правовые аспекты сотрудничества стран БРИКС в сфере искусственного интеллекта: к формированию альтернативного регуляторного подхода

Б.В.Ф. Агоннуде¹ , В.А. Глебов¹ А.А. Маслов² ¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация²Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация freddyagonnude@mail.ru

Аннотация. Глобальное регулирование искусственного интеллекта (ИИ) сегодня артикулируется в парадигме биполярного противостояния брюссельского и калифорнийского подходов. В исследовании утверждается, что страны БРИКС предпринимают попытку сконструировать третью, альтернативную модель управления ИИ, основанную не на унификации, а на принципе «пересекающегося консенсуса». Через призму политической онтологии и сравнительного анализа национальных стратегий продемонстрировано, как императив цифрового суверенитета и противодействия технологической гегемонии преодолевает изначальную регуляторную гетерогенность участников. Методология, включающая дискурс-анализ ключевых документов БРИКС и кейс-стади, позволяет выявить формирующиеся контуры уникального гибридного режима «мягкого права». Эмпирическую базу исследования составляет частотный и контекстный анализ ключевых концептов («суверенитет», «инклюзивность», «справедливость») в декларациях саммитов БРИКС за 2020–2025 гг. Данные позволяют зафиксировать эволюцию концептуального аппарата БРИКС: от политического дискурса суверенитета в 2020 г. к его цифровизации и интеграции в технологическую повестку к 2025 г. Рост упоминаемости терминов, связанных с технологической автономией и цифровой безопасностью, подтверждает смещение приоритетов. Установлено, что модель «пересекающегося консенсуса» позволяет государствам с разноплановыми политико-экономическими системами и уровнями технологического развития сохранять суверенитет в сфере регулирования ИИ, преодолевать гетерогенность без жесткой унификации и формировать гибкие механизмы координации. Кооперация в рамках БРИКС нацелена не на создание наднационального органа, а на гармонизацию принципов для продвижения совместных позиций на международных площадках. Расширение объединения повышает репрезентативность модели для стран Глобального Юга, но одновременно усложняет выработку единых стандартов из-за разнообразия национальных интересов. Доминирование инструментов «мягкого права» и гибких «коалиций желающих» обеспечивает участникам пространство для маневра в условиях технологической конкуренции. Практическая значимость исследования заключается в разработке механизмов институционализации модели: создании цифровой платформы для гармонизации стандартов, внедрении механизма ускоренного признания сертификации и запуске совместной программы по развитию больших языковых моделей.

© Агоннуде Б.В.Ф., Глебов В.А., Маслов А.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: регулирование ИИ, цифровой суверенитет, пересекающийся консенсус, мягкое право, глобальное управление

Вклад авторов. Агоннуде Б.В.Ф.: концептуализация, анализ и систематизация информации, проведение исследования, подготовка рукописи. Глебов В.А.: сбор и обработка данных, научное руководство исследованием. Маслов А.А.: сбор и обработка данных, научное руководство исследованием. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Агоннуде Б. В. Ф., Глебов В. А., Маслов А. А. Политико-правовые аспекты сотрудничества стран БРИКС в сфере искусственного интеллекта: к формированию альтернативного регуляторного подхода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 2. С. 286–311. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-286-311>; EDN: GXVEKS

Political and Legal Aspects of BRICS Cooperation in the Field of Artificial Intelligence: Towards the Development of an Alternative Regulatory Approach

Bidoley V.F. Agonnoude¹ , Victor A. Glebov¹ , Alexey A. Maslov²

¹ RUDN University, Moscow, Russian Federation

² Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 freddyagonnoude@mail.ru

Abstract. Global artificial intelligence (AI) governance is currently framed as a bipolar confrontation between the ‘Brussels’ and ‘California’ approaches. The article argues that the BRICS countries are attempting to craft a third path—an alternative model of AI governance rooted not in unification, but in an ‘overlapping consensus.’ Drawing on political ontology and a comparative analysis of national strategies, the authors demonstrate how the twin imperatives of digital sovereignty and resistance to technological hegemony can bridge the initial regulatory diversity among member states. The methodology combines discourse analysis of key BRICS documents with a case study approach, revealing the emerging architecture of a hybrid ‘soft law’ regime. Empirically, the study draws on frequency and contextual analysis of three core concepts—‘sovereignty,’ ‘inclusiveness,’ and ‘fairness’—across BRICS summit declarations from 2020 to 2025. The findings indicate a clear conceptual shift: from a predominantly political discourse on sovereignty in 2020, to its progressive digitalization and embedding within the technological agenda by 2025. The rising salience of terms tied to technological autonomy and digital security underscores this shift. The ‘overlapping consensus’ model proves workable for states with different politico-economic systems and technological capabilities. It enables them to maintain regulatory sovereignty, manage heterogeneity without resorting to rigid harmonization, and establish flexible coordination frameworks. BRICS cooperation is oriented less toward creating a supranational regulator than toward aligning principles for joint action in international fora. Enlargement enhances the group’s representational appeal for the Global South, but it also complicates standard-setting amid a growing diversity of national interests. The prevalence of ‘soft law’ and flexible ‘coalitions of the willing’ gives members the room to maneuver in the era of intense technological rivalry. On the practical side, the study offers several actionable recommendations: a digital platform for standard alignment, a mechanism for expedited mutual recognition of certification, and a joint large language model program tailored to the Global South’s linguistic and cultural diversity.

Key words: BRICS, artificial intelligence, AI regulation, digital sovereignty, overlapping consensus, soft law, global governance

Authors’ contributions. B.V.F. Agonnoude: conceptualization, analysis and systematization of information, preparing the manuscript. V.A. Glebov: data collection and processing, scientific supervision of the study. A.A. Maslov: data collection and processing, scientific supervision of the study. All authors have read the final version of the article and approved it.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Agonnoude, B. V. F., Glebov, V. A. & Maslov, A. A. (2026). Political and legal aspects of BRICS cooperation in the field of artificial intelligence: Towards the development of an alternative regulatory approach. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(2), 286–311. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-286-311>; EDN: GXVEKS

Введение

Современный дискурс глобального управления искусственным интеллектом оказался заложником бинарной оппозиции. С одной стороны, риск-ориентированный подход (Кунин, Упорова, 2019, с. 59) Европейского союза с его ИИ-Актом (Белов, 2024) утверждает этатистскую модель регулирования через жесткие нормативные рамки, с другой — существует либеральная модель, ассоциируемая с США, где доминируют отраслевые стандарты и корпоративное саморегулирование (Нусратуллин, 2007, с. 54). В качестве примеров в литературе можно привести «эффект Калифорнии» и «эффект Брюсселя», демонстрирующие, как политика, принятая в ЕС и калифорнийской «Силиконовой долине», влияет на другие юрисдикции (Bocken, Coffay & Dalhammar, 2025). Однако нарастающая напряженность в сфере технологического суверенитета и данные как новый ресурс геополитического влияния обнажили ограничения обеих моделей для большей части незападного мира.

В этом контексте страны БРИКС оказываются не просто сторонними наблюдателями, но активными участниками процесса архитектуры глобальных технологических порядков. При этом их кооперация в сфере искусственного интеллекта (ИИ) представляет собой уникальный политико-правовой феномен: это и не попытка создать очередной наднациональный регуляторный орган, и вместе с тем не стремление к чисто конкурентной, фрагментированной экосистеме. Данное исследование исходит из гипотезы, что объединение БРИКС предпринимает попытку сформировать альтернативную регуляторную модель, основанную на принципе «пересекающегося консенсуса» (*overlapping consensus*), где общие цели достигаются не через унификацию, а через гармонию разнородных национальных подходов.

Целью исследования является выявление и анализ политических детерминант и формирующихся правовых контуров этой возникающей модели сотрудничества. В рамках достижения данной цели решаются следующие задачи:

- провести сравнительный анализ национальных стратегий и регуляторных подходов к ИИ стран — участниц БРИКС;
- выявить общие политические мотивы и зоны потенциальных конфликтов стран-участниц в сфере ИИ;
- проанализировать эволюцию форматов кооперации в рамках БРИКС от дискуссий к конкретным инициативам;
- смоделировать потенциальные траектории развития правового режима сотрудничества.

Научная новизна исследования заключается в применении концепта «пересекающегося консенсуса» к анализу регуляторных процессов в БРИКС, что позволяет преодолеть методологическую ловушку анализа альянса как монолитного образования.

Методология исследования

Для реализации поставленных задач исследование опирается на комплекс взаимодополняющих методов, сочетающих инструментарий политических наук и юриспруденции. *Дискурс-анализ* документов БРИКС проводился по таким параметрам, как частота и контекст употребления ключевых концептов («суверенитет», «инклюзивность», «справедливость») в итоговых декларациях саммитов БРИКС за 2020–2025 гг. с целью проследить эволюцию формулировок от общих принципов к конкретным обязательствам. Метод *кейс-стади* был применен для анализа российско-китайского сотрудничества в сфере ИИ. Также был осуществлен *сравнительно-правовой анализ* национальных стратегий развития и регулирования ИИ в Бразилии, России, Индии, Китайской Народной Республике (КНР) и Южно-Африканской Республике (ЮАР).

Под «пересекающимся консенсусом» (*overlapping consensus*) в исследовании понимается согласие по общим принципам, достигаемое благодаря тому, что каждый участник вкладывает в них свое, совместимое с его интересами содержание (Rawls, 1987).

«Цифровой суверенитет» — это способность государства сохранять контроль над критическими цифровыми активами и технологиями.

«Мягкое право» (*soft law*) подразумевает под собой нормативные инструменты (декларации, меморандумы, этические кодексы), не имеющие обязательной юридической силы (Trubek & Trubek, 2005).

Предлагаемый авторами на страницах этого исследования комплексный подход позволяет адекватно оценить специфику формирующейся модели регулирования, которая действует в основном в поле «мягкого права» (Кудряшов, 2013) — через этические кодексы, общие принципы и совместные заявления, а не через жесткие обязательные нормы.

Обзор литературы

В условиях современных геополитических вызовов исследование роли БРИКС в трансформации международной архитектуры приобретает особую актуальность. Данное исследование формируется на стыке нескольких активно развивающихся академических полей: изучения БРИКС как института международного сотрудничества, исследований глобального управления ИИ и сравнительного анализа цифровых политик.

Значительный пласт литературы посвящен анализу БРИКС как феномена международных отношений (Wang & Long, 2024; Денисова, 2022; Глебов, Агоннуде, 2023; Купер, 2022). Эти работы затрагивают этапы становления и факторы объединения стран-участниц. Как отмечает Д.Э. Денисова, в основе БРИКС лежит союз равноправных и независимых стран, которые не только активно участвуют в процессах глобальной интеграции, но и совместно противостоят современным угрозам, выстраивая при этом взаимовыгодные отношения как с традиционными партнерами, так и с западными странами (Денисова, 2022, с. 40).

Второй блок литературы касается становления глобального режима регулирования ИИ. Доминирующий нарратив, блестяще раскрытый в работе А. Бадфорд «Эффект Брюсселя», описывает противостояние двух моделей: принципа предосторожности ЕС, основанного на жестком регулировании рисков, и либеральной, рыночно-ориентированной модели США

(Bradford, 2020). Роль Китая в этой системе часто сводится к «техно-авторитарной» альтернативе, что подробно исследуется в ряде статей китайских авторов (Zeng, 2020; Wu, Huang & Gong, 2020). Такой трехполюсный взгляд (ЕС — США — Китай) фактически исключает других игроков из числа нормотворцев, оставляя им роль ведомых. Однако в последние годы набирает силу критическое направление, представленное в работах Х. Робертса (Roberts et al., 2022), которое указывает на необходимость учета голосов и подходов стран Глобального Юга в этом вопросе. Параллельно с этим активно развиваются исследования по узкоспециализированным юридическим аспектам регулирования ИИ, в частности — вопросам ответственности за действия автономных систем (Duffy, 2023). В российской литературе также существуют работы по глобальному управлению ИИ (Наливкина, 2025; Белов, 2024; Васильев, 2023; Выходец, 2022). Таким образом, в литературе по глобальному управлению ИИ существует явная лакуна, связанная с анализом БРИКС как коллективного актора, способного предложить нормативную альтернативу.

Третий блок исследований состоит из работ, анализирующих политику отдельных стран — участниц БРИКС в области ИИ. Российский подход, сфокусированный на «цифровом суверенитете» и импортозамещении, детально изучен в ряде работ (Карев, Чертыковцев, 2025; Болгов, 2024; Журков, 2023). Китайская модель этатистского контроля и поддержки национальных «чемпионов» проанализирована в трудах китайских исследователей (Cheng & Zeng, 2023; Wu, Huang & Gong, 2020). Подход Индии “*AI for All*” рассмотрен в работах А. Шаджи Джордж (Shaji George, 2024), К. Рой (Roy et al., 2024), а бразильские и южноафриканские этические инициативы — в исследованиях Г. де Соузы¹ и Э. Ормонда (Ormond, 2023) соответственно. Эти исследования являются ценным эмпирическим мате-

¹ De Souza G. Artificial Intelligence in the Office and the Factory: Evidence From Administrative Software Registry Data // Federal Reserve Bank of Chicago Working Paper. 2026 (January). No. 2025-11 (Revised). URL: <https://doi.org/10.21033/wp-2025-11> (accessed: 12.02.2026).

риалом, однако они носят изолированный, страновой характер. Сравнительных работ, которые бы системно сопоставляли эти подходы, выявляя точки соприкосновения и системные противоречия, практически нет. Вопрос о том, как эти разнородные национальные стратегии могут быть согласованы в рамках единой многосторонней рамки, в литературе пока не ставился.

Наконец, существует теоретическая литература, предлагающая инструментарий для анализа сложных режимов управления. Концепция «пересекающегося консенсуса» Дж. Ролза (Rawls, 1987), применяемая к международным отношениям, позволяет анализировать кооперацию акторов с различными ценностными системами. Теория «мягкого права», разработанная в трудах Д. Трубека (Trubek & Trubek, 2005) и Г. Шеффера (Shaffer & Pollack, 2010), предоставляет адекватный инструментарий для понимания регуляторных процессов в условиях институциональной слабости и разнородности интересов. Однако применение этого теоретического аппарата конкретно к сотрудничеству БРИКС в сфере ИИ является новаторским.

Таким образом, проведенный обзор литературы позволяет выявить следующие лакуны:

- отсутствие исследований, посвященных именно сотрудничеству в сфере ИИ как ключевому элементу технологической повестки БРИКС;
- преобладание биполярной или триполярной парадигмы в исследованиях глобального управления ИИ, игнорирующей потенциал БРИКС как нормативного актора;
- недостаток сравнительных работ, синтезирующих анализ национальных стратегий стран-участниц для выявления основ для многосторонней кооперации;
- отсутствие применения теоретической рамки «пересекающегося консенсуса» и «мягкого права» к данному случаю.

Вклад данного исследования заключается в преодолении этих лакун через комплексный анализ политико-правовых аспектов сотрудничества БРИКС в сфере ИИ. Предлагается теоретическая рамка, позволяющая анализировать БРИКС не как монолит, а как платформу для

формирования гибридного регуляторного режима, основанного на гармонизации разнородных национальных подходов для достижения общих стратегических целей на глобальной арене.

Теоретические основы исследования искусственного интеллекта как объекта международного сотрудничества

В современном научном дискурсе ИИ перестал быть сугубо техническим термином, описывающим набор алгоритмов и вычислительных мощностей. Он трансформировался в сложный социально-политический конструкт, определяющий новую парадигму глобального развития. Сущность ИИ в XXI в. двойственна: с одной стороны, это инструмент оптимизации процессов и генерации инноваций (*“weak AI”*, или слабый ИИ, ориентированный на решение узкоспециализированных задач), а с другой — потенциальный агент фундаментальных изменений в структуре общества, экономики и международных отношений (*“strong AI”*, или сильный ИИ — гипотетическая система, превосходящая человеческий интеллект) (Borg, Natale & Katzenbach, 2024). Эта двойственность предопределяет его политическое значение. Если изначально разработка ИИ была сосредоточена в корпоративной среде технологических гигантов, то сегодня она стала приоритетом национальных стратегий. ИИ превратился в «технология двойного назначения» (*dual-use technology*), преодолев границы между гражданскими и военными применениями (Vaunman & Volpe, 2023). Его развитие напрямую коррелирует с такими концептами, как «цифровой суверенитет», «технологическая автаркия» и «информационная безопасность», что делает его ключевым элементом национальной мощи и конкурентного преимущества на мировой арене.

Классификация технологий ИИ может быть проведена по различным основаниям: по уровню автономности (от систем поддержки принятия решений до полностью автономных систем), по типу решаемых задач (компьютерное зрение, обработка естественного языка, предиктивная аналитика и т. д.), по степени воз-

действия на социум (Кукшев, 2020) и т. д. С политико-экономической точки зрения наиболее релевантной является классификация, основанная на доступе к критическим ресурсам:

1) данные как сырье: технологии, требующие массивных объемов данных (*Big Data*) для обучения моделей. Это порождает политику «дата-национализма» или «цифрового национализма» (Горян, 2022) и регулирование трансграничных потоков данных (*data localization*);

2) вычислительные мощности как инфраструктура: высокопроизводительные вычисления (*high-performance computing*, HPC) и квантовые компьютеры как основа для сложных моделей. Это стимулирует гонку за суперкомпьютерным превосходством и инвестиции в соответствующую инфраструктуру;

3) таланты и знания как капитал: борьба за высококвалифицированных специалистов ведет к адаптации миграционной и образовательной политики государств;

4) алгоритмы как инструмент власти: способность алгоритмов влиять на общественное мнение, распределять ресурсы и принимать автоматизированные решения концентрирует значительную власть в руках их разработчиков и регуляторов.

Из этого следует, что каждый из этих уровней становится ареной для политической конкуренции и кооперации, определяя траекторию развития стран и межгосударственных блоков, таких как БРИКС.

В настоящее время мировое сообщество находится на начальной стадии формирования международно-правового режима для регулирования ИИ. Этот процесс характеризуется острой конкуренцией между различными регуляторными подходами: от жесткого, предупредительного регулирования, ориентированного на права человека (модель ЕС, закрепленная в «Акте об искусственном интеллекте», *EU AI Act*)², до более либеральных, инновационно-ориентированных моделей (подходы США и Китая). На наш взгляд, ключевыми принци-

пами, вокруг которых формируется глобальный дискурс относительно ИИ, являются:

– прозрачность и объяснимость (требование к алгоритмам быть понятными для человека);

– справедливость и отсутствие дискриминации (недопущение усиления (смещений) и дискриминации алгоритмами);

– подотчетность и ответственность (определение субъекта ответственности за действия автономных систем);

– конфиденциальность и безопасность (защита персональных данных и устойчивость систем к кибератакам).

Перечисленные принципы охватывают основные проблемные аспекты применения ИИ в современных условиях. При этом определение субъекта ответственности за действия автономных систем является первоочередной задачей во всех сферах жизнедеятельности, включая финансовую сферу. Например, обсуждая перспективы цифровизации экономики на пленарном заседании 10-го Восточного экономического форума, президент РФ В.В. Путин затронул тему потенциального использования ИИ-технологий при определении одного из важнейших экономических показателей — ключевой ставки, отметив перспективность интеграции искусственного интеллекта в процесс принятия решений даже такой критически важной структуры, как Центральный банк. При этом президент акцентировал внимание на том, что финальный выбор остается прерогативой человека, который должен отвечать за принятые решения³.

Как справедливо отмечает Э.Ф. Купер, «БРИКС является прежде всего явным свидетельством кардинальных, пусть и неравномерных, изменений в глобальной системе в XXI веке» (Купер, 2022, с. 44). Процесс становления международных регулятивных механизмов демонстрирует многоуровневую структуру, охватывая глобальную, региональную и двустороннюю плоскости взаимодействия (Васильев, 2023, с. 75). Отсутствие универсальной

² Закон об искусственном интеллекте в ЕС: как он будет работать // Актуальные комментарии. 10.06.2022. URL: <https://actualcomment.ru/zakon-es-ob-ii-ogranichennyy-effekt-bryusselya-2206101541.html> (дата обращения: 25.09.2025).

³ Стеклова Е. Путин высказался о возможности передать ИИ определение ключевой ставки // Комсомольская правда. 05.09.2025. URL: <https://www.kp.ru/online/news/6555753/> (дата обращения: 23.09.2025).

международной конвенции по ИИ компенсируется «размножающимися» инициативами на уровне «мягкого права» (Подольский, Ольшанский, 2025). Здесь можно отметить рекомендации Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), «Большой двадцатки» (G20), а также отраслевые стандарты IEEE⁴ и др. Это создает сложную, фрагментированную регуляторную мозаику, в которой страны БРИКС вынуждены маневрировать, стремясь, с одной стороны, не оказаться на периферии формирующихся стандартов, а с другой — отстоять собственную модель цифрового развития и суверенитета.

Ключевым событием 2025 г. стало обсуждение глобального регулирования ИИ на саммите G20 в Йоханнесбурге (ЮАР). Премьер-министр Индии Н. Моди призвал к формированию «глобального договора по ИИ»⁵ (*Global AI Compact*), основанного на принципах прозрачности, человеческого контроля и безопасности на этапе проектирования⁶. Эта инициатива, поддержанная рядом стран Глобального Юга, отражает запрос на институционализацию «мягкого права» на глобальном уровне. В развитие этой повестки в феврале 2026 г. в Нью-Дели состоялся Саммит по влиянию ИИ (*India AI Impact Summit 2026*), что демонстрирует консолидацию усилий ряда стран по выработке универсальных принципов управления ИИ⁷.

⁴ IEEE (*Institute of Electrical and Electronics Engineers*) — Институт инженеров электротехники и электроники.

⁵ Modi, Altman, Pichai, Hassabis: Key takeaways from India AI Impact Summit 2026 // *The Economic Times*. February 20, 2026. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/ai/ai-insights/modi-altman-pichai-hassabis-key-takeaways-from-india-ai-impact-summit-2026/videoshow/128589745.cms?from=mdr> (accessed: 18.05.2026).

⁶ Modi Calls for Global AI Compact and Human-Centred Tech at G20 // *Outlook India*. November 23, 2025. URL: <https://www.outlookindia.com/international/modi-calls-for-global-ai-compact-and-human-centred-tech-at-g20> (accessed: 24.02.2026).

⁷ Amitabh Kant Warns AI Risks Inequality Without DPI, Urges 3 Pillars // *Asiaret News*. February 17, 2026. URL: <https://newsable.asianetnews.com/world/amitabh-kant-warns-ai-risks-inequality-without-dpi-urges-3-pillars-articleshow-bhy9y05> (accessed: 24.02.2026).

В практической плоскости ключевым игроком остается Институт инженеров электротехники и электроники (IEEE). В январе 2026 г. *IEEE Standards Association* запустила программу сертификации *IEEE CertifAIEd*, предлагающую два типа сертификации: для специалистов (профессиональная сертификация в области этического ИИ) и для продуктов (подтверждение соответствия продуктов стандартам прозрачности, подотчетности и недискриминации)⁸. Эта инициатива создает механизм верификации соответствия принципам «мягкого права», что особенно значимо для стран БРИКС, стремящихся к формированию собственных стандартов без прямого заимствования западных моделей. Таким образом, стандартизация становится гибким регуляторным инструментом, позволяющим балансировать между инновациями и безопасностью.

Теоретическая рамка данного исследования предполагает рассмотрение политики стран БРИКС в сфере ИИ через призму их борьбы за технологический суверенитет, адаптации к фрагментированному глобальному регуляторному ландшафту и попыток сформировать альтернативные центры влияния в сфере нормотворчества для технологий будущего.

Текущее состояние сотрудничества стран БРИКС в сфере ИИ

Фаза становления (2009–2015): от экономической кооперации к технологической повестке

Исторически технологическое сотрудничество в БРИКС формировалось как производное от экономических и финансовых инициатив. Как отмечает А.В. Шелепов, создание БРИКС с самого начала было сопряжено с задачей повышения роли государств с формирующимися рынками в международной валютно-финансовой системе, что делало финансовую стабилизацию одним из ключевых приоритетов объ-

⁸ Pretz K. Two New AI Ethics Certifications Available from IEEE: CertifAIEd Offers Training on How to Evaluate AI Products // *IEEE Spectrum*. December 10, 2025. URL: <https://spectrum.ieee.org/two-new-ai-ethics-certifications> (accessed: 24.02.2026).

единения (Шелепов, 2025, с. 159). Уже на саммите в Дели в 2012 г. была принята Декларация, содержащая отдельный раздел о научно-техническом сотрудничестве, где впервые упоминалась необходимость совместных исследований в области высоких технологий. В п. 43 делийской Декларации страны БРИКС заявили о поддержке «процесса сотрудничества как по приоритетным направлениям (продовольствие, фармацевтика, здравоохранение, энергетика), так и в сфере фундаментальных исследований в новых междисциплинарных областях (нанотехнологии, биотехнологии, перспективные материалы и т. д.)»⁹.

Переломным моментом стал саммит в Уфе (2015 г.), где была утверждена Стратегия экономического партнерства БРИКС, включившая отдельный блок по инновациям и цифровой экономике. В 2015 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в области науки, технологий и инноваций¹⁰. К этому времени в рамках БРИКС произошел концептуальный переход от исключительно экономической кооперации к осознанию технологического суверенитета как ключевого элемента многополярной архитектуры мира (Потапцева, Акбердина, 2023).

Фаза институционализации (2016–2023): создание профильных структур

Данный этап характеризуется созданием специализированных институтов сотрудничества и очевидным сдвигом от сугубо экономической повестки к технологической. Были созданы:

- Рабочая группа по экономике и торговле (демонстрирует начало систематизации сотрудничества, вывод его на официальный межправительственный уровень);

- Цифровой форум БРИКС (показывает выделение цифровой/технологической повест-

ки в отдельную, значимую область взаимодействия, выходящую за рамки чисто экономических вопросов);

- Молодежный научно-инновационный форум (свидетельствует о работе на перспективу и понимании необходимости формирования общего кадрового и экспертного потенциала).

Особое значение имело создание Рабочей группы БРИКС по вопросам безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которая стала первой профильной структурой, непосредственно занимающейся вопросами ИИ. Создание Рабочей группы по ИКТ-безопасности указывает на выход сотрудничества стран — участниц БРИКС на уровень ключевых, чувствительных тем, связанных с суверенитетом и безопасностью, что является высшей формой доверия и институционализации. Формирование концептуального каркаса «цифрового суверенитета БРИКС» (Карев, Чертыковцев, 2025) сопровождалось созданием специализированных институтов, однако их мандаты оставались ограниченными.

Современный этап (2021–2025): ИИ как приоритет сотрудничества

На саммите БРИКС в Нью-Дели (2021) была принята Декларация, содержащая отдельный раздел о сотрудничестве в области искусственного интеллекта. В документе (п. 36) впервые провозглашена необходимость разработки этических принципов ИИ, одобрена инициатива создания сети центров передового опыта в области ИИ, а также подчеркнута важность совместных исследований¹¹.

Важным итогом XIV саммита БРИКС 2022 г. стало принятие Пекинской декларации, в которой особое внимание уделяется проблемам и этическим вызовам, порождаемым развитием искусственного интеллекта. В п. 57 инициировано создание единого механизма взаимодействия между странами-участницами

⁹ Делийская декларация. 29 марта 2012 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1189> (дата обращения: 23.09.2025).

¹⁰ О подписании Меморандума о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций между правительствами России, Бразилии, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики // Правительство России. 14.03.2015. URL: <http://government.ru/docs/17313/> (дата обращения: 23.09.2025).

¹¹ Нью-Делийская декларация XIII саммита БРИКС // Информационный портал БРИКС. URL: https://infobrics.org/files/country/russia/documents/2021/2021_09_09_India_New-Dehli_XIII_Sammit_Declaration_ru.pdf (дата обращения: 23.09.2025).

для преодоления существующих опасений, включая обмен успешными практиками и проведение совместных исследований. Справедливо отмечается, что это позволит выработать консолидированный подход к регулированию ИИ-технологий, направленный на их этичное и ответственное применение¹².

На саммите в Йоханнесбурге (2023) была утверждена Дорожная карта сотрудничества БРИКС в области ИКТ (п. 24), включающая создание рабочей группы по гармонизации стандартов¹³.

В целом к 2023 г. сотрудничество стран БРИКС в сфере ИИ приобрело системный характер с четкими институциональными механизмами и дорожной картой реализации. Таким образом, БРИКС обладает потенциалом для формирования альтернативной платформы технологического сотрудничества. Ключевым элементом ее позиционирования является продвижение модели регулирования, основанной на принципах справедливости, понимаемой как равноправие в глобальном управлении ИИ и недискриминационный доступ к технологиям, и инклюзивности, подразумевающей участие в нормотворчестве широкого круга государств Глобального Юга и негосударственных акторов. Эта концептуальная рамка прямо противопоставляется подходу, при котором стандарты разрабатываются узкой группой технологически развитых стран.

Завершающий этап XVII саммита БРИКС увенчался важным достижением — принятием Декларации Рио-де-Жанейро, а также согласованием принципиального заявления лидеров по вопросам глобального регулирования ИИ¹⁴. В документе указывается, что эффективное развитие цифровой экономики и внедрение передовых технологий, включая искусственный

интеллект, невозможно без создания системы всеобъемлющего и равноправного управления данными, что критически важно для развивающихся стран. Отдельно подчеркивается «ведущая роль ООН в содействии конструктивному диалогу по выработке общего понимания безопасности при использовании ИКТ и обсуждении вопросов разработки универсальной правовой базы в этой сфере, а также в дальнейшей разработке и реализации согласованных общепризнанных норм, правил и принципов ответственного поведения государств при использовании ИКТ»¹⁵.

Несмотря на имеющиеся достижения (сформирована институциональная инфраструктура, запущены совместные исследовательские проекты, согласованы базовые принципы сотрудничества), следует выделить и сохраняющиеся проблемы. В частности, это различный уровень технологического развития стран-участниц, конкурирующие интересы национальных ИИ-экосистем и несовпадение регуляторных подходов. Можно сделать вывод, что основным достижением БРИКС стало создание общей платформы для диалога, позволяющей согласовывать позиции по ключевым вопросам технологического развития. Однако сохраняется разрыв между декларативными документами и реальными механизмами кооперации.

Дискурс-анализ и практика сотрудничества: выявление «пересекающегося консенсуса»

Эволюция концептуального аппарата БРИКС

Анализ деклараций саммитов БРИКС за 2020–2025 гг. позволил выявить последовательную эволюцию концептуального аппарата. Для обеспечения достоверности и проверяемости исследования был проведен частотный

¹² Пекинская декларация XIV саммита БРИКС. 23 июня 2022 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5819> (дата обращения: 23.09.2025).

¹³ Вторая Йоханнесбургская декларация стран БРИКС. 24 августа 2023 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72103> (дата обращения: 23.09.2025).

¹⁴ Декларация БРИКС — ИИ и ИБ // Digital Russia. 08.07.2025. URL: <https://d-russia.ru/deklaracija-briks-ii-i-b.html> (дата обращения: 23.09.2025).

¹⁵ Декларация Рио-де-Жанейро «Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления». Рио-де-Жанейро, Бразилия 6 июля 2025 года // Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3Huu17EBmqrc.pdf> (дата обращения: 23.09.2025).

анализ ключевых концептов в корпусе официальных документов, включающем итоговые декларации саммитов в Москве (2020), Нью-Дели (2021), Пекине (2022), Йоханнесбурге (2023), Казани (2024) и Рио-де-Жанейро (2025). Обработка текстов осуществлялась вручную с выборочной проверкой межкодирующей надежности. Были выде-

лены следующие ключевые лексемы и их производные: «суверенитет», «инклюзивность» и «справедливость».

Учитывалось прямое употребление указанных лексем и их производных в общем и непосредственном контексте обсуждения искусственного интеллекта, цифровой экономики и технологического сотрудничества (табл. 1).

Таблица 1. Эволюция ключевых концептов в документах БРИКС в 2020–2025 гг.

Год	Ключевой концепт	Упоминания в целевом контексте (ИИ, цифровая экономика, технологии)	Упоминания в общем контексте (весь документ)	Ключевые смысловые акценты
2020 (Москва)	Суверенитет	0	10 (п. 3, 5, 6, 23, 26, 29, 33, 34, 52, 67)	Фундаментальный принцип: акцент на суверенном равенстве (п. 5), территориальной целостности (п. 5, п. 23), невмешательстве (п. 5). Поддержка суверенитета Сирии (п. 23), Ливии (п. 34), Ирака (п. 26)
	Инклюзивность	1 (п. 66 — стимулирование инклюзивного экономического роста)	11 (п. 5, 6, 26, 27, 29, 34, 47, 53, 66, 76, 90)	Качество систем и процессов: инклюзивная международная система (п. 5), реформа ООН для большей инклюзивности (п. 6), инклюзивный переговорный процесс (п. 27, 34), инклюзивный экономический рост (п. 47, 66)
	Справедливость	0	5 (п. 5, 12, 23, 24, 83)	Этический императив: справедливая международная система (п. 5), справедливый доступ к вакцинам (п. 12), справедливое урегулирование конфликтов (п. 24), справедливое распределение благ от генетических ресурсов (п. 83)
2021 (Нью-Дели)	Суверенитет	1 (п. 27 — обеспечение безопасности государств и защиты их интересов (контекст ИКТ))	4 (п. 2, 14, 22, 27)	Краеугольный камень: суверенное равенство и территориальная целостность как основа международной системы (п. 2), невмешательство (п. 22), защита суверенитета в киберпространстве (п. 27)
	Инклюзивность	2 (п. 36 — устойчивое и инклюзивное восстановление; п. 48 — формирование более устойчивого и инклюзивного туристического сектора)	9 (п. 2, 14, 18, 23, 36, 42, 43, 48, 51)	Сквозной принцип: инклюзивная международная система (п. 2), инклюзивное внутри-афганское урегулирование (п. 23), инклюзивные рынки труда (п. 43), инклюзивный экономический рост (п. 51)
	Справедливость	1 (п. 36 — обеспечение справедливого и всеобъемлющего доступа к цифровым ресурсам)	3 (п. 14, 36, 49)	Фокус на равенстве: справедливый доступ к цифровым ресурсам (п. 36), справедливый доступ к глобальным общественным благам (п. 14), справедливое и равное обращение с правами человека (п. 49)
2022 (Пекин)	Суверенитет	0	5 (п. 5, 6, 21, 23, 53)	Краеугольный камень и защита от вмешательства: уважение суверенитета и территориальной целостности (п. 5, 21), особый акцент на суверенитете Афганистана (п. 23). Также упоминается в контексте национально определяемых вкладов по климату (п. 53)
	Инклюзивность	2 (п. 38 — инклюзивное восстановление, инклюзивное развитие; п. 57 — маргинализированные и уязвимые группы населения)	14 (п. 2, 4, 5, 6, 10, 11, 23, 37, 38, 44, 63, 64, 67, 72)	Сквозной принцип для систем и восстановления: инклюзивность как дух БРИКС (п. 2), качество глобального управления (п. 5, 6), торговой системы (п. 11), политической структуры Афганистана (п. 23), ключевая характеристика постпандемического восстановления (п. 38)

Продолжение табл. 1

Год	Ключевой концепт	Упоминания в целевом контексте (ИИ, цифровая экономика, технологии)	Упоминания в общем контексте (весь документ)	Ключевые смысловые акценты
	Справедливость	2 (п. 6 — справедливый доступ к глобальным общественным благам; п. 57 — справедливое и равное отношение ко всем правам человека)	6 (п. 5, 6, 9, 14, 51, 57)	Принцип доступа и равенства: справедливый доступ к глобальным благам (п. 6) и вакцинам (п. 14), справедливое отношение к правам человека (п. 9, 57), основа международных отношений (дух справедливости, п. 5)
2023 (Йоханнесбург)	Суверенитет	0	6 (п. 2, 3, 5, 16, 17, 21)	Фундаментальный принцип: суверенное равенство (п. 5), поддержка суверенитета Ливии (п. 16), Йемена и Сирии (п. 17)
	Инклюзивность	3 (п.33 — цифровая экономика; п. 36 — «в целях инклюзивной и устойчивой индустриализации»; п. 31 —инклюзивное восстановление экономики)	14 (п. 1, 2, 3, 8, 17, 31, 33, 36, 38, 39, 44, 78, 86, 90)	Качество систем и процессов: инклюзивная многосторонность (п. 2, 3), инклюзивный рост (п. 2), инклюзивная торговая система (п. 8), инклюзивные переговоры (п. 17), инклюзивные платежные системы (п. 44)
	Справедливость	0	14 (п. 2, 3, 6, 8, 9, 29, 38, 41, 53, 57, 63, 70, 74, 76)	Качество систем и процессов: справедливый международный порядок (п. 2), справедливая торговая система (п. 8), справедливое распределение бремени (п. 29), справедливый переход к низкоуглеродной экономике (п. 57), справедливые стандарты (п. 63)
2024 (Казань)	Суверенитет	1 (п. 54 — суверенитет в сфере ИКТ)	9 (п. 3, 6, 30, 31, 34, 47, 54, 56, 92)	Фундаментальный принцип: суверенное равенство (п. 3), уважение суверенитета (п. 6, 31, 34), суверенитет в киберпространстве (п. 54), территориальная целостность (п. 31, 34)
	Инклюзивность	4 (п. 71 — управление данными; п. 77 — цифровая экономика; п. 80 — энергопереход; п. 103 — налоговая система)	18 (п. 3, 6, 9, 11, 12, 13, 14, 64, 65, 71, 77, 80, 87, 103, 108, 118, 122, 130)	Качество систем и процессов: инклюзивный рост (п. 3), инклюзивная многосторонность (п. 6), инклюзивная торговая система (п. 9), инклюзивное восстановление (п. 64), инклюзивные платежные системы (п. 65), инклюзивное предпринимательство (п. 130)
	Справедливость	2 (п. 71 — управление данными; п. 80 — энергопереход)	21 (п. 1, 3, 6, 9, 11, 15, 17, 21, 59, 60, 62, 71, 73, 80, 81, 82, 84, 87, 103, 108, 117)	Качество систем и процессов: справедливый миропорядок (п. 1, 3), справедливая торговая система (п. 9), справедливое распределение бремени (п. 60), справедливый энергопереход (п. 80, 81), справедливая налоговая система (п. 103)
2025 (Рио-де-Жанейро)	Суверенитет	2 (п. 16 — уважение суверенитета государств в контексте глобального управления ИИ; п. 62 — технический охват космических телекоммуникационных систем не должен выходить за рамки государственного суверенитета)	13 (п. 2, 5, 16, 27, 28, 29, 31, 59, 62, 66, 92, 101, 124)	Фундаментальный и неделимый принцип: пронизывает все сферы — от политики (суверенное равенство государств-членов, п. 2) до цифрового пространства (п. 59) и экономики (национальный суверенитет над данными, п. 66). Жестко увязывается с территориальной целостностью (п. 29, 31, 101) и правом государства контролировать деятельность на своей территории (п. 62)

Окончание табл. 1

Год	Ключевой концепт	Упоминания в целевом контексте (ИИ, цифровая экономика, технологии)	Упоминания в общем контексте (весь документ)	Ключевые смысловые акценты
	Инклюзивность	3 (п. 16 — глобальное управление ИИ должно учитывать потребности всех стран, обеспечивая инклюзивное международное сотрудничество; п. 40 — приверженность созданию открытой, безопасной и инклюзивной среды ИКТ; п. 58 — важность формирования инклюзивной и безопасной среды для развития цифровой экономики)	32 (п. 1, 2, 4, 5, 8, 10, 13, 15, 16, 29, 39, 40, 43, 45, 54, 55, 58, 60, 64, 69, 76, 82, 84, 89, 90, 91, 106, 112, 114, 117, 118, 124)	Сквозной принцип качества всех систем и процессов: описывает характер желаемого международного порядка, экономического роста, финансовых систем и социальной политики. Ключевые контексты: инклюзивное управление (п. 1, 5), инклюзивный рост (п. 2), инклюзивная торговая система (п. 13), инклюзивные рынки труда (п. 114). Традиционная сфера (политика) и новые технологические сферы (ИИ, цифровая экономика) уравниваются в необходимости следования этому принципу
	Справедливость	1 (п. 121 — необходимость обеспечения справедливых возможностей для развития женщин в устойчивой и цифровой экономике)	37 (п. 2, 5, 8, 10, 13, 15, 16, 26, 27, 45, 62, 65, 69, 71, 76, 77, 81, 83, 84, 89, 90, 91, 92, 93, 98, 100, 101, 103, 104, 106, 107, 111, 114, 119, 120, 121, 122)	Основополагающий принцип для критики текущего миропорядка и формулирования видения будущего: акцент на восстановлении справедливости: в представительстве (п. 5, 10), торговле (п. 13), доступе к ресурсам и благам (здравоохранение — п. 15, финансы — п. 83, генетические ресурсы — п. 93), урегулировании конфликтов (п. 27). Требование справедливой глобализации и международной налоговой системы (п. 76)

Источник: составлено Б.В.Ф. Агоннуде, В.А. Глебовым и А.А. Масловым на основе контент-анализа деклараций саммитов БРИКС: Московская декларация XII саммита БРИКС. 17 ноября 2020 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5581> (дата обращения: 23.09.2025); Нью-Делийская декларация XIII саммита БРИКС. 9 сентября 2021 года // Информационный портал БРИКС. URL: https://infobrics.org/files/country/russia/documents/2021/2021_09_09_India_New-Dehli_XIII_Sammit_Declaration_ru.pdf (дата обращения: 23.09.2025); Пекинская декларация XIV саммита БРИКС. 23 июня 2022 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5819> (дата обращения: 23.09.2025); Вторая Йоханнесбургская декларация стран БРИКС. 24 августа 2023 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72103> (дата обращения: 23.09.2025); XVI Саммит БРИКС, Казанская декларация. 23 октября 2024 года // Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCamF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 23.09.2025); Декларация Рио-де-Жанейро Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления Рио-де-Жанейро, Бразилия 6 июля 2025 года // Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3Huul7EBmqrC.pdf> (дата обращения: 23.09.2025).

Итак, в 2020 г. риторика БРИКС продемонстрировала четкий разрыв между общими политико-правовыми принципами (где безраздельно господствовал суверенитет) и конкретной технологической повесткой. Инклюзивность и справедливость уже присутствовали в лексиконе, но еще не были переосмыслены и операционализированы применительно к вызовам цифровой эпохи, таким как кибербезопасность, цифровой разрыв или регулирование ИИ. Этот год можно охарактеризовать как этап, когда технологическое сотрудничество обсуждалось скорее в практическом, а не в ценностно-ориентированном ключе.

В 2021 г. под председательством Индии дискурс БРИКС продемонстрировал четкую тенденцию к более тесной увязке ключевых политических принципов (суверенитет, инклюзивность, справедливость) с актуальной повесткой цифровой трансформации и технологического развития. Это свидетельствует о растущей глубине интеграции этих концептов в практические области сотрудничества.

Анализ документа 2022 г. показывает последовательный сдвиг в риторике БРИКС от акцента на защиту суверенитета (оборонительная/реактивная позиция) к продвижению инклюзивности и справедливости как принци-

пов построения альтернативного миропорядка и обеспечения доступа к благам глобализации (проактивная/конструктивная позиция).

В 2023 г. БРИКС демонстрирует сдвиг от классической политической риторики суверенитета к более прагматичной и многоуровневой повестке, где инклюзивность и справедливость становятся центральными элементами глобального управления, экономического сотрудничества и устойчивого развития.

В 2024 г. страны БРИКС углубили и конкретизировали ключевые принципы объединения: суверенитет был адаптирован к цифровой эпохе, инклюзивность стала сквозным принципом в экономической, технологической и климатической повестке. Справедливость, в свою очередь, трансформировалась в требование справедливых правил в новых сферах, таких как данные, энергетика, налоги. Это отражает эволюцию БРИКС от деклара-

ции принципов к созданию альтернативной архитектуры глобального управления, основанной на суверенитете, инклюзивности и справедливости.

В 2025 г. отмечена консолидация БРИКС вокруг проекта по созданию параллельной, децентрализованной системы управления, где суверенитет членов защищен, доступ к росту и ресурсам — инклюзивен, а правила основаны на принципах справедливости, а не историческом доминировании. БРИКС переходит от критики архитектуры глобального управления к строительству собственной, альтернативной системы, что подтверждается первым в истории объединения принятием «Заявления лидеров по глобальному управлению искусственным интеллектом».

Для наглядной демонстрации выявленных тенденций данные из табл. 1 были визуализированы в виде линейных графиков (рис. 1–3).

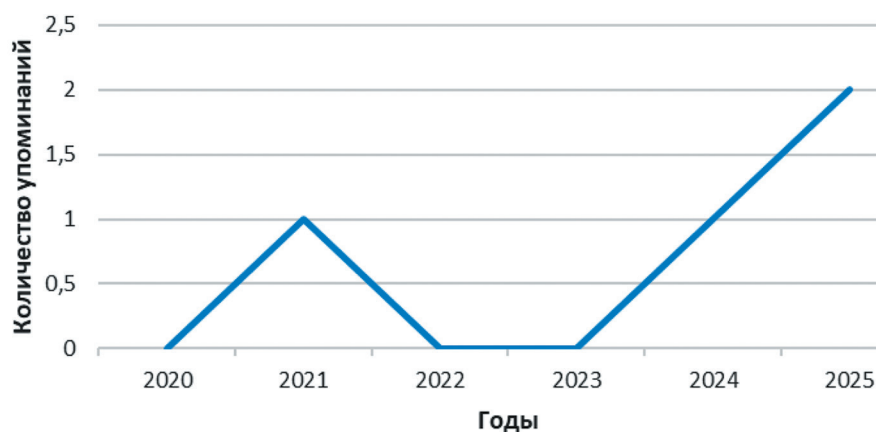

Рис. 1. Динамика упоминаний концепта «суверенитет» в документах БРИКС в 2020–2025 гг.

Источник: составлено Б.В.Ф. Агоннуде, В.А. Глебовым и А.А. Масловым.

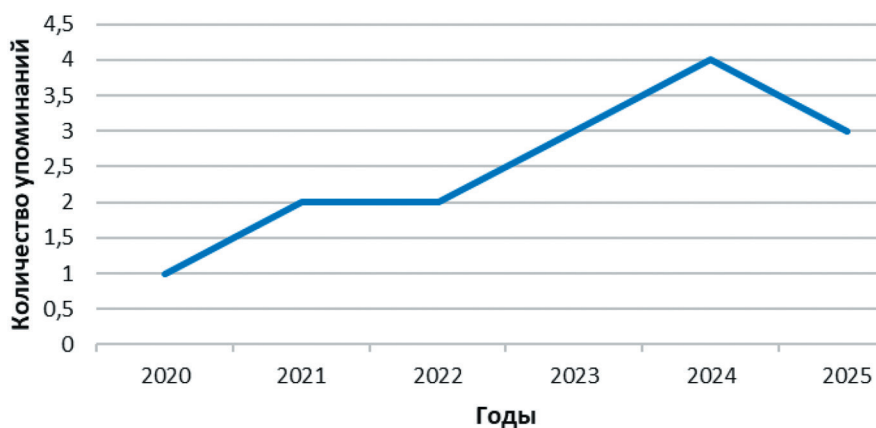

Рис. 2. Динамика упоминаний концепта «инклюзивность» в документах БРИКС в 2020–2025 гг.

Источник: составлено Б.В.Ф. Агоннуде, В.А. Глебовым и А.А. Масловым.

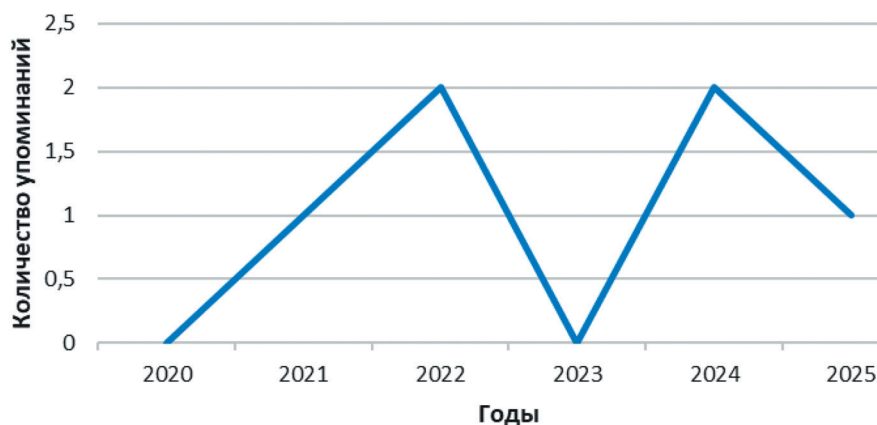

Рис. 3. Динамика упоминаний концепта «справедливость» в документах БРИКС в 2020–2025 гг.

Источник: составлено Б.В.Ф. Агоннуде, В.А. Глебовым и А.А. Масловым.

На рис. 1 отражена динамика упоминаний концепта «суверенитет» в целевых контекстах: единичные появления в 2021 и 2024 гг. (по одному упоминанию) сменяются ростом до двух упоминаний в 2025 г. Отсутствие упоминаний в 2020, 2022 и 2023 гг. указывает на то, что суверенитет долгое время оставался преимущественно политическим концептом. Его включение на технологическую повестку в 2025 г. (пик в два упоминания) подтверждает тезис о «цифровизации» дискурса суверенитета и его адаптации к вопросам регулирования искусственного интеллекта.

На рис. 2 продемонстрирован устойчивый рост упоминаний концепта «инклюзивность» в целевом контексте: с одного — в 2020 г. до двух — в 2021–2022 гг., затем плавное увеличение до трех упоминаний в 2023 г. и четырех упоминаний в 2024 г., что является абсолютным максимумом за исследуемый период. В 2025 г. показатель снижается до трех упоминаний, однако остается на высоком уровне. Такая динамика свидетельствует о превращении инклюзивности из общего принципа в ключевой элемент технологической повестки БРИКС, особенно в период активного обсуждения цифровой трансформации.

На рис. 3 показана нелинейная эволюция концепта «справедливость»: после появления в 2021 г. (одно упоминание) и роста до двух упоминаний в 2022 г. следует полное исчезновение концепта из целевого контекста в 2023 г. Возврат концепта происходит в 2024 г. с выходом на максимум (два упоминания), после чего

в 2025 г. показатель снижается до одного упоминания. Такая «пульсирующая» динамика указывает на нестабильность включения этической лексики в технологический дискурс БРИКС, однако сам факт присутствия концепта в последние два года свидетельствует о формировании запроса на справедливое регулирование ИИ.

Кейс-стади: российско-китайское сотрудничество в сфере ИИ

Создание в сентябре 2025 г. российско-китайской рабочей группы по обмену опытом, регулированию и применению ИИ¹⁶ знаменует переход от декларативного двустороннего диалога к практике совместного проектирования. В отличие от предыдущих форматов новая структура, согласно ее мандату, сфокусирована на решении трех ключевых задач, раскрывающих логику «пересекающегося консенсуса»:

- 1) гармонизация стандартов для совместимости национальных ИИ-экосистем без их унификации;
- 2) координация проектов НИОКР в стратегически чувствительных областях, таких как большие языковые модели;
- 3) создание общих «регуляторных песочниц» для отработки механизмов использования искусственного интеллекта в трансграничном формате.

¹⁶ Дмитрий Григоренко: Искусственный интеллект — перспективное направление для сотрудничества России и Китая // Правительство России. 26.09.2025. URL: <http://government.ru/news/56332/> (дата обращения: 14.11.2025).

Таким образом, рабочая группа выступает не просто новым институтом, а полноценным инструментом операционализации технологического суверенитета через избирательную кооперацию.

Публичное заявление вице-премьера РФ Д. Григоренко о «прочной основе для масштабных проектов»¹⁷ следует анализировать как нарратив, конструирующий политическую реальность. Акцент на «собственных больших языковых моделях» и «технологическом суверенитете»¹⁸ выполняет несколько функций:

- внешнеполитическую — позиционирование российско-китайского альянса как независимого полюса в глобальной конкуренции за ИИ;

- внутривнутриполитическую — легитимизация курса на импортозамещение в ИТ-сфере;

- прагматическую — обозначение области синергии — объединение российских компетенций в фундаментальных исследованиях с китайскими возможностями в масштабировании.

Этот нарратив, однако, требует верификации через анализ конкретных проектов. Первоначальные шаги, как отмечает А.Д. Наливкина, сосредоточены в менее политизированных сферах, таких как медицинский ИИ, где риски конфликта интересов ниже, а потенциал быстрой отдачи — выше (Наливкина, 2025, с. 155). Справедливой представляется в данном случае позиция Д.С. Крылова о том, что «в отличие от традиционных форм дипломатического и военно-политического взаимодействия, технологическое сотрудничество позволяет государству реализовывать стратегию „мягкой силы“ в цифровом измерении, сочетая гибкость, прагматизм и диверсификацию международных партнерств» (Крылов, 2025, с. 59).

¹⁷ Дмитрий Григоренко: Искусственный интеллект — перспективное направление для сотрудничества России и Китая // Правительство России. 26.09.2025. URL: <http://government.ru/news/56332/> (дата обращения: 14.11.2025).

¹⁸ Григоренко назвал сотрудничество в сфере ИИ главной перспективой России и КНР // ТАСС. 25.09.2025. URL: <https://tass.ru/ekonomika/25160035> (дата обращения: 26.09.2025).

Анализ национальных регуляторных ландшафтов стран — основательниц БРИКС

Сравнительный анализ национальных подходов стран — основательниц БРИКС к регулированию сферы ИИ (табл. 2) позволил выявить значительную регуляторную гетерогенность среди этих подходов, что изначально создавало вызовы для выработки единой политики объединения в этой сфере. Расширение его состава за счет новых членов дополнительно усложняет эту картину, требуя учета новых регуляторных моделей и стратегических приоритетов при выработке общего подхода БРИКС к регулированию цифровой сферы.

Период 2015–2018 гг. ознаменовался фундаментальными изменениями в политике Китая в сфере ИИ: именно тогда была сформирована комплексная государственная стратегия, подкрепленная серией важнейших документов на всех уровнях власти (Выходец, 2022, с. 144). В июле 2017 г. Китай опубликовал свою национальную стратегию в области ИИ «План развития искусственного интеллекта нового поколения» (*Artificial Intelligence Development Plan, AIDP*¹⁹), в котором изложены геополитические, фискальные, а также правовые и этические цели страны в отношении технологий ИИ (Roberts et al., 2022). Национальная стратегия Китая стала концептуальной основой для построения «этатистско-меркантилистской модели» регулирования.

Институциональные механизмы реализации стратегии демонстрируют системный подход: *AIDP* устанавливает трехуровневую систему целей — от фундаментальных исследований до коммерциализации технологий, при этом ключевым инструментом становится координация между государственными научными институтами и частными технологическими компаниями. Регулирование как в случае с временными мерами по генератив-

¹⁹ Artificial Intelligence Development Plan // Foundation for Law & International Relations. July 8, 2017. URL: <https://flia.org/notice-state-council-issuing-new-generation-artificial-intelligence-development-plan/> (accessed: 23.09.2025).

ному ИИ (*Interim Measures on Generative AI*) (Migliorini, 2024) сочетает жесткие требования к безопасности контента с созданием благоприятных условий для национальных «чемпионов» (*Baidu, Alibaba*).

КНР

Технологический суверенитет и безопасность становятся абсолютным приоритетом КНР, что отражается в двух параллельных процессах. С одной стороны, ИИ рассматривается как инструмент усиления возможностей сектора безопасности и управления социальными процессами (Zeng, 2020), а с другой — исследовательские группы из китайских компаний и университетов активно разрабатывают технологии «федеративного обучения» (*federated learning* — метод машинного обучения, позволяющий обучать модели на децентрализованных данных без их централизации) (Wu, Huang & Gong, 2020, р. 303), что свидетельствует о поиске баланса между инновациями и контролем над данными.

Геополитическое позиционирование Китая в сфере ИИ характеризуется открытым стремлением к мировому лидерству к 2030 г. (Cheng & Zeng, 2023). Это предполагает не только тех-

нологическое доминирование, но и активное участие в формировании глобальных стандартов и этических норм, что соответствует общей стратегии превращения Китая в «мировую державу» в области ИИ.

Таким образом, китайская модель регулирования ИИ представляет в рамках БРИКС этатистско-меркантилистский полюс, демонстрируя путь технологического развития через жесткую вертикаль государственного управления при одновременной агрессивной поддержке национальных «чемпионов». Стратегия, нацеленная на достижение глобального лидерства к 2030 г., делает Китай ключевым драйвером технологической трансформации объединения. В рамках БРИКС Китай выступает как альтернативный технологический центр силы, предлагающий модель, основанную на принципах технологического суверенитета и стратегического планирования, что создает противовес западным подходам к регулированию ИИ. Успех китайской модели в значительной степени определяет потенциал БРИКС в формировании конкурентоспособной многополярной архитектуры глобального управления искусственным интеллектом.

Таблица 2. Сравнительный анализ регуляторных подходов стран — основательниц БРИКС в сфере ИИ

Страна	Доминирующая регуляторная модель	Ключевые акценты в политике	Отношение к «жесткому праву»
Китай	Этатистско-меркантилистская	Безопасность, контроль, экспорт технологий	Жесткое регулирование с акцентом на контроле содержания
Россия	Суверенная цифровизация	Импортозамещение, безопасность критической информационной инфраструктуры	Экспериментальные правовые режимы («регуляторные песочницы»)
Индия	«ИИ для развития» (<i>AI for All</i>)	Стартап-экосистема, инклюзивность	Либеральное регулирование, стимулирование инноваций
Бразилия	Либерально-гуманистическая	Права человека, этика, сокращение неравенства	Баланс между инновациями и защитой прав
ЮАР	Развивающая	Экономический рост, общественное благосостояние	Постепенное формирование регуляторной рамки

Источник: составлено Б.В.Ф. Агоннуде, В.А. Глебовым и А.А. Масловым на основе анализа регуляторных подходов стран-основателей БРИКС: Artificial Intelligence Development Plan // Foundation for Law & International Relations. July 8, 2017. URL: <https://flia.org/notice-state-council-issuing-new-generation-artificial-intelligence-development-plan/> (accessed: 23.09.2025); Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 // Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/AN4x6HgKWANwVtMOFpDhcbRpvdlHCCsv.pdf> (дата обращения: 23.09.2025); India's National Strategy for Artificial Intelligence // DigWatch. June 2018. URL: <https://dig.watch/resource/indias-national-strategy-for-artificial-intelligence> (accessed: 23.09.2025); Brazilian Strategy for Artificial Intelligence // OECD. April 15, 2025. URL: https://www.oecd.org/en/publications/access-to-public-research-data-toolkit_a12e8998-en/brazilian-strategy-for-artificial-intelligence_936c5793-en.html (accessed: 23.09.2025); South Africa National Artificial Intelligence Policy Framework // Fairbridges. August 2024. URL: <https://fwblaw.co.za/wp-content/uploads/2024/10/South-Africa-National-AI-Policy-Framework-1.pdf> (accessed: 23.09.2025).

Российская Федерация

Российская Федерация последовательно формирует модель технологического развития, которую можно охарактеризовать как «суверенную цифровизацию». Ее концептуальной основой выступает Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 г., где в качестве ключевого принципа закреплена «необходимость обеспечения технологического суверенитета» Российской Федерации в сфере ИИ²⁰.

Институциональные и правовые механизмы реализации данной модели включают несколько уровней. На системном уровне действует Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры» (№ 187-ФЗ), который задает рамки для защиты объектов критической информационной инфраструктуры (КИИ)²¹, что является безусловным приоритетом государственной политики. Одновременно с этим для стимулирования инноваций был принят Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций», создающий правовые «песочницы» для тестирования решений на основе ИИ в ограниченных условиях. Как справедливо отмечает А.А. Журков, «на период 2021–2030 годов правительство РФ определило в качестве важного направления научных исследований вопрос о правовой регламентации деятельности искусственного интеллекта» (Журков, 2023, с. 181), что подчеркивает осознание государством сложности стоящих перед ним регуляторных задач.

Отраслевые приоритеты и фокус на импортозамещении четко обозначены в документах стратегического планирования. Акцент делает-

ся на применении ИИ в оборонно-промышленном комплексе (ОПК) и в отраслях, связанных с национальной безопасностью. Это закономерно приводит к доминированию государственного заказа и тесной связке разработок с государственными научными институтами и госкорпорациями. Параллельно реализуется политика импортозамещения программного обеспечения и аппаратных решений, направленная на снижение зависимости от иностранных технологий в базовых элементах ИИ-экосистемы.

Международное сотрудничество в рамках данной модели носит избирательный и прагматичный характер и рассматривается, как и взаимодействие в рамках БРИКС в целом, в качестве инструмента диверсификации международных связей и создания альтернативных технологических цепочек, не контролируемых странами Запада.

Российская модель «суверенной цифровизации» вносит в кооперацию БРИКС критически важный компонент — акцент на безопасности критической информационной инфраструктуры и технологической независимости в стратегических отраслях. Через развитие «регуляторных песочниц»²² и избирательное международное сотрудничество (прежде всего с Китаем) Россия демонстрирует практические механизмы реализации цифрового суверенитета в условиях санкционных ограничений. В рамках БРИКС этот опыт представляет высокую ценность для стран, стремящихся сохранить политико-технологический суверенитет при интеграции в глобальные цепочки создания стоимости. Российский подход предлагает странам объединения модель балансирования между развитием инноваций и защитой национальных интересов, что укрепляет общую позицию БРИКС в вопросах управления технологиями будущего.

Республика Индия

Индия реализует уникальную в рамках БРИКС модель развития искусственного интеллекта, которая может быть охарактеризова-

²⁰ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 // Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/AN4x6HgKWANwVtMOfPDhcbRpvd1HCCsv.pdf> (дата обращения: 23.09.2025).

²¹ Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения: 23.09.2025).

²² Что такое «регуляторные песочницы» и как они помогут бизнесу // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. 06.08.2020. URL: <http://duma.gov.ru/news/49285/> (дата обращения: 23.09.2025).

на как прагматичная модель «ИИ для развития» (*AI for All*)²³. Ее становление связано с запуском в 2018 г. Национальной стратегии развития искусственного интеллекта (*National Strategy for Artificial Intelligence*)²⁴, которая заложила основу для отраслевой трансформации в контексте развития ИИ.

Институциональная архитектура и приоритетные сектора стратегии сфокусированы на решении ключевых проблем развития страны. В отличие от китайской этатистской модели индийский подход делает акцент на применении ИИ в секторах с максимальным социальным воздействием: здравоохранении, сельском хозяйстве, образовании, умных городах и инфраструктуре. Как отмечают А. Шаджи Джордж (Shaji George, 2024) и К. Рой (Roy et al., 2024), регулирование остается достаточно либеральным, что целенаправленно стимулирует развитие стартап-экосистемы и привлечение частных инвестиций. Правительственная программа “*AI for All*” нацелена на демократизацию технологий, обеспечивая их доступность для широких слоев населения.

Место Индии в БРИКС и международное сотрудничество определяются конкурентными преимуществами страны, которая позиционирует себя как глобальный хаб для аутсорсинга услуг в сфере ИИ и разработки решений для развивающихся стран. В рамках БРИКС Индия выступает за справедливое и инклюзивное управление ИИ, что соответствует ее стратегии “*AI for All*” и позволяет Нью-Дели выступать в качестве голоса развивающихся экономик. Этот подход контрастирует с более жесткими регуляторными моделями других участников объединения, создавая основу для комплементарного сотрудничества.

Ключевой вызов и баланс интересов для Индии заключается в нахождении оптимального соотношения между стимулированием инноваций и обеспечением инклюзивного роста.

С одной стороны, страна заинтересована в развитии собственной технологической индустрии и стартап-экосистемы, что требует либерального регуляторного подхода. С другой стороны, как отмечают исследователи (Shaji George, 2024; Kavita et al., 2024), критически важным остается вопрос включения широких слоев населения в цифровую экономику и предотвращения усиления социального неравенства.

Индийская модель регулирования ИИ представляет собой прагматичный гибрид, сочетающий либеральный подход к инновациям с целевыми государственными интервенциями в социально значимых секторах. Стратегия “*AI for All*” позволяет Индии не только решать внутренние задачи развития, но и занимать уникальную нишу в рамках БРИКС, выступая в роли моста между технологическими гигантами и развивающимися экономиками. Успех данной модели будет определяться способностью правительства поддерживать хрупкий баланс между технологическим прогрессом и социальной инклюзивностью, что имеет ключевое значение для устойчивого развития цифровой экономики.

Бразилия

Бразилия формирует социально-ориентированную модель регулирования ИИ в рамках БРИКС, основанную на принципах ответственного управления данными и соблюдения прав человека. Ключевым документом выступает Бразильская стратегия искусственного интеллекта (*Estratégia Brasileira de Inteligência Artificial* (EBIA), англ. *National Strategy for Artificial Intelligence*)²⁵, принятая в 2021 г. и определяющая подход страны к развитию технологий ИИ.

Центральное место в бразильском подходе занимает управление данными. Стратегия предусматривает создание национальной системы управления данными, направленной на обеспечение ответственного использования

²³ Welcome to the AI for All Program // Digital India. Ministry of Education. Government of India. URL: <https://ai-for-all.in/#/home> (accessed: 23.09.2025).

²⁴ India's National Strategy for Artificial Intelligence // DigWatch. June 2018. URL: <https://dig.watch/resource/indias-national-strategy-for-artificial-intelligence> (accessed: 23.09.2025).

²⁵ Brazilian Strategy for Artificial Intelligence // OECD. April 15, 2025. URL: https://www.oecd.org/en/publications/access-to-public-research-data-toolkit_a12e8998-en/brazilian-strategy-for-artificial-intelligence_936c5793-en.html (accessed: 23.09.2025).

данных и содействие их обмену между государственным и частным секторами. Особое внимание уделяется использованию государственных баз данных для разработки технологий ИИ, что отражает стремление к повышению эффективности государственного управления через цифровизацию при сохранении контроля над критическими информационными активами.

Социальная ориентация и этическая составляющая выделяют бразильскую модель среди других стран БРИКС. В отличие от меркантилистских подходов или подходов, отстаивающих национальный суверенитет, политика Бразилии в сфере ИИ акцентируется на защите прав человека, обеспечении справедливости алгоритмических систем и предотвращении дискриминации. Как отмечает Г. де Соуза, в основе бразильского подхода лежит принцип прозрачности алгоритмов и их соответствия этическим стандартам²⁶.

Позиционирование в БРИКС определяется стремлением Бразилии выступать в роли посредника между различными регуляторными подходами. С одной стороны, бразильская модель близка к либерально-гуманистическим принципам, с другой — она адаптирована к реалиям развивающихся экономик. Это позволяет Бразилии предлагать в рамках БРИКС компромиссные решения, учитывающие как необходимость технологического развития, так и важность социальной защиты.

Таким образом, бразильская модель регулирования ИИ представляет собой синтез принципов ответственного управления данными и социальной ориентации, где технологическое развитие сочетается с защитой прав человека. Акцент на этике, прозрачности алгоритмов и ответственном использовании данных отличает бразильский подход от более технократических моделей других стран БРИКС и позволяет стране занимать важную нишу в формировании стандартов ответственного

ИИ. Успех данной модели будет зависеть от способности Бразилии обеспечить практическую реализацию декларируемых принципов при сохранении конкурентоспособности в области технологических инноваций.

ЮАР

Южно-Африканская Республика формирует модель развития искусственного интеллекта, ориентированную на решение задач национального развития и позиционирование страны как регионального лидера в сфере инноваций. Основу подхода составляет проект Национальной политики в области искусственного интеллекта (*Draft National Artificial Intelligence Plan*)²⁷, который определяет стратегические приоритеты страны в данной области.

Цели и приоритеты стратегии сосредоточены на трех ключевых направлениях: стимулировании экономического роста через внедрение ИИ-технологий, повышении общественного благосостояния и укреплении позиций ЮАР как центра инноваций в области ИИ на Африканском континенте. Особое внимание уделяется применению искусственного интеллекта в здравоохранении, образовании и сельском хозяйстве — секторах, имеющих критическое значение для социально-экономического развития страны.

Социально-этическая направленность стратегии позволяет отнести южноафриканскую модель к либерально-гуманистической парадигме, которую страна разделяет с Бразилией в рамках БРИКС. Как отмечает Э. Ормонд (Ormond, 2023), в проекте национальной политики сильный акцент делается на этических аспектах использования ИИ, защите прав человека и обеспечении прозрачности алгоритмов. Этот подход отражает стремление ЮАР сокращать социальное и экономическое неравенство через ответственное внедрение технологий искусственного интеллекта.

Региональное лидерство и позиционирование в БРИКС являются важными элементами

²⁶ De Souza G. Artificial Intelligence in the Office and the Factory: Evidence From Administrative Software Registry Data // Federal Reserve Bank of Chicago Working Paper. 2026 (January). No. 2025-11 (Revised). URL: <https://doi.org/10.21033/wp-2025-11> (accessed: 12.02.2026).

²⁷ South Africa National Artificial Intelligence Policy Framework // Fairbridges. August 2024. URL: <https://fwblaw.co.za/wp-content/uploads/2024/10/South-Africa-National-AI-Policy-Framework-1.pdf> (accessed: 23.09.2025).

стратегии ЮАР. Страна стремится стать хабом для развития ИИ в Африке, что соответствует ее амбициям по укреплению позиций на международной арене. В рамках БРИКС ЮАР представляет интересы развивающихся экономик континента и выступает за учет специфических потребностей развивающихся стран при формировании глобальных стандартов в области ИИ.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что модель регулирования искусственного интеллекта ЮАР представляет собой сбалансированный подход, сочетающий задачи технологического развития с сильной социально-этической составляющей. Ориентация на решение проблем развития, сокращение неравенства и региональное лидерство отличает южноафриканскую стратегию от подходов других стран БРИКС и позволяет стране занимать важную нишу в формировании глобальной повестки развития ИИ. Успех данной модели будет определяться способностью ЮАР реализовать заявленные приоритеты на практике и укрепить свои позиции как регионального центра компетенций в области искусственного интеллекта.

Синтез подходов стран — основательниц БРИКС в сфере ИИ

Проведенный анализ национальных стратегий развития искусственного интеллекта в государствах — основателях БРИКС выявляет формирование уникального полицентричного регуляторного ландшафта, основанного на принципе комплементарности различных моделей. Каждая страна вносит в общее пространство сотрудничества собственный подход, отражающий ее глобальные политические амбиции, экономические интересы и социокультурные особенности.

Совокупность национальных стратегий рассмотренных стран БРИКС образует не конкурирующие, а взаимодополняющие модели, создающие основу для «пересекающегося консенсуса» в регулировании ИИ. Именно разнообразие подходов, а не их унификация становится ключевым преимуществом объединения, позволяя предлагать миру полицентричную

альтернативу биполярной регуляторной парадигме «Брюссель — Вашингтон». Стратегическая задача БРИКС заключается не в выработке единого стандарта, а в создании гибкой архитектуры, позволяющей гармонизировать различные регуляторные философии для достижения общих целей технологического суверенитета и справедливого управления ИИ.

Анализ национальных стратегий стран БРИКС в сфере ИИ позволяет выявить систему взаимосвязанных вызовов, которые, несмотря на регуляторную гетерогенность, формируют прочную основу для кооперации.

1. *Сопротивление навязыванию регуляторных стандартов извне* проявляется в единодушном неприятии странами БРИКС перспективы простой адаптации либо европейской, либо американской модели. Это отражает общее понимание того, что принятие чужих стандартов равносильно утрате технологического суверенитета и возможности самостоятельного экономического развития.

2. *Противодействие технологической гегемонии* выражается в коллективном запросе на демонополизацию глобальных цепочек создания стоимости в сфере ИИ. Особую актуальность этот вызов приобретает в условиях ограниченного доступа к передовым полупроводникам и вычислительным мощностям, контролируемым узкой группой стран и корпораций.

3. *Императив цифрового суверенитета* проявляется в стремлении всех стран-участниц сохранить контроль над национальными данными и критическими технологиями. При этом каждая страна реализует этот принцип в соответствии со своей политико-экономической моделью — от этатистского контроля до либерально-гуманистического регулирования.

Выявленная система вызовов создает уникальную основу для формирования «пересекающегося консенсуса» в формате БРИКС, где разнородность регуляторных подходов становится не препятствием, а ресурсом для организации полицентричной модели управления ИИ. Расширение состава БРИКС усиливает репрезентативность объединения в рамках Глобального Юга, одновременно подтверждая

объективную тенденцию к доминированию инструментов «мягкого права» (Shaffer & Pollack, 2010) и формированию гибких «коалиций желающих». Эта модель, основанная на гармонизации разнородных подходов при сохранении национального суверенитета, представляет собой практическую альтернативу унифицирующим регуляторным подходам Запада и отражает реальные потребности многополярного мирового порядка.

«Пересекающийся консенсус» в действии: эволюция дискурса и институтов БРИКС

Изучение документов БРИКС за последние годы демонстрирует постепенный переход от рассмотрения ИИ как одной из технологий к формированию самостоятельной повестки. В заявлении лидеров стран БРИКС по глобальному управлению в области искусственного интеллекта (2025 г.) ключевыми стали формулировки о необходимости «справедливого и инклюзивного» управления ИИ, важности «создания надежных систем ИИ» и обмена лучшими практиками, а также о противодействии «дискриминационным и односторонним ограничениям» в области технологий²⁸ (прямой намек на политику США и их союзников).

Подобные формулировки, как и многие другие положения, представляют собой классический пример «пересекающегося консенсуса». Для Китая и России «инклюзивность» и «недискриминационные ограничения» означают борьбу с санкциями и доступ к передовым чипам и технологиям. Для Индии «справедливость» — это доступ к технологиям для развития своей ИИ-экосистемы, а для Бразилии и ЮАР «справедливость» и «надежность» — это прежде всего этические гарантии и защита прав человека.

Примечательно, что сегодняшнее состояние объединения характеризуется трансформацией в исключительно привлекательную платформу интеграции для развивающихся государств. Безусловным преимуществом данной структуры являются ее беспрецедентная открытость, всеохватность и равноправный подход к сотрудничеству (Глебов, Агоннуде, 2023, с. 77). Однако расширение БРИКС не упрощает, а усложняет выработку единой позиции. Теперь общий консенсус должен учитывать не только традиционное разнообразие подходов, но и новые оси напряжения: между светскими и религиозными моделями, нефтегазовыми и аграрными экономиками, регионами с высокой и низкой цифровой зрелостью. Ключевым инструментом координации остаются меморандумы о взаимопонимании и совместные заявления как инструменты «мягкого права» (Trubek & Trubek, 2005), что соответствует выявленной модели «пересекающегося консенсуса».

В рамках БРИКС происходит формирование предметных коалиций по конкретным направлениям:

- страны с развитой исследовательской базой (Китай, Россия) фокусируются на совместных проектах НИОКР в области фундаментальных исследований. При этом НИОКР эволюционировала до уровня международного кластера, где в рамках различных форм сотрудничества транснациональные корпорации, университеты, промышленные комплексы и государственные институты генерируют инновационные решения (Астратова, Климук, 2022, с. 3);

- страны с сильной ИТ-экосистемой (Индия, Китай) развивают сотрудничество в области разработки программного обеспечения и алгоритмов;

- страны с акцентом на этику (Бразилия, ЮАР) продвигают разработку этических рамок и принципов ответственного ИИ.

В целом структура сотрудничества в БРИКС эволюционирует в сторону формирования гибких коалиций по интересам, что позволяет преодолевать исходную регуляторную гетерогенность.

²⁸ Заявление лидеров стран БРИКС по глобальному управлению в области искусственного интеллекта, Рио-де-Жанейро, Бразилия 6 июля 2025 года // Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/n1eGkN9xVCOwXlAGekbAlJOLApDGIXEq.pdf> (дата обращения: 26.09.2025).

Расширение БРИКС не отменяет модель «пересекающегося консенсуса», а доводит ее до логического завершения, создавая альтернативную регуляторную модель в виде еще более сложной мозаики из взаимопересекающихся многосторонних и двусторонних соглашений в рамках общей политической парадигмы многополярности и цифрового суверенитета. Роль общих институтов БРИКС будет заключаться не в диктате норм, а в функции «фасилитатора» или «платформы» для поиска партнеров под конкретные проекты и выработки минимальных общих принципов координации на глобальной арене (ООН и другие площадки). Такая позиция делает БРИКС одновременно более слабой с точки зрения внутренней сплоченности, но более сильной с точки зрения представительности и притягательности для Глобального Юга.

В начале 2026 г. одним из ключевых событий в сфере международного регулирования технологий искусственного интеллекта стала официальная поддержка Российской Федерацией китайской инициативы о создании Всемирной организации по сотрудничеству в области искусственного интеллекта. Согласно заявлению помощника президента Российской Федерации Ю. Ушакова, сделанному 4 февраля 2026 г. по итогам российско-китайских переговоров на высшем уровне, лидеры двух государств акцентировали внимание на стратегической значимости инновационных направлений международного сотрудничества. В рамках достигнутых договоренностей была подтверждена поддержка инициативы КНР по формированию специализированной международной организации, нацеленной на координацию усилий в сфере развития и регулирования технологий ИИ²⁹.

Данная инициатива выводит двустороннее и многостороннее сотрудничество на принципиально новый уровень. Если ранее обсуждавшиеся форматы (рабочие группы, меморандумы) были ориентированы преимущественно на внутреннюю координацию в рамках БРИКС

или двусторонние отношения, то предложение о создании всемирной организации знаменует переход к фазе активного строительства глобальных институтов, альтернативных существующим западным платформам.

Политическая значимость данного решения обусловлена тремя ключевыми факторами.

Масштаб амбиций. Речь идет не о региональном, а о глобальном институте, что прямо соответствует заявленной цели БРИКС по формированию многополярного мира. Создание такой организации предполагает разработку универсальных норм и стандартов в сфере ИИ, применимых на международном уровне.

Скорость реакции. Инициатива была озвучена и немедленно поддержана на высшем уровне, что свидетельствует о высоком уровне доверия и совпадении стратегических интересов России и Китая в данной сфере. Оперативность согласования позиции указывает на предварительную проработку вопроса и наличие согласованной дорожной карты.

Потенциал для расширения. Создание такой организации может стать магнитом для других стран Глобального Юга, включая членов БРИКС+, которые ищут платформу для сотрудничества в области ИИ, не контролируруемую западными игроками. Это открывает возможности для формирования широкой коалиции государств, заинтересованных в альтернативной модели регулирования технологий.

На момент написания данного исследования детали мандата и структуры будущей организации не были раскрыты. Однако сам факт выдвижения этой инициативы подтверждает главный тезис авторов: БРИКС (и его ключевые участники) переходят от стратегии адаптации к существующим правилам к стратегии создания собственной глобальной нормативной архитектуры.

Таким образом, поддержка российской стороной китайской инициативы может рассматриваться как важный шаг в формировании институциональной основы глобального управления технологиями ИИ. Это является наиболее яркой иллюстрацией практической реализации модели «пересекающегося консенсуса», где общий политический императив

²⁹ Ушаков: РФ поддержала идею КНР по всемирной организации в сфере ИИ // ТАСС. 04.02.2026. URL: <https://tass.ru/politika/26345195> (дата обращения: 24.02.2026).

(противодействие технологической гегемонии) материализуется в конкретном институциональном проекте. Данный кейс демонстрирует эволюцию подходов БРИКС к международному технологическому регулированию — от координации внутри группы к формированию самостоятельных глобальных институтов.

Вместо заключения: практические рекомендации для развития сотрудничества стран БРИКС в сфере ИИ

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что сотрудничество стран БРИКС в сфере ИИ не направлено на быстрое создание единого жесткого регуляторного пространства по образцу Европейского союза, а формирует уникальную гибридную модель, суть которой состоит в координации разнородных национальных режимов для достижения общих стратегических целей на глобальной арене. Основные черты этой возникающей модели сводятся к следующему.

1. Доминирование «мягкого права»: гармонизация происходит прежде всего через этические кодексы, общие принципы и совместные политические заявления, а не через директивы.

2. Примат политики над правом: основой кооперации является общий политический императив — построение многополярного технологического порядка, а не стремление к унификации законодательства.

3. Инструментальная цель: согласованные в рамках БРИКС подходы являются не конечным продуктом, а инструментом для продвижения общей позиции на площадках ООН, ЮНЕСКО и Международного союза электросвязи (МСЭ), где и происходит настоящее «сражение за нормы».

Таким образом, «альтернатива» БРИКС заключается не в готовом правовом пакете, а в альтернативном процессе нормотворчества — более гибком, многоуровневом и ориентированном на суверенитет. Кроме того, модель «пересекающегося консенсуса» может привлечь страны Глобального Юга, стремя-

щиеся сохранить пространство для маневра в условиях технологической холодной войны.

На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие практические рекомендации для развития сотрудничества в сфере ИИ в рамках БРИКС.

Разработка цифровой платформы для гармонизации стандартов в сфере ИИ. В условиях различий национальных регуляторных подходов перспективным решением станет создание совместной цифровой платформы, позволяющей отслеживать и сопоставлять национальные стандарты. Опыт подобных инициатив уже есть: их реализуют в рамках G7 (Глобальное партнерство по ИИ), и этот опыт можно адаптировать для стран БРИКС. Примером может служить запущенная Европейской комиссией в октябре 2025 г. Единая информационная платформа по Акту об ИИ (*AI Act Single Information Platform*). Платформа, созданная для поддержки имплементации *EU AI Act*, включает такие инструменты, как интерактивный опросник для определения применимых обязательств (*Compliance Checker*), поисковая версия законодательства (*AI Act Explorer*) и канал прямых запросов в Европейский офис по ИИ³⁰. Хотя платформа ориентирована на регулирование в рамках ЕС, ее архитектура демонстрирует, как можно обеспечить прозрачность и навигацию в сложном регуляторном ландшафте, что является прямым аналогом предлагаемой платформы гармонизации для БРИКС.

Формирование механизма ускоренного признания сертификации. На базе Рабочей группы по ИИ целесообразно разработать соглашение о взаимном признании результатов сертификации продуктов на основе ИИ в рамках «регуляторных песочниц». Это позволит снизить транзакционные издержки для компаний, работающих на рынках стран БРИКС, и стимулировать трансфер технологий.

³⁰ Commission Launches AI Act Service Desk and Single Information Platform to Support AI Act Implementation // European Commission. October 8, 2025. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/commission-launches-ai-act-service-desk-and-single-information-platform-support-ai-act?pk_source=ec_newsroom&pk_medium=email&pk_campaign=Shaping%20Europe%E2%80%99s%20Digital%20Future/en (accessed: 24.02.2026).

Успешным примером выступает инициатива Сингапура и Австралии по обеспечению интероперабельности национальных регуляторных подходов в области ИИ, зафиксированная в Меморандуме о взаимопонимании, подписанном в декабре 2024 г. Документ предусматривает «содействие согласованию структур и инструментов управления и регулирования» искусственного интеллекта³¹.

Запуск совместной исследовательской программы по большим языковым моделям. Страны с развитой исследовательской базой (Китай, Россия, Индия) могли бы инициировать программу по разработке многоязычных моделей, учитывающих языковое и культурное разнообразие Глобального Юга. Как подчеркивается в докладе шерпы Индии в G20 Амитабха Канта (февраль 2026 г.), без такого подхода развитие ИИ рискует закрепить цифровое неравенство и создать «глубоко неравное общество»³².

Перспективные направления дальнейших исследований могут быть сосредоточены на нескольких ключевых аспектах.

Во-первых, целесообразно провести углубленный анализ стратегических подходов новых членов БРИКС к вопросам регулирования ИИ.

Во-вторых, важно оценить, как дальнейшее расширение объединения до формата БРИКС+ повлияет на достижение консенсуса в сфере искусственного интеллекта. Особое внимание следует уделить детальному исследованию роли негосударственных акторов, включая IT-компании и экспертные сообщества, в процессе формирования эффективной модели регулирования этой динамично развивающейся области. Такой комплексный подход позволит не только выявить существующие тенденции, но и спрогнозировать возможные сценарии развития сотрудничества в рамках расширенного объединения.

Поступила в редакцию / Received: 02.10.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 07.03.2025

Принята к публикации / Accepted: 27.03.2026

Список литературы

- Астратова Г. В., Климук В. В. К вопросу об эффективности и результативности труда научных работников R&D-сектора // Вестник евразийской науки. 2022. Т. 14, № 1. С. 1–16. EDN: RPRTXQ
- Белов И. И. Закон Европейского союза об искусственном интеллекте: вызовы и возможности для управления документацией // Вестник ВНИИДАД. 2024. № 6. С. 96–106. EDN: JPKQIH
- Болгов Р. В. Политика государств, находящихся под санкциями, в области искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2024. Т. 17, № 1. С. 77–95. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.105>; EDN: JCXSPM
- Васильев Д. П. Формирование международных режимов управления искусственным интеллектом: ключевые тенденции и основные акторы // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 8. С. 74–88. <https://doi.org/10.24158/per.2023.8.9>; EDN: ESMQKV
- Выходец Р. С. Стратегия Китая в области искусственного интеллекта // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16, № 2. С. 140–147. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-02-140-147>; EDN: SXVSTK
- Глебов В. А., Агоннуде Б. В. Ф. Перспективы расширения БРИКС // Международная жизнь. 2023. № 4. С. 76–87. EDN: BPESTT
- Горян Э. В. «Цифровой национализм» как воплощение китайской доктрины «пяти принципов мирного сосуществования» // Международное право и международные организации. 2022. № 4. С. 82–97. <https://doi.org/10.7256/2454-0633.2022.4.39303>; EDN: VLKBTk

³¹ Singapore and Australia Expand Cooperation on AI // Allen & Gledhill. January 23, 2025. URL: <https://www.allenandgledhill.com/publication/articles/29834/and-australia-expand-cooperation-on-ai> (accessed: 24.02.2026).

³² Amitabh Kant Warns AI Risks Inequality Without DPI, Urges 3 Pillars // Asiaret News. February 17, 2026. URL: <https://newsable.asianetnews.com/world/amitabh-kant-warns-ai-risks-inequality-without-dpi-urges-3-pillars-articleshow-bhy9y05> (accessed: 24.02.2026).

- Денисова Д. Э. БРИКС: вчера, сегодня, завтра // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2022. № 2. С. 40–54. <https://doi.org/10.24412/2618-8120-2022-2-40-54>; EDN: CJZMFD
- Журков А. А. Актуальные вопросы правового регулирования искусственного интеллекта в условиях необходимости обеспечения национального цифрового суверенитета в период санкционного давления // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2. С. 177–186. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.102.2.177-186>; EDN: LOHDTU
- Карев Д. А., Чертыковцев Ю. В. Цифровой суверенитет // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 80–83. EDN: TTXONP
- Крылов Д. С. Цифровая трансформация Объединенных Арабских Эмиратов как инструмент национальной модернизации и внешнеполитической стратегии (2023–2025) // Россия и мусульманский мир. 2025. № 2. С. 54–64. EDN: XIFHPO
- Кудряшов В. В. «Мягкое право» как метод регулирования международных финансовых отношений в зарубежной доктрине международного финансового права // Московский журнал международного права. 2013. № 2. С. 70–89. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2013-2-70-89>; EDN: QZHCSB
- Кукишев В. И. Классификация систем искусственного интеллекта // Экономические стратегии. 2020. Т. 22, № 6. С. 58–67. <https://doi.org/10.33917/es-6.172.2020.58-67>; EDN: KPAUJJ
- Кунин В. А., Упорова И. В. Риск-ориентированный подход контрольно-надзорной деятельности: международный опыт и особенности применения в российских условиях // Экономика и управление. 2019. № 2 (160). С. 59–68. EDN: ZEUGCT
- Купер Э. Ф. Переосмысляя дискуссию относительно БРИКС вне пределов ее концептуальных истоков // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. Т. 17, № 2. С. 31–49. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-02>; EDN: IECRTV
- Наливкина А. Д. Политические аспекты сотрудничества России и Китая в сфере искусственного интеллекта в здравоохранении // Управленческое консультирование. 2025. № 3. С. 148–159. EDN: PHCYCH
- Нусратуллин В. К. Принцип «laissez faire» в экономической теории и реальной практике // Экономический вестник Донбасса. 2007. № 4. С. 54–64. В. К. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-laissez-faire-v-ekonomicheskoy-teorii-i-realnoy-praktike> (дата обращения: 18.02.2026).
- Подольский А. В., Ольшанский А. С. К вопросу о значении «мягкого права» в международно-правовом регулировании // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 507–510. EDN: MRQCMW
- Потапцева Е. В., Акбердина В. В. Технологический суверенитет: понятие, содержание и формы реализации // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2023. Т. 25, № 3. С. 5–16. <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2023.3.1>; EDN: VDGLXR
- Шелепов А. В. Сотрудничество БРИКС по реформированию международной валютно-финансовой системы и ее институтов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2025. Т. 20, № 1. С. 157–175. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2025-01-09>; EDN: XWQXJN
- Bocken N., Coffay M., Dalhammar C. The Brussels and California Effects? Circular Economy Policy Influence Across Borders // Circular Economy and Sustainability. 2025. Vol. 5, iss. 3. P. 1665–1688. <https://doi.org/10.1007/s43615-025-00516-4>; EDN: MDFNBV
- Bory P., Natale S., Katzenbach C. Strong and Weak AI Narratives: An Analytical Framework // AI & Society. 2024. Vol. 40, iss. 4. P. 2107–2117. <https://doi.org/10.1007/s00146-024-02087-8>; EDN: GIVMSF
- Bradford A. The Brussels Effect: How the European Union Rules the World. New York : Oxford University Press, 2020. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190088583.001.0001>
- Cheng J., Zeng J. Shaping AI's Future? China in Global AI Governance // Journal of Contemporary China. 2023. Vol. 32, iss. 143. P. 794–810. <https://doi.org/10.1080/10670564.2022.2107391>; EDN: XRBSVH
- Duffy M. J. Rise of the ‘Machine Defendant’? A Cautionary Analysis and Conceptualisation of Civil and Criminal Liability Approaches to the Actions of Robots and Artificial Intelligence // Monash University Law Review. 2023. Vol. 49, iss. 2. P. 1–42. <https://doi.org/10.26180/24999047>
- Migliorini S. China's Interim Measures on Generative AI: Origin, Content and Significance // Computer Law & Security Review. 2024. Vol. 53. Article no. 105985. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2024.105985>; EDN: IUNQTT
- Ormond E. Governance of AI Ethics: Perspective From the Global South (Africa) // Proceedings of the Fourth Southern African Conference for Artificial Intelligence Research / ed. by A. Pillay, E. Jembere, A. Gerber. Guateng, South Africa, 2023. P. 1–20. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4368020>
- Rawls J. The Idea of an Overlapping Consensus // Oxford Journal of Legal Studies. 1987. Vol. 7, no. 1. P. 1–25. EDN: IVMJQX
- Roberts H., Cows J., Hine E., Morley J., Wang V., Taddeo M., Floridi L. Governing Artificial Intelligence in China and the European Union: Comparing Aims and Promoting Ethical Outcomes // The Information Society. 2022. Vol. 39, iss. 2. P. 79–97. <https://doi.org/10.1080/01972243.2022.2124565>; EDN: SXVMYQ

- Roy K., Swargiary K., Stang P., Kalamkar N. J., Gellen D. R., Zhang J., Kato T. Artificial Intelligence in India: A Revolution in Progress // ResearchGate. 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/381530250_Artificial_Intelligence_in_India_A_Revolution_in_Progress (accessed: 12.05.2026).
- Shaffer G. C., Pollack M. A. Hard vs. Soft Law: Alternatives, Complements and Antagonists in International Governance // Minnesota Law Review. 2010. Vol. 94, iss. 3. P. 706–799. <https://doi.org/10.24926/265535.1391>
- Shaji George A. India's Ascent as the Global Epicenter of Artificial Intelligence // Partners Universal Innovative Research Publication (PUIRP). 2024. Vol. 2, no. 1. P. 1–15. <https://doi.org/10.5281/zenodo.10667648>
- Trubek D. M., Trubek L. G. Hard and Soft Law in the Construction of Social Europe: The Role of the Open Method of Co-ordination // European Law Journal. 2005. Vol. 11, iss. 3. P. 343–364. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0386.2005.00263.x>
- Vaynman J., Volpe T. A. Dual Use Deception: How Technology Shapes Cooperation in International Relations // International Organization. 2023. Vol. 77, iss. 3. P. 599–632. <https://doi.org/10.1017/S0020818323000140>; EDN: NEYOSQ
- Wang W., Long C. A New Era of “Greater BRICS Cooperation”: The Future of the World and China's Role // BRICS Journal of Economics. 2024. Vol. 5, no. 4. P. 37–54. <https://doi.org/10.3897/brics-econ.5.e129530>; EDN: KBDBPA
- Wu W., Huang T., Gong K. Ethical Principles and Governance Technology Development of AI in China // Engineering. 2020. Vol. 6, iss. 3. P. 302–309. <https://doi.org/10.1016/j.eng.2019.12.015>; EDN: VSCTDG
- Zeng J. Artificial Intelligence and China's Authoritarian Governance // International Affairs. 2020. Vol. 96, iss. 6. P. 1441–1459. <https://doi.org/10.1093/ia/iaaa172>; EDN: BNCWAS

Сведения об авторах:

Агоннуде Бидолей Вианней Фредди — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры публичной политики и истории государства и права юридического института, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; eLibrary SPIN-код: 9457-7952; ORCID: 0000-0001-5807-6591; e-mail: freddyagonnoude@mail.ru

Глебов Виктор Александрович — кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой публичной политики и истории государства и права юридического института, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; eLibrary SPIN-код: 5134-9334; ORCID: 0000-0002-4272-8927; e-mail: glebov17@mail.ru

Маслов Алексей Александрович — доктор исторических наук, профессор, директор Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова; 125009, Российская Федерация, г. Москва, ул. Моховая, д. 11; eLibrary SPIN-код: 8336-3284; ORCID: 0000-0001-7337-2874; e-mail: maslov@maslov.msk.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-2-312-323

EDN: GYUEMX

Научная статья / Research article

Миростроительство как перспективное направление стратегической коммуникации БРИКС: опыт КНР

О.С. Кочеров

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

 o.s.kocherov@spbu.ru

Аннотация. В условиях фрагментации международной архитектуры мира и кризиса традиционной либеральной модели миротворчества необходимо конструирование новых устойчивых механизмов миростроительства, направленных не на силовое разрешение конфликтов, легитимизируемое этикой справедливой войны, а на их предотвращение через равноправный межкультурный диалог, выработку инклюзивной этики мира и стимулирование социально-экономического развития стран Глобального Юга. Важную роль в поддержании мира на современном этапе, в том числе и для слабо институционализированных объединений наподобие БРИКС, играет стратегическая коммуникация. Тем не менее, несмотря на наличие у БРИКС четко выраженной повестки в области миростроительства (акцент на центральной роли ООН, осуждение односторонних вмешательств и санкций, увязывание мира с экономическим развитием, урегулирование конфликтов через стимулирование диалога между всеми участниками конфликта при посредничестве региональных организаций), стратегические нарративы объединения фактически не конвертируются в конкретные механизмы медиации. В большинстве случаев страны БРИКС либо делегируют обсуждение тематических вопросов на иные площадки, либо (что характерно для конфликтов, в которые вовлечены члены объединения) игнорируют их. Посредством нарративного и структурного анализа стратегической коммуникации Китайской Народной Республики (КНР) как страны — участницы БРИКС показано, что у незападных стран существуют сложности и с разработкой индивидуальных миростроительных стратегий. Это обусловлено необходимостью балансировать между принципом невмешательства, не соответствующим статусу и интересам ключевых стран Глобального Юга, и вмешательством, которое может быть воспринято как проявление неокOLONIALИЗМА. Создание общей миростроительной стратегической коммуникации БРИКС позволит расширить индивидуальное пространство стран — участниц объединения для урегулирования конфликтов и будет способствовать укреплению доверия между БРИКС и странами Глобального Юга. Для этого необходимы межкультурно-философское изучение незападных этик мира как потенциальных источников миростроительной модели БРИКС, разработка механизмов урегулирования конфликтов между членами объединения, более тесное взаимодействие с региональными организациями и исследование возможностей цифрового миростроительства.

Ключевые слова: международная архитектура мира, миротворчество, предотвращение конфликтов, медиация, этика мира

Сведения о финансировании. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00699, <https://rscf.ru/project/25-18-00699/>.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кочеров О. С. Миростроительство как перспективное направление стратегической коммуникации БРИКС: опыт КНР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 2. С. 312–323. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-312-323>; EDN: GYUEMX

© Кочеров О.С., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Peacebuilding as a Promising Vector of BRICS Strategic Communication: China's Experience

Oleg S. Kocherov

Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

 o.s.kocherov@spbu.ru

Abstract. The fragmentation of the international peace architecture and the crisis of the traditional liberal model of peacekeeping highlight the need for new sustainable mechanisms for peacebuilding aimed not at the kinetic conflict resolution legitimized by just war ethics, but at their prevention through promoting equal intercultural dialogue, developing inclusive peace ethics, and stimulating the socio-economic development of Global South countries. In order to preserve peace, actors, including such weakly institutionalized organizations like BRICS, can employ strategic communication. However, despite having a clear peacebuilding agenda that emphasizes the central role of the UN and condemns unilateral interventions and sanctions, peace-development nexus, conflict resolution through dialogue between all parties mediated by regional organizations, BRICS's strategic narratives do not convert into mediation mechanisms. BRICS countries either delegate the discussion of thematic issues to other platforms or ignore them. Through a narrative and structural analysis of the strategic communication of the People's Republic of China (PRC) as a BRICS member country, it has been shown that non-Western countries also face difficulties in developing individual peacebuilding strategies. This is primarily due to the need to balance between non-interference, which does not correspond to their status and interests, and intervention, which can be perceived as a manifestation of neocolonialism. Coordinated BRICS peacebuilding strategic communication could enhance its members' capabilities for conflict resolution and contribute to trust-building between BRICS and the Global South. This requires an intercultural philosophical study of non-Western ethics of peace as potential sources for the BRICS peacebuilding model, the development of mechanisms for resolving conflicts between BRICS members, a more dynamic interaction with regional organizations and research into the possibilities of digital peacebuilding.

Key words: international peace architecture, peacekeeping, conflict prevention, mediation, ethics of peace

Funding sources. The research was supported by a grant No. 25-18-00699 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/en/project/25-18-00699/>.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Kocherov, O. S. (2026). Peacebuilding as a promising vector of BRICS strategic communication: China's experience. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(2), 312–323. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-312-323>; EDN: GYUEMX

Введение

Дефицит мира является одним из важнейших вопросов глобальной академической и политической повестки. В фокусе исследований долгое время оставалась преимущественно западная либеральная модель миростроительства¹ и созданная на ее основе международная

архитектура мира. Либеральная модель предполагает определенную концептуализацию позитивного мира², включающую в себя «мир

¹ В тематической литературе и миротворческой практике существует традиционное деление «операций в пользу мира» на пять разновидностей: 1) предотвращение конфликтов; 2) миротворчество (*peacemaking*) — усилия по налаживанию диалога между вовлеченными в конфликт сторонами; 3) поддержание мира (*peacekeeping*) — контроль над соблюдением сторонами перемирия; 4) принуждение к миру (*peace enforcement*) — насильственное прекращение конфликта; 5) миростроительство (*peacebuilding*) — послевоенная деятельность по предотвращению повторной

эскалации (подробнее см.: Terminology // United Nations Peacekeeping. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/terminology> (accessed: 26.01.2026)). На всех этапах конфликта акторы также могут осуществлять посредничество (медиацию), то есть помощь в поиске сторонами путей мирного разрешения конфликта. В последние десятилетия возникло и более широкое понимание миростроительства, в рамках которого акцент делается на предотвращении и разрешении конфликтов через создание международной архитектуры безопасности и государственное строительство. Именно в таком широком смысле миростроительство и используется в данном исследовании.

² Концепция позитивного мира связывается с именем Й. Галтунга (Galtung, 1969). Если «негативный» мир означает лишь отсутствие войны, то позитивный предполагает реализацию тех или иных норм и ценностей, цементирующих мир.

победителя, нацеленный на безопасность, институциональный мир, обеспечивающий международное управление, конституционный мир, гарантирующий демократию и свободную торговлю, и гражданский мир, защищающий права и свободы» (Richmond, 2016, p. 57). Важной частью либеральной модели миростроительства является этика войны (прежде всего теория справедливой войны) как нормативное основание урегулирования конфликтов. Тем не менее акцент на ней в условиях противоречий между ведущими акторами привел лишь к бесплодным дискуссиям о легитимности вооруженного вмешательства и к односторонним интервенциям в обход институций международной архитектуры мира. Даже если акторам удавалось договориться о миротворческих операциях, они далеко не всегда порождали мир и стабильность — прежде всего из-за узости либерального подхода и сохраняющейся западной дискурсивной гегемонии в сфере миротворчества (Аду и др., 2023, с. 421–426).

Все это привело к фактическому распаду либеральной международной архитектуры мира на «многополярный порядок, состоящий из различных сфер, в которых имеются свои собственные ограниченные подходы к миротворчеству» (Richmond, Pogodda & Visoka, 2024, p. 143). Хотя эти сферы зачастую концептуализируются как основы структуры авторитарного (или иллиберального) международного порядка, ключевые незападные страны часто могут поддерживать и «либеральные» нормы (Jütersonke et al., 2021). Дихотомии «либеральный — нелиберальный» или «западный — незападный», примененные в отношении акторов мировой политики, не дают адекватного представления об отношении ведущих держав к миростроительной роли ООН в условиях многополярности (Badache, Hellmüller & Salaymeh, 2022, p. 564) и о роли «операций в пользу мира» во внешнеполитической стратегии этих держав (Levorato & Donelli, 2024). В связи с этим более корректно говорить о различных гибридных моделях миростроительства.

Как бы ни концептуализировались модели, альтернативные западным, справедливо замечание О. Ричмонда о том, что в настоящее время

миротворчество сталкивается с серьезнейшими онтологическими, методологическими и эпистемологическими проблемами (Richmond, 2025, p. 1386). Это обуславливает необходимость поиска новых инструментов мирного разрешения конфликтов, а также общих мест между либеральной миротворческой моделью и формирующимися незападными подходами (Yuan, 2020, p. 37). Благодатной почвой для развития гибридного миростроительства может стать этика мира, в рамках которой акцент делается на предотвращение конфликтов через диалог и социальноэкономическую помощь.

Поскольку этика мира связана с несиловым воздействием, важная ее часть — изучение связи между миром и коммуникацией. Конфликты порождают определенные нарративы, которые в свою очередь ужесточают дальнейшие итерации конфликта. Анализ этих нарративов и создание альтернатив им является мощным инструментом миростроительства. В то же время в коммуникативной миростроительной практике имеется множество проблем: от недостатка внимания к распространенным в конфликтной среде культуральным нарративам или практикам (Atay & Berberoğlu, 2025) до отсутствия дискурсивной координации между миротворцами (Sandor, 2020).

В этой связи особую роль в предотвращении и урегулировании конфликтов приобретает стратегическая коммуникация (СК). В данном исследовании используется определение стратегической коммуникации, предложенное в рамках интегративного подхода, который развивают Е.Н. Пашенцев (Pashentsev, 2020, p. 19), Д.Ю. Базаркина (Bazarkina & Pashentsev, 2021) и К. Пол (Paul, 2011, p. 3): под СК понимается проекция актором долгосрочных ценностей, интересов и целей в сознание определенной аудитории через адекватную синхронизацию слов (или стратегических нарративов), дел и образов для достижения конкретных стратегических задач. Такой системный подход требует некоторых методологических уточнений.

При анализе СК необходимо учитывать, что она является комплексной системой. В целом в тематической литературе (Holtzhausen,

Fullerton & Lewis, 2025) обычно выделяется три уровня СК:

1. Макроуровень, на котором формулируются основополагающие принципы и ключевые нарративы тематической СК. В контексте миростроительной СК это нарративы о сущности системы международных отношений, допустимых путях к устойчивому миру, роли актора в укреплении глобального мира и т. д. В плане «дел» этот уровень предполагает участие в институтах международной архитектуры мира.

2. Мезоуровень: на этом уровне СК реализуется в конфликтогенных регионах и странах. «Дела» на этом уровне проявляются, с одной стороны, в создании (транс)региональных миростроительных институций, а с другой — во вмешательстве в конфликты.

3. Микроуровень предполагает реализацию конкретных операций в поддержку мира. В миротворческих операциях СК используется для многих задач: от повышения прозрачности действий миротворцев до укрепления локальных коммуникативных и законодательных механизмов (Oksamytna, 2022). Адекватную СК можно считать важнейшим фактором успеха стратегического миротворчества (Lederach & Scott Appleby, 2010), в связи с чем СК становится неотъемлемой частью миротворческих операций ООН³.

Таким образом, миростроительная СК имеет различные проявления: от формирования определенных норм и институций международной архитектуры мира до непосредственной коммуникативной деятельности миротворцев. В условиях фрагментированной международной архитектуры мира важнейшими направлениями миростроительной СК становятся предотвращение деградации институтов глобального управления, СК на мезо- и микроуровнях и ее синхронизация с СК на глобальном уровне. Иными словами, СК второго и третьего уровней сама по себе является «делами», которые подтверждают СК первого уровня.

К примеру, если актор вмешивается в конфликт из корыстных интересов или если его миротворческие силы совершают преступления, глобальные миростроительные стратегические нарративы такого актора будут восприниматься крайне скептически.

Как изучение СК, так и ее реализация осложняются двумя факторами. Во-первых, для осуществления эффективной СК необходимо учитывать не только особенности целевой аудитории, но и то, что эта аудитория может быть представлена различными группами, каждая из которых требует отдельного коммуникативного подхода. Во-вторых, СК должна адаптироваться к обстановке и корректироваться на основе полученного от аудитории отклика.

В данном исследовании предпринята попытка нарративного анализа миростроительных подходов БРИКС и КНР, представленных в их ключевых тематических документах (декларациях лидеров БРИКС и белых книгах КНР), и структурного анализа того, насколько эти стратегические нарративы вписываются в систему СК рассматриваемых акторов, если о такой системе вообще можно говорить. В силу комплексности и динамичности СК для проверки полученных выводов и рекомендаций необходимы более детальные исследования индивидуальных СК и стратегических нарративов стран — участниц БРИКС и сравнительный анализ их стратегий осуществления СК.

Миростроительный нарратив БРИКС

Хотя БРИКС является прежде всего экономическим объединением, вопросы политики и безопасности заявляются в качестве одного из трех направлений сотрудничества стран-участниц. На основе нарративного анализа деклараций саммитов БРИКС с 2009 по 2025 г. можно выделить ряд ключевых положений в миростроительном нарративе объединения.

Во-первых, страны БРИКС выступают за мирное урегулирование международных конфликтов, в котором ведущая роль отводится Организации Объединенных Наций. БРИКС

³ Sherman J. Strategic Communications in UN Peace Operations : From an Afterthought to an Operational Necessity. New York : International Peace Institute, 2022. URL: <https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/2021/08/IPI-RPT-Strategic-Communications.pdf> (accessed: 12.09.2025).

также заявляет о приверженности реформе ООН и необходимости более широкой представленности стран Глобального Юга в механизмах принятия решений организации, хотя единого проекта такой реформы объединение не выработало, что обусловлено различиями в подходах стран-участниц (Petrone, 2021).

Во-вторых, государства БРИКС осуждают односторонние военные интервенции и экономические санкции. Эти действия, даже реализуемые с благими намерениями, дестабилизируют международную систему, делегитимизируют существующие международные институты и принципы и являются угрозой глобальному миру.

В-третьих, БРИКС увязывает международную безопасность с социоэкономическим и политическим развитием стран и регионов. Такой подход предполагает, с одной стороны, акцент на предотвращении конфликтов, а также «тесную взаимосвязь между поддержанием мира и миростроительством»⁴, а с другой стороны — широкое понимание безопасности, где вопросы мира неразрывно связаны с устойчивым развитием, антитеррористической деятельностью и т. д.

В-четвертых, страны — участницы объединения убеждены, что военное вмешательство в конфликт возможно лишь в рамках миротворческих миссий ООН или иных организаций (например, таких региональных объединений, как Африканский союз (АС)) при наличии мандата ООН и согласия властей затронутой конфликтом страны. Акцент при этом необходимо делать на установление диалога между всеми сторонами конфликта и поиск компромиссных решений с учетом социокультурного и политического контекста (примером может служить принцип «Африканским проблемам — африканские решения»).

В-пятых, углубление диалога и сотрудничества между странами БРИКС само по себе способствует построению гармоничного мира.

Это достигается как через реформирование международной финансовой архитектуры и международной архитектуры мира, так и через нормотворчество в сравнительно новых сферах (таких, как, например, разработка норм регулирования информационно-коммуникативных технологий (ИКТ), искусственного интеллекта (ИИ) и т. д.).

На текущем этапе миростроительная стратегическая коммуникация БРИКС носит двойственный характер. Членам объединения удалось сконструировать единый нарратив по вопросам безопасности и мира, который они способны продвигать на других международных площадках, а в ряде случаев и воплощать в своей деятельности. Так, встреча высоких представителей стран БРИКС в области безопасности вылилась в Антитеррористическую стратегию БРИКС (2020 г.) и План действий по ее реализации (2021 г.). Важнейшим инструментом миростроительной СК БРИКС является Новый банк развития, одна из основных задач которого состоит в содействии странам Глобального Юга в инфраструктурной и финансово-экономической сферах.

В то же время очевидны и недостатки в миростроительной СК БРИКС.

Во-первых, текущий нарратив объединения слишком абстрактен. Одни и те же формулировки практически без изменений ежегодно повторяются в официальных документах, но при этом не конвертируются в какие-либо нормы или механизмы урегулирования конфликтов.

Во-вторых, БРИКС фактически делегирует развитие нарратива другим организациям или платформам. Само по себе дискурсивное делегирование можно считать проявлением СК, поскольку оно влияет на нормотворчество в институтах глобального управления. Однако более продуктивными представляются попытки сформировать общий нарратив по тематическим вопросам, например, в отношении концепции «ответственность по защите» (*responsibility to protect*, R2P), где близость позиций стран — участниц БРИКС могла бы привести к созданию более легитимного механизма урегулирования конфликтов (Crowley-Vigneau et al., 2024).

⁴ Форталезская декларация (принята по итогам шестого саммита БРИКС), г. Форталеза, Бразилия, 15 июля 2014 года // Президент России. 2014. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d4f1dd6741763252a8.pdf> (дата обращения: 24.06.2025).

В-третьих, хотя некоторые страны БРИКС вовлечены в конфликты с третьими странами или даже друг с другом, объединение никак не участвует в медиации. Можно выделить три основных дискурсивных стратегии БРИКС в отношении таких конфликтов.

Первой стратегией является дискурсивная поддержка. Ярким примером здесь является осуждение агрессии Израиля против Ирана⁵. Такое дискурсивное единство стало возможным благодаря сходимости позиций стран-участниц по палестинскому вопросу.

Вторая стратегия — делегирование нарративов на другие площадки. Так, БРИКС не формулирует общий стратегический нарратив в отношении украинского конфликта и не пытается предложить (например, в формате «БРИКС+») план деэскалации, хотя и поддерживает индивидуальные предложения стран-участниц на этом треке и выражение их позиций на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН.

Третья стратегия — умалчивание. Так, в дискурсе БРИКС не получил никакого отражения пограничный конфликт между КНР и Индией 2020–2021 гг. Замалчиваются и конфликт между Индией и Пакистаном, а также потенциальные конфликты между Эфиопией и Египтом и КНР с Индонезией. Хотя вынос за скобки противоречий между членами объединения во время их встреч и «саммитовая дипломатия» БРИКС играют определенную стабилизирующую роль (Brosig, 2019; 2021), они не смогут сдерживать полномасштабный конфликт.

Таким образом, у БРИКС отсутствуют механизмы как урегулирования разногласий между членами объединения, так и глобального миростроительства. В условиях институциональной «аморфности» БРИКС важным миростроительным инструментом объединения может стать СК, что обуславливает необходимость анализа индивидуальных миростроительных СК стран — участниц объединения как источников формирования общей СК БРИКС.

Миростроительство в контексте системы стратегической коммуникации КНР

Логика внешнеполитической стратегии КНР во многом задается двойственностью современной китайской идентичности. С одной стороны, на мироощущение КНР, как и большинства других членов БРИКС, повлиял колониальный опыт (Rising Powers and Peacebuilding..., 2017, p. 256). Он не только определяет чувствительность этих стран к нарушению суверенитета, но и способствует пониманию между ними и другими акторами Глобального Юга. С другой стороны, активное развитие КНР привело к тому, что у нее возникли зарубежные интересы, требующие защиты, и сформировалась потребность в региональной и глобальной стабильности для обеспечения дальнейшего экономического роста. Кроме того, КНР, фактически обретшая статус великой державы, стремится поддерживать его через производство международных «общественных благ» в виде мира, безопасности и развития. Эти процессы объясняют необходимость некоторого отхода от принципа невмешательства. В китайском академическом дискурсе они способствовали возникновению ряда концепций (например, «творческого вовлечения» (*чуанцзаосин цзежу*, 创造性介入) (Wang, 2017), описывающих такое воздействие на актора, которое не воспринимается как нарушение границ. Эти концепции не были официально взяты китайским руководством на вооружение, но их появление и активное обсуждение в китайском экспертном сообществе свидетельствует о том, что Китай находится в поисках срединного пути между защитой своих интересов как ответственной державы и соблюдением принципа невмешательства.

Одновременно с этим КНР, как и ряд других стран — участниц БРИКС, является объектом информационных кампаний западных стран, видящих в стремлении Китая играть большую роль в трансрегиональном и глобальном управлении угрозу своим позициям и интересам. В связи с этим неудивительно, что современное китайское руководство придает огромное значение СК. Так, в 2022 г.

⁵ Декларация Рио-де-Жанейро «Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления», Рио-де-Жанейро, Бразилия, 6 июля 2025 года // Президент России. 2025. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzL-t3HuuI7EBmqRC.pdf> (дата обращения: 24.08.2025).

Си Цзиньпин заявил о необходимости создания «системы стратегической коммуникации с китайской спецификой» (*чжунго тэсэ дэ чжаньлюэ чуаньбо ти*, 中国特色的战略传播体系). Она служит для продвижения множества китайских концепций (от «нового типа международных отношений» (*синьсин гоцзи гуаньси*, 新型国际关系) и «четырех глобальных инициатив» (*сы да цюаньцю чаньи*, 四大全球倡议) до «мира через развитие» (*фачжэнь хэтин*, 发展和平)), которые легли в основу глобальных китайских проектов («Один пояс, один путь»), международных институций (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций) и площадок для диалога со странами Глобального Юга (Форум китайско-африканского сотрудничества (ФКАС)).

Хотя миростроительная тематика так или иначе затрагивается в большинстве ключевых документов и выступлений китайских официальных лиц, особого внимания заслуживает белая книга «Китайские вооруженные силы: 30 лет миротворческих операций ООН»⁶. Основные ее положения тесно перекликаются с формулировками из деклараций БРИКС.

Во-первых, мир и гармония являются важными традиционными ценностями Китая, что отражается и в таких концептах классической китайской философии, как «гармония без единообразия» (*хэ эр бутун*, 和而不同), и в современных инициативах (например, «сообщество единой судьбы человечества» (*жэньлэй минь юнь гунтунти*, 人类命运共同体)).

Во-вторых, развитие Китая способствует укреплению международного мира и безопасности, поскольку Китай, вернувший статус великой державы, осознает вытекающую из этого статуса ответственность.

В-третьих, доказательством миролюбия Китая и его статуса ответственной державы является его поддержка ООН как важнейшего института международной системы в целом

и миротворчества ООН в частности. Так, повышается удельный вес КНР в финансировании и комплектовании миротворческих операций. Кроме того, Китай вносит вклад в развитие концептуальной основы миростроительства. В качестве примера можно привести участие КНР в выработке норм концепции «ответственность по защите» и популяризацию дополняющего ее бразильского нарратива «ответственность во время защиты» (*responsibility while protecting*, *RwP*) и китайского нарратива «ответственной защиты» (*фуцзэжэнь дэ баоху*, 负责任的保护) (Garwood-Gowers, 2016) и т.д.). На более фундаментальном уровне Пекин стремится дискурсивно трансформировать «три опоры» ООН (мир и безопасность, развитие и права человека) в более соответствующую его идентичности модель (экономическое развитие, сильное государство, социальная стабильность) (Foot, 2020).

Наконец, КНР интенсифицирует сотрудничество с другими акторами по линии миростроительства в формате совместных учений и обмена опытом. В белой книге особо отмечается необходимость развития системы СК с релевантными институциями ООН и другими странами для координации подходов к миротворчеству и повышению эффективности операций в пользу мира⁷.

В-четвертых, для достижения устойчивого мира необходимо применять не только механизмы миротворчества, но и инструменты превентивной дипломатии и медиации, а также способствовать социоэкономическому развитию стран Глобального Юга.

Китайские миростроительные стратегические нарративы воплотились в рамках довольно обширной сети институций. Так, КНР активно участвует в обсуждении всего спектра вызовов миру и безопасности в рамках различных международных организаций и форумов (например, Шанхайская организация сотрудничества, Сяншаньский форум). Кроме того, КНР создает архитектуру миростроительства, которая на настоящее время включает инсти-

⁶ Full Text: China's Armed Forces: 30 Years of UN Peacekeeping Operations // The State Council of the Republic of China. September 18, 2020. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202009/18/content_WS5f6449a8c6d0f7257693c323.html (accessed: 25.01.2026).

⁷ Ibid.

тут специальных представителей и региональные механизмы с участием Китая. В 2025 г. она была дополнена Международной организацией посредничества, в которую помимо КНР вошло еще 32 страны — представительницы Глобального Юга.

Один из важнейших регионов в рамках китайского миростроительства — Африка. Здесь основным региональным механизмом СК КНР является Форум китайско-африканского сотрудничества. Хотя сам Форум был создан еще в 2000 г., его миростроительная компонента активировалась с приходом к власти Си Цзиньпина. В 2012 г. была выдвинута «Инициатива китайско-африканского партнерства для мира и безопасности», в рамках которой КНР обязалась увеличить финансирование африканских миротворческих операций и принять участие в развитии местных миротворческих сил. В 2018 г. на полях ФКАС был создан Китайско-африканский форум по вопросам мира и безопасности, а в 2022 г. КНР предложила «Концепцию мира и развития в регионе Африканского Рога». Акцент в ней делается на укреплении внутрирегионального диалога, социально-экономическом развитии и государственном строительстве⁸.

Помимо расширения участия в (транс)региональных институтах мира и безопасности КНР все чаще непосредственно участвует в операциях по поддержанию мира. Китайские миротворцы приняли участие более чем в 20 миротворческих миссиях ООН. Не меньшую роль КНР играет и в международной медиации. Пекин стремится принять участие в качестве медиатора во всех ключевых конфликтах — от переговоров по ядерным программам в Корейской Народно-Демократической Республике (КНДР) и Иране до российско-украинского конфликта. Одним из наиболее явных достижений на этом треке является уре-

гулирование отношений между Ираном и Саудовской Аравией в 2023 г.

Наконец, крайне важными для КНР становятся не только «слова» и «дела», но и «образы». Если ранее Пекин делал акцент на «тихой дипломатии», то в последние два десятилетия его миростроительство в большинстве случаев активно освещается на китайских медиаресурсах (Paczuńska, 2021, p. 7). К настоящему времени в Китае создана многоуровневая система трансляции стратегических нарративов, в которую входят разнообразные СМИ, соцсети, международные организации и аналитические центры (Кривохиж, Соболева, 2025). Хотя анализ «образов» китайской миростроительной СК требует отдельного исследования, нарративный анализ документов на сайте Госсовета КНР с 2012 г. по запросам «миротворчество» и «миростроительство» демонстрирует, что китайские СМИ делают акцент на двух группах образов: улучшении жизненных условий населения, затронутого конфликтом, с помощью КНР и героизации китайских миротворцев, погибших при исполнении обязанностей.

В то же время, несмотря на развитость китайской системы СК, ей присущ и ряд недостатков, снижающих ее эффективность.

Во-первых, концептуальная неразвитость медиации приводит к тому, что не до конца ясно, как КНР выбирает, в каких конфликтах выступить в качестве посредника и в каком именно формате. В связи с этим распространение получил тезис, что миростроительная деятельность КНР нацелена прежде всего на реализацию внешнеполитических интересов Китая и усиление его позиций в соответствующих регионах или доступ к ресурсам стран-реципиентов (Ли, 2023). Однако недавние исследования опровергают этот тезис и демонстрируют, что основной драйвер китайских миростроительных усилий — экономические нужды стран-реципиентов и желание КНР реализоваться в качестве «ответственной великой державы» (Jung & Shyrokykh, 2024). Еще одним фактором, влияющим на решение выступить в качестве медиатора, может служить наличие механизмов, устанавливающих границы до-

⁸ Цинь Ган рассказал о ходе реализации «Концепции мирного развития Африканского Рога» в Эфиопии // Генеральное консульство Китайской Народной Республики в г. Владивостоке. 11.01.2023. URL: https://vladivostok.china-consulate.gov.cn/rus/zgyw_8/202301/t20230112_11006277.htm (дата обращения: 11.06.2025).

зволненного вмешательства (например, ФКАС (Cheng, Mawdsley & Liu, 2023)). В любом случае, отсутствие четко выраженной стратегии медиации делает СК КНР весьма уязвимой для враждебных коммуникативных кампаний. Особенно актуальна эта проблема в контексте африканского направления деятельности КНР, которое зачастую концептуализируется в западных нарративах как неоколониализм.

Во-вторых, далеко не всегда КНР удается конвертировать стратегические нарративы в эффективные операции в пользу мира. Так, несмотря на активное участие Китая в урегулировании конфликтов на Ближнем Востоке, китайские «дорожные карты» не привлекли широкого внимания мировой общественности во многом в связи с тем, что не содержали практических решений проблем и фокусировались исключительно на стабилизации ситуации (Karakır, 2022, p. 253). Не всегда КНР удается позиционировать себя как нейтрального актора в глазах сторон конфликта. К примеру, в Эфиопии перемирие между сторонами гражданского вооруженного противостояния было достигнуто фактически без участия специального представителя КНР, который, по мнению ряда участников, действовал преимущественно в интересах эфиопского правительства (Lammich, 2025, pp. 637–638).

В то же время наблюдаются и корректировки в миростроительной СК и миротворческой практике КНР. Так, продвигаемая Пекином концепция *RwP* периодически вступала в противоречие с китайской миростроительной стратегией поддержки силовых структур страны, затронутой конфликтом, через поставки оружия и займы. Хотя эта стратегия приводила к укреплению режима, она также часто выливалась и в эскалацию насилия и угнетение населения (Ndawana, 2025). В связи с этим КНР постепенно начала отходить от этой стратегии. С одной стороны, в ряде случаев она вводила ограничения на продажу оружия, если у нее возникали подозрения, что оно приводит к дестабилизации ситуации (Etyang & Oswan Panyako, 2020, p. 354). С другой стороны, Пекин стал уделять больше внимания взаимодействию с местным гражданским обществом

и концептуализировать его как помощника сильного государства (Jütersonke et al., 2021). Так, китайские миротворцы, участвующие в операциях ООН, активно оказывают гуманитарную помощь местным школам, приютам и медицинскими учреждениям, а также организуют совместные культурные мероприятия (Kwon, 2020).

Вместо заключения: перспективы развития миростроительной СК БРИКС

Проведенный анализ показывает, что в условиях фрагментации международной архитектуры мира стратегическая коммуникация постепенно становится важной частью миростроительных усилий стран БРИКС в целом и Китая в частности. Тем не менее даже в крайне развитой китайской системе СК имеются недостатки, обусловленные прежде всего тем, что КНР пытается нащупать путь между невмешательством, не отвечающим запросам народов Глобального Юга и неспособным обеспечить защиту китайских интересов, и вмешательством, требующим тонкой настройки и потенциально способным вызвать осуждение со стороны незападных акторов, но необходимым в условиях дискурсивной агрессии со стороны западных стран.

Одним из решений этой дилеммы может стать развитие общей миростроительной СК БРИКС. Поскольку многие жители стран Глобального Юга с подозрением относятся к попыткам индивидуального вмешательства в их внутренние дела со стороны стран — участниц БРИКС, посредническое вмешательство в конфликт БРИКС как объединения может существенно повысить доверие населения к мерам по урегулированию конфликта.

Для конструирования такой СК следует осуществить несколько шагов.

Во-первых, необходим тщательный анализ незападных этик войны и мира, их применимости в современной политической практике и в СК. Важным инструментом здесь может стать межкультурно-философский подход (Степанянц, 2020), подразумевающий

не просто сравнительный анализ различных традиций, но равноправный диалог между ними и использование их интеллектуальных ресурсов для поиска ответов на актуальные проблемы.

Во-вторых, необходимо разработать механизмы предотвращения конфликтов и медиации между самими участниками БРИКС+. Крайне полезным здесь может оказаться опыт Индонезии как участника Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

В-третьих, следует изучить возможности институционализации БРИКС на треке миростроительства. Целесообразно создать перманентный орган БРИКС, который занимался бы вопросами мониторинга и предотвращения конфликтов (Абденур, 2017, с. 90), а также выработки общего нарратива БРИКС.

В-четвертых, необходимо изучить возможности сотрудничества БРИКС с региональными организациями, которое может существенно расширить миростроительные возможности таких объединений, как Африканский союз, и вместе с тем способствовать конвертации СН БРИКС в конкретные шаги.

В-пятых, поскольку одним из важнейших направлений сотрудничества БРИКС являются ИКТ, перспективно обращение объединения к цифровому миростроительству. Огромным миротворческим потенциалом обладают технологии ИИ. Они могут привлекаться для множества целей: прогнозирования и ранней идентификации конфликтов, мониторинга режима прекращения огня, построения доверия между сторонами конфликта (Hirblinger et al., 2024), выявления наиболее затронутых конфликтом групп и более эффективного и справедливого распределения гуманитарной помощи, анализа эффективности миротворческих и миростроительных индивидуальных и коллективных усилий стран — участниц БРИКС и т. д. Перспективным направлением исследований является и применение ИИ для совместного конструирования с участниками конфликта позитивных сценариев будущего (Hirblinger, Brummer & Kufus, 2024), в том числе на основе незападных этик мира. Наконец, ИИ может стать и важным инструментом конструирования общей миростроительной СК БРИКС.

Поступила в редакцию / Received: 13.11.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 31.01.2026

Принята к публикации / Accepted: 27.03.2026

Список литературы

- Абденур А. Э. Могут ли страны БРИКС сотрудничать в вопросах международной безопасности? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. Т. 12, № 3. С. 73–93. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2017-03-73>; EDN: YLCXMD
- Аду Я. Н., Бокерия С. А., Дегтерев Д. А., Мезяев А. Б., Шамаров П. В. Незападное миротворчество как фактор многополярного мира: контуры исследовательской программы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 415–434. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-415-434>; EDN: EYISPO
- Кривохиж С. В., Соболева Е. Д. Большая нарративная игра: многоуровневая система трансляции стратегических нарративов КНР // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2025. Т. 20, № 1. С. 75–88. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2025-01-04>; EDN: PKAWGC
- Ли Ц. Миротворческая деятельность Китая в ООН: особенности, вызовы и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15, № 4. С. 142–172. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-4-142-172>; EDN: XXZZJP
- Степанянц М. Т. Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы. Москва : Наука, 2020. EDN: OBSCZH
- Atay A. D., Berberoğlu N. Peace Communication: A Transdisciplinary Perspective for Peace at the Intersection of Cultural, Peace and Communication Studies // Peacebuilding. 2025. Vol. 13, iss. 4. P. 345–357. <https://doi.org/10.1080/21647259.2024.2437315>

- Badache F., Hellmüller S., Salaymeh B. Conflict Management or Conflict Resolution: How Do Major Powers Conceive the Role of the United Nations in Peacebuilding? // *Contemporary Security Policy*. 2022. Vol. 43, iss. 4. P. 547–571. <https://doi.org/10.1080/13523260.2022.2147334>; EDN: VLCYIC
- Bazarkina D. Yu., Pashentsev E. N. BRICS Strategic Communication: The Present and the Future // *Russia in Global Affairs*. 2021. Vol. 19, no. 3. P. 64–93. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2021-19-3-64-93>; EDN: IYTTQM
- Brosig M. Fit for Purpose? BRICS and Inner-Group Conflicts // *Global Policy*. 2021. Vol. 12, iss. 4. P. 529–533. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12998>; EDN: KRDDCP
- Brosig M. *The Role of BRICS in Large-Scale Armed Conflict : Building a Multi-Polar World Order*. Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2019. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-18537-4>
- Cheng H., Mawdsley E., Liu W. Reading the Forum on China—Africa Cooperation (2000–2021): Geoeconomics, Governance, and Embedding ‘Creative Involvement’ // *Area Development and Policy*. 2023. Vol. 8, iss. 1. P. 60–83. <https://doi.org/10.1080/23792949.2022.2092018>; EDN: CZIOPW
- Crowley-Vigneau A., Baykov A. A., Bunik I. V., Gao A. Rebuilding the R2P with BRICS Countries: A Normative Perspective // *World Economy and International Relations*. 2024. Vol. 68, no. 4. P. 5–15. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-4-5-15>; EDN: WZVDPB
- Etyang O., Oswan Panyako S. China’s Footprint in Africa’s Peace and Security: The Contending Views // *The African Review*. 2020. Vol. 47, iss. 2. P. 336–356. <https://doi.org/10.1163/1821889X-12340022>; EDN: YZETXO
- Foot R. *China, the UN, and Human Protection : Beliefs, Power, Image*. Oxford : Oxford University Press, 2020. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198843733.001.0001>
- Galtung J. Violence, Peace, and Peace Research // *Journal of Peace Research*. 1969. Vol. 6, iss. 3. P. 167–191. <https://doi.org/10.1177/002234336900600301>; EDN: JNWZFF
- Garwood-Gowers A. China’s “Responsible Protection” Concept: Reinterpreting the Responsibility to Protect (R2P) and Military Intervention for Humanitarian Purposes // *Asian Journal of International Law*. 2016. Vol. 6, iss. 1. P. 89–118. <https://doi.org/10.1017/S2044251314000368>
- Hirblinger A. T., Brummer V., Kufus F. Leveraging Digital Methods in the Quest for Peaceful Futures: The Interplay of Sincere and Subjunctive Technology Affordances in Peace Mediation // *Information, Communication & Society*. 2024. Vol. 27, iss. 11. P. 2039–2058. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2023.2247070>
- Hirblinger A. T., Wählich M., Keator K., McNaboe C., Duursma A., Karlsrud J., et al. Making Peace with Uncertainty: Reflections on the Role of Digital Technology in Peace Processes beyond the Data Hype // *International Studies Perspectives*. 2024. Vol. 25, iss. 2. P. 185–225. <https://doi.org/10.1093/isp/ekad004>; EDN: ZHWJNU
- Holtzhausen D., Fullerton J. A., Lewis B. K. *Principles of Strategic Communication*. 2nd edition. New York : Routledge, 2025. <https://doi.org/10.4324/9781032626291>
- Jung Y., Shyrokykh K. Needs or Interests: Drivers of China’s Peace Engagement in Conflict-Affected Countries // *International Peacekeeping*. 2024. Vol. 31, iss. 5. P. 553–574. <https://doi.org/10.1080/13533312.2024.2369513>
- Jütersonke O., Kobayashi K., Krause K., Yuan X. Norm Contestation and Normative Transformation in Global Peacebuilding Order(s): The Cases of China, Japan, and Russia // *International Studies Quarterly*. 2021. Vol. 65, iss. 4. P. 944–959. <https://doi.org/10.1093/isq/sqab060>; EDN: VZIHBN
- Karakır İ. A. China’s Conflict Management in the Middle East: Involvement without Impact? // *Contemporary Review of the Middle East*. 2022. Vol. 9, iss. 2. P. 240–257. <https://doi.org/10.1177/23477989221080632>; EDN: SOQTMR
- Kwon J. J. Red under Blue: Chinese Humanitarian Action in UN Peacekeeping Missions // *International Peacekeeping*. 2020. Vol. 27, iss. 3. P. 417–444. <https://doi.org/10.1080/13533312.2020.1746186>; EDN: IPQPET
- Lammich G. China’s Evolving Security Engagement in Africa: Policies, Strategies, and Implications // *European Journal of International Security*. 2025. Vol. 10, iss. 5. P. 624–641. <https://doi.org/10.1017/eis.2025.3>
- Lederach J. P., Scott Appleby R. *Strategic Peacebuilding: An Overview* // *Strategies of Peace: Transforming Conflict in a Violent World* / ed. by D. Philpott, G. Powers. Oxford : Oxford University Press, 2010. P. 19–44. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195395914.003.0001>
- Levorato G., Donelli F. Undoing the Liberal versus Illiberal Peacebuilding Dichotomy // *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2024. Vol. 18, iss. 3. P. 266–285. <https://doi.org/10.1080/17502977.2023.2295321>
- Ndawana E. China’s Security Force Assistance in Zimbabwe under Robert Mugabe and Its Implications for Peacebuilding // *The Round Table*. 2025. Vol. 114, iss. 5. P. 572–589. <https://doi.org/10.1080/00358533.2025.2523980>; EDN: BZULDF
- Oksamytna K. Public Information and Strategic Communications in Peace Operations // *Handbook on Peacekeeping and International Relations* / ed. by H. Dorussen. Cheltenham, UK : Edward Elgar Publishing, 2022. P. 148–162. <https://doi.org/10.4337/9781839109935.00021>
- Paczyńska A. “New” State Actors and Conflict-Affected States: Confronting Violence, Shifting Ambitions, and Adjusting Principles // *Frontiers in Political Science*. 2021. Vol. 3. P. 1–13. <https://doi.org/10.3389/fpos.2021.663432>; EDN: QWCJOT

- Pashentsev E. N.* Strategic Communication in EU—Russia Relations // Strategic Communication in EU—Russia Relations : Tensions, Challenges and Opportunities / ed. by E. N. Pashentsev. Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2020. P. 17–60. https://doi.org/10.1007/978-3-030-27253-1_2; EDN: ZJROWR
- Paul C.* Strategic Communication : Origins, Concepts, and Current Debates. New York : Bloomsbury Publishing USA, 2011. <https://doi.org/10.5040/9798216019596>
- Petrone F.* BRICS and Global Governance: Will the Grouping Be Able to Reform the United Nations Security Council? // International Studies. 2021. Vol. 58, iss. 3. P. 363–379. <https://doi.org/10.1177/00208817211029409>; EDN: ATAEUU
- Richmond O. P.* Peace in an Authoritarian International Order versus Peace in the Liberal International Order // International Affairs. 2025. Vol. 101, iss. 4. P. 1381–1401. <https://doi.org/10.1093/ia/iiaf076>; EDN: IRKXZE
- Richmond O. P.* Peace in International Relations Theory // The Palgrave Handbook of Disciplinary and Regional Approaches to Peace / ed. by O. Richmond, S. Pogodda, J. Ramović. London : Palgrave Macmillan, 2016. P. 57–68. https://doi.org/10.1007/978-1-137-40761-0_5
- Richmond O. P., Pogodda S., Visoka G.* The International Dynamics of Counter-Peace // European Journal of International Relations. 2024. Vol. 30, iss. 1. P. 126–150. <https://doi.org/10.1177/13540661231168772>; EDN: MDCLJP
- Rising Powers and Peacebuilding: Breaking the Mold? / ed. by C. T. Call, C. de Coning.* Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2017. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-60621-7>
- Sandor A.* The Power of Rumour(s) in International Interventions: MINUSMA’s Management of Mali’s Rumour Mill // International Affairs. 2020. Vol. 96, iss. 4. P. 913–934. <https://doi.org/10.1093/ia/iiaa092>; EDN: PTRMWT
- Wang Y.* Creative Involvement : The Evolution of China’s Global Role. London : Routledge, 2017. <https://doi.org/10.4324/9781315187617>
- Yuan X.* Chinese Pathways to Peacebuilding: From Historical Legacies to Contemporary Practices // Pathways to Peace and Security. 2020. No. 1. P. 26–45. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2020-1-26-45>; EDN: PKZWCN

Сведения об авторе:

Кочеров Олег Сергеевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; eLibrary SPIN-код: 3664-3920; ORCID: 0000-0002-2745-5991; e-mail: o.s.kocherov@spbu.ru

КИТАЙ В МИРЕ CHINA IN THE WORLD

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-2-324-339

EDN: HCFZNL

Научная статья / Research article

Сравнительный анализ опыта США и КНР в области применения технологий искусственного интеллекта в военной сфере

В.А. Данилов^{ID}, Е.В. Данилова^{ID}, И.Р. Дубровский^{ID}✉

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉1142230173@rudn.ru

Аннотация. Поступательное экономическое развитие Китайской Народной Республики (КНР) с дальнейшей интеграцией в мировую экономику, а также усложнение международно-политической среды в связи с усилением Китая выявили потребность в расширении возможностей Народно-освободительной армии Китая (НОАК) для защиты национальных интересов КНР в войнах с развитыми государствами. Важным технологическим новшеством текущего этапа научно-технического прогресса выступает искусственный интеллект (ИИ). ИИ уже вошел в перечень технологий, навсегда меняющих облик войны и мира, и способен придать абсолютно новое содержание военно-экономической мощи государства, так как активно используется в самых передовых областях, в частности в космической отрасли, практически во всех военных сферах, в том числе в системах управления. Основными соперниками в борьбе за лидерство в ИИ выступают США и Китай, которые активно разрабатывают технологические решения на основе ИИ для модернизации собственных вооруженных сил (ВС), что может углубить стратегическую конкуренцию между этими державами. Исследование посвящено анализу опыта модернизации вооруженных сил и концепций их применения США и Китаем в контексте применения ИИ в военной сфере. Цель — определение влияния внедрения ИИ на изменение характера ведения войны и на стратегический баланс сил между этими странами. Объектом исследования выступают вооруженные силы США и Китая в контексте их технологической модернизации и институционального усовершенствования. Проведен анализ концептуальных документов двух стран и изучено изменение организационной структуры вооруженных сил двух стран в свете национальных стратегий по разработке и внедрению технологий ИИ в военную сферу. Авторы пришли к выводу, что применение ИИ способно существенно ускорить военные операции, изменить концепции ведения войны и стратегию использования военных сил, увеличивая роль автономных систем. НОАК остро осознает важность адаптации к прогрессу в области искусственного интеллекта и извлечения из него выгоды, опасаясь возникновения «разрыва поколений» между ее возможностями и возможностями вооруженных сил США, которые воспринимаются как могущественный противник и, следовательно, ключевой показатель для сравнения. В настоящее время по количеству разрабатываемых образцов вооружений с применением передовых технологий два государства сохраняют паритет. Траектории дальнейшего развития данных технологий в КНР и США будут влиять на будущий стратегический баланс сил, что может привести к появлению новых форм и способов применения ВС, а также к изменению основополагающих документов военного строительства.

© Данилов В.А., Данилова Е.В., Дубровский И.Р., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: стратегическое соперничество, баланс сил, автономные системы, интегрированные операции, кибербезопасность, системы поддержки решений, оборонные инновации, международная безопасность

Вклад авторов. Данилов В.А.: валидация данных. Данилова Е.В.: валидация данных. Дубровский И.Р.: концепция исследования, методология исследования, подготовка текста исследования. Все авторы ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Данилов В. А., Данилова Е. В., Дубровский И. Р. Сравнительный анализ опыта США и КНР в области применения технологий искусственного интеллекта в военной сфере // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 2. С. 324–339. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-324-339>; EDN: HCFZNL

A Comparative Analysis of the United States and China's Experience in the Military Use of Artificial Intelligence Technologies

Vitaly A. Danilov^{}, Elena V. Danilova^{}, Ivan R. Dubrovskiy^{}

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 1142230173@rudn.ru

Abstract. The progressive economic development of the People's Republic of China (PRC) with its further integration into the global economy, as well as the growing complexity of the international political environment due to China's rising power, have revealed the need to expand the capabilities of the People's Liberation Army (PLA) to protect China's national interests in conflicts with developed states. A key technological innovation of the current stage of scientific and technological progress is artificial intelligence (AI). AI has already entered the list of technologies that are fundamentally changing the nature of war and peace, and has the potential to fundamentally reshape the military-economic power of states, as it is actively used in the most advanced fields, including the space industry and virtually all military domains, particularly in command and control systems. The main rivals for leadership in AI are the United States and China. Both countries are actively developing AI-based technological solutions to modernize their armed forces. This could lead to increased strategic competition between the two powers. The study analyzes the experience of modernizing the armed forces and the concepts of their employment by the United States and China in the context of the military application of AI. The aim of the study is to determine the impact of AI adoption on the changing nature of warfare and the strategic balance of power between these countries. The object of the research is the armed forces of the United States and China in the context of their technological modernization and institutional improvement. The authors analyze the conceptual documents of the two countries and examine changes in the organizational structure of their armed forces in light of national strategies for the development and implementation of AI technologies in the military sphere. The authors conclude that the use of AI can significantly accelerate military operations, change concepts of warfare and the strategy for employing military forces, increasing the role of autonomous systems. The PLA is acutely aware of the importance of adapting to and benefiting from advances in AI, fearing a "generation gap" between its capabilities and those of the U.S. armed forces, which are perceived as a powerful adversary and, therefore, a key benchmark for comparison. Currently, in terms of the number of weapons systems under development using advanced technologies, the two states maintain parity. The future trajectories of these technologies in the PRC and the United States will influence the future strategic balance of power, potentially leading to the emergence of new forms and methods of employing armed forces, as well as changes in the fundamental documents of military development.

Key words: strategic rivalry, balance of power, autonomous systems, integrated operations, cybersecurity, decision support systems, defense innovation, international security

Authors' contributions. V.A. Danilov: data validation. E.V. Danilova: data validation. I.R. Dubrovskiy: research concept, methodology, text preparation. All authors have read and approved the final version of the article.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Danilov, V. A., Danilova, E. V., & Dubrovskiy, I. R. (2026). A comparative analysis of the United States and China's experience in the military use of artificial intelligence technologies. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(2), 324–339. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-324-339>; EDN: HCFZNL

Введение

Достижение Китаем позиций крупнейшей экономики в мире, ведущей промышленной державы и конкурента США в борьбе за лидирующие позиции в мировой системе предопределили повышение требований к вооруженным силам (ВС) как инструменту решения политических задач военными средствами. Военная модернизация, начатая КНР во второй половине 1990-х гг., в 2020 г. достигла важного рубежа — в Народно-освободительной армии Китая (НОАК) завершился процесс механизации и был достигнут значительный прогресс в направлении информатизации и улучшения стратегических возможностей.

Стратегическое значение искусственного интеллекта (ИИ) на мировой арене очевидно, что приводит к жесткой конкуренции не только между компаниями, но и к своеобразной «гонке вооружений» среди ведущих стран. Пророчески начинают звучать слова, произнесенные в 2019 г. президентом Российской Федерации В.В. Путиным: «Если кто-то сможет обеспечить монополию в сфере искусственного интеллекта, то последствия нам всем понятны — тот станет властелином мира»¹. ИИ станет основой глобальной конкурентоспособности в ближайшие десятилетия, предоставляя лидерам в этой области значительные экономические и военные преимущества.

В развернувшейся борьбе за лидерство в сфере ИИ Китай и США закрепляют свои стратегические приоритеты в ряде ключевых документов.

Для того чтобы определить, как технологические изменения находят свое воплощение в военной сфере у США и КНР, необходимо ответить на три вопроса.

Во-первых, как использование технологий ИИ влияет на изменение интерпретации

характера ведения войны каждой из данных стран?

Во-вторых, как государства внедряют данную технологию в структуры своих вооруженных сил? Следует принимать во внимание, что проблемы организационного внедрения и имплементации технологических инноваций тесно связаны с эффективностью. Эти проблемы имеют решающее значение для определения того, как инновация повлияет на международную политику. Десятилетия исследований показывают, что влияние технологических изменений на глобальную политику — будь то изменения в экономике, обществе в целом, дипломатии или военной мощи — гораздо больше зависит от того, как правительства и организации принимают решения о внедрении и использовании новых возможностей, чем от самих технологий (Pinch & Bijker, 1984).

В-третьих, в каких областях военного дела ведутся разработки по включению технологии ИИ в образцы вооружений или боевой поддержки?

Затрагиваемая в исследовании проблематика нашла свое частичное отражение в работах таких ученых, как Л.Й. Хантер (Hunter et al., 2023), Э. Канья (Kania, 2022), Дж. Джонсон (Johnson, 2021), К. Чжу и К. Лонг (Zhu & Long, 2019) и др. В трудах данных исследователей прикладная реализация технологий ИИ в военной сфере в США и КНР рассматривается с перспективы постепенного замещения Китаем позиций США в данной области. В отличие от указанных работ данное исследование сосредоточено не на констатации факта изменения баланса сил между двумя державами, а на сравнительном анализе концептуальных и институциональных механизмов внедрения ИИ в военную сферу США и КНР. Авторы рассматривают данный процесс, оценивая, каким образом особенности национальных стратегий, военных доктрин и организационных реформ каждой из стран влияют на характер формирующегося стратегического баланса сил.

¹ Совещание по вопросам развития технологий в области искусственного интеллекта // Президент России. 30.05.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60630> (дата обращения: 25.08.2024).

Теоретическую базу исследования представляет неоклассический реализм (Rose, 1998), который позволил рассмотреть комплекс внешнеполитических воздействий США и Китая политико-дипломатического и военного характера как шаги великих держав, стремящихся реализовать собственные национальные интересы в условиях высококонкурентной международной среды. Для выявления особенностей подходов США и КНР в области развития ИИ в военной плоскости авторы применили сравнительный метод образа действия двух акторов на основе трех качественных показателей: отражение особенностей применения технологий ИИ в военных доктринах США и КНР; степень имплементации технологий ИИ в современный облик военной организации двух стран, а также роль технологий ИИ в перспективных разработках каждой из стран.

Исследование развития ИИ в военной сфере США и Китая неизбежно сопряжено с риском необъективности. Это связано с тем, что открытые источники преимущественно освещают применение ИИ в коммерческом секторе, где прозрачность выше, а информация доступнее. В то же время многие военные разработки, их масштабы и реальные возможности не находят полного отражения в публичных отчетах и исследованиях. Также невозможно объективно проследить, какие задачи отданы на аутсорсинг коммерческим фирмам в рамках военно-гражданской интеграции, то есть подходу в военном строительстве, которого придерживаются оба государства. В результате складывается картина, в которой оценка военного ИИ основывается либо на ограниченных данных, либо на косвенных признаках, таких как изменения в доктринальных источниках или официальные заявления о принятии на вооружение или разработки новых образцов оружия с применением технологий ИИ.

Для частичного преодоления названных ограничений в данном исследовании применяется многоуровневый подход к источниковой базе: наряду с официальными концептуальными документами (военными доктринами, стратегиями национальной безопасности, государственными программами) привлекаются данные

о закупках вооружений, институциональных реформах и верифицируемых испытаниях конкретных систем вооружения. Такая комбинация источников позволяет судить не только о декларируемых намерениях, но и о практическом прогрессе в области военного ИИ. Вместе с тем читателю следует принимать во внимание, что выводы исследования носят преимущественно концептуальный и сравнительно-аналитический характер: они отражают зафиксированные тенденции и институциональные векторы развития, но не могут претендовать на исчерпывающую оценку реального военного потенциала ни одной из держав.

Тренды применения искусственного интеллекта в военной сфере

Новые технологии формируют баланс сил главным образом с помощью военных и экономических средств. С одной стороны, с помощью технологий создаются новые мировые политические пространства, которые становятся ареной геополитического противостояния, а с другой — технологии напрямую влияют на способность стран вести войны и выигрывать их, а также косвенно отражаться на балансе сил, укрепляя экономическую мощь страны.

В частности, такие авторитетные исследователи политических последствий от развития военных технологий, как М.К. Горовиц, Г.К. Аллен, Э.Б. Канья и П. Шарре отмечают, что успех использования ИИ в военной сфере будет зависеть от того, насколько его технологии будут легко воспроизводимы и перекликаться с коммерческими вариантами применения. Чем больше пересечений с гражданскими технологиями, тем быстрее компании будут разрабатывать аналогичные решения. Военные ИИ-системы, специфичные для боевых операций, могут дольше сохранять свои преимущества. Кроме того, успешность стран в «революции ИИ» будет зависеть от их способности использовать ИИ для укрепления экономики и оптимизации вооруженных сил и средств, а также от умения управлять социальными изменениями, вызванными этими технологиями (Horowitz et al., 2018, pp. 11–12).

Важно отличать потенциальные технологические инновации от военных. Хотя военные инновации часто связаны с изменениями в технологиях, это не всегда так. Военные инновации — это значительные изменения в организационном поведении и способах ведения боевых действий вооруженными силами, призванные повысить способность последних эффективно преобразовывать возможности в мощь (Grissom, 2006). Использование авианосцев в качестве мобильных аэродромов Соединенными Штатами и Японией в ходе Второй мировой войны (1939–1945 гг.) является типичным примером: военно-морские силы Великобритании, делавшие главную ставку на линейные крейсера и линкоры, использовали авианосцы лишь как вспомогательные средства. США и Япония, напротив, по достоинству оценили их ударную мощь и стали организовывать вокруг авианосцев оперативные соединения других военных кораблей. Хотя ИИ потенциально может стать основой для ряда военных инноваций, сам по себе он не является военной инновацией, и на данный момент никто не применяет ИИ таким образом, чтобы это можно было считать военной инновацией. В большинстве случаев применение ИИ в военной области выступает высшей степенью автоматизации приложения какой-либо действующей технологии (Romashkina, Markov & Stefanovich, 2023, pp. 82–84).

При этом следует выделить несколько потенциальных последствий для стратегического баланса сил от военного применения ИИ.

Во-первых, внедрение ИИ способно существенно ускорить военные операции. Автономные системы ИИ увеличивают скорость принятия решений и выполнения задач, даже если окончательные решения по-прежнему остаются за людьми (Abaimov & Martellini, 2020, pp. 145–146). Уже сегодня разрабатываются военные приложения ИИ, такие как проект *Maven* в США, где ИИ применяется для анализа данных и распознавания изображений с беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), что повышает точность и скорость оценок.

Во-вторых, с появлением ИИ могут возникнуть новые концепции ведения войны (во-

енные доктрины). Одной из таких возможностей является использование роя небольших роботизированных платформ для военных операций (Huizing et al., 2019). Эти системы требуют координации с другими военными средствами, и они способны адаптироваться в реальном времени в условиях потерь. Такие технологии уже существуют в коммерческой сфере, и их применение в военной области может изменить структуру и тактику вооруженных сил.

Наконец, ИИ также может изменить стратегию использования военных сил, увеличивая роль машин и снижая зависимость от человеческого фактора. Алгоритмы ИИ могут помочь командирам оптимизировать боевые планы и управлять сложными операциями в реальном времени, что особенно важно в условиях современного боя, где скорость принятия решений становится критическим фактором.

Особенности применения ИИ в военной сфере: опыт ВС США

Соединенные Штаты рассматривают искусственный интеллект как часть своей Третьей стратегии компенсации², которая была обнародована в 2014 г. министром обороны Чаком Хейгелом с целью восстановления военно-технологического преимущества США³. В связи с этим основное внимание в рамках Третьей стратегии компенсации уделяется автоматизированным системам управления и автономии, где ИИ играет решающую роль (Бартенев, 2016).

Первое заявление в отношении ИИ было сделано в 2016 г., когда администрация Б. Обамы опубликовала «дорожную карту», в которой подчеркивалась важность лидерства США в области ИИ. Однако эта дорожная карта была в основном сосредоточена на вопросах регуля-

² Первая стратегия компенсации была разработана в 1950-х гг. и связана с инвестициями США в ядерное оружие. Вторая стратегия компенсации, разработанная в 1970-х гг., была сосредоточена на высокоточном оружии. См.: (Кашин, 2016).

³ Chuck H. Secretary of Defense Speech: Reagan National Defense Forum Keynote // U.S. Department of Defense. November 15, 2014. URL: <https://dod.defense.gov/News/Speeches/Speech-View/Article/606635/reagan-national-defense-forum-keynote/> (accessed: 25.08.2024).

торной политики⁴. В том же году Управление по научно-технической политике Белого дома создало подкомитет по машинному обучению и искусственному интеллекту (*Machine Learning and Artificial Intelligence*, MLAI)⁵. Основная цель этого подкомитета состояла в том, чтобы содействовать координации национальной деятельности в области искусственного интеллекта. В результате этих разработок администрация Б. Обамы опубликовала ряд документов, в которых особое внимание уделялось вопросам регулирования искусственного интеллекта, государственным исследованиям и разработкам (*Research and Development*, R&D)⁶.

Приоритетными для исследований выступали системы, расширяющие возможности человека: особое внимание уделялось оптимизации взаимодействия человека и ИИ для повышения производительности в различных приложениях. Не менее важными целями стали стандартизация тестирования посредством создания доступных наборов данных и сред для обучения ИИ-моделей и начало разработки отраслевых стандартов, позволяющих объективно оценивать системы ИИ (Rickli & Mantellassi, 2023, pp. 16–17). Следует отметить, что исследования в данных областях имеют долгосрочный потенциал для военной сферы.

В первую каденцию Д. Трампа сфера ИИ получила в США дополнительное развитие. В 2017 г. Министерство внутренней безопасности США опубликовало аналитический отчет по ИИ⁷, в котором внимание акцентирова-

лось на оценке преимуществ и рисков технологии. В том же году ИИ впервые включили в Стратегию национальной безопасности⁸, подчеркнув его роль в создании информационного государства, разработке оружия и систем наблюдения.

В 2018 г. в Национальной оборонной стратегии ИИ обозначался как ключевая технология для победы в будущих войнах и отмечались угрозы от инвестиций Китая и России в военные приложения ИИ, способные подорвать позиции США⁹. На конференции Белого дома М. Крациос озвучил цели администрации Д. Трампа: приоритетное финансирование ИИ-разработок, устранение барьеров для инноваций, подготовка кадров, военное превосходство и международное лидерство. Для координации усилий в этой сфере был создан Специальный комитет по ИИ¹⁰.

В 2019 г. был выпущен Исполнительный приказ, закрепивший лидерство США в сфере ИИ в качестве стратегического приоритета. В бюджетном запросе искусственный интеллект, автономные системы и гиперзвуковые технологии названы ключевыми направлениями для обеспечения технологического доминирования¹¹.

Администрация Дж. Байдена продолжила уделять внимание развитию ИИ в военной сфе-

⁴ The Administration's Report on the Future of Artificial Intelligence // Obama White House. October 12, 2016. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2016/10/12/administrations-report-future-artificial-intelligence> (accessed: 25.08.2024).

⁵ Charter of the Subcommittee on Machine Learning and Artificial Intelligence, Committee of Technology, National Science and Technology Council // Obama White House. May 6, 2016. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/microsites/ostp/NSTC/ai_charter_-_signed_final.pdf (accessed: 25.08.2024).

⁶ The National Artificial Intelligence Research and Development Strategic Plan // Executive Office of the President of the United States. October 2016. URL: https://www.nitrd.gov/pubs/national_ai_rd_strategic_plan.pdf (accessed: 25.08.2024).

⁷ Narrative Analysis: Artificial Intelligence. Washington: Department of Homeland Security, 2017 // Pennsylvania State University. URL: <https://psu.pb.unizin.org/hls476/>

chapter/narrative-analysis-artificial-intelligence-us-department-of-homeland-security-july-2017-national-protection-and-programs-office-of-cyber-and-infrastructure-analysis/ (accessed: 25.08.2024).

⁸ National Security Strategy of the United States // The White House. December 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 25.08.2024).

⁹ Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America : Sharpening the American Military's Competitive Edge. Washington : Department of Defense, 2018. P. 3.

¹⁰ Summary of the 2018 White House Summit on Artificial Intelligence for American Industry. The White House Office of Science and Technology Policy. May 10, 2018 // The Trump White House. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/05/Summary-Report-of-White-House-AI-Summit.pdf> (accessed: 25.08.2024).

¹¹ Executive Order 13859 on Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence // The White House. February 11, 2019. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2019/02/14/2019-02544/maintaining-american-leadership-in-artificial-intelligence> (accessed: 25.08.2024).

ре, в 2023 г. выпустив обновленный «Национальный стратегический план исследований и разработок в области ИИ», в котором за основу был взят аналогичный документ администрации Б. Обамы с добавлением двух немаловажных нововведений. Во-первых, был сделан акцент на расширении государственно-частного партнерства для ускорения прогресса в области ИИ. Во-вторых, был предложен вектор развития международного сотрудничества в области исследований ИИ¹².

Приоритетность сферы технологий ИИ демонстрирует также тот факт, что с 2019 г. США направили на развитие ИИ 328,5 млрд долл. США. В 2023 г. инвестиции США в данную область достигли 67,9 млрд долл. США, что на 65,94 % больше по сравнению с затратами в 2019 г.¹³ Такая динамика подчеркивает устойчивое усиление приоритета ИИ в национальной стратегии США.

Несмотря на значительное количество официальных заявлений и документов, опубликованных администрациями президентов США, наблюдается нехватка четкой организационной структуры политики в сфере ИИ. Институциональным каркасом для применения ИИ в военной области в США выступает целый ряд правительственных структур, ответственных за исследования и разработки в области ИИ. Основным ответственным учреждением является Министерство обороны. В июне 2018 г. Пентагон сформировал Объединенный центр искусственного интеллекта (*The Joint Artificial Intelligence Center, JAIC*). По словам директора JAIC генерал-лейтенанта Дж. Джек Шанахан, JAIC играет решающую роль в переходе от исследований и разработок к практическим возможностям¹⁴.

¹² The National Artificial Intelligence R&D Strategic Plan. 2023 Update // NITRD. May 2023. URL: <https://www.nitrd.gov/pubs/National-Artificial-Intelligence-Research-and-Development-Strategic-Plan-2023-Update.pdf> (accessed: 25.08.2025).

¹³ Tanner B. USA Leading the Charge on AI Investment // Intelligent CIO. August 8, 2024. URL: <https://www.intelligentcio.com/north-america/2024/08/08/usa-leading-the-charge-on-ai-investment/> (accessed: 22.03.2025).

¹⁴ Özdemir G.S. Artificial Intelligence Application in the Military: the Case of United States and China. İstanbul : SETA, 2019. P. 16.

Еще одним учреждением, ответственным за проекты в области искусственного интеллекта в Министерстве обороны, является Агентство перспективных исследовательских проектов в области обороны (*Defense Advanced Research Projects Agency, DARPA*), которое играет ведущую роль в области исследований и разработок в области искусственного интеллекта. Бюджет DARPA насчитывает более 3 млрд долл. США в год, что позволяет ему решить широкий спектр исследовательских задач¹⁵. Кроме того, в 2018 г. DARPA объявило о многолетних инвестициях в размере более 2 млрд долл. США в новые и существующие программы, известные как кампания “*AI Next*”¹⁶.

Наконец, 10 мая 2018 г. Белый дом учредил Специальный комитет по искусственному интеллекту при Национальном совете по науке и технологиям. Этот комитет оказывает консультационную поддержку Администрации президента США в отношении приоритетов исследований и разработок в области искусственного интеллекта и в то же время отвечает за координацию работы правительства, промышленности и научных кругов по вопросам исследований и разработок в области искусственного интеллекта.

Вооруженные силы США активно разрабатывают и тестируют различные приложения искусственного интеллекта (ИИ) для военных целей, демонстрируя высокие достижения в этой области. В 2013 г. ВМС США провели успешную автономную посадку беспилотника X-47B, а в 2015 г. — его автономную дозаправку в воздухе¹⁷. В 2016 г. Пентагон продемонстрировал рой из 103 беспилотных летательных аппаратов, которые действовали как

¹⁵ Moss S. Understanding the United States’ National AI Strategy // Data Centre Dynamics. February 12, 2019. URL: <https://www.datacenterdynamics.com/en/analysis/understanding-united-states-national-ai-strategy/> (accessed: 25.08.2024).

¹⁶ DARPA Announces \$2 Billion Campaign to Develop Next Wave of AI Technologies // DARPA. September 7, 2018. URL: <https://www.darpa.mil/news-events/2018-09-07> (accessed: 25.08.2024).

¹⁷ X-47B UCAS Makes Aviation History... Again! // Northrop Grumman. April 22, 2015. URL: <https://www.northropgrumman.com/what-we-do/air/x-47b-ucas> (accessed: 25.08.2024).

единый организм, аналогичные испытания также проводились с беспилотными лодками. Проект *Maven*, использующий ИИ для разведки и наблюдения, успешно применялся¹⁸ в борьбе с ИГИЛ¹⁹. Важной программой является *Loyal Wingman*, где необитаемые самолеты защищают пилотируемые истребители²⁰. Также можно выделить *Sea Hunter* — беспилотное судно для борьбы с подводными лодками, совершившее автономное плавание²¹. Несмотря на продемонстрированные успехи, США пока не объявляли о тестах смертоносных автономных систем вооружения с применением ИИ.

В рамках кампании “*AI Next*” перед DARPA на повестке дня стоят разработки объяснимого ИИ (XAI), а также автономные системы, включая рои беспилотных летательных и наземных аппаратов (проект OFFSET)²². Виды войск развивают собственные инициативы: сухопутные войска США тестируют автономные тактические машины (*The Ground Vehicle Autonomous Pathways*, GVAR), ВВС США разрабатывают ИИ-пилотов для управления беспилотниками (программа *Skyborg*), а ВМС — алгоритмы киберзащиты для своих автономных судов типа *Sea Hunter*.

Таким образом, ИИ стал неотъемлемой частью стратегических планов Соединенных

Штатов в военной сфере, начиная с инициатив Третьей стратегии компенсации, направленной на восстановление военно-технологического превосходства. За последние годы был создан целый ряд программ и учреждений, таких как JAIC и DARPA, которые активно занимаются разработками ИИ для военных целей. Несмотря на значительный прогресс, достигнутый в автономных системах, таких как беспилотные летательные аппараты и системы разведки, ключевым вызовом остается недостаточная координация и слишком сложная институциональная структура в развитии ИИ на национальном уровне. Текущие усилия, включая государственно-частные партнерства и международное сотрудничество, направлены на усиление лидерства США в этой сфере, однако будущее зависит от способности правительства эффективно реализовывать свои планы и сохранять технологическое превосходство в условиях растущей конкуренции со стороны других стран.

Особенности применения ИИ в военной сфере: подход Китая

Хотя военная составляющая китайской внешней политики не применяется так же часто, как экономический и дипломатический инструментарий, реалии китайского долгосрочного военного планирования имеют амбициозный характер: к 2035 г. — в основном завершить модернизацию национальной обороны и ВС с перспективой создания к 2049 г. из НОАК армии «мирового класса»²³.

Для достижения поставленных целей военно-политическое руководство КНР зафиксировало, что форма ведения войны эволюционирует от сегодняшней «информационной» (信息化, *xinxihua*) войны к будущей «интеллектуальной» (智能化, *zhinenghua*) войне. Ожидается, что в ходе этих преобразований искусственный интеллект станет таким же

¹⁸ Freedberg S.J. Artificial Intelligence Will Help Hunt Daesh By December // *Breaking Defense*. July 13, 2017. URL: <http://breakingdefense.com/2017/07/artificial-intelligence-will-help-hunt-daesh-by-december/> (accessed: 25.08.2024).

¹⁹ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

²⁰ Liptak A. The US Air Force’s Jet-Powered Robotic Wingman Is like Something out of a Video Game // *The Verge*. March 9, 2019. URL: <https://www.theverge.com/2019/3/9/18255358/us-air-force-xq58-a-vaikarie-prototype-robotic-loyal-wingman-drone-successful-test-flight> (accessed: 25.08.2024).

²¹ Trevithick J. Navy’s Sea Hunter Drone Ship has Sailed Autonomously to Hawaii and Back Amid Talk of New Roles // *The War Zone*. February 4, 2019. URL: <https://www.twz.com/26319/usns-sea-hunter-drone-ship-has-sailed-autonomously-to-hawaii-and-back-amid-talk-of-new-roles> (accessed: 25.08.2024).

²² OFFSET: OFFensive Swarm-Enabled Tactics // DARPA. URL: <https://www.darpa.mil/research/programs/offensive-swarm-enabled-tactics> (accessed: 23.03.2025).

²³ Xi Jinping: zai Zhongguo gongchandang di shijiu ci quanguo daibiao dahui shang de baogao [Си Цзиньпин выступил с докладом на 19-м Национальном съезде Коммунистической партии Китая] // *Xinhua*. 27.10.2017. (На китайском языке). URL: https://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content_5234876.htm (accessed: 19.08.2025).

важным фактором победы на поле боя будущего, как и информационные технологии сегодня²⁴.

Концепция интеллектуализации предполагает разработку и внедрение искусственного интеллекта и взаимосвязанных технологий, необходимых для развития возможностей автоматизированной системы управления, связи, наблюдения, сбора информации и разведки (C4ISR) (Costello & McReynolds, 2018, p. 7). В соответствии с концепцией интеллектуализации внедрение ИИ в процессы и функции ВС КНР не выступает самоцелью. По мнению одного ученого из НОАК, это «относится к общему оперативному описанию систем вооруженных сил, состоящих из людей, вооружения, техники и способов ведения боя»²⁵.

Главным посылом нового этапа теоретической проработки модернизации военного потенциала КНР стала ориентация на создание объединения войск различной видовой и родовой принадлежности в единую организационно-штатную структуру на оперативно-стратегическом уровне с участием всех служб и родов войск. Замысел данного процесса сводился к достижению НОАК возможностей проводить «интегрированные совместные операции» (协同联合作战, *xietong lianhe zuozhan*) (Shou, 2013, pp. 206–207), в которых были бы созданы условия для единого командования и управления, быстрого маневра, комплексного ударного потенциала, а также оперативной поддержки, материально-технической поддержки и снабжения для различных объединений. Таким образом предполагается создать «систему систем», которая включает в себя интеграцию человека и машины, использование ИИ в качестве «ведущего» или до-

минирующего (智能主导, *zhineng zhudao*) элемента, который бы выступал связующим звеном во всей этой системе.

Военно-политические круги КНР считают, что в мире происходит новая «революция в военном деле», которая представляет как вызовы, так и возможности для Китая. В августе 2014 г. Политбюро обсудило новые тенденции в мировом военном развитии и необходимость военных инноваций. Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул важность этой «новой революции» и призвал Китай ускорить внедрение военных инноваций, чтобы сократить отставание и совершить рывок вперед. Он подчеркнул значимость разработки новых военных теорий, стратегий, тактик, институтов и моделей управления для ведения войн в информационную эпоху²⁶. Китайская стратегия обновления вооруженных сил с упором на науку и технологии (科技兴军, *keji xingjun*) является ключевым элементом цели Коммунистической партии Китая (КПК) по созданию «мощной армии» (强军目标, *qiangjun mubiao*) в «новую эру»²⁷. Си Цзиньпин отметил, что в условиях усиления международной военной конкуренции выигрывают только новаторы, и призвал Китай сосредоточиться на передовых военных технологиях. Он подчеркнул необходимость разработки стратегических технологий и создания уникальных преимуществ в ключевых областях²⁸.

²⁶ Xi Jinping: Zhunque bawo shijie junshi fazhan xin qushi yushijujin dali tuijin junshi chuangxin [Си Цзиньпин: Точно улавливайте новые тенденции мирового военного развития, идите в ногу со временем и энергично продвигайте военные инновации] // Xinhuaawang [Синьхуа]. 30.08.2014. (На китайском языке). URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2014-08/30/c_1112294869.htm (accessed: 25.08.2024).

²⁷ Fadong qiangjun xing jun de chuangxin yinqing — jundui daibiao weiyuan re yi keji xing jun [Запуск инновационного двигателя сильной армии для обновления армии — Представители армии горячо обсуждают вопросы науки и техники для обновления армии] // Xinhuaawang [Синьхуа]. 11.03.2019. (На китайском языке). URL: https://web.archive.org/web/20250903081748/https://www.gov.cn/xinwen/2019-03/11/content_5372987.htm (accessed: 25.08.2024).

²⁸ Keji chuangxin, maixiang shijie yiliu jundui de qiangda yinqing [Технологические инновации — мощный двигатель создания армии мирового класса] // Xinhuaawang [Синьхуа]. 14.09.2017. (На китайском языке). URL: http://news.china.com.cn/2017-09/14/content_41588972_3.htm (accessed: 25.08.2024).

²⁴ Jiefangjun Bao: shunying junshi biange chaoliu bawo gaige zhudong [Газета «Народно-освободительная армия»: следуя (идя навстречу) волне военных преобразований, взять реформу в свои руки] // PLA Daily. 05.01.2016. (На китайском языке). URL: <http://military.people.com.cn/GB/n1/2016/0105/c1011-28013286.html> (accessed: 19.08.2025).

²⁵ Zhuanjia: Junshi zhinenghua jue bujinjin shi ren-gongzhineng [Эксперт: Интеллектуализация Вооруженных сил — это нечто большее, чем просто искусственный интеллект] // Renminwang [Сеть Женьминь]. 06.12.2017. (На китайском языке). URL: <http://military.people.com.cn/n1/2017/1206/c1011-29689750.html> (accessed: 25.08.2024).

Китайская военная стратегия претерпела изменения в ответ на новые оценки характера конфликтов. Последний пересмотр стратегии, касающийся «победы в локальных войнах с применением информационных технологий», был подтвержден в Белой книге по обороне 2019 г. В документе также обсуждается новый этап революции в военном деле, связанный с развитием высокоточного, скрытного, беспилотного и интеллектуального оружия²⁹.

В августе 2016 г. Объединенный штаб Центрального военного совета (ЦВС) КНР призвал НОАК активно использовать потенциал искусственного интеллекта для оперативного командования, планирования, поддержки принятия решений, а также интегрировать передовые технологии, такие как большие данные и облачные вычисления, в систему командования для совместных операций³⁰. В 2017 г. на XIX съезде КПК Си Цзиньпин подчеркнул необходимость ускорить развитие военной «интеллектуализации» и улучшить возможности совместных операций на основе сетевых информационных систем³¹.

Искусственный интеллект стал стратегическим направлением для Китая, влияющим на экономическое развитие и военный потенциал. В 2017 г. ИИ был включен в План развития искусственного интеллекта нового поколения, что стало основой национальной стратегии в этой сфере³². Китайские технологические

компании играют важную роль в реализации этой программы, особенно в рамках стратегии слияния военного и гражданского секторов, где ИИ используется для принятия командных решений, военных расчетов и создания оборонных технологий. В 14-м пятилетнем плане по национальной информатизации (2021 г.) руководство Китая акцентировало внимание на развитии ключевых технологий, таких как искусственный интеллект и квантовые вычисления, с целью повышения национальной конкурентоспособности и обеспечения безопасности³³. На 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей в марте 2024 г. была подтверждена приверженность НОАК модернизации через военно-гражданскую интеграцию, где ИИ выделяется как ключевой элемент «революции в военном деле»³⁴.

Китай демонстрирует значительный прогресс в развитии ИИ, подтверждаемый ключевыми статистическими показателями. Согласно докладу Всемирного экономического форума, в 2024 г. объем индустрии ИИ в стране превысил 70 млрд долл. США при участии более 4,3 тыс. компаний, а к 2030 г. планируется расширение капиталовложений до 1,4 трлн долл. США, в том числе за счет внедрения технологий ИИ в различные секторы промышленности. Масштаб интеллектуальных вычислительных мощностей Китая достиг 260 EFLOPS в 2022 г., достигнув совокупного годового темпа роста в 33,9 %. Кроме того, развитие ИИ стимулирует рост объема данных на 26 % ежегодно. Так, в 2022 г. он составлял 22 Збайт, а к 2027 г. достигнет 77 Збайт. Страна лидирует в разработке

²⁹ 2019 nian “Xin shidai de zhongguo guofang” baipishu [Белая книга 2019 г. «Национальная оборона Китая в новую эпоху»] // Zhonghua renmin gongheguo guowuyuan xinwen bangongshi [Информационное бюро Госсовета КНР]. 24.07.2019. (На китайском языке). URL: <http://www.mnw.cn/news/china/2182138.html> (accessed: 25.08.2024).

³⁰ Jiakuai goujian juyou wojun tese de lianhezuo zhan zhihui tixi [Ускорить создание объединенной системы боевого командования с учетом особенностей нашей армии] // Zhongyangjunwei lianhe canmoubu [Объединенный штаб Центрального военного совета]. 15.08.2016. (На китайском языке). URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2016/0815/c40531-28636710.html> (accessed: 25.08.2024).

³¹ Xi Jinping zai zhongguo gongchandang dishijiuci quanguodai biaodahui shang de baogao [Выступление Си Цзиньпина на 19-м Национальном съезде Коммунистической партии Китая] // People’s Daily. 28.10.2017. (На китайском языке). URL: <http://cpc.people.com.cn/big5/n1/2017/1028/c64094-29613660.html> (accessed: 25.08.2024).

³² Xinyidai rengongzhineng fazhan guihua [План развития искусственного интеллекта нового поколения] //

Guowuyuan [Государственный совет]. 08.07.2017. (На китайском языке). URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (accessed: 25.08.2024).

³³ “Shisiwu” tuijin guojia zhengwu xinxi hua guihua [14-й пятилетний план содействия информатизации национального электронного правительства] // Guowuyuan [Государственный совет]. 24.12.2021. (На китайском языке). URL: <https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2022-01/06/5666746/files/cbf2937df654b44a04c6ef9d43549e9.pdf> (accessed: 22.03.2025).

³⁴ Dishisijie quanguo renmin daibiao dahui dierci huiyi [Вторая сессия 14-го Всекитайского собрания народных представителей] // Guowuyuan [Государственный совет]. 05.03.2024. (На китайском языке). URL: https://www.gov.cn/gongbao/2024/issue_11246/202403/content_6941846.html (accessed: 22.03.2025).

базовых моделей ИИ (188 зарегистрированных на национальном уровне) и внедрении промышленных роботов (1,7 млн единиц, что составляло 51 % глобального спроса в 2023 г.)³⁵.

Если говорить об институционализации функции разработки и применения ИИ в военной области, то военные реформы НОАК, начатые в 2015 г., привели к ее исторической реструктуризации, направленной на усиление военных инноваций. В рамках этих реформ были созданы Силы стратегической поддержки НОАК, которые укрепили потенциал Китая в космической, кибер-, электронной и психологической войне, а также получили задачу развивать возможности в новых областях военной мощи. В то время как Силы стратегической поддержки отвечают за имплементацию разработок в Вооруженные Силы, исходя из оперативных предпосылок и потребностей, то такие органы, как Управление Центральной комиссии по военно-гражданскому сотрудничеству, Комиссия по науке и технологиям ЦВС и Департамент разработки оборудования ЦВС, были созданы для управления разработкой и внедрением новых технологических решений, в том числе с применением ИИ³⁶.

19 апреля 2024 г. были созданы силы информационной поддержки (СИП) (信息支援部队, *xinxi zhiyuan budui*), которые стали самостоятельным родом войск, подотчетным четырем видам ВС (СВ, ВМС, Военно-Воздушные Силы (ВВС) и ракетные войска (РВ)) и подчиняющимся напрямую ЦВС. Си Цзиньпин в своем выступлении акцентировал внимание на том, что СИП представляют новейший род

войск стратегического уровня, на который будут возложены задачи координации развития и применения киберинформационных систем для гарантированного достижения победы в современных войнах. В связи с этим председатель КНР потребовал от личного состава СИП в кратчайшие сроки добиться следующих результатов: глубоко интегрироваться в существующую систему совместных операций китайских ВС в интересах еще более точного и эффективного выполнения задач, а также создать киберинформационную систему, отвечающую требованиям современных войн и учитывающую особенности китайской армии³⁷. Данный орган сможет возглавить процесс внедрения ИИ для создания «системы систем» в современных ВС КНР.

Научно-техническая комиссия при ЦВС курирует исследования в области передовых технологий, в том числе путем создания «группы быстрого реагирования» для внедрения коммерческих инноваций в оборонную сферу. Комиссия отвечает за проведение программ, фондов и конкурсов, сосредоточенных на оборонных научных и технологических инновациях³⁸. Департамент разработки оборудования ЦВС также активно поддерживает исследования в области ИИ и беспилотных систем, финансируя разработки двойного назначения под руководством «Группы экспертов по ИИ».

Кроме того, для реализации военных целей Китай аккумулирует научный потенциал: ведущие академические и исследовательские институты НОАК получили указание уделять

³⁵ Blueprint to Action: China's Path to AI-Powered Industry Transformation // World Economic Forum. January 2025. URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_Blueprint_to_Action_Chinas_Path_to_AI-Powered_Industry_Transformation_2025.pdf (accessed: 22.03.2025).

³⁶ Xinyidai rengongzhineng zhanlüe zixun weiyuanhui chengli zidonghua suo suochang xu bo danren zhuanjia weiyuan [Был создан Консультативный комитет по стратегии развития искусственного интеллекта нового поколения, в состав которого в качестве эксперта вошел Сюй Бо, директор Института автоматизации] // Kejibu [Министерство науки и технологий]. 21.11.2017. (На китайском языке). URL: https://web.archive.org/web/20250906050157/http://www.ia.cas.cn:80/xwzx/ttxw/201711/t20171121_4896939.html (accessed: 15.05.2026).

³⁷ Zhongguo renmin jiefangjun xinxi zhiyuan budui chengli dahui zaijingjuxing xijinping xiang xinxi zhiyuan budui shouyu junqi bing zhi xunci [В Пекине состоялась учредительная конференция Сил информационной поддержки Народно-освободительной армии Китая, на которой Си Цзиньпин вручил знамя Силам информационной поддержки и выступил с речью] // Xinhuashe [Синьхуа]. 20.04.2024. (На китайском языке). URL: https://www.mohrss.gov.cn/SYrlzyhshbzb/dongtaixinwen/shizhengyaowen/202404/t20240420_517173.html (accessed: 25.08.2024).

³⁸ Junbao zhuanban kandeng 36 wei gaoji jiangling zai jundui gaige zhuanqi yantaoban fayan [Военная газета выпустила специальный номер, в котором были представлены выступления 36 высокопоставленных генералов на семинаре по военной реформе] // PLA Daily. 27.04.2016. (На китайском языке). URL: <http://military.people.com.cn/n1/2016/0427/c1011-28307236.html> (accessed: 25.08.2024).

приоритетное внимание технологиям, которые определены КПК и ЦВС как прорывные. В частности, в мае 2018 г. Си Цзиньпин, посетив Академию военных наук НОАК, призвал сосредоточиться на инновациях в стратегических и разрушительных технологиях, уделяя особое внимание беспилотным системам и искусственному интеллекту³⁹.

Национальный университет оборонных технологий НОАК (*National University of Defense Technology*, NUDT) играет ключевую роль в разработке технологий для национальной обороны в эпоху интеллектуализации. Особое внимание уделяется автоматизации через Академию интеллектуальных наук, которая проводит исследования в области интеллектуальной робототехники, бионической робототехники и автономного управления, включая роевой интеллект. NUDT также изучает влияние искусственного интеллекта в военных играх и преподавании. Академия военных наук НОАК (АВН) значительно повысила свой статус и теперь занимается не только разработкой стратегии и доктрины, но и продвижением теоретических и технологических инноваций. АВН учредила Национальную академию инновационных исследований в области оборонной науки и техники, активно привлекая ученых и гражданских специалистов⁴⁰. Исследовательский центр искусственного интеллекта Национальной академии сосредоточен на глубоком обучении (*deep learning*) и интеграции человека и машины.

Если говорить о китайском опыте внедрения ИИ в образцы вооружения, то следует об-

ратиться к работе исследователей из Центра безопасности и новых технологий, в которой проанализированы 343 контракта НОАК на поставку оборудования и выявлены семь областей, представляющих интерес для текущих инвестиций в ИИ:

- 1) интеллектуальные и автономные транспортные средства;
- 2) разведка, наблюдение и рекогносцировка;
- 3) профилактическое обслуживание и материально-техническое обеспечение;
- 4) информационная и радиоэлектронная борьба;
- 5) моделирование и обучение;
- 6) командование и контроль;
- 7) автоматическое распознавание целей⁴¹.

В целом данные области можно разделить на два направления — ИИ в системах вооружения НОАК и ИИ в функциях и поддержке НОАК на поле боя.

Китай активно разрабатывает системы с различными уровнями автономности, которые варьируются от практически полного отсутствия автономии в системах с дистанционным управлением до полностью автономных систем, которые могут перемещаться, выбирать цели и даже вести огонь без участия человека. НОАК стремится к большей автономии беспилотных воздушных, надводных и подводных аппаратов, чтобы обеспечить совместное использование пилотируемых и беспилотных летательных аппаратов, групповые атаки, оптимизированную материально-техническую поддержку и распределенную разведку, наблюдение и рекогносцировку (*Intelligence, Surveillance and Reconnaissance*, ISR) среди прочих возможностей⁴². TYW-1 и ASN-216 —

³⁹ Xi Jinping : Nuli jianshe gaoshuiping junshi keyanjigou wei shixian dang zai xin shidai de qiangjun mubiao tigong youli zhicheng [Си Цзиньпин: Стремитесь создавать военные научно-исследовательские институты высокого уровня, чтобы обеспечить мощную поддержку реализации цели партии — создать сильную армию в новую эпоху] // Xinhuashe [Синьхуа]. 16.05.2018. (На китайском языке). URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1600619164933045267&wfr=spider&for=pc> (accessed: 25.08.2024).

⁴⁰ Tansuo “Juzhenshi” keyan moshi tisheng chuangxinnengli [Изучите «матричную» модель научных исследований для расширения инновационных возможностей] // Zhongguo jun wang [Китайская военная сеть]. 02.04.2018. (На китайском языке). URL: <https://m.gmw.cn/baijia/2018-04/02/28185578.html#verision=b400967d> (accessed: 25.08.2024).

⁴¹ Fedasiuk R., Melot J., Murphy B. Harnessed Lightning: How the Chinese Military Is Adopting Artificial Intelligence // Center for Security and Emerging Technology. October 2021. P. 14. URL: <https://download.zendy.io/url/https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/CSET-Harnessed-Lightning.pdf> (accessed: 12.02.2026).

⁴² Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2024. Annual Report to Congress // U.S. Department of Defense. P. 97. URL: <https://media.defense.gov/2024/dec/18/2003615520/-1/-1/0/military-and-security-developments-involving-the-peoples-republic-of-china-2024.pdf> (accessed: 12.02.2026).

два примера БПЛА, которые с помощью ИИ могут работать автономно. Кроме того, Китай разрабатывает систему под названием FH-97A, которая аналогична американской концепции «лояльного ведомого», когда автономный самолет летает в команде вместе с самолетом с экипажем⁴³.

Если говорить о смертоносных автономных системах вооружения, то НОАК разрабатывает образцы такого оружия, но на данный момент ни один из них не обладает значимым уровнем автономии, обеспечиваемым ИИ⁴⁴.

Отслеживать внедрение военного ИИ в категориях функций и поддержки на поле боя еще сложнее. Это связано с тем, что эти возможности в основном основаны на программном обеспечении, и поэтому их труднее наблюдать с помощью таких инструментов, как спутниковые снимки (Ромашкина, 2023, с. 132). Тем не менее НОАК, вероятно, начнет использовать ИИ для систем прогнозирования технического обслуживания и логистики относительно быстро, учитывая сходство этих технологий с коммерческими приложениями. Согласно исследованию Китайского института аэрокосмических исследований (*China Aerospace Studies Institute*, CASI), НОАК уже использует ИИ для некоторых типов задач ISR, в частности в сфере радиолокации и противовоздушной обороны. Одной из внедренных систем является радар YLC-2E — модернизированная версия YLC-2, уже состоящего на вооружении. В нем, по заявлению разработчиков, используются передовые технологии искусственного интеллекта, но детали их применения не раскрываются. Еще одним примером является малозаметный радар YLC-16, который разработан для экспорта. Эта система мо-

жет управляться удаленно без непосредственного участия операторов, что указывает на элементы автономного функционирования⁴⁵. Однако имеющиеся данные не позволяют оценить, насколько автономность данной системы обеспечивается именно за счет технологий ИИ.

Помимо уже развернутых систем Китай активно работает над более сложными решениями. Одним из перспективных направлений являются когнитивные радары, использующие интеллектуальные алгоритмы для адаптации сигналов и обработки данных в зависимости от изменений в окружающей среде. В этих системах применяется глубокое обучение, которое призвано заменить традиционные алгоритмы обнаружения, слежения и идентификации целей. Также ведутся исследования по использованию ИИ в системах противовоздушной обороны, где изучаются алгоритмы борьбы с помехами, улучшение обработки изображений, ускорение работы радаров, а также применение ИИ для автоматизированного принятия решений и создания сетевых систем ПВО (Zhao, Zhang & Li, 2022, pp. 29–31). В разработке находится проект «Интегрированной системы противовоздушной и противоракетной обороны» (*Integrated Air and Missile Defense*, IAMD), где искусственный интеллект должен объединять данные с различных типов датчиков, включая радары⁴⁶. В этом направлении работает Китайское общество командования и управления, а также 35-й исследовательский институт Третьей академии Китайской корпорации аэрокосмической науки и промышленности (*China Aerospace Science and Industry Corporation*), который занимается интеллектуальными датчиками для объединения радарных данных от нескольких ракет.

⁴³ Stewart E. Survey of PRC Drone Swarm Inventions // China Aerospace Studies Institute. October 2023. URL: <https://www.airuniversity.af.edu/Portals/10/CASI/documents/Research/Other-Topics/2023-10-09%20Survey%20of%20PRC%20Drone%20Swarm%20Inventions.pdf> (accessed: 25.08.2024).

⁴⁴ Stokes J. Military Artificial Intelligence, the People's Liberation Army, and U.S.—China Strategic Competition // CNAS. February 1, 2024. URL: <https://www.cnas.org/publications/congressional-testimony/military-artificial-intelligence-the-peoples-liberation-army-and-u-s-china-strategic-competition> (accessed: 25.08.2024).

⁴⁵ Hundman E. China's Air Defense Radar Industrial Base // China Aerospace Studies Institute. March 2025. P. 16, 33. URL: <https://www.airuniversity.af.edu/Portals/10/CASI/documents/Research/Infrastructure/2025-03-10%20Air%20Defense%20Radars.pdf> (accessed: 15.05.2026).

⁴⁶ Hai Lu Kong Yitihua Zuozhan de Rengong Zhineng Funeng Zhihui yu Kongzhi Xitong [Система командования и управления на базе искусственного интеллекта для интегрированных морских, наземных и воздушных операций] // Sohu. 03.01.2024. (На китайском языке). URL: https://mil.sohu.com/a/749187698_358040 (accessed: 23.03.2025).

В будущем Китай планирует разрабатывать системы искусственного интеллекта для использования в командовании, контроле и коммуникации (СЗ) и в целях принятия решений, которые, вероятно, со временем будут совершенствоваться на трех уровнях сложности: использование ИИ для нарушения работы средств СЗ противника, применение ИИ в многодоменных кибероперациях, где будут задействованы космические, сухопутные, воздушные и др. платформы и, наконец, проведение всего спектра киберопераций, включая атаки на системы ИИ противника⁴⁷.

В целом военная модернизация Китая демонстрирует серьезные амбиции по преобразованию НОАК в армию мирового класса к 2049 г. с упором на передовые технологии, особенно искусственный интеллект. На текущем этапе одним из приоритетов развития ВС КНР выступает внедрение технологии искусственного интеллекта для автоматизации отдельных функций и задач, которые выполняются при планировании, управлении и проведении военных операций. Пекин активно использует ИИ для усиления своих военных возможностей, включая разведку, автономные системы вооружений и кибероперации. Внедрение ИИ направлено не только на улучшение текущих возможностей, но и на подготовку к «интеллектуальной войне» будущего, где ИИ станет доминирующим элементом на поле боя. Эти усилия сопровождаются значительными институциональными реформами и тесным сотрудничеством между военным и гражданским секторами, отражая приверженность Китая инновационному развитию и глобальному военному лидерству.

Заключение

Анализ опыта применения технологии ИИ в военной сфере двумя державами позволяет отметить, что, хотя концептуализация и институционализация применения ИИ в вооружен-

ных силах США и Китая еще не завершились и будут продолжать развиваться, крайне важно зафиксировать специфику подходов военно-политических кругов двух стран к данной области военного строительства.

Во-первых, у США и Китая различаются подходы к использованию достижений частного сектора в разработке искусственного интеллекта. Китай использует модель военно-гражданской интеграции, которая предполагает тесное сотрудничество военных и гражданских (частных) компаний в целях развития технологий, включая искусственный интеллект. Государственная поддержка и официальные механизмы упрощают это сотрудничество, что создает синергию между секторами и позволяет ускорить технологический прогресс. США, в свою очередь, делают акцент на партнерства с частным сектором, особенно через механизмы финансирования и закупок, такие как Экспериментальное подразделение оборонных инноваций (*Defense Innovation Unit, DIUx*). Однако здесь существуют сложности, вызванные напряженными отношениями между государственными структурами и технологическим сообществом (особенно Кремниевой долиной). Частные компании могут быть не готовы сотрудничать с Министерством обороны (которое было переименовано в Министерство войны), что осложняет быстрый процесс внедрения инновационных технологий в оборонный сектор.

Во-вторых, ЦВС КНР реализует широкомасштабную программу «интеллектуализации», которая направлена на внедрение ИИ во все аспекты деятельности Вооруженных Сил. Эта программа опирается как на централизованные инициативы, так и на инициативы отдельных военных округов или служб, что может приводить к экспериментам, конкуренции и долгосрочным достижениям, хотя и с риском неэффективности и сложности управления. Американские военные используют ИИ для решения более конкретных, специализированных задач. Например, проект *Maven* фокусируется на анализе данных, машинном обучении и автоматизации обработки видеоматериалов с беспилотников. Такой подход, ориентирован-

⁴⁷ Vassilev A., Oprea A., Fordyce A., Anderson H. Adversarial Machine Learning: A Taxonomy and Terminology of Attacks and Mitigations // National Institute of Standards and Technology. January 2024. URL: <https://csrc.nist.gov/pubs/ai/100/2/e2023/final> (accessed: 25.08.2024).

ный на конкретную миссию, может быть более управляемым в краткосрочной перспективе, но вызывает сложность в расширении и адаптации технологий ИИ для более широкого круга задач.

В-третьих, НОАК рассматривает ИИ как важный инструмент для поддержки принятия решений в командных структурах. Китай может стремиться к более высокой степени автоматизации, особенно в условиях, когда скорость военных операций может превысить возможности человеческого мышления. Это предполагает возможность перехода к новой модели командования, где ИИ играл бы ведущую роль. В то же время Китай пока сохраняет акцент на взаимодействии человека и машины, особенно в управлении пилотируемыми и беспилотными системами. Однако это может потребовать серьезных изменений в культуре командования НОАК, которая традиционно централизована. Министерство обороны США делает акцент на сотрудничестве человека и машины, настаивая на том, что люди всегда должны оставаться в «курсе событий», особенно когда речь идет о применении смертоносной силы. Американская военная доктрина исключает полную автономию систем вооружения, чтобы сохранить ответственность человека за принятие ключевых решений.

На основе анализа образа действия Китая и США по внедрению технологий ИИ в организацию Вооруженных Сил целесообразно сформулировать прогноз, что в будущем США и Китай начнут конкурировать в данной области. Учитывая, что международного режима, регулирующего применение технологий ИИ в военной сфере, на данный момент не существует, существует большая вероятность, что в разработках и внедрении данных технологий будет доминировать логика «дилеммы безо-

пасности». Данная ситуация может привести к дальнейшей милитаризации ИИ и увеличению стратегических рисков. Обе страны будут все активнее использовать ИИ для военных нужд, включая автономные боевые системы, кибервойну и прогнозирование угроз. Китай продолжит активно развивать концепцию «умной войны» (智能化战争, *zhi neng hua zhan zheng*), интегрируя ИИ в военное планирование и управление боевыми действиями. США, в свою очередь, будут стремиться сохранить превосходство, усиливая сотрудничество с союзниками и ограничивая экспорт критически важных технологий Китаю. Это повысит вероятность эскалации конкуренции и даже возникновения инцидентов, связанных с применением автономных систем вооружений.

Как представляется, продолжит развиваться тенденция к технологическому декаплингу между США и Китаем, особенно в области полупроводников, облачных вычислений и алгоритмов ИИ. Китай, стремясь к технологической автономии, будет развивать национальные платформы открытых инноваций и снижать зависимость от западного оборудования и программного обеспечения. США же будут усиливать санкции, ограничивая доступ Китая к передовым технологиям, таким как продвинутое полупроводники и квантовые вычисления.

Принимая во внимание, что технологии ИИ предъявляют высокие требования к интеллектуальным ресурсам, следует ожидать, что стратегическая конкуренция США и КНР охватит и образовательную сферу. Стремясь привлечь и удержать специалистов, обе страны могут начать применять ограничения на студенческие визы и ужесточение экспортного контроля на знания.

Поступила в редакцию / Received: 29.08.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 24.12.2025

Принята к публикации / Accepted: 27.03.2026

Список литературы

- Бартенев В. И. США в поисках новых технологических основ военного превосходства: дилеммы «третьей стратегии компенсации» // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 3. С. 30–42. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-3-48-30-42>; EDN: WEZRLF
- Кашин В. Б. КНР и «Третья стратегия компенсации» Министерства обороны США // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2016. Т. 8, № 3. С. 52–71. EDN: XTBSDP

- Ромашкина Н. П. Спутниковые системы управления с применением искусственного интеллекта // Вопросы кибербезопасности. 2023. № 6. С. 128–137. <https://doi.org/10.21681/2311-3456-2023-6-128-137>; EDN: KCWMNO
- Abaimov S., Martellini M. Artificial Intelligence in Autonomous Weapon Systems // 21st Century Prometheus : Managing CBRN Safety and Security Affected by Cutting-Edge Technologies / ed. by M. Martellini, R. Trapp. Cham, Switzerland : Springer, 2020. P. 141–177. https://doi.org/10.1007/978-3-030-28285-1_8
- Costello J., McReynolds J. China's Strategic Support Force: A Force for a New Era // China Strategic Perspectives (No. 13). Washington : National Defense University Press, 2018.
- Grissom A. The Future of Military Innovation Studies // Journal of Strategic Studies. 2006. Vol. 29, iss. 5. P. 905–934. <https://doi.org/10.1080/01402390600901067>
- Horowitz M. C., Allen G. C., Kania E. B., Scharre P. Strategic Competition in an Era of Artificial Intelligence. Washington, D.C. : Center for a New American Security, 2018. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep20444> (accessed: 25.08.2024).
- Huizing A., Heiligers M., Dekker B., de Wit J., Cifola L., Harmanny R. Deep Learning for Classification of Mini-UAVs Using Micro-Doppler Spectrograms in Cognitive Radar // IEEE Aerospace and Electronic Systems Magazine. 2019. Vol. 34, no. 11. P. 46–56. <https://doi.org/10.1109/MAES.2019.2933972>
- Hunter L. Y., Albert C. D., Henningan C., Rutland J. The Military Application of Artificial Intelligence Technology in the United States, China, and Russia and the Implications for Global Security // Defense & Security Analysis. 2023. Vol. 39, iss. 2. P. 207–232. <https://doi.org/10.1080/14751798.2023.2210367>; EDN: ZDAXVI
- Johnson J. The End of Military-Techno Pax Americana? Washington's Strategic Responses to Chinese AI-Enabled Military Technology // The Pacific Review. 2021. Vol. 34, iss. 3. P. 351–378. <https://doi.org/10.1080/09512748.2019.1676299>
- Kania E. B. Artificial Intelligence in China's Revolution in Military Affairs // Defence Innovation and the 4th Industrial Revolution / ed. by M. Raska, K. Zysk, I. Bowers. London : Routledge, 2022. P. 65–92. <https://doi.org/10.4324/9781003268215-4>
- Pinch T. J., Bijker W. E. The Social Construction of Facts and Artefacts: Or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology Might Benefit Each Other // Social Studies of Science. 1984. Vol. 14, iss. 3. P. 399–441. <https://doi.org/10.1177/030631284014003004>; EDN: JPZGKJ
- Rickli J.-M., Mantellassi F. Artificial Intelligence in Warfare: Military Uses of AI and Their International Security Implications // The AI Wave in Defence Innovation / ed. by M. Raska, R. A. Bitzinger. London : Routledge, 2023. P. 12–36. <https://doi.org/10.4324/9781003218326-2>
- Romashkina N. P., Markov A. S., Stefanovich D. V. Information Technologies and International Security. Moscow: IMEMO, 2023. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0613-7>; EDN: KPUTPY
- Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // World Politics. 1998. Vol. 51, no. 1. P. 144–172. <https://doi.org/10.1017/S0043887100007814>; EDN: HBAKCT
- Shou X. Zhanlüexue [Наука о военной стратегии]. Beijing : Junshi kexue chubanshe. [Пекин : Издательство военно-научной литературы], 2013. (На китайском языке).
- Zhao J., Zhang J., Li Z. Ji yu shen du qiang hua xue xi de lei da zhi neng jue ce sheng cheng suan fa [Интеллектуальный алгоритм принятия решений, основанный на глубоком обучении с подкреплением] // Xian Dai Lei Da [Современный радар]. 2022. Vol. 44, no. 12. P. 25–33. (На китайском языке).
- Zhu Q., Long K. How Will Artificial Intelligence Impact Sino-US Relations? // China International Strategy Review. 2019. Vol. 1, iss. 1. P. 139–151. <https://doi.org/10.1007/s42533-019-00008-9>; EDN: FUUCSB

Сведения об авторах:

Данилов Виталий Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, директор Центра прикладного анализа международных трансформаций, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 1625-5047; ORCID: 0009-0001-4678-7959; e-mail: danilov-va@rudn.ru

Данилова Елена Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 1683-1988; ORCID: 0000-0002-1628-551x; e-mail: danilova-ev@rudn.ru

Дубровский Иван Родионович — аспирант кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; ORCID: 0000-0003-2655-0927; e-mail: 1142230173@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-2-340-351

EDN: HEUYZG

Научная статья / Research article

Воздействие «мягкой силы» Китая на сознание русской студенческой молодежи

А.А. Гребенюк¹, А.М. Кумуков²✉¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация²Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация✉ almkumukov@ncfu.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена интенсификацией двусторонних отношений между Китайской Народной Республикой (КНР) и Российской Федерацией, основанных не только на тесных политических и экономических связях, но и на развитии и углублении гуманитарных контактов. КНР позиционирует себя как государство, «презентующее» собственную модель развития государства-цивилизации, которое существует уже шестое тысячелетие. Исторический период, когда Китай находился в числе догоняющих государств, преодолен, и КНР с полным основанием может считаться глобальной державой. Достигнув экономических успехов и продолжая реализовывать глобальный проект «Один пояс, один путь», руководство КНР уделяет значительное внимание формированию положительного имиджа страны в государствах, с которыми Пекин заинтересован сотрудничать. В это число входит Россия как глобальная держава, противостоящая неокOLONиальным сценариям развития мира, предлагаемым коллективным Западом. Исследование опыта Китая в оформлении политики «мягкой силы» представляет особый интерес, поскольку позволяет рассмотреть специфику национального контекста и значение этой политики для реализации глобальных, региональных и национальных внешнеполитических целей. Цель исследования — показать эффективность инструментов «мягкой силы», применяемых КНР в России. В основу исследования положен подход к имиджеобразованию как процессу формирования общественного мнения целевой группы, а основным методом исследования был выбран социологический анализ. Опираясь на изучение исследовательского опыта в определении «мягкой силы», авторами были выделены факторы, ставшие базовыми для представления имиджа Китая в российской молодежной среде: государственное управление, культура, наука и образование, бизнес, спорт, экология и цифровые технологии. Основной целевой группой, участвующей в социологическом опросе, стала студенческая аудитория российских вузов в возрасте от 17 до 29 лет. По итогам исследования авторами был сделан вывод о сформировавшемся положительном имидже Китая в среде российской студенческой молодежи. По мнению опрошенных, высокого уровня влияния на международную арену Китай достиг благодаря эффективному государственному управлению и технологическим достижениям, основанным на практикоориентированной системе образования.

Ключевые слова: имидж государства, Россия, инструменты мягкой силы, дискурсивная сила, российская молодежь, социологический анализ, государственное управление, образование и наука, цифровые технологии

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в опубликованную статью.

Вклад авторов. Гребенюк А.А.: концептуализация, разработка методологии исследования, работа с программным обеспечением, подготовка рукописи к публикации Кумуков А.М.: обработка эмпирических данных, подготовка черновика рукописи. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Гребенюк А.А., Кумуков А.М., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Гребенюк А. А., Кумуков А. М. Воздействие «мягкой силы» Китая на сознание российской студенческой молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 2. С. 340–351. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-340-351>; EDN: HEUYZG

The Impact of China's "Soft Power" on the Consciousness of Russian Student Youth

Aleksander A. Grebenyuk¹ , Albert M. Kumukov²

¹Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

²North-Caucasus Federal University (SCFU) Stavropol, Russian Federation

 almkumukov@ncfu.ru

Abstract. The rationale for this article can be explained through the intensification of bilateral relations between China and Russia, which rely not only on close political and economic ties, but also on the development and enhancement of humanitarian contacts. The People's Republic of China (PRC) positions itself as a state offering its own development model for the civilization-state, which has existed for over five millennia now. The period when China was among states striving to catch up has been left behind, so now it has every reason to be recognized as a global power. Having achieved economic success and going on with the "Belt and Road" global initiative, the Chinese leadership pays considerable attention to shaping a positive image of China in the countries Beijing is seeking to cooperate with. One of such countries is Russia, standing as a global power that opposes the neocolonial models of world development promoted by the collective West. The study of China's experience in implementing soft power methods is of particular interest since it allows considering the specific features of its national context, as well as its significance in pursuing goals related to global, regional and national foreign policy. The aim of this study is to reveal the effectiveness of soft power tools that the PRC is applying in Russia. The study is based on an approach to image building, which implies viewing it as a process of shaping the target group's opinion, whereas the main method employed within the research was sociological analysis. The authors, while relying on the research experience in defining "soft power," were able to identify the factors that are essential for presenting China's image among the Russian youth: public administration, culture, science and education, business, sports, environment, and digital technologies. The main target group involved in the sociological survey were students of Russian universities falling within the age group of 17–29. The authors employ the study outcomes to conclude that China has created a positive image among the Russian student youth. As reported by the respondents, the high level of influence that China has achieved in the international arena is due to its effective public management and technological advancements, which, are, in turn, based on an education system with a special focus on developing practical skills.

Key words: state image, Russia, soft power tools, discursive power, Russian youth, sociological analysis, public administration, education and science, digital technologies

Data availability statement. All data obtained during this study are included in the published article.

Authors' contributions. A.A. Grebenyuk: conceptualization, development of research methodology, work with software, preparation of the manuscript for publication. A.M. Kumukov: processing empirical data, preparation of a draft manuscript. Both authors have read the final version of the article and approved it.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Grebenyuk, A. A., & Kumukov, A. M. (2026). The impact of China's "soft power" on the consciousness of Russian student youth. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(2), 340–351. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-340-351>; EDN: HEUYZG

Введение

В условиях доминирования информации в постиндустриальном обществе «мягкая сила» становится одним из центральных понятий социально-политической реальности. Современ-

ное научное знание определяет «мягкую силу» как «непрямой» способ осуществления власти (Нье, 2002, р. 8), инструмент вовлечения стран в определенную внешнеполитическую повестку. Это достигается посредством использования имиджевой стратегии (Филимонов, 2012)

конструирования привлекательного образа государства — лидера мирового развития (субъекта «мягкой силы») (Гребенюк, 2022, с. 28; Соболева, Кривохиж, 2024, с. 122–124).

Вместе с тем потенциал «мягкой силы» значительно шире внешнеполитической повестки. Важной особенностью этой социальной технологии является возможность изменения общественных норм и социальных установок, формирования у населения стран — объектов воздействия «образа желаемого завтра», который будет основан на ценностях, социокультурных и политических практиках, а также социально-экономических особенностях развития государства-субъекта.

Китайская Народная Республика (КНР), став одним из ведущих акторов глобальных процессов, уделяет значительное внимание продвижению национальной «мягкой силы» в различных регионах мира. Для китайской политической мысли понятие «мягкой силы» не является универсальным. Можно выделить два подхода включения концепции «мягкой силы» во внешнеполитическую практику.

Первый, сформулированный Ван Синьяном, председателем Народного политического консультативного совета Китая, исходит из того, что в основе «мягкого» влияния Китая лежит китайская культура и китайский язык. Его продолжением в несколько измененном виде можно считать концепцию «Культура +», которую описали многие китайские исследователи, в частности Хуан Жуй и Ван Хунцян (Huang & Wang, 2025).

Второй подход, описанный Янь Сюэтуном, определяет китайскую культуру как один из компонентов наряду с военной, экономической и политической силой, составляющих государственную мощь государства и определяющих его имидж на международной арене (Yan, 2011).

Тем не менее китайская модель «мягкого» внешнеполитического воздействия была «догоняющей», основанной на апробированных западных практиках, представляющих, по словам И.Е. Денисова и И.Ю. Зуенко, инструментарий, состоящий из распространения китайского языка и китайской культуры, китайского

образования, развития туристической индустрии и т. п. (Денисов, Зуенко, 2022, с. 8–9.). Действия Пекина зачастую представляли собой прямую кальку с западных моделей и оказывали не всегда положительное действие. Достаточно отметить возникший феномен синофобии, зафиксированный в государствах Центральной Азии, где Китай особенно активно проявлял себя в 2010-х гг. (Зуенко и др., 2020).

К началу 2020-х гг. китайское руководство пришло к выводу, что применяемые Китаем инструменты «мягкой силы» не являются эффективными (Денисов, Зуенко, 2022, с. 10–11). На смену «культурной мягкой силе», основанной на знакомстве мира с достижениями великой китайской цивилизации, пришла «дискурсивная сила», цель которой — создать новые институциональные инструменты управления внешней средой, в которой Китай действует как растущая держава (Денисов, Зуенко, 2022).

Переход в политике Китая к практике дискурсивной силы заметен в Белой книге о сотрудничестве Китая в области международного развития в новую эпоху (январь 2021 г.) и в Белой книге «Совместное строительство „Одного пояса, одного пути“: важная практика формирования сообщества единой судьбы человечества» (сентябрь 2023 г.)¹. В китайском исследовательском нарративе (несмотря на частные уточнения трактовок) выработалось представление о «дискурсивной силе» как о возможности суверенного государства внедрять в международное сообщество — посредством официальной дипломатии, СМИ, неправитель-

¹ См.: Gongjian “Yidai Yilu”: Goujian Renlei Mingyun Gongtongti de Zhongda Shijian Baipishu (Quanwen) [Белая книга: Совместное построение инициативы «Один пояс, один путь»: важная практика в построении сообщества с общим будущим для человечества (полный текст)] // Информационное бюро Государственного совета Китайской Народной Республики. 10.10.2023. (На китайском языке). URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/zfbps_2279/202310/t20231010_773682.html (accessed: 08.12.2024); Xin shidai de Zhongguo Guoji Fazhan Hezuo Baipishu (Quanwen) [Белая книга о международном сотрудничестве Китая в области развития в новую эпоху (полный текст)] // Информационное бюро Государственного совета Китайской Народной Республики. 10.01.2021. (На китайском языке). URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2021n_2242/202207/t20220704_130669.html (accessed: 22.11.2024).

ственных обменов и прочих каналов — дискурс, содержащий определенные культурные концепции, ценности, идеологические установки таким образом, чтобы другие страны добровольно их принимали и соглашались с ними (Лексютина, Ю, 2023, с. 372). Отдельные китайские исследователи, в частности Жуань Цзяньпин, определяет дискурсивную силу как сочетание материальной мощи государства и культурную идентичность и называет ее «культурным империализмом» (Ruan, 2003). Такие авторы, как Хан Пугэн, Ли Чаосян, Сюй Сюцзюнь, видят в дискурсивной силе возможность властных органов транслировать культурные ценности в качестве базовых принципов политики государства (Li & Han, 2019; Xu & Tian, 2019).

Особенностью данного исследования является не столько изучение отдельных характеристик или направлений развития «мягкой силы» Китая, сколько анализ ее воздействия на население России, а именно на российскую молодежь при помощи инструментария эмпирической социологии.

Обзор литературы

Современные исследования «мягкой силы» сосредоточены на четырех направлениях.

Первое посвящено анализу сущности, характеристик и особенностей непосредственно «мягкой силы», которая рассматривается как социально-политическое явление, бренд, свойство или способность государства влиять как на глобальные политические процессы, так и на внутриполитические процессы в других странах (Lukes, 1974, p. 24; Nye, 2004b; Паршин, 2013; Леонова, 2013, с. 29–32). Большое внимание в данном подходе уделяется изучению совокупности внутренних ресурсов государства, так называемой ресурсной базы «мягкой силы».

В рамках *второго направления* разрабатываются методики оценки потенциала, влияния «мягкой силы», в соответствии с которым происходит рейтингование стран. К наиболее значимым исследованиям здесь следует отнести рейтинг *The Soft Power 30*, до 2019 г.

выпускавшийся консалтинговой компанией *Portland* совместно с американским Центром общественной дипломатии (*USC Centre of Public Diplomacy*)², Глобальный рейтинг «мягкой силы» (*Global Soft Power Index*) исследовательского центра *Brand Finance*³ и Рейтинг национальных брендов (*Country Brand Ranking*) консалтинговой компании *Bloom Consulting*⁴.

Третье направление сосредоточено на изучении сущностных характеристик, а также особенностей регионального распространения «мягкой силы» конкретных государств: США (Nye, 2004a), Великобритании (Харитонова, 2017), Турции (Benhaim & Öktem, 2015), Японии (Катасонова, 2017), Франции (Gomelaury, 2021), Республики Корея (Matosian, 2021), Испании (Борзова, Николашвили, 2020), Португалии (Борзова, Николашвили, 2021) и др.

В рамках третьего направления анализу различных аспектов «мягкой силы» Китая посвящено значительное количество работ как в российской, так и зарубежной политической науке. По данным наукометрического портала *eLibrary*, только за последние 10 лет по этому вопросу вышло более 160 публикаций — статей в научных рецензируемых журналах и монографий⁵.

Настоящее исследование следует отнести к *четвертому направлению*, в рамках которого «мягкая сила» рассматривается как **технология** влияния на политические процессы на глобальном уровне, использующая «несиловые» инструменты воздействия и имеющая четкие механизмы и алгоритмы реализации (Гребенюк, 2022; Филимонов, 2012; Русакова, 2010). Одной из исследовательских задач данного на-

² McClory J. The Soft Power 30 Report 2019 // Portland Communications. URL: <https://portland-communications.com/wp-content/uploads/2024/10/The-Soft-Power-30-Report-2019-1.pdf> (accessed: 11.12.2024).

³ Global Soft Power Index 2024 // Brand Finance. URL: <https://static.brandirectory.com/reports/brand-finance-soft-power-index-2024-digital.pdf> (accessed: 26.12.2024).

⁴ Bloom Consulting Country Brand Ranking // Bloom Consulting. URL: <https://www.bloom-consulting.com/en/country-brand-ranking> (accessed: 26.12.2024).

⁵ Рассчитано авторами по данным *eLibrary*. См.: <https://elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: 17.02.2025).

правления является разработка систем показателей и измерение непосредственного воздействия социальной технологии «мягкая сила» на различные социальные группы населения зарубежных стран. В современном политологическом знании это направление недостаточно развито, что обуславливает актуальность представленной работы.

Главной целью исследования стал сбор и анализ социологических данных о субъективном образе иностранных государств у российской студенческой молодежи для определения характера воздействия на нее технологии «мягкой силы» зарубежных стран.

Для достижения поставленной цели влияние «мягкой силы» иностранных государств анализировалось через сферы культуры и искусства, государственного управления, науки и образования, бизнеса, спорта, защиты окружающей среды и цифровых технологий. Эти сферы соответствуют методикам и индикаторам анализа «мягкой силы», апробированным в ведущих научных исследованиях и международных рейтингах, в том числе *Global Soft Power Index*, *Elcano Soft Presence Rating*, *The Soft Power 30*, *The New Persuaders* и др. Полученные данные позволили определить тенденции и ряд особенностей влияния «мягкой силы» Китая на российскую молодежь.

Материалы и методы

В 2021–2023 гг. в рамках трех волн исследования⁶ группой ученых Высшей школы современных социальных наук МГУ имени М.В. Ломоносова и Центра профилактики религиозного и этнического экстремизма Московского педагогического государственного университета было проведено изучение влияния «мягкой силы» иностранных государств на молодежь Российской Федерации на основе всероссийского социологического опроса. Полевая часть исследования была выполнена исследовательским холдингом «Ромир», специа-

листами которого в 2023 г. были опрошены студенты (мужчины и женщины в возрасте 17–29 лет), обучающиеся в российских вузах. Общее количество опрошенных составило 630 респондентов. В выборку было включено 60 вузов, подотчетных Министерству образования и науки РФ и 12 вузов, подотчетных Министерству просвещения РФ. В каждом вузе было опрошено не менее 10 и не более 40 студентов. В выборку вошли факультеты различных направлений (гуманитарные, технические и др.).

Инструментарий исследования представляет собой анкету, которая состоит из трех основных частей: скрининговая (отборочная) часть, основная часть (вопросы по задачам исследования), а также социально-демографический блок. Для сбора данных исследования использовался метод «снежного кома» (после рекрутинга респонденты получали ссылку на анкету, размещенную в сети Интернет, и самостоятельно отвечали на вопросы). Средняя продолжительность прохождения анкетирования составила около 10 минут. Респондентам в рамках ответа на открытые вопросы анкеты предлагалось указать государства (не более пяти вариантов), которые они считают лидерами по различным направлениям политического, социально-экономического и технологического развития.

Главной задачей эмпирического исследования являлось получение социологических данных от респондентов, которые, с одной стороны, не являются экспертами в области международных отношений, мировой экономики, технологического развития и т. д., а с другой — могут иметь свое субъективное представление о зарубежном государстве на основе потребляемой информации. В этой связи нас интересовали не соответствие получаемых от опрашиваемых данных реальному положению дел, а тот виртуальный образ зарубежных стран, сконструированный у респондентов на основе влияния «мягкой силы» этих стран через потребление различного информационного контента из различных источников (классических СМИ, социальных сетей, кинематографа, литературы и т. д.).

⁶ О первой (2021 г.) и второй (2022 г.) волнах исследования подробнее см.: (Гребенюк, 2022).

В рамках социологического исследования ставилась задача получения данных по воздействию «мягкой силы» целого ряда стран. Помимо Китая были получены данные о воздействии «мягкой силы» США, Великобритании, Франции, Германии, Японии и т. д. В этой связи вопросы непосредственно о знании китайского языка и о посещении самого Китая в анкету не вошли (Гребенюк, 2022).

Результаты исследования

Данные, полученные в ходе опроса в 2023 г., отчетливо демонстрируют тенденцию усиления влияния «мягкой силы» Китая на российскую молодежь. По подавляющему количеству показателей (10 из 12) значения КНР находятся в первой тройке ответов респондентов (табл. 1).

По мнению опрошенной молодежи, Китай входит в тройку наиболее влиятельных стран, вносящих весомый вклад в развитие глобальных процессов. По этому показателю он уступает только России (91 %, 1-е место), опережая Соединенные Штаты Америки (64 %), Германию (39 %), Японию (31 %), Великобританию (27 %), Индию (13 %), Францию (13 %), Беларусь и Турцию (по 8 %). Также Китай является одним из лидеров с точки зрения наилучшей системы государственного управления — 30 % (2-е место).

Несмотря на широкомасштабную кампанию в мировых СМИ по созданию негативного образа КНР в сфере защиты прав человека, рос-

сийские респонденты (19 %, 2-е место) выделили Китай среди государств, где эта сфера наиболее развита. Среди зарубежных стран Китай уступил только Швеции и опередил США. По показателю «Судебная система» Китай занял 4-е место, его указали 19 % респондентов.

Также можно отметить позитивный образ Китая в сфере науки и образования. КНР заняла 3-е место (49 %) по показателю «Наука и организация научных исследований», 2-е место (27 %) по показателю «Школьное образование» и 2-е место (47 %) по показателю «Высшее образование».

Экономическое и технологическое развитие Китая также нашло отражение в ответах респондентов. Так, Китай занял 1-е место (58 %) среди стран, в которых наиболее развиты цифровые технологии, и 2-е место (26 %) по показателю «наилучшие условия для открытия и ведения бизнеса». Вместе с тем показательно, что среди названных респондентами «самых известных в мире успешных бизнесменов» и «самых известных в мире IT-предпринимателей, владельцев крупных бизнесов в сфере цифровых технологий» не оказалось представителей КНР.

Наиболее проблемным аспектом китайской «мягкой силы» является показатель «Экология» (12 %, 9-е место). Респонденты не относят КНР к числу государств, в которых наилучшим образом защищается окружающая среда и уделяется необходимое внимание экологическим проблемам.

Таблица 1. Ключевые параметры влияния Китая в мире по мнению респондентов, опрошенных в 2023 г.

№ п/п	Параметр	Доля респондентов, %	Место среди предложенных стран
1	Глобальные процессы	77	2
2	Система государственного управления	30	2
3	Права человека	19	3
4	Судебная система	19	4
5	Наука и организация научных исследований	49	3
6	Школьное образование	27	2
7	Высшее образование	47	2
8	Открытие бизнеса	26	2
9	Экология	12	9
10	Цифровые технологии	58	1

Источник: составлено А.А. Гребенюком.

Также в ходе анкетирования респондентов просили перечислить любимых музыкальных исполнителей и кинофильмы, которые произвели глубокое впечатление. Среди ответов не фигурировал ни один китайский медийный продукт. Помимо этого, российские студенты не указывали КНР среди стран, в которые они хотели бы переехать для постоянного проживания или в которых они хотели бы, чтобы жили их дети.

За исследуемый период (2021–2023 гг.) показатели воздействия социальной технологии «мягкая сила» Китая на российскую молодежь демонстрируют устойчивую тенденцию к росту. По всем выделенным параметрам исследования отмечается положительная динамика (табл. 2).

Можно предположить, что поддержка китайскими властями российской позиции на мировой арене, постоянный обмен визитами глав государств и правительственных организаций, выход на российский и мировой рынок современных китайских технологических и автомобильных компаний и другие факторы оказали значительный имиджевый эффект, что нашло свое отражение в ответах информантов. Вместе с тем данное утверждение требует дополнительной эмпирической проверки, в том числе в части определения дополнительных факторов, детерминирующих рост показателей Китая (таких как, например, влияние российского «инфополя»).

Единственным направлением, по которому отмечается падение показателей КНР, является оценка системы государственного управления (–4 %). Также в ходе замера 2021 г. Китай не попал в топ-10 рейтинга по показателю защи-

ты прав человека, при этом в исследовании 2023 г. 19 % респондентов назвали его лидером по этому направлению.

Наибольшая положительная динамика по итогам рассматриваемого периода наблюдается в ответах респондентов о высшем образовании в Китае. Доля считающих, что страна является мировым лидером в данном направлении, увеличилась с 19 % в 2021 г. до 47 % в 2023 г.

Согласно данным опросов 2022 и 2023 гг., наибольшая доля респондентов считает Китай страной — лидером в сфере цифровых технологий (табл. 1). При этом показатели остальных стран, находившихся в топ-10 за период 2021–2023 гг., заметно снизились: США — на 12 %, Германии и Великобритании — на 6 %, Франция же практически перестала ассоциироваться у российской молодежи с лидерством в цифровой сфере (табл. 3).

Важно отметить, что усиление влияния «мягкой силы» Китая на российскую молодежь происходит одновременно с ослаблением этого влияния со стороны стран — лидеров западного мира (США, Великобритании, Германии и Франции). В этой связи интересным с позиции данного исследования является сравнение динамики показателей США и Китая, особенно в вопросах лидерства в сфере влияния на глобальные процессы (рис. 1). По такому важному показателю, как «страна, которая вносит наиболее весомый вклад в развитие глобальных процессов», в последнее время Китай стал значительно опережать США. Доля респондентов, указавших КНР, на 13 % больше, чем доля тех, кто указал Соединенные Штаты Америки.

Таблица 2. Динамика показателей Китая в волнах исследования, проводимых в 2021–2023 гг., % опрошенных

Параметр	Год			Разность показателей 2023 и 2021 гг.
	2021	2022	2023	
Глобальные процессы	73	77	77	+4
Система государственного управления	32	29	30	–2
Права человека	0	14	19	+5
Судебная система	18	19	19	+1
Наука и организация научных исследований	48	47	49	+1
Школьное образование	22	21	27	+5
Высшее образование	19	16	47	+28
Открытие бизнеса	19	23	26	+7
Экология	8	0	12	+4
Цифровые технологии	52	58	58	+6

Источник: составлено А.А. Гребенюком.

Таблица 3. Страны-лидеры в сфере развития цифровых технологий по мнению респондентов в 2021–2023 гг., % опрошенных

Страна	2021	2022	2023
США	68	55	56
Китай	52	58	58
Германия	17	13	11
Великобритания	12	6	6
Франция	4	—	—

Источник: составлено А.А. Гребенюком.

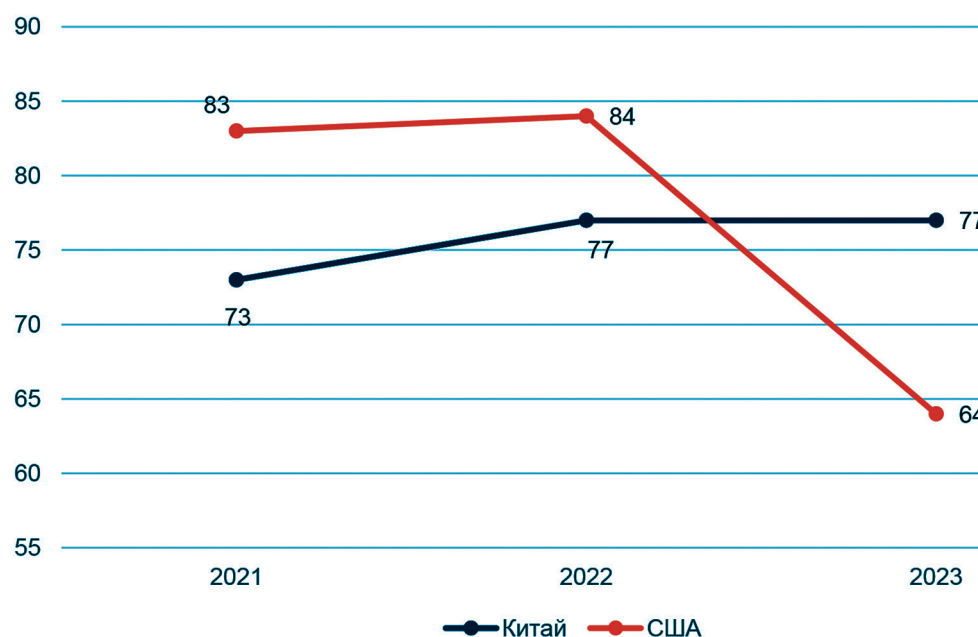

Рис. 1. Доля респондентов, отметивших влияние США и КНР на глобальные процессы в 2021–2023 гг., %

Источник: составлено А.А. Гребенюком.

В ходе проведения исследования выдвигалась гипотеза, что в Дальневосточном и Сибирском федеральных округах РФ доля респондентов, которые будут указывать Китай в качестве страны-лидера в различных сферах, будет выше, чем в остальных федеральных округах и в целом по России ввиду географической близости. Данные замера 2023 г. эту зависимость в целом опровергают. Она оказалась справедлива исключительно для показателя «страна-лидер, вносящая вклад в развитие глобальных процессов».

Также следует отметить большой потенциал дальнейшего увеличения эффективности воздействия «мягкой силы». Текущие показатели могут быть значительно увеличены при дальнейшем продвижении концепта открытия и развития бизнеса. Как показывают наши трехлетние замеры, Китай практически не продвигает имена своих бизнесменов, в том числе

в IT-сфере. Российские студенты не осведомлены об успешных китайцах — владельцах крупного бизнеса. В топ-10 они отсутствуют, несмотря на наличие большого количества успешных высокотехнологичных проектов из Поднебесной.

Помимо этого, в недостаточной мере развивается информационное сопровождение китайской экологической повестки. В 2022 г. Китай даже не попал в топ-10 стран нашего исследования по данному направлению. Также в сфере спорта практически отсутствуют китайские паттерны: в топ-10 нет ни одного китайского спортсмена, слабо представлены крупные международные соревнования. Например, зимнюю Олимпиаду 2022 г. указали только 2 % респондентов. Активизация работы по увеличению эффективности «мягкой силы» по этим направлениям может дать Китаю дополнительные рычаги «мягкосилового» воздействия, в том числе в мировом масштабе.

Место Китая в глобальных рейтингах «мягкой силы»: сравнительный анализ

Приведем данные о месте «мягкой силы» Китая в рейтингах «Глобальный индекс мягкой силы» консалтинговой компании *Brand Finance* и «Рейтинге мягкого присутствия» (*Soft Presence Rating*) Королевского института Элькано (Испания). Методики выбранных нами рейтингов позволяют получить комплексную системную оценку «мягкой силы» государства на основе сочетания как статистических, так и социологических аналитических инструментов.

Согласно данным рейтинга «Глобальный индекс мягкой силы», КНР, добившись существенного улучшения общего показателя «мяг-

кой силы» в 2024 г. (+6,2 балла), продолжает планомерно укреплять свои позиции. По итогам замера Китай поднялся на 3-е место, опередив Германию и Республику Корея. Китайская «мягкая сила» стала доминирующей среди государств Азиатско-Тихоокеанского региона. Заметный прогресс почти по всем направлениям отражает растущее глобальное влияние Китая (рис. 2). От Великобритании, занимающей 2-е место, Китай отделяет 0,6 балла. В случае сохранения подобной положительной динамики в дальнейшем китайская «мягкая сила» может еще больше укрепить свои позиции и приблизиться к США. При этом в «Рейтинге мягкого присутствия» КНР занимает вторую позицию, также пропуская вперед США, но опережая Великобританию (табл. 4).

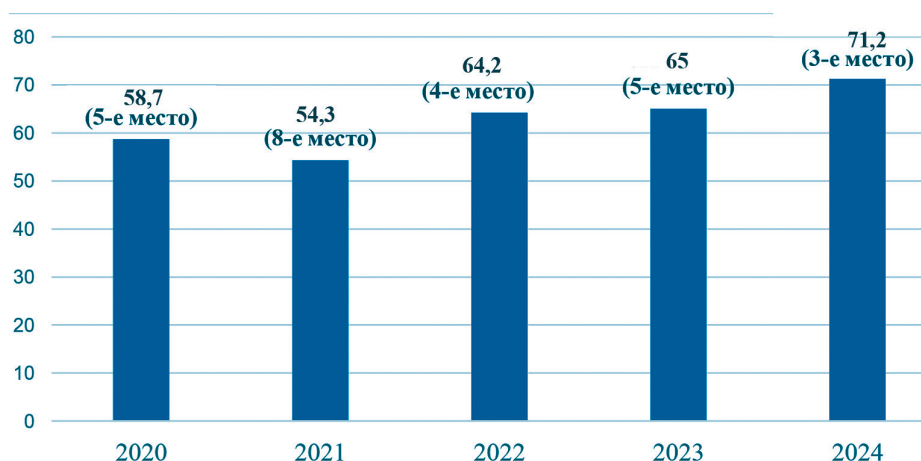

Рис. 2. Динамика показателей Китая в рейтинге Global Soft Power Index в баллах в 2020–2024 гг.

Источник: составлено А.А. Гребенюком по данным: Jagodzinski K. Global Soft Power Index 2024 — A World in Flux // Brand Finance. February 29, 2024. URL: <https://brandfinance.com/insights/global-soft-power-index-2024-a-world-in-flux> (accessed: 12.03.2024).

Таблица 4. Топ-10 стран мира по данным рейтингов *Global Soft Power Index* и *Soft Presence Rating* в 2024 г.

Место	Global Soft Power Index	Soft Presence Rating
1	США	США
2	Великобритания	КНР
3	КНР	Великобритания
4	Япония	Германия
5	Германия	Япония
6	Франция	Франция
7	Канада	Индия
8	Швейцария	Канада
9	Италия	Италия
10	Объединенные Арабские Эмираты	Турция

Источник: составлено А.А. Гребенюком по данным: Jagodzinski K. Global Soft Power Index 2024 — A World in Flux // Brand Finance. February 29, 2024. URL: <https://brandfinance.com/insights/global-soft-power-index-2024-a-world-in-flux> (accessed: 12.03.2024); 2024 Ranking // Real Instituto Elcano. URL: <https://www.globalpresence.realinstitutoelcano.org/en?years=2024> (accessed: 13.10.2025).

Наибольший вклад в прогресс Китая вносят такие ключевые компоненты «мягкой силы», как «сфера бизнеса и торговли» (3-е место) и «сфера образования и науки» (3-е место). Эти компоненты являются основными драйверами, определяющими рост показателей КНР.

Вместе с тем данные агентства *Brand Finance* свидетельствуют о непропорционально низких значениях в оценке Китая такого индикатора индекса, как «Люди и ценности» (*People and Values*). По таким его показателям, как «дружелюбный» (*Friendly*) и «веселый» (*Fun*), Китай занимает 122-е место в обеих категориях. С одной стороны, этот факт еще раз подтверждает ограничения культурно-идеологического основания китайской «мягкой силы», о чем мы писали выше, а с другой — отчетливо свидетельствует о точках потенциального роста при правильной корректировке китайскими властями информационного позиционирования в глобальном пространстве.

Заключение

Результаты исследования показывают наличие сформированного положительного образа Китая в сознании российской молодежи. КНР рассматривается респондентами как один из глобальных полюсов, определяющих векторы мировой политики, и как лидер технологического развития, имеющий развитые науку и образование. По мнению российских студентов, данные компоненты опираются на эффективную систему государственного управления.

Однако важно подчеркнуть, что в рамках анализа формирования образа Китая у российской молодежи достаточно сложно дифференцировать влияние непосредственно китайской «мягкой силы» от воздействия внутренней информационной повестки российских СМИ, которые достаточно широко освещают развитие КНР, российско-китайское политическое и экономическое сотрудничество. Вместе с тем российские медиа

в большинстве случаев опираются на те же паттерны и концепты, которые характерны для «мягкой силы» Китая (ее экономические, геополитические и технологические компоненты), являясь дополнительными каналами распространения положительной информации о КНР. В этой связи полученные в ходе проведенного социологического замера выводы о тенденциях роста влияния «мягкой силы» Китая являются обоснованными.

«Мягкая сила» Китая формирует в большей степени положительное представление о стране и ее имидж, но не конструирует образ будущего, образ желаемого завтра. Российская молодежь не стремится жить в Китае или жить «как в Китае». Об этом свидетельствует несформированность миграционных установок на переезд в Китай и отсутствие желания, чтобы там жили дети респондентов. Данный факт отличает влияние китайской «мягкой силы» от, например, американской. Также важно отметить, что респонденты из Дальневосточного и Сибирского федеральных округов РФ ввиду географической близости чаще выделяют Китай как влиятельного игрока в глобальных политических процессах, однако по остальным параметрам их ответы незначительно отличаются от ответов респондентов из других федеральных округов.

Слабой частью ресурсной базы «мягкой силы» Китая является ее социокультурный компонент. Наличие в мировом информационном пространстве успешных музыкальных и кинематографических продуктов еще более усилило бы потенциал и эффективность «мягкой силы» КНР. Образцы традиционной китайской культуры также не являются универсальными в глобальном масштабе. Помимо этого достаточно развитый в Китае спорт высших достижений практически не продуцирует медийных звезд мирового уровня, подобных российским знаменитым спортсменам, таким как Александр Овечкин, Мария Шарапова или Хабиб Нурмагомедов.

Данные трех волн эмпирического исследования (2021, 2022, 2023 гг.) свидетельствуют о четкой тенденции роста воздействия «мягкой силы» Китайской Народной Респу-

блики на российскую молодежь, несмотря на целый ряд ограничивающих факторов (прежде всего, в сфере культурной политики), в которых вместе с тем заложен потенциал усиления китайского влияния на эту референтную группу.

Поступила в редакцию / Received: 03.04.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 24.10.2025

Принята к публикации / Accepted: 27.03.2026

Список литературы

- Борзова А. Ю., Николашвили Н. Д. «Марка Испания»: разработка государственной политики Испании по реализации «мягкой силы» // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 2. С. 77–93. EDN: KAHLSР
- Борзова А. Ю., Николашвили Н. Д. Сравнительный анализ испанской и португальской модели «мягкой силы» // Современная Европа. 2021. № 3. С. 38–49. <https://doi.org/10.15211/soveurope320213849>; EDN: EANCNS
- Гребенюк А. А. Социальная технология «мягкая сила»: концепт, практика измерения и оценка эффективности. Москва : Нестор-История, 2022. EDN: BUOYMF
- Денисов И. Е., Зуенко И. Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР. Москва : МГИМО МИД России, 2022. EDN: FOPVCB
- Зуенко И. Ю., Кулинцев Ю. В., Мукамбаев А. А., Рахимов К. К. Антикитайские протесты на постсоветском пространстве // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18, № 6. С. 174–186. EDN: SVQMBC
- Катасонова Е. Л. Япония и проблемы «мягкой силы» // Труды Института востоковедения РАН. 2017. № 3. С. 56–70. EDN: XSHZHN
- Лексютин Я. В., Ю Ю. Концепт международной дискурсивной силы в идеологии внешней политики Китая // Российско-китайские исследования. 2023. Т. 7, № 4. С. 367–380. [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7\(4\).367-380](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7(4).367-380); EDN: PFSLWE
- Леонова О. Г. Мягкая сила — ресурс внешней политики государства // Обозреватель. 2013. № 4. С. 27–40. EDN: PXVNNT
- Паришин П. Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России. Москва : МГИМО МИД России, 2013. EDN: DWKIFL
- Русакова О. Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. № 10. С. 173–192. EDN: NRVJNB
- Соболева Е. Д., Кривохиж С. В. Китайский стратегический нарратив о международной системе и его адаптация для разных иностранных аудиторий // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 6. С. 119–128. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-6-119-128>; EDN: FDBYSF
- Филимонов Г. Ю. Актуальные вопросы формирования российского потенциала «мягкой силы» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2012. № 1. С. 67–82. EDN: OOBTRJ
- Харитонов Е. М. «Мягкая сила» в политике Великобритании: борьба за целевые аудитории // Пути к миру и безопасности. 2017. № 2. С. 28–36. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2017-2-28-36>; EDN: YLWYCM
- Benhaim Y., Öktem K. The Rise and Fall of Turkey's Soft Power Discourse: Discourse in Foreign Policy under Davutoğlu and Erdoğan // European Journal of Turkish Studies. 2015. No. 21. P. 2–22. <https://doi.org/10.4000/ejts.5275>
- Gomelaury A. S. French “Soft Power” in the Context of the Pandemic: Limiting Traditional Ways of Influence // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12, № 3. С. 115–121. <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2021-12-3-114-121>; EDN: PNNNH
- Huang R., Wang H. How Is the Development of Industrial Digital-Real Integration Progressing?—Evidence from China's Cultural Industries // Humanities and Social Sciences Communications. 2025. Vol. 12, iss. 1. P. 1–12. <https://doi.org/10.1057/s41599-025-04743-w>; EDN: KAE0IH
- Li C. X., Han P. G. Guo ji hua yu quan de san chong wei du he ji ben gou cheng [Три измерения и основные компоненты международной дискурсивной силы] // Xue Xi Yu Tan Suo [Изучение и исследование]. 2019. No. 5. P. 14–18. (На китайском языке).
- Lukes S. Power : A Radical View. London : Macmillan Press, 1974.
- Matosian A. E. The Key Components of South Korea's Soft Power: Challenges and Trends // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23, № 2. С. 279–286. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-2-279-286>; EDN: ANCXZM

- Nye J.S., Jr. Soft Power and American Foreign Policy // *Political Science Quarterly*. 2004a. Vol. 119, iss. 2. P. 255–270. <https://doi.org/10.2307/20202345>
- Nye J.S., Jr. *Soft Power : The Means to Success in World Politics*. New York : Public Affairs, 2004b.
- Nye J.S., Jr. *The Paradox of American Power : Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*. New York : Oxford University Press, 2002.
- Ruan J. P. Hua yu quan yu guo ji zhi xu de jian gou [Дискурсивная сила и построение международного порядка] // Xian dai guo ji guan xi [Современные международные отношения]. 2003. No. 5. P. 31–38. (На китайском языке).
- Xu X., Tian X. Quan qiu zhi li shi dai xiao guo gou jian guo ji hua yu quan de luo ji — yi tai ping yang dao guo wei li [Логика малых государств в конструировании международной дискурсивной силы в эпоху глобального управления — на примере островных государств Тихого океана] // Dang Dai Ya tai [Современный Азиатско-Тихоокеанский регион]. 2019. No. 2. P. 95–125. (На китайском языке).
- Yan X. *Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power* / ed. by D. A. Bell, S. Zhe ; transl. by E. Ryden. Princeton : Princeton University Press, 2011.

Сведения об авторах:

Гребенюк Александр Александрович — доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе, Высшая школа современных социальных наук (факультет), МГУ имени М. В. Ломоносова; Российская Федерация, 119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13; eLibrary SPIN-код: 4007-9651; ORCID: 0000-0001-9003-4551; e-mail: gaa-mma@mail.ru

Кумуков Альберт Мусабиевич — кандидат исторических наук, проректор по международному сотрудничеству, Северо-Кавказский федеральный университет; Российская Федерация, 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1; eLibrary SPIN-код: 5924-2798; ORCID: 0009-0009-9715-8843; e-mail: almkumukov@ncfu.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО INTERNATIONAL ACADEMIC COOPERATION

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-2-352-371

EDN: GWBGFP

Научная статья / Research article

Цифровизация и формирование образа страны: лонгитюдные данные о восприятии России студентами японских университетов

Л.В. Жилина

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Российская Федерация

 larissa-zhilina@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена долговременная динамика восприятия России японскими студентами университетов и используемых ими источников информации в контексте трансформации международных отношений в условиях цифровизации глобальной информационной среды. Эмпирическую основу исследования составляют данные шести волн оригинальных социологических опросов, проведенных в университетах Японии в 2007, 2012, 2021, 2022, 2023 и 2024 гг. С применением количественного и качественного анализа закрытых и открытых вопросов выявлены изменения в структуре информационного потребления и ассоциативных образах России в различные периоды. Результаты исследования свидетельствуют о постепенном изменении моделей получения японской молодежью международной информации: роль онлайн-источников последовательно возрастает, тогда как значение традиционных средств массовой информации, прежде всего печатных изданий, в данной возрастной группе снижается. Вместе с тем традиционные СМИ сохраняют заметное влияние в информационном пространстве Японии в целом, особенно среди старших возрастных когорт, что отражает многоуровневый характер формирования внешнеполитических представлений. Анализ позволил обнаружить усиление визуальных и географических ассоциаций, а также рост персонализации образа России через фигуру ее политического руководства. Начало специальной военной операции (СВО) в 2022 г. привело к временному увеличению негативных, конфликтно-ориентированных ассоциаций, однако данный эффект носил краткосрочный характер и ослаб в последующие годы. Несмотря на сохраняющуюся геополитическую напряженность, интерес японских студентов к культурным аспектам образа России, прежде всего к национальной кухне, демонстрирует умеренный, но устойчивый рост. В результате исследования было установлено, каким образом цифровая информационная среда и событийно обусловленное освещение международных кризисов влияют на формирование образов государств в массовом сознании молодежной аудитории, подчеркивая их изменчивость и зависимость от медиаконтекста в цифровую эпоху.

Ключевые слова: цифровизация, международный имидж страны, японская молодежь, смещение источников информации

Благодарности. Автор выражает благодарность д-ру К. Ёсиз (Японский женский университет, г. Токио), д-ру В. Молодякову (Университет Такусёку, г. Токио), д-ру П. Подалко (Университет Аояма Гакуин, г. Токио), г-же Е. Бакун (Университет Кансай, Городской университет г. Осака) и г-же Р. Омура (Институт международ-

© Жилина Л.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ной культуры, г. Токио) за поддержку проведения опросов с японской стороны. Особая благодарность Японскому Фонду за поддержку исследований в 2007 и 2012 гг. исследовательскими грантами. Автор также хотела бы выразить признательность г-ну Т. Вильямсу (консультанту по политическим вопросам, г. Лондон) за его ценные советы и проницательные комментарии.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Жилина Л. В. Цифровизация и формирование образа страны: лонгитюдные данные о восприятии России студентами японских университетов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 2. С. 352–371. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-352-371>; EDN: GWBGFP

Digitalization and Country Image Formation: Longitudinal Evidence from Japanese University Students' Perceptions of Russia

Larisa V. Zhilina

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

 larissa-zhilina@yandex.ru

Abstract. This article examines the longitudinal dynamics of Japanese university students' perceptions of Russia and their sources of information in the context of changing international relations under the conditions of the digitalization of the global information environment. The empirical basis of the study consists of six waves of original sociological surveys conducted at Japanese universities in 2007, 2012, 2021, 2022, 2023, and 2024. Using quantitative and qualitative analysis of closed- and open-ended questions, the research identifies changes in patterns of international information consumption and in associative images of Russia across different periods. The findings indicate a gradual shift in how young Japanese audiences obtain information on international affairs: the role of online sources has been steadily increasing, while the importance of traditional mass media, particularly print newspapers, has been declining within this age group. At the same time, traditional media continue to exert a notable influence on Japan's information landscape as a whole, especially among older generations, reflecting the multi-layered nature of foreign policy perception formation. The analysis also reveals the growing prominence of visual and geographical associations, as well as an increasing personalization of Russia's image through its political leadership. The escalation of the Russo-Ukrainian conflict in 2022 led to a temporary rise in negative, conflict-oriented associations; however, this effect proved to be short-lived and weakened in subsequent years. Despite sustained geopolitical tensions, interest in cultural dimensions of Russia's image, most notably national cuisine, has shown a modest but consistent increase. The findings of the study demonstrate how the digital information environment and event-driven coverage of international crises influence the formation of state images in the mass consciousness of young audiences, underscoring the dynamic nature of these perceptions and dependence on media context in the digital age.

Key words: digitalization, international image of the country, Japanese youth, shifting of information sources

Acknowledgements. The author gratefully acknowledges Dr. K.Yoshie (JWU), Tokyo) Dr. V. Molodyakov (Takushoku University, Tokyo), Dr. P. Podalko (Aoyama Gakuin University, Tokyo), Mrs. E. Bakoun (Kansai University, Osaka City University), Mrs. R. Ōmura (Inter-Cultural Institute, Tokyo) for supporting this questioner's opinion polls from Japanese side. The author gratefully acknowledges The Japan Foundation for awarded Research Grants in 2007 and 2012. The author would like to acknowledge Mr. Tafawa Williams (Policy & Political Affairs Consultant, London, United Kingdom) for his valuable advice and insightful comments to this study.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Zhilina, L. V. (2026). Digitalization and country image formation: Longitudinal evidence from Japanese university students' perceptions of Russia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(2), 352–371. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-352-371>; EDN: GWBGFP

Введение

Цифровизация существенно расширила возможности государств и негосударственных акторов по взаимодействию с глобальной аудиторией и влиянию на общественные дискуссии по внутренним и международным вопросам, ускоряя циркуляцию политической информации и интерпретацию событий (Fasinu et al., 2024). В рамках исследований международных отношений давно отмечается, что восприятие государств и международных процессов неотделимо от образов, формирующихся и транслируемых через медиасреду (Boulding, 1956). С этой точки зрения международные отношения могут рассматриваться как пространство формирования и трансформации образов государств в глобальной информационной среде.

В рамках данного исследования фокус смещается с анализа дипломатических практик или внешнеполитических институтов на изучение образов государств и механизмов их формирования в массовом сознании. Под образом государства понимается совокупность устойчивых ассоциаций, представлений и оценок, опосредованных медиакommunikацией и влияющих на интерпретацию внешнеполитических событий. Такой подход позволяет рассматривать «политику образов» как важное измерение международных отношений, дополняющее, но не подменяющее анализ их властных и институциональных аспектов (Tehrani, 1999).

Значимость опосредованных образов государств возрастает в условиях усиления международной напряженности и роста роли медиасреды в интерпретации конфликтов и кризисов. Современные международные споры все чаще сопровождаются интенсивным информационным измерением, в рамках которого конкурирующие нарративы формируют общественное понимание событий и влияют на политическую интерпретацию происходящего (Webster, 2003, p. 57). В таких условиях образы государств, формирующиеся в сознании зарубежной общественности, становятся важным, хотя нередко недооцененным, аспектом международных отношений. Социологические опросы

общественного мнения в этом контексте рассматриваются как эмпирический инструмент, позволяющий выявлять динамику трансформации национальных образов и их связь с изменениями в двусторонних отношениях (Chugrov & Streltsov, 2017).

Несмотря на рост числа исследований, посвященных данной проблематике, в них сохраняются два существенных пробела. Во-первых, анализ национальных образов по-прежнему в значительной степени сосредоточен на западных аудиториях. Во-вторых, хотя цифровая медиасреда признается ключевым фактором формирования современных образов государств, эмпирические исследования редко систематически анализируют связь между различными источниками информации и вариациями восприятия иностранных государств среди социально и политически значимых групп. В результате взаимосвязь между медиапотреблением и формированием национального образа вне рамок прямых конфликтов или формализованных союзов остается недостаточно изученной.

Данное исследование направлено на восполнение этих пробелов и посвящено анализу источников формирования образа России в Японии. Япония, будучи высокотехнологичным обществом¹, глубоко интегрированным в глобальные информационные потоки, представляет собой контекст, в котором транснациональные медианарративы циркулируют при относительно низком уровне структурных барьеров. Одновременно Япония занимает особое положение в международной системе, которое определяется в том числе сложными историческими отношениями с Россией при отсутствии прямой военной конфронтации, а также изменчивым дипломатическим взаимодействием двух стран. Это позволяет анализировать восприятие России в Японии в усло-

¹ 118,6 млн Интернет-пользователей составляют 94,0 % от 126 млн жителей Японии. Для сравнения: Индия — 1,24 млрд (88,0 %), Китай — 1,13 млрд (80,0 %). Россия занимает 9-е место в мире по этому показателю — 146 млн граждан (85,0 %), а Япония замыкает первую десятку. См.: Top 10 Countries with the Highest Number of Internet Users in 2026 // Icon Polls. April 16, 2025. URL: <https://iconpolls.com/blogs/top-10-countries-with-the-highest-number-of-internet-users-in-2026> (accessed: 14.10.2025).

виях, не определяемых активным конфликтом или жесткой логикой альянсов.

В рамках данного национального контекста исследование фокусируется на студентах университетов как социальной группе, находящейся на пересечении интенсивного медиапотребления², высокого образовательного капитала и продолжающейся политической социализации. Существующие исследования показывают, что уровень образования является важным предиктором обращения к разнообразным источникам международной информации³ и вовлеченности в политический дискус. Как будущие профессионалы, лидеры общественного мнения и потенциальные представители политических и административных элит, студенты университетов формируют восприятие иностранных государств, которое не только отражает текущие тенденции медиарованного конструирования образов, но и влияет на долгосрочную эволюцию внешнеполитического дискурса.

В этом контексте необходимо ответить на следующие исследовательские вопросы:

- На какие источники информации опираются японские студенты университетов при формировании своего восприятия России?
- Как модели потребления медиа связаны с изменениями в имидже России, сложившемся у этой аудитории?
- В какой степени различные типы источников информации, такие как отечественные средства массовой информации, международные новостные агентства и цифровые или социальные медиа, соответствуют различным интерпретационным рамкам и оценочным ориентациям по отношению к России?

² В глобальном масштабе 19,0 % пользователей Интернета находятся в возрасте 18–24 лет, а более трети пользователей — в возрасте от 25 до 34 лет. См.: Distribution of Internet Users Worldwide as of February 2024, by Age Group // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/272365/age-distribution-of-internet-users-worldwide/> (accessed: 14.10.2025).

³ Nielsen R. K., Fletcher R. The Importance of Public Service Media for Individuals and for Society // Reuters Institute. June 14, 2023. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2023/importance-public-service-media-in-dividuals-society> (accessed: 03.11.2025).

Основываясь на оригинальных данных опроса, собранных автором в японских университетах, данное исследование стремится внести вклад в дискуссию о формировании общественного мнения посредством СМИ, политике имиджа и роли коммуникационной среды в этом процессе.

Методология исследования

Выбор целевой группы

В различных направлениях исследований, посвященных изучению эффектов имиджа страны, в качестве основных объектов анализа выступали разные социальные группы. В исследованиях в области бизнеса и маркетинга основное внимание, как правило, уделяется туристам и потребителям, тогда как работы в сфере коммуникационных исследований акцентируют роль иностранных журналистов, а исследования в области публичной дипломатии преимущественно фокусируются на установках и настроениях зарубежной общественности (Buhmann, 2016). Важно отметить, что различные социальные группы склонны формировать отличающиеся образы социальных объектов, обусловленные их социальным положением, опытом и моделями потребления информации (Ingenhoff & Sommer, 2010).

В рамках анкетирования, лежащего в основе нашего исследования, в качестве целевой группы были выбраны студенты университетов. Возраст участников составлял 18–24 года — этап жизненного цикла, связанный с формированием молодежной идентичности, коллективных практик и относительно устойчивых способов интерпретации социальной реальности. Общий формирующий опыт в этой возрастной группе может способствовать формированию схожих взглядов и интерпретационных моделей (Mannheim, 1952). Кроме того, обучение в университете отличает этих молодых людей от их сверстников, не получающих высшее образование, поскольку статистически повышает вероятность их последующего вхождения в интеллектуальную или управленческую элиту, а также их потенциального участия в формировании будущих образовательных

и общественных траекторий (Zielińska & Soku-gyanska, 2016).

Многие респонденты обучались по таким программам, как «Политология», «Право», «Международные отношения» или «Экономика». Такой образовательный бэкграунд предполагает более высокую вероятность политической вовлеченности, что может напрямую влиять на формы демократического участия (Sunshine Hillygus, 2005, p. 41), а также на будущую деятельность в сфере международных отношений или разработки и реализации государственной политики. С методологической точки зрения относительная однородность студенческой аудитории способствует аналитической ясности, ограничивая влияние структурных различий внутри выборки. Подробная информация о составе выборки и применяемых методологических процедурах представлена ниже.

В то же время фокусирование на студентах университетов неизбежно связано с определенной степенью элитарного смещения, поскольку данная группа не отражает всего спектра социально-экономических условий и жизненных траекторий, характерных для японской молодежи в целом. Однако, несмотря на это ограничение, студенты университетов представляют собой стратегически важную подгруппу. Их активное взаимодействие со СМИ, высокий уровень образования и продолжающаяся политическая социализация делают их одновременно участниками производства знаний, публичного дискурса и будущего влияния на политику. Поскольку они являются будущими профессионалами и потенциальными лидерами общественного мнения, многие из которых впоследствии могут занять позиции в административных или политических элитах, восприятие ими иностранных государств, формирующееся в период становления, в долгосрочной перспективе, вероятно, будет оказывать влияние на более широкие общественные нарративы и установки в сфере политики. Вот почему изучение этой группы дает представление не только о современных моделях потребления СМИ и формировании имиджа стран, но и о появлении будущих тенденций в дискурсе международных отношений, что делает их

весьма актуальной группой для понимания опосредованного восприятия зарубежных стран.

Студенты университетов составляют особенно важную часть молодежной популяции, для которой характерны динамичные политические предпочтения и меняющиеся модели политического поведения, а также относительно высокий уровень воздействия средств массовой информации и политической осведомленности. Их активное участие в процессах смыслообразования, связанных с международной политикой, глобальными нормами и национальной идентичностью, делает их особенно подходящими для изучения формирования и интерпретации образов стран. Обращаясь к этой социально и политически значимой группе, исследование способствует пониманию того, как в Японии формируются опосредованные представления о зарубежных государствах (Жилина, 2024; Zhilina, 2023).

Участники опросов

В данном исследовании используются данные опросов, собранные в несколько этапов в период 2007–2024 гг. В них участвовали студенты нескольких японских университетов.

Первый этап сбора данных был проведен в Японском женском университете (JWU) в октябре 2007 г., за ним последовал второй этап в Университете Аояма Гакуин в период с апреля по июль 2012 г. В каждом из этих опросов приняли участие по 400 респондентов⁴.

Последующие этапы проводились в 2021–2024 гг. с использованием анонимных онлайн-анкет. В этот период в исследовании участвовали следующие университеты: Городской университет г. Осака (переименованный в Университет г. Осака в 2022 г.), Университет Такусёку, Университет Кансай, Университет г. Кобе, Университет Квансей Гакуин (Кангаку), Университет Досиса и Университет Аояма Гакуин.

Данные за 2007 и 2012 гг. используются в исследовании в основном в качестве отправных точек для контекстуализации долгосроч-

⁴ Исследовательский проект «Представления о странах-соседях: Япония и Россия : сравнительные исследования», проведенный в 2007 и 2012 гг., был поддержан грантами Японского фонда.

ных тенденций, в то время как основной эмпирический анализ этого исследования сосредоточен на данных, собранных в 2021–2024 гг. и отражающих современные модели использования медиа в цифровой среде.

Возраст большинства респондентов составлял от 18 до 24 лет, а небольшое число респондентов, немного выходящих за этот диапазон, являлись аспирантами указанных университетов. Эти «близкие» категории позволили учесть преемственность образовательных и профессиональных траекторий и дополнительно обогатить анализ, не снижая однородности основной группы.

Распределение по полу в последних волнах опроса было следующим:

- 59,4 % мужчин и 40,6 % женщин в 2021 г.;
- 56,9 % мужчин и 43,1 % женщин в 2022 г.;
- 55,7 % мужчин и 44,3 % женщин в 2023 г.;
- в 2024 г. доля мужчин составила 58,3 %, женщин — 41,7 %.

В 2021 и 2022 гг. размер выборки составил по 155 респондентов, в 2023 г. — 106 респондентов⁵ и в 2024 г. — 165 респондентов.

Хотя размеры выборок в последних волнах относительно невелики, они достаточны для выявления характерных тенденций и закономерностей в четко определенной и относительно однородной группе населения — группе студентов японских университетов. Данная группа респондентов особенно хорошо подходит для изучения изменений в предпочтениях источников информации о России и связанных с этим изменений в восприятии и отношении к этой стране в цифровую эпоху.

Сбор данных

Сбор данных проводился в октябре 2007 г., апреле-июле 2012 г. и апреле-июле 2021–2024 гг.⁶ Участие в опросе было полностью

добровольным. В 2007 и 2012 гг. анкеты распространялись в университетских аудиториях и заполнялись только студентами, согласившимися участвовать в опросе. Начиная с 2021 г. сбор данных осуществлялся посредством онлайн-опросов, проводимых через *Google Forms*. Процесс сбора данных включал отправку первоначального электронного письма с объяснением цели исследования и ссылкой на анкету. Дополнительные объявления размещались в студенческих чатах университетов. Для обеспечения анонимности функция сбора адресов электронной почты была отключена, и никакая личная информация не записывалась. Все участники получили достаточно информации для принятия обоснованного решения об участии, и конфиденциальность собранных данных строго соблюдалась.

Все анкеты заполнялись на японском языке. Использование онлайн-опросов позволило участникам заполнять анкету в удобном для них темпе и без прямого межличностного давления, что снизило вероятность получения социально желательных ответов.

Смешанный метод исследования

В данном исследовании используется смешанный метод, сочетающий количественный и качественный анализ для достижения всестороннего понимания восприятия России японскими студентами.

С помощью *количественных методов* были проанализированы ответы на три закрытых вопроса, касающихся источников информации о России, знаний о современной российской экономике и оценки достаточности доступной информации.

Качественные методы позволили проанализировать ответы на три открытых вопроса, включающих отношение участников к России, восприятие национальных характеристик страны и представления о российских гражданах. Ответы систематически кодировались с использованием тематического анализа. В ходе анализа были выделены повторяющиеся темы, ассоциативные закономерности и интерпретационные рамки, что позволило выявить тонкие нюансы, не отраженные в закрытых вопросах.

⁵ Онлайн-исследования очень популярны в Японии, и японцы перегружены онлайн-опросами, поэтому могут просто игнорировать их. Еще одной причиной низкого уровня участия в онлайн-опросах является нежелание размещать информацию в Интернете из-за опасений ее неправомерного использования.

⁶ Онлайн-опрос проводился через Интернет при содействии упомянутых выше университетских профессоров и преподавателей.

На этапе *интеграции результатов* количественные закономерности (например, предположения в отношении источников информации) сравнивались с тематическими кластерами из ответов на вопросы с открытым ответом, чтобы оценить, как конкретные источники связаны с определенным восприятием России. Такое сочетание позволило получить как числовые тенденции, так и контекстно-насыщенные данные, повысив надежность и глубину интерпретации.

Этические соображения

Анкетирование соответствовало этическим стандартам для исследований с участием людей: добровольное участие, информированное согласие, анонимность и конфиденциальность. Участники могли отказаться от участия в любое время, и никакие личные данные не собирались.

Результаты исследования

Динамика роли отдельных источников информации в формировании представлений о России

Технологические инновации, особенно в области информационных и коммуникационных технологий, значительно изменили международные отношения, повлияв как на их методологию, так и на содержание (Isinkaye, 2023, p. 52). В то же время эти до-

стижения породили проблемы, включая широко распространенную дезинформацию. Молодые люди ежедневно сталкиваются с большим объемом зачастую противоречивой информации, что может препятствовать формированию у них четких мнений. Поэтому понимание того, какие источники информации формируют восприятие и отношение японских студентов к России, имеет решающее значение (табл. 1).

Международная и политическая новостная среда за последние два десятилетия претерпела значительные изменения. Эпоха, когда политическая информация ограничивалась несколькими сетевыми новостными каналами и крупными газетами, закончилась. Сегодня традиционные СМИ, такие как газеты и телевидение, конкурируют с разнообразными онлайн-платформами, а молодежь Японии все чаще использует Интернет для доступа к информации о зарубежных странах.

Данные опроса указывают на следующие тенденции в источниках информации о России среди студентов японских университетов.

– Интернет постепенно вытесняет телевидение. Интерес к онлайн-информации о России вырос с 12,0 % в 2007 г. и 17,4 % в 2012 г. до 69,7 % в 2021 г., достигнув 73,2 % в 2022 г., что является самым высоким зарегистрированным уровнем, при этом студенты неизменно называют его своим основным источником информации.

Таблица 1. Динамика роли отдельных источников информации в формировании представлений о России среди японских студентов в 2007–2024 гг. (множественный выбор)

Источники информации	Доля японских студентов, %					
	2007	2012	2021	2022	2023	2024
Интернет	12,0	17,4	69,7	73,2	55,7	56,6
Телевидение	42,1	48,2	54,2	74,0	48,1	57,2
Книги	5,8	4,5	21,3	14,6	20,8	10,2
Лекции	3,0	13,2	42,6	35,8	57,5	44,0
Разговоры с друзьями	2,8	5,5	7,7	11,4	7,5	10,2
Журналы	2,2	2,5	3,2	1,8	1,9	3,6
Газеты	31,0	7,9	10,3	17,9	9,4	13,9
Радио	1,0	0,8	2,6	0,8	2,8	1,8
Другое	0,1	–	2,1	1,6	0,0	0,0

Примечание. Цветовая маркировка ячеек таблицы используется для визуализации динамики показателей: зеленый цвет — рост показателя по сравнению с предыдущим периодом, красный — снижение, желтый — отсутствие значимых изменений.

Источник: составлено Л.В. Жилиной на основе опросов, проведенных в университетах Японии в 2007–2024 гг.

– Телевидение остается важным источником, хотя тенденции меняются. Доля студентов, называющих телевидение основным источником информации, выросла с 41,2 % в 2007 г. до 74,0 % в 2022 г., а затем снизилась в 2023–2024 гг.

– После 5,8 % в 2007 г. и 4,5 % в 2012 г. интерес к книгам как источнику информации резко возрос до 21,3 % в 2021 г., отражая возобновление интереса к подробному, структурированному контенту, несмотря на более широкий переход к цифровым ресурсам (Detlor et al., 2011).

– Лекции приобретают все большее значение, их роль как источника информации о России, выросла с 3,0 % в 2007 г. до 13,2 % в 2012 г. и до 57,5 % в 2023 г. Помимо предоставления контента высшие учебные заведения сегодня помогают студентам ориентироваться в сложных информационных потоках, развивая критическое мышление, глобальную перспективу и способность принимать обоснованные решения.

– Разговоры с друзьями остаются относительно ограниченными по влиянию на формирование образа России. В 2022 г. 11,4 % студентов обсуждали российские новости со сверстниками, что является самым высоким зарегистрированным показателем, который снизился до 7,5 % в 2023 г., что, возможно, отразило усталость или нежелание обсуждать спорные темы.

– За последние два десятилетия газеты потеряли молодых читателей, их число среди опрошенных сократилось с 31,0 % в 2007 г. до 13,9 % в 2024 г. Тем не менее 17,9 % сту-

дентов продолжают обращаться к газетам, что указывает на сохраняющуюся, хотя и сниженную актуальность этого источника информации.

– Журналы и радио неизменно остаются второстепенными источниками информации, их использование никогда не превышало 3,6 % среди студентов.

Несмотря на доступ к множеству информационных потоков, молодые люди постоянно решают, какой информации доверять, какую информацию игнорировать или классифицировать как «вводящую в заблуждение» (Schulz, Fletcher & Nielsen, 2024, p. 4057). Каждый полученный фрагмент информации вносит свой вклад в более широкую информационную среду, независимо от того, обрабатывается он активно или нет (табл. 2).

Растущая доступность разнообразных, преимущественно цифровых источников способствовала повышению уровня удовлетворенности доступной информацией. В результате доля студентов, считающих информацию о России недостаточной, неуклонно снижалась в период с 2021 г. по 2023 г., что отражает как расширение доступности информации, так и более избирательные модели ее потребления.

Многомерное восприятие России среди японских студентов

Цифровые медиа стали неотъемлемой частью повседневной жизни молодежи. Люди полагаются на эти технологии для получения информации и общения, а Интернет фактически устранил географические границы, обеспечив распространение новостей в режиме

Таблица 2. Степень удовлетворенности японских студентов объемом информации о России в 2007–2024 гг.

Достаточность информации	Доля японских студентов, %					
	2007	2012	2021	2022	2023	2024
Информации недостаточно	73,7	77,5	71,0	64,2	61,3	64,5
Удовлетворены объемом информации	3,3	6,3	23,6	17,1	23,6	24,1
Затрудняются с ответом	23,0	16,2	5,4	18,7	15,1	11,4

Примечание. Цветовая маркировка ячеек таблицы используется для визуализации динамики показателей: зеленый цвет — рост показателя по сравнению с предыдущим периодом, красный — снижение.

Источник: составлено Л.В. Жилиной на основе опросов, проведенных в университетах Японии в 2007–2024 гг.

реального времени для глобальной аудитории (Hassan et al., 2021). Поскольку потоки цифровой информации становятся центральными в современном обществе, страны, географически удаленные друг от друга, могут восприниматься как более близкие, поскольку цифровые технологии сокращают воспринимаемое расстояние. Тем не менее географическая близость продолжает влиять на формирование образов стран. Близость Японии к России формирует восприятие студентов иначе, чем в случае с более отдаленными странами, поскольку граждане соседних государств, как правило, более внимательны к новостям друг друга из-за потенциальных экономических и политических последствий (Ingenhoff, Segev & Chariatte, 2020; Tanikawa, 2019; Segev, 2016). При анализе общественного мнения относительно внешней политики важно учитывать лежащую в основе геополитическую культуру, которая формирует такие взгляды (O'Loughlin, Tuathail & Kolossov, 2005).

В табл. 3 представлены ассоциативные категории, посредством которых японские студенты выражают свое восприятие России. Эти категории представляют собой не простое суммирование индивидуальных мнений, а интерпретационные рамки, в которых Россия символически позиционируется в международной системе.

Выявленные в ответах студентов категории можно аналитически сгруппировать в несколько взаимосвязанных измерений.

1. Холодный климат и географические ассоциации

Набор пространственных и географических ассоциаций отражает позиционирование России как территориально обширного и климатически экстремального соседнего государства, подчеркивая непреходящую роль географии в международном восприятии.

Географические представления составляют один из наиболее устойчивых компонентов образа России в сознании японских студентов.

Таблица 3. Ассоциации с Россией у японских студентов в 2007–2024 гг. (открытый вопрос), % опрошенных

Ассоциации с Россией	Доля японских студентов					
	2007	2012	2021	2022	2023	2024
Холодный климат	25,9	16,1	18,7	10,3	16,0	16,0
Географические ассоциации	9,7	13,8	24,7	21,8	17,0	18,5
Исторические и политические деятели	8,9	7,2	19,3	14,6	11,4	22,5
СССР, социализм, коммунизм, КПСС	8,3	7,9	6,7	1,8	9,3	4,5
Спорт и спортсмены	6,6	3,7	6,0	3,0	1,0	2,0
Национальная кухня	6,3	7,1	6,0	6,7	9,2	11,0
Негативные события и факты	7,5	6,1	5,3	18,8	15,0	12,0
Национальные танцы, балет, шоу, культура	4,6	1,7	5,0	9,7	4,1	4,5
Национальные символы	5,7	4,4	3,3	3,0	6,0	3,5
Красивые люди (женщины), белая кожа	4,6	6,1	2,7	2,4	2,0	1,5
Северные территории	2,8	5,2	1,3	—	—	—
Особый цвет	2,7	2,6	1,0	—	1,0	—
Многонациональное государство, нация	—	—	—	3,0	3,0	—
Сильная	—	—	—	—	3,0	—
Армия	—	—	—	—	—	1,5
Другое	6,4	15,1	—	4,9	2,0	2,5
Нет ответа	—	3,0	—	—	—	—

Примечание. Цветовая маркировка ячеек таблицы используется для визуализации динамики показателей: зеленый цвет — рост показателя по сравнению с предыдущим периодом, красный — снижение, желтый — отсутствие значимых изменений.

Источник: составлено Л.В. Жилиной на основе опросов, проведенных в университетах Японии в 2007–2024 гг.

На протяжении почти двух десятилетий Россия неизменно ассоциируется с «холодными и суровыми климатическими условиями», отражая давний климатический стереотип, укоренившийся как в географических знаниях, так и в культурных представлениях. В 2007 г. 25,9 % респондентов описывали Россию как «страну, где много снега», где «всегда холодно» или просто как «холодную страну» из-за ее «северного расположения». Некоторые студенты давали более яркие описания, отмечая, что «зимой там люди едят мороженое, чтобы сбалансировать температуру тела с холодной окружающей средой», или что «люди носят меховые шапки» — последнее иногда даже иллюстрировалось.

Упоминания студентами «обширной территории России» демонстрируют также геополитическое воображение, в котором площадь, расстояние и природные ресурсы тесно переплетены. Первые опросы подчеркивали «удаленность России» и ее «северное расположение», в то время как более поздние ответы все чаще связывают географию с экономическими и политическими атрибутами, такими как «природные ресурсы» и «стратегическое положение»⁷.

В период 2021–2023 гг. студенты также упоминали конкретные города и регионы: Владивосток, Москва, Санкт-Петербург, Камчатский полуостров, Сибирь и Транссибирская магистраль. В 2024 г. назывались только Сибирь и тайга, а названия городов не упоминались.

Важно отметить, что восприятие России как географически близкой и социально далекой, часто выражаемое как «близкий сосед, который не ощущается близким», иллюстрирует символическую границу, которая сохраняется, несмотря на физическую близость двух государств. Эта двойственность отражает более широкую геополитическую напряженность в отношениях между Японией и Россией, где

пространственная близость необязательно означает ощущение знакомства или общности.

После 2022 г. современные политические события начали затмевать чисто географические ассоциации, что указывает на сдвиг от пространственных образов к политически опосредованным интерпретациям⁸. Это снижение количества ассоциаций, ориентированных на географию, предполагает, что геополитические события могут временно изменить или вытеснить более стабильные пространственные представления в когнитивных картах России у студентов. К 2023 г. лишь 17,0 % респондентов упомянули географически-связанные ассоциации.

2. Политические / исторические деятели

Политические и исторические ассоциации свидетельствуют о выраженной персонализации образа России через фигуру политического руководства. В 2007 и 2012 гг. 8,9 и 7,2 % респондентов соответственно ассоциировали Россию с политическими и историческими деятелями, упоминая такие имена, как президент Владимир Путин, М.С. Горбачев, В.И. Ленин, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий и члены семьи Романовых, включая Николая II, Александра I и Екатерину II. К 2021 г. вспоминались аналогичные фигуры, причем большинство называло В.В. Путина, М.С. Горбачева, В.И. Ленина, И.В. Сталина, Екатерину II и Николая II. Заметное число упоминаний президента Путина в ответах студентов стало особенно очевидным с течением времени. В 2012 г. 70,7 % респондентов, отметивших политических деятелей, ссылались именно на него. Эта доля увеличилась до 78,3 % в 2021 г., а после начала специальной военной операции (СВО) на Украине в 2022 г. 96,6 % респондентов называли только президента Путина. В 2023 г. этот показатель достиг пика в 97,8 %, после чего снизился до 84,4 % в 2024 г.⁹

⁷ В 2007 и 2012 гг. 9,7 и 13,8 % респондентов использовали географически ассоциативные ключевые слова, описывая Россию как «страну, далекую от Японии» (некоторые отмечали, что это «соседняя страна»), «рядом с Северной Кореей и Китаем», «страну рядом с Хоккайдо», «Сибирь», «большую северную страну» или «страну с большой территорией и разнообразной культурой».

⁸ Восприятие России еще больше изменилось в 2022 г., когда респонденты стали подчеркивать как размер территории, так и текущие события: «самая большая страна в мире», «большая страна, а теперь еще и война» или «близкая большая страна, но я мало что о ней знаю!!!».

⁹ Рассчитано автором.

Доминирование В.В. Путина в ассоциациях респондентов, особенно после 2022 г., свидетельствует о растущей персонализации международного имиджа России. Эта тенденция усилилась в периоды повышенной международной напряженности. В последующих волнах опроса упоминания политического руководства все чаще вытесняли упоминания политических институтов или исторических личностей, а национальная идентичность ассоциировалась в первую очередь с президентом.

3. Негативные эмоции по отношению к стране

Аффективные и нормативные оценки отражают изменения в моральных и политических суждениях, особенно в ответ на современные конфликты. Негативное восприятие России среди японских студентов в 2007, 2012 и 2021 гг. оставалось относительно низким и стабильным и составило соответственно 7,5, 6,1 и 5,3 %. Молодые люди связывали Россию с такими событиями, как «война в Чечне», «тяжелые социальные условия»¹⁰, «низкий уровень безопасности в обществе»¹¹, «образ холодной войны в советский период», «нестабильность»¹², «политические и финансовые проблемы»¹³ и «плохие отношения с другими странами»¹⁴.

Начало СВО на Украине в 2022 г. привело к резкому росту негативного восприятия России (18,9 %). Упоминания студентами «войны»¹⁵, «авторитарного правления», «контроля над СМИ» и «напряженных отношений с Западом» указывают на появление образа России, сформированного в рамках японского и западного медиадискурса.

¹⁰ «Огромный социальный разрыв», «люди бедные».

¹¹ «Опасность», «русская мафия», «много преступлений», «терроризм».

¹² «Страна с нестабильной экономикой», «экономические проблемы в стране».

¹³ «Политическая ситуация непрозрачна», «военное государство».

¹⁴ «У нее плохие отношения с Японией»... и «с Европой»; «Много лет назад она воевала с Японией».

¹⁵ «Война с Украиной», «вторжение на Украину» или «страна сейчас находится в состоянии войны», «плохие отношения с Западом», «очень негативная политика России», «Россия сталкивается с политическими вызовами», «Россия — оккупант» с «тоталитарным правительством».

К 2023 г. доля негативных ассоциаций стабилизировалась на уровне около 15,0 %, незначительно снизившись до 12,0 % в 2024 г. Давний «спор о северных территориях» (претензии Японии на Южные Курильские острова) между Россией и Японией, по-видимому, мало влияет на восприятие России японскими студентами. Несмотря на постоянные усилия правительства, японская общественность остается относительно неосведомленной по этому вопросу, — значительно ниже уровня, ожидаемого организаторами пропагандистских кампаний (Стрельцов, 2024, с. 82). В 2007 г. эту проблему отметили 2,8 %, а в 2012 г. — 5,8 %. Однако к 2021 г. осведомленность в этом вопросе снизилась до 1,8 %, а в 2022–2024 гг. ни один респондент даже не упомянул об этом. Несмотря на то, что проблема остается в Японии политически значимой, осведомленность студенческой общественности, как можно увидеть из ответов, невысокая. Это может указывать на то, что опосредованные глобальные нарративы оказывают более сильное влияние на формирование образа, чем специфические для отдельных стран дипломатические вопросы, особенно среди молодой и ориентированной на цифровые технологии аудитории.

4. Ассоциация России с атрибутами коммунистического прошлого

В 2007 г. 8,3 % студентов ассоциировали Россию с «СССР», «социализмом», «коммунизмом» или «Коммунистической партией (КПСС)». Эта доля незначительно изменилась в 2012 г. (7,9 %) и 2021 г. (6,7 %), прежде чем снизиться до 1,8 % в 2022 г. Интересно, что в 2023 г. доля респондентов, связывающих Россию с этими понятиями, резко возросла до 9,3 %, что, возможно, отражает рост интенсивности освещения исторических нарративов в СМИ. К 2024 г. этот показатель снова снизился до 4,5 %.

5. Культурные, символические и связанные с образом жизни ассоциации

Наконец, культурные, символические и связанные с образом жизни ассоциации, такие как кухня, культура, спорт и внешний вид,

составляют элементы культурного образа России, хотя и с разной степенью значимости в различные периоды.

Имидж национальной кухни как значимый фактор имиджа страны. Имидж страны нельзя оценить исключительно по ее общим показателям, и ограниченного общения с зарубежной страной или ее гражданами недостаточно для формирования устойчивых представлений о конкретном государстве. В данном контексте образ национальной кухни может в некоторой степени повлиять на имидж страны в целом, поскольку он оказывает более сильное влияние, чем просто эмоциональные ассоциации (Chi, Huang & Nguyen, 2019; Lai, Wang & Khoo-Lattimore, 2020). Исследование выявило интересный факт: с 2007 г. доля респондентов (6,3 %), ассоциировавших Россию с национальной кухней, к 2024 г. увеличилась до 11,0 %¹⁶. Это позволяет предположить, что в условиях ограниченного прямого контакта между людьми продвижение кулинарных традиций может играть вспомогательную роль в формировании общего имиджа страны.

Достижения России в спорте и известные спортсмены. Напротив, ассоциации, связанные со спортом — некогда видимым компонентом международного образа России, — резко сократились в последние годы. Власти некоторых стран давно осознали политическую и экономическую значимость крупных спортивных мероприятий и рассматривают их как своего рода рекламный и экономический инструмент, позволяющий им укреплять свой имидж в мире (Dašić, 2021, р. 98), имидж страны может быть изменен путем проведения грандиозных международных спортивных мероприятий или успешного участия в них. Если в 2007 г. 6,6 % (максимум) респондентов называли в качестве ассоциативных представлений спортивные дисциплины, в которых Россия достигла успе-

хов¹⁷ (гимнастика, фигурное катание, хоккей и футбол), чемпионат мира по футболу FIFA и российских спортсменов (Е. Плющенко, А. Аршавин, А. Загитова), то за последние годы доля студентов, связывающих Россию с ее спортивными достижениями, последовательно снижалась, составив 6,0 % в 2021 г., 3,0 % в 2022 г. и лишь 1,0 % в 2023 г. В 2024 г. этот показатель незначительно изменился (2,0 %).

Эта тенденция, вероятно, отражает сокращение участия России в международных спортивных мероприятиях и демонстрирует, как эрозия символической видимости может уменьшить ресурсы «мягкой силы» страны. В совокупности эти выводы указывают на то, что, хотя культурные и связанные с образом жизни ассоциации сохраняют потенциал для поддержки более многогранного образа России, их влияние все больше ограничивается доминирующими политическими нарративами.

Культурно-обусловленные элементы как ассоциации. Культурные отсылки, включая «литературу», «балет»¹⁸, национальные символы¹⁹ и популярных персонажей, а также «песни»²⁰, составляют устойчивое, но второстепенное измерение образа России среди японских студентов. Эти ассоциации отражают элементы культурной «мягкой силы», основанной на давнем транснациональном культурном обмене, а не на современных политических событиях. Результаты опросов показывают, что японские студенты обладают широким спектром знаний о культуре соседней страны, России, и эти знания не ограничиваются лишь несколь-

¹⁷ Пример: «Россия славится балетом и такими видами спорта, как фигурное катание и художественная гимнастика, которые соревнуются за красоту выражения» (2021).

¹⁸ Студенты упоминали «великий русский балет», «национальные танцы», «шедевры русской живописи».

¹⁹ Культурные аспекты также включали стереотипные упоминания национальных символов, таких как «Кремль», «красивые церкви», «Красная площадь», «матрёшка», «национальная одежда» и « меховые шапки» («мохнатые шапки»). В 2022 г. подобных упоминаний было лишь 3,0 % — самый низкий показатель с начала проведения опросов, но эта доля резко возросла в 2023 г. до 6,0 %, что стало самым высоким зафиксированным значением.

²⁰ В 2007 г. студенты упоминали поп-группу «Тату», а в 2024 г. — певицу Земфиру.

¹⁶ Студенты называли Россию потенциальным «местом для гастрономического путешествия»: «В этой стране много вкусных традиционных блюд, которые стоит попробовать». Среди блюд чаще всего упоминались «борщ», «пирожки» и «блины». Кроме того, для японских студентов Россия хорошо известна своей «водкой». Респонденты перечисляли в одну строку: «борщ, Путин, коммунизм»; «водка, пирожки, Путин» и т. д.

кими аспектами. Некоторые респонденты также называли «Чебурашку»²¹ (2007–2024 гг.) и «Винни-Пуха»²² (2012–2022 гг.) символами, которые они ассоциируют с Россией.

Влияние русской литературы стало одним из ключевых факторов формирования позитивного отношения к России среди японской молодежи. Такие писатели, как Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой с его «Войной и миром» и Ф.М. Достоевский, чьи произведения «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» часто упоминались в ответах, сыграли заметную роль в формировании такого восприятия. Однако доля ассоциаций с культурой не превышала 5,0 % во всех опросах, проведенных в японских университетах в период с 2007 г. по 2024 г., за исключением 2022 г., когда 9,7 % респондентов отметили культурные аспекты, связанные с Россией.

Внешний вид и эстетические представления. Восприятие внешности, особенно упоминания «красоты русских женщин»²³, представляют собой один из наиболее деполитизированных аспектов образа России. Хотя подобные ассоциации были более заметны в более ранних опросах, постепенное снижение доли респондентов, выделивших такие упоминания, свидетельствует об уменьшении роли эстетических образов в общем восприятии России японскими студентами²⁴. Эта тенденция может указывать на более широкий сдвиг в сторону более политизированных и проблемно-ориентированных интерпретаций России, в которых символические или эстетиче-

ческие элементы все больше затмеваются геополитическими соображениями.

При обсуждении результатов будут рассмотрены наиболее значимые категории и тематические группы, а также их вклад в формирование имиджа России.

Обсуждение результатов

С точки зрения имиджевой политики аналитическая значимость полученных результатов заключается не только в частоте встречаемости конкретных ассоциаций, но и в лежащих в их основе нарративах и оценочных логиках, которые их формируют. Категории показывают, как политические, культурные, исторические и аффективные аспекты образа России избирательно комбинируются в восприятии студентов.

Важно отметить, что это восприятие возникает на пересечении опосредованных информационных потоков и более широкого геополитического контекста, где цифровые медиа выступают не просто каналами информации, но и местами производства смыслов. В этом понимании ассоциации студентов отражают как знакомство с транснациональными нарративами, так и укоренившиеся внутри страны интерпретационные рамки.

Цифровые медиа и формирование восприятия России японскими студентами. Цифровизация информации не просто перенесла традиционный новостной контент на онлайн-платформы, но и трансформировала саму логику производства и потребления новостей. Онлайн-новостные СМИ функционируют как гибридные пространства, объединяющие элементы печатной журналистики, телевидения и радио, при этом отдавая приоритет оперативности, интерактивности и визуальности (Widholm, 2008, p. 84). В значительной степени «подстраиваясь» под предпочтения поколения Z, новостные организации все чаще адаптируются к специфическим для платформ средам, в которых доминируют алгоритмическое распространение и видеоцентричные форматы.

²¹ Чебурашка — герой серии книг, мультфильмов и фильмов в СССР и современной России.

²² Винни-Пух появился в книге английского писателя А.А. Милна в 1926 г. В 1960–1970-х гг. Винни-Пух приобрел большую популярность в СССР благодаря мультфильмам студии «Союзмультфильм», поэтому студенты упоминают его в ассоциациях с Россией одной строкой: «Винни-Пух, водка, Сибирь», «Чебурашка, холод, Путин».

²³ «Красивые люди со светлой кожей», «люди, похожие на кукол» и «красивые девушки», «уникальная красота российских женщин».

²⁴ В 2012 г. 6,1 % респондентов отметили эту «особенность», но интерес к ней постепенно снижался в течение следующего десятилетия: 2,7 % — в 2021 г., 2,4 % — в 2022 г., 2,0 % — в 2023 г. и 1,5 % — в 2024 г.

Для молодежной аудитории платформы, такие как *TikTok* и *Instagram*²⁵, стали ключевыми каналами доступа к новостям, часто затмевая «традиционные СМИ», такие как газеты и телевидение. Этот сдвиг отражает более широкий процесс медиатизации, в рамках которого политическая информация формируется возможностями и ограничениями цифровых платформ, а не только журналистскими нормами²⁶. В Японии эта трансформация сопровождается растущей опорой на визуальные сигналы в восприятии зарубежных стран.

Географические представления и медийные образы. Визуальные медиа, по-видимому, структурируют когнитивные ассоциации с Россией, способствуя формированию географически ориентированных представлений. Доля респондентов, ассоциирующих Россию с пространственными характеристиками, такими как «большая территориальная протяженность» или «суровые климатические условия», увеличилась с 9,7 % в 2007 г. до 21,8 % в 2022 г. и совпала с расширением использования Интернета²⁷.

Эти закономерности свидетельствуют о том, что у японских студентов формирование представлений в значительной степени определяется согласованностью визуальных образов и контекста их восприятия, а не усвоением конкретных фактологических деталей. Такие образы не соотносятся напрямую с объективной реальностью, а функционируют в рамках того, что Э. Крамер (Kramer, 1993) обозначает как «факт-мир» восприятия.

С точки зрения международных отношений это подчеркивает роль цифровых медиа в формировании символического образа государства, что, в свою очередь, влияет на когнитивные рамки, через которые интерпретируются внешняя политика и двусторонние отношения.

Исторические и культурные ассоциации. Исторические события продолжают формировать национальные стереотипы (Kunczik, 1997, р. 3), включая представления о России. Исторические и политические ассоциации, в том числе отсылки к СССР, КПСС и Комитету государственной безопасности (КГБ), также сохраняются, что свидетельствует о том, что формирующие исторические ориентиры продолжают влиять на современное восприятие России. В период с 2007 по 2012 гг. японские студенты больше были сосредоточены на внутриполитической ситуации в России, в то время как в последующие годы их ассоциации все больше отражали современные геополитические события.

В отсутствие постоянного контакта между людьми культурные символы служат доступными интерпретационными мостами. Как утверждает О. Максимова (Maximova, 2018), национальные образы легче усваиваются, когда они представлены через знакомый культурный опыт. Национальная кухня, в частности, функционирует как форма «мягкой силы» (Nye, 2005; Solleh, 2015), которая способна создавать эмоциональную близость и позитивные впечатления даже в политически неблагоприятных условиях. В Японии еда представляет собой доступный, неполитизированный и чувственный способ культурного взаимодействия, усиленный ростом социальных сетей и фуд-блогов. Такие платформы, как *Instagram*²⁸ и *Pinterest*, превращают еду в перформативный и социально значимый опыт, поощряя эксперименты с незнакомыми кухнями и способствуя установлению символических культурных связей.

Эти выводы подчеркивают, что культурные и исторические ассоциации действуют наряду

²⁵ Социальная сеть *Instagram* (входит в группу компаний *Meta*) запрещена в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

²⁶ Young People Are Abandoning News Websites—New Research Reveals Scale of Challenge to Media // The Conversation. June 14, 2023. URL: <https://theconversation.com/young-people-are-abandoning-news-websites-new-research-reveals-scale-of-challenge-to-media-207659> (accessed: 03.11.2025).

²⁷ Рост географических ассоциаций с Россией: 9,7 % — в 2007 г., 13,8 % — в 2012 г., 24,7 % — в 2021 г. (максимум) и 21,8 % — в 2022 г. — коррелирует с ростом числа Интернет-пользователей: 12,0 % — в 2007 г., 17,4 % — в 2012 г., 69,7 % — в 2021 г. и 73,2 % — в 2022 г.

²⁸ Социальная сеть *Instagram* (входит в группу компаний *Meta*) запрещена в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

с воздействием СМИ, формируя восприятие и усиливая многомерный характер национальных образов, играющих центральную роль в динамике «мягкой силы» в международных отношениях.

Эмоциональное и практическое восприятие страны. Несмотря на геополитическую напряженность, интерес японских студентов к русской культуре и русской национальной кухне продолжал расти. Это расхождение подчеркивает различие между эмоционально-символическим восприятием и практической культурной вовлеченностью. Описания России как «таинственной», «мрачной»²⁹ или «непредсказуемой» отражают аффективные реакции, основанные на литературных и медийных представлениях, а не на непосредственном опыте.

Отсутствие стабильных, основанных на опыте ориентиров ограничивает формирование долгосрочных взглядов. В результате симпатии и антипатии остаются изменчивыми и подверженными краткосрочным медийным стимулам. Примечательно, что на пике негативных настроений респонденты не воспринимали Россию как «соседнюю страну», что указывает на сохраняющуюся психологическую дистанцию, несмотря на географическую близость. Так называемая эмоциональная природа ассоциаций с Россией приводит лишь к колебаниям предпочтений и оценок соседней страны.

Персонализация образа страны под влиянием СМИ. Заметной тенденцией в данных опросов является растущая персонализация национального образа России. Освещение России в СМИ сместилось в сторону рамок, ориентированных на лидерство, с акцентом на личность президента, а не на структурные политические процессы (Balmas & Sheaffer, 2013; 2014, p. 992). Со временем подобная персонализация усилилась: если раньше респонденты разделяли российский народ и политическое руководство, то более поздние опросы показывают тенденцию отождествлять национальную

идентичность с самим лидером³⁰, особенно в контексте СВО на Украине. Это сближение отражает упрощающую логику медийных нарративов и демонстрирует, как персонализация влияет на формирование образа государства.

В терминах международных отношений лидер-центрированные фреймы способны усиливать или искажать восприятие поведения государства, влияя на «мягкую силу», публичную дипломатию и интерпретативные рамки, через которые оцениваются внешнеполитические действия.

Волатильность восприятия, обусловленная геополитическими событиями. Восприятие России как «военной угрозы» еще больше усилилось из-за географической близости Японии. Упоминания «ядерного оружия» и «военной мощи» в опросе 2024 г. указывают на взаимодействие опосредованных образов с региональными проблемами безопасности. В то же время теория избирательного воздействия предоставляет полезную интерпретационную призму: хотя люди, как правило, отдают предпочтение информации, соответствующей их взглядам (Taber & Lodge, 2006), периоды кризисов высокой интенсивности могут нарушить эту тенденцию и временно изменить восприятие (Westerwick, Kleinman & Knobloch-Westerwick, 2013; Knobloch-Westerwick, 2014).

Начало СВО России на Украине в 2022 г. вызвало резкое увеличение негативных ассоциаций с Россией среди японских студентов: 18,8 % из них прямо указывали на факторы, связанные с «войной». Однако всплеск оказался временным, снизившись до 15,0 % в 2023 г. и 12,0 % в 2024 г., что подчеркивает событийный и изменчивый характер опосредованных настроений.

³⁰ В 2007 г. лишь некоторые респонденты связывали россиян с образом президента России: «Я никого (русских) не знаю, кроме Путина, потому что видел его в новостях по телевизору». В 2022 г.: «Я считаю, что вторжение касается не всей нации, а администрации Путина, поэтому образ нации не агрессивен, а остался прежним». В 2023–2024 гг. респонденты накладывали образ политического лидера страны на нацию в целом: «Они как Путин» и «народ, следующий за президентом Путиным». В то же время студенты не проводили различия между страной и политическим лидером («Россия Путина», «правительство Путина», «политика Путина»).

²⁹ Например: «Немного мрачный образ. Может быть, я слишком много читал Достоевского» — отражает отсутствие непосредственного опыта и опору на опосредованные представления.

Эта закономерность отражает динамику визуальной политики в цифровую эпоху. Как отмечают М. Мортенсен (Mortensen, 2017, p. 1142) и М. Уильямс (Williams, 2018, p. 880), современные конфликты воспринимаются в основном через насыщенную изображениями медиасреду. Государства конкурируют не только в военной и дипломатической сферах, но и в рамках символической борьбы за визуальные репрезентации. Внимание СМИ носит «импульсивный» и эпизодический характер и тесно связано с важными событиями, что объясняет временную концентрацию негативных настроений в 2022 г.

Для международных отношений это демонстрирует, что общественное восприятие государств не только опосредованно, но и в значительной степени зависит от важных геополитических событий и имеет последствия как для дипломатических сигналов, так и для стратегий публичной дипломатии.

Здесь следует особо подчеркнуть, что на первый взгляд результаты нашего исследования могут показаться расходящимися с результатами общенациональных опросов общественного мнения в Японии, которые в последние годы неизменно сообщали о «преимущественно негативном» отношении к России. Однако это кажущееся расхождение носит в основном методологический и интерпретативный характер и не указывает на эмпирическое несоответствие между двумя наборами данных.

В данном исследовании рассматриваются спонтанные ассоциативные ответы японских студентов, которые отражают когнитивные и культурные представления о России, а не явные политические оценки ее внешней политики или международного поведения. Открытые ассоциативные вопросы особенно эффективны для выявления символических образов и общих систем координат, однако они менее чувствительны к скрытым или контекстно-обусловленным негативным установкам, которые с большей вероятностью проявляются в ответ на прямые оценочные вопросы, обычно используемые в массовых опросах общественного мнения.

Кроме того, характеристики выборки студентов предполагают более низкую степень

политизации в восприятии международных отношений по сравнению с населением в целом. Молодые респонденты, как правило, воспринимают зарубежные страны через призму образования, культуры и транснациональных отношений, что способствует формированию преимущественно нейтрального или амбивалентного образа России. В этом контексте преобладание нейтральных и позитивных ассоциаций не следует интерпретировать как свидетельство «устойчивого благоприятного отношения», а скорее как показатель социальной и политической дистанции, а также ограниченной значимости России как «политической проблемы» в среде японских студентов.

Роль цифровых медиа в формировании общественного восприятия. Цифровые медиасреды, характеризующиеся визуальной насыщенностью, алгоритмическим усилением и транснациональным распространением, играют решающую роль в формировании восприятия зарубежных стран. Для японской молодежи события внешней политики часто воспринимаются как далекие и виртуальные явления, опосредованные почти исключительно изображениями и нарративами, а не реальным взаимодействием.

Глобализация медиасистем подорвала способность государств монополизировать национальные нарративы. Цифровые технологии позволяют информации распространяться за пределы регулирующих границ (Matos, 2012), передавая власть по формированию повестки дня медиаорганизациям и журналистам (Marten, 1989). Эта динамика подчеркивает важность понимания опосредованного восприятия как ключевого компонента современной «мягкой силы» и имиджевой дипломатии.

Последствия для международных отношений. Результаты исследования показывают, что восприятие России японскими студентами формируется посредством взаимодействия исторического наследия, опосредованного визуального контента и современных геополитических событий. Позитивные культурные или символические ассоциации могут способствовать взаимопониманию и поддерживать цели «мягкой силы», в то время как негативные изо-

бражения — особенно во время кризисов — могут укреплять стереотипы и временные предубеждения.

С точки зрения международных отношений эти данные подчеркивают решающую роль общественного восприятия в более широком контексте дипломатических отношений. Имидж, репутация и медиированные нарративы не являются вспомогательными элементами государственной власти, они представляют собой неотъемлемую часть современной международной политики. Как отмечает Дж. Вон (Wang, 2006), благоприятный международный имидж служит важным ресурсом для обеспечения взаимопонимания в международной системе. Следовательно, политикам и медиакommunikаторам необходимо учитывать не только содержание сообщений, но и каналы их передачи, понимая, что представление и восприятие неразрывно связаны с практикой международных отношений в цифровую эпоху.

Заключение

Расширение Интернета и цифровых медиа принципиально изменило восприятие иностранных государств молодыми японскими гражданами. Визуальный контент, медийные представления, сосредоточенные на лидерах, и культурно опосредованные формы взаимодействия в совокупности формируют динамичный и многомерный образ России. Хотя исторически сложившиеся рамки продолжают влиять на эти представления, современные геополитические события и модели потребления цифровых медиа все больше определяют интерпретацию иностранных государств. Это подчеркивает возрастающую роль транснациональных потоков информации в формировании глобального общественного мнения.

Потребление японскими студентами телевизионных и цифровых новостей о России усилилось в периоды обострения международной напряженности, особенно в 2022 г. В то же время наблюдается очевидный долгосрочный переход к онлайн-новостям как основному источнику информации. Эпизодические всплески просмотра телевизионных программ во

время кризисов показывают, что традиционные трансляционные медиа сохраняют актуальность наряду с цифровыми платформами. Для политиков и специалистов по публичной дипломатии эта гибридная модель потребления медиа предполагает, что эффективные стратегии международной коммуникации должны учитывать взаимодополняющую роль как традиционных, так и цифровых каналов, а не полагаться исключительно на один из них.

Исследование также показывает: молодые японцы осмысливают международные события через разнообразные и часто несогласованные медийные нарративы. Студенты обращаются к множеству источников новостей, отслеживая события, связанные с Россией, что отражает как их повышенную информированность, так и отсутствие устойчивых, общих интерпретативных рамок. В таких условиях восприятие зарубежных стран остается гибким, зависит от конкретных событий и сильнее реагирует на актуальные события, чем на долгосрочные политические оценки. С точки зрения политической практики такая изменчивость означает, что репутационные потери и достижения могут быть значительными, но кратковременными, и подчеркивает необходимость последовательных, скоординированных и стратегически выверенных коммуникационных усилий.

Важно отметить, что полученные результаты не противоречат данным общенациональных опросов общественного мнения в Японии, а, напротив, дополняют их, выявляя существенные различия между социальными и демографическими группами. Это подчеркивает необходимость осторожности при экстраполяции агрегированных данных общественного мнения на конкретные аудитории. Целенаправленный анализ молодежных и студенческих групп может служить ранним индикатором формирующихся перцептивных тенденций, способных в будущем повлиять на характер внешнеполитических дебатов и уровень общественной поддержки международного взаимодействия.

В целом исследование подчеркивает актуальность понимания того, как цифровые медиа формируют восприятие иностранных госу-

дарств среди молодого поколения. В медиа-среде, характеризующейся визуальной насыщенностью, алгоритмическим усилением контента и его транснациональным распространением, представление и восприятие становятся неотделимыми от практики международных отношений. Государствам, медийным организациям и специалистам по публичной дипломатии необходимо учитывать взаимодействие форматов медиа, содержания и характеристик аудитории для управления международной репутацией, снижения недопонимания и эффективного взаимодействия с иностранной аудиторией.

Как и любое эмпирическое исследование, данное имеет свои ограничения. Хотя продоль-

ный дизайн позволяет проследить эволюцию тенденций, выборка не полностью репрезентативна для широкой студенческой аудитории. Следовательно, результаты следует рассматривать как ориентировочные, а не окончательные. Будущие исследования могли бы использовать более крупные и разнообразные выборки, а также расширить анализ на дополнительные национальные контексты. Сравнительные кросс-национальные исследования позволили бы глубже понять, как культурная и медийная среда влияет на связь между цифровой коммуникацией и восприятием иностранных государств, способствуя более контекстуально-чувствительным и эффективным подходам к политике.

Поступила в редакцию / Received: 14.11.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 29.01.2026

Принята к публикации / Accepted: 27.03.2026

Список литературы

- Жилина Л. В. Выявление изменений в постконфликтных сценариях и путях реабилитации: восприятие японскими студентами России и источников информации о ней в 2021–2022 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 2. С. 306–322. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-306-322>; EDN: WZYKOQ
- Стрельцов Д. В. Нарратив о «северных территориях» в общественно-политическом дискурсе современной Японии // Японские исследования. 2024. № 3. С. 65–85. <https://doi.org/10.55105/2500-2872-2024-2-65-85>; EDN: IYEFHW
- Balmas M., Sheaffer T. Charismatic Leaders and Mediated Personalization in the International Arena // Communication Research. 2014. Vol. 41, iss. 7. P. 991–1015. <https://doi.org/10.1177/0093650213510936>
- Balmas M., Sheaffer T. Leaders First, Countries After: Mediated Political Personalization in the International Arena // Journal of Communication. 2013. Vol. 63, iss. 3. P. 454–475. <https://doi.org/10.1111/jcom.12027>
- Boulding K. E. The Image : Knowledge in Life and Society. Ann Arbor : University of Michigan Press, 1956.
- Buhmann A. Measuring Country Image : Theory, Method, and Effects. Wiesbaden : Springer VS, 2016. <https://doi.org/10.1007/978-3-658-15407-3>
- Chi H. K., Huang K. C., Nguyen B. D. T. A Perception Into Food Image and Revisit Intention for Local Cuisine From Foreign Tourist Perspective—The Case of Ho Chi Minh City—Vietnam // European Journal of Business and Management Research. 2019. Vol. 4, no. 2. P. 1–8. <https://doi.org/10.24018/ejbmr.2019.4.2.40>
- Chugrov S. V., Streltsov D. V. Interdependence of Russo-Japanese Relations and Mutual Images of Japan and Russia // Japanese Journal of Political Science. 2017. Vol. 18, iss. 1. P. 22–40. <https://doi.org/10.1017/S146810991600030X>; EDN: YVCSDL
- Dašić D. Sport as a Central Component of the Country and Nation Branding Strategy // Brendiranje država i nacija: mogućnosti i implikacije. Belgrade : Fakultet za poslovne studije i pravo Univerziteta Union—Nikola Tesla : Fakulteta za informacione tehnologije i inženjerstvo Univerziteta Union—Nikola Tesla, 2021. P. 93–116.
- Detlor B., Julien H., Willson R., Serenko A., Lavallee M. Learning Outcomes of Information Literacy Instruction at Business Schools // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2011. Vol. 62, iss. 3. P. 572–585. <https://doi.org/10.1002/asi.21474>
- Fasinu E. S., Olaniyan B. J., Afolaranmi A. O. Digital Diplomacy in the Age of Social Media: Challenges and Opportunities for Crisis Communication // African Journal of Social Sciences and Humanities Research. 2024. Vol. 7, iss. 3. P. 24–38. <https://doi.org/10.52589/AJSSHR-0TOOED5F>; EDN: GBCSPJ
- Hassan I., Abubakar U. I., Nasidi Q. Y., Azmi M. N. L., Shehu A. Challenges and Opportunities for Newspapers in the Age of Digital Communication // International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences. 2021. Vol. 11, no. 6. P. 1473–1486. <https://doi.org/10.6007/ijarbs/v11-i6/10058>; EDN: RPYMTPS

- Ingenhoff D., Segev E., Chariatte J. The Construction of Country Images and Stereotypes: From Public Views to Google Searches // *International Journal of Communication*. 2020. Vol. 14. P. 92–113. URL: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/10799/2899> (accessed: 12.09.2025).
- Ingenhoff D., Sommer K. Spezifikation von formativen und reflektiven Konstrukten und Pfadmodellierung mittels Partial Least Squares zur Messung von Reputation // *Forschungsmethoden für die Markt- und Organisationskommunikation* / ed. by J. Woelke, M. Maurer, O. Jandura. Köln : Herbert von Halem Verlag, 2010. S. 221–288.
- Isinkaye K. A. The Impact of Scientific and Technological Innovations on International Relations in the Age of Globalization // *NIU Journal of Social Sciences*. 2023. Vol. 9, no. 4. P. 51–57. <https://doi.org/10.58709/NIUJSS.V9I4.1757>; EDN: LXTVXQ
- Knobloch-Westerwick S. Choice and Preference in Media Use : Advances in Selective Exposure Theory and Research. New York : Routledge, 2014. <https://doi.org/10.4324/9781315771359>
- Kramer E. M. Phenomenology of International Images // *Japanese and Western Phenomenology* / ed. by P. Blosser, E. Shimomissé, L. Embree, H. Kojima. Dordrecht : Springer, 1993. P. 249–262. https://doi.org/10.1007/978-94-015-8218-6_17
- Kunczik M. Image of Nations and International Public Relations. New York : Routledge, 1997. <https://doi.org/10.4324/9780203811917>
- Lai M. Y., Wang Y., Khoo-Lattimore C. Do Food Image and Food Neophobia Affect Tourist Intention to Visit a Destination? The Case of Australia // *Journal of Travel Research*. 2020. Vol. 59, iss. 5. P. 928–949. <https://doi.org/10.1177/0047287519867144>
- Mannheim K. The Problem of Generations // Mannheim K. *Essays on the Sociology of Knowledge : Collected Works, Volume Five* / ed. by P. Kecskemeti. Abingdon : Routledge, 1952. P. 276–320. <https://doi.org/10.4324/9781315005058>
- Marten E. Das Deutschlandbild in der amerikanischen Auslandsberichterstattung : ein kommunikationswissenschaftlicher Beitrag zur Nationenbildforschung. Wiesbaden : Deutscher Universitäts-Verlag, 1989.
- Matos C. Mass Media // *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Globalization* / ed. by G. Ritzer. Oxford : Wiley-Blackwell, 2012. P. 1329–1338. <https://doi.org/10.1002/9780470670590.wbeog369>
- Maximova O. Russia's Portrayal in the Mirror of International Mass Media // *International Journal of English Linguistics*. 2018. Vol. 8, no. 3. P. 25–35. <https://doi.org/10.5539/ijel.v8n3p25>
- Mortensen M. Constructing, Confirming, and Contesting Icons: The Alan Kurdi Imagery Appropriated by #humanitywashedashore, Ai Weiwei, and Charlie Hebdo // *Media, Culture & Society*. 2017. Vol. 39, iss. 8. P. 1142–1161. <https://doi.org/10.1177/0163443717725572>
- Nye J. S., Jr. *Soft Power : The Means to Success in World Politics*. New York : PublicAffairs, 2005.
- O'Loughlin J., Tuathail G. Ó., Kolossov V. Russian Geopolitical Culture and Public Opinion: The Masks of Proteus Revisited // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2005. Vol. 30, iss. 3. P. 322–335. <https://doi.org/10.1111/j.1475-5661.2005.00174.x>; EDN: LIZYCJ
- Schulz A., Fletcher R., Nielsen R. K. The Role of News Media Knowledge for How People Use Social Media for News in Five Countries // *New Media & Society*. 2024. Vol. 26, iss. 7. P. 4056–4077. <https://doi.org/10.1177/14614448221108957>
- Segev E. *International News Flow Online : Global Views With Local Perspectives*. New York : Peter Lang Inc., 2016.
- Solleh F. M. Gastrodiplomacy as a Soft Power Tool to Enhance Nation Brand // *Journal of Media and Information Warfare*. 2015. Vol. 7. P. 161–199. URL: <https://jmiw.uitm.edu.my/images/Journal/v7c5.pdf> (accessed: 02.11.2025).
- Sunshine Hillygus D. The Missing Link: Exploring the Relationship Between Higher Education and Political Engagement // *Political Behavior*. 2005. Vol. 27, iss. 1. P. 25–47. <https://doi.org/10.1007/s11109-005-3075-8>; EDN: EMDHMR
- Taber C. S., Lodge M. Motivated Skepticism in the Evaluation of Political Beliefs // *American Journal of Political Science*. 2006. Vol. 50, iss. 3. P. 755–769. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2006.00214.x>
- Tanikawa M. Do Large Countries Hunger for Less Information? // *Journalism Studies*. 2019. Vol. 20, iss. 1. P. 97–116. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2017.1387073>
- Tehrani M. *Global Communication and World Politics : Domination, Development, and Discourse*. Boulder : Lynne Rienner, 1999.
- Wang J. Managing National Reputation and International Relations in the Global Era: Public Diplomacy Revisited // *Public Relations Review*. 2006. Vol. 32, iss. 2. P. 91–96. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2005.12.001>
- Webster F. *Information Warfare in an Age of Globalization // War and the Media : Reporting Conflict 24/7* / ed. by D. K. Thussu, D. Freedman. London : Sage, 2003. P. 57–69.
- Westerwick A., Kleinman S., Knobloch-Westerwick S. Turn a Blind Eye If You Care: Impacts of Attitude Consistency, Importance, and Credibility on Seeking of Political Information and Implications for Attitudes // *Journal of Communication*. 2013. Vol. 63, iss. 3. P. 432–453. <https://doi.org/10.1111/jcom.12028>

- Widholm A.* Online Methodology: Analyzing News Flows of Online Journalism // Westminster Papers in Communication and Culture. 2008. Vol. 5, iss. 2. P. 81–97. <https://doi.org/10.16997/wpcc.69>
- Williams M. C.* International Relations in the Age of the Image // International Studies Quarterly. 2018. Vol. 62, iss. 4. P. 880–891. <https://doi.org/10.1093/isq/sqy030>
- Zhilina L. V.* The Changes in Perceptions and Attitude of Japanese and Russian Students Towards the Neighboring Country (Comparison of Polls from 2007, 2012, And 2021) // Japanese Studies in Russia. 2023. No. 1. P. 6–26. <https://doi.org/10.55105/2500-2872-2023-1-6-26>; EDN: LPCSAL
- Zielińska M., Sokuryńska L.* Opinions on the Events in Eastern Ukraine in 2014 as an Indicator of the Generalised Socio-Political Beliefs, Polish-Ukrainian Comparisons // Rocznik Lubuski. 2016. T. 42, cz. 2a. P. 317–344. URL: https://roczniklubuski.uz.zgora.pl/fcp/0HVEUFagNARASpgMAUVFOQlpeRkBIaWANASwFD0RJRIrruuZfRA0LChRJVIecB0YR/165/public/wydania/tom_42/rl_t42_2a_zielinska_sokuryanska.pdf (accessed: 02.11.2025).

Сведения об авторе:

Жилина Лариса Владимировна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков для специальных целей, факультет филологии, переводоведения и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Российская Федерация, 644077, г. Омск, пр-т Мира 55-А; eLibrary SPIN-код: 6910-2963; ORCID: 0000-0002-6337-3870; e-mail: larissa-zhilina@yandex.ru

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ SCIENTIFIC SCHOOLS

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-2-372-386

EDN: GPSQEZ

Интервью / Interview

Мировая политика в условиях цифровизации

Интервью с Татьяной Александровной Алексеевой, доктором философских наук, кандидатом исторических наук, заслуженным деятелем науки РФ, профессором, заведующей кафедрой политической теории, и Мариной Михайловной Лебедевой, доктором политических наук, кандидатом психологических наук, профессором, заведующей кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России)

На фото: слева — Т.А. Алексеева, справа — М.М. Лебедева

Аннотация. В интервью с ведущими российскими экспертами в области теорий международных отношений и технологической трансформации Татьяной Александровной Алексеевой и Мариной Михайловной Лебедевой, представляющими научную школу МГИМО МИД России, обсуждаются проблемы международных отношений и мировой политики в условиях цифровизации. Показано, как трансформируется политическая организация мира в результате внедрения новых технологий, как теории международных отношений отражают реакцию на процессы цифровизации и появления каких новых теоретических подходов к изучению между-

© Алексеева Т.А., Лебедева М.М., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

народных отношений в цифровую эпоху можно ожидать. В частности, отмечается, что конструктивисты довольно осторожно относятся к цифровизации и применению количественных методов анализа. Отвечая на вопросы редакции журнала, эксперты анализируют, что принципиально нового внесла цифровизация в международные отношения и мировую политику по сравнению с предыдущими технологическими скачками. Так, приводятся рассуждения о том, что скорость воздействия цифровизации на политические и международно-политические процессы во много раз больше по сравнению с предыдущими этапами развития при внедрении новых технологий. При этом цифровизация вызывает много негативных и побочных явлений. На конкретных примерах показаны противоречия, порождаемые цифровизацией, связанные, с одной стороны, со свободой Интернета, а с другой — с суверенитетом государства. Отмечается, что государства могут сотрудничать друг с другом в противодействии преступности в цифровой сфере, если эта преступность не носит политического характера. В случае терроризма или политически мотивированных действий преступников сотрудничество государств осложняется. Цифровизация вывела на авансцену новых лидеров — США и Китай. Цифровые компании этих стран фактически определяют многие направления развития цифровизации. Особый вопрос возникает в связи с определением стандартов в цифровой сфере, поскольку, очевидно, что от стандартов тех компаний и стран, которые будут приняты, во многом будет зависеть дальнейшее развитие и цифровизации, и обусловленных ею международно-политических процессов. Эксперты объясняют, почему вряд ли произойдет полный распад производственных цепочек и полная фрагментация Интернета. Т.А. Алексеева и М.М. Лебедева рассуждают о том, как будет выстраиваться политическая организация мира, какие перспективы и ограничения существуют у различных видов цифровых технологий, и выдвигают предположение, что сетевые отношения станут доминирующими в мире, но процесс трансформации и перехода к сетевому взаимодействию может оказаться весьма болезненным.

Ключевые слова: цифровизация, теория международных отношений, цифровые технологии, цифровые компании, цифровой суверенитет, цифровая дипломатия

Сведения о финансировании. Статья подготовлена по гранту РНФ № 23-18-01045 «Трансферный потенциал политической науки в системе социогуманитарного знания».

Для цитирования: Алексеева Т. А., Лебедева М. М. Мировая политика в условиях цифровизации. Интервью провели К.П. Курылев и М.С. Рамич // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 2. С. 372–386. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-372-386>; EDN: GPSQEZ

Global Politics in the Context of Digitalization

Interview with Tatiana Alexandrovna Alekseeva, Dr.Sc. (Philosophy), PhD (History), Honored Scientist of the Russian Federation, Professor, Head of the Department of Political Theory, and Marina Mikhailovna Lebedeva, Dr.Sc. (Political Sciences), PhD (Psychology), Professor, Head of the Department of World Political Processes at the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University)

Abstract. The present interview features prominent Russian scholars in the fields of international relations theory and technological transformation, Tatiana A. Alekseeva and Marina M. Lebedeva, representing the MGIMO academic school. The dialogue covers how the political organization of the world is being transformed by the introduction of new technologies, how theories of international relations react to digitalization processes, and what new theoretical approaches can be expected. In particular, it is noted that constructivism is rather cautious about digitalization and the use of quantitative methods of analysis. Answering the questions of the editorial board of the journal, the fundamentally new contributions of digitalization to international relations and world politics compared to previous technological advances. Thus, it is argued that the speed of the impact of digitalization on political and international political processes is many times greater than in previous stages of development with the introduction of new technologies. At the same time, digitalization causes many negative and side effects. The article uses concrete examples to illustrate the contradictions generated by digitalization, related, on the one hand, to Internet freedom, and, on the other, to state sovereignty. It is noted that states can cooperate with each other in countering crime in the digital sphere, if it is not of a political nature. In the case of terrorism and politically motivated actions of criminals, state cooperation becomes more complicated. Digitalization has brought new leaders to the forefront—the United States and China. Digital companies in these countries actually determine many areas of development. A special question arises in connection with the definition of standards in the digital

sphere, since it is obvious that the standards of those companies and countries that will be adopted will largely determine the further development of digitalization and the international political processes caused by it. The article sets out an argument as to why a complete breakdown of production chains and a total fragmentation of the internet are unlikely to occur. The authors discuss how the political organization of the world will evolve and the prospects and limitations of various types of digital technologies. It is assumed that network relations will become dominant in the world, but the process of transformation, the transition to network interaction can be very painful.

Key words: digitalization, theory of international relations, digital technologies, digital companies, digital sovereignty, digital diplomacy

Funding sources. The article was prepared under the Russian Science Foundation grant No. 23-18-01045 “Transfer potential of political science in the system of socio-humanitarian knowledge”.

For citation: Alekseeva, T. A., & Lebedeva, M. M. (2026). Global politics in the context of digitalization. Interviewed by K. P. Kurylev and M. S. Ramich. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(2), 372–386. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-372-386>; EDN: GPSQEZ

— **Уважаемая Марина Михайловна,** цифровизация охватывает все сферы в современном мире. Есть ли специфика влияния цифровизации на международные отношения и мировую политику? Если да, то в чем состоит эта специфика?

— **М.М. Лебедева:** Действительно, нет такой сферы в современном мире, которая бы не была затронута цифровизацией. Я бы выделила три аспекта, которые крайне важны для международных отношений и мировой политики. При этом последняя понимается не только как взаимодействие государств, но и как взаимодействие государств и негосударственных акторов на международной арене. Эти аспекты, пожалуй, отличают международные отношения и мировую политику от других сфер в условиях развития цифровизации.

Первый аспект связан с тем, что технологические революции всегда вели к перестройке политических основ мироустройства. Так, появление орудий обработки земли повлекло за собой формирование феодализма, промышленная революция способствовала созданию капитализма. В XX в. другой, хотя и менее значимый скачок, был обусловлен открытием атомной энергии. В результате клуб пяти ядерных держав во многом определял мировую политику и международные отношения второй половины XX в. К. Шваб также обращает внимание на скачки в развитии технологий, которые устанавливали траектории мирового развития (Шваб, 2016), хотя для него мирополитический аспект все же уходит на второй план, уступая место именно технологическому.

Изменит ли цифровизация политическую организацию мира? На мой взгляд, безусловно, изменит. Сегодня много говорится о многополярности, с одной стороны, и одновременно о турбулентности — с другой. Не могу принять термин «многополярность» так, как он обычно понимается, то есть как наличие нескольких государств, определяющих мировую политику и международные отношения. Представляется, что речь должна идти о многоцентричности, где центрами выступают не только государства, но и международные организации, параорганизации (в частности, БРИКС), транснациональный бизнес, неправительственные организации (НПО) и др. В свою очередь, понятие «турбулентности» международных отношений, введенное Дж. Розенау еще в прошлом веке (Rosenau, 1990), сегодня обретает новую жизнь (см., например: (Oppenheimer, 2021)). При этом турбулентность нередко понимается как хаотизация или процесс, ведущий к хаотизации (см., например: (Хаас, 2008)).

Оба вектора развития — многоцентричность и турбулентность — не противоречат друг другу. Цифровые технологии порождают турбулентность, хаотизацию, поскольку разрушают прежние связи и отношения. Фактически они ломают сложившиеся иерархические связи. В то же время они и перестраивают эти связи во многом в сетевые отношения, при этом иерархические связи не исчезают.

Второй аспект связан с причинами разрушения существующих связей и отношений. Цифровизация сделала государственные границы «прозрачными». Сначала прозрачность

границ была обусловлена массированным выходом на мировую арену различных акторов, о чем в начале 1970-х гг. писали Р. Кохейн и Дж. Най (Nye & Keohane, 1971). Следующий этап развития транспарентности национальных границ начался в конце XX в. с появлением Интернета. К. Шваб, правда, не относит Интернет к Четвертой промышленной революции. Однако именно с Интернета началась цифровизация мировой политики и международных отношений. Современный мир строится на Вестфальских принципах, ведущим из которых является суверенитет, а Интернет стал нарушать этот принцип, обеспечивая трансграничную коммуникацию и передачу информации.

Цифровизация XXI в. усилила эти процессы, в том числе, например, за счет трансграничного характера криптовалют. При этом информационные и коммуникационные технологии наряду с другими достижениями науки и техники породили ряд возможностей и вызовов в транснациональной среде. Это, с одной стороны, развитие публичной дипломатии. Сегодня практически все посольства и загранучреждения различных стран представлены в виртуальной среде. Участники международных встреч используют одновременно онлайн- и офлайн-коммуникацию при ведении переговоров (Лебедева, Зиновьева, 2023). С другой стороны, мир сталкивается с фейками, которые стали важнейшими элементами в гибридных войнах. В сфере безопасности, а также в ходе вооруженных конфликтов национальные границы преодолеваются с помощью новых технологий, таких как дроны, кибератаки и т. п.

Третий аспект связан с тем, что в результате «прозрачности» границ возникает целый ряд новых областей в международной сфере, требующих согласований на глобальном уровне. Первой такой областью стало регулирование Интернета (Зиновьева, 2015). Пространство Интернета глобально, в то время как государства имеют свои ограничения, в том числе и в сфере законодательства. Так, одним из первых ключевых прецедентов в плане юрисдикции Интернета стало «дело *Yahoo*» в 2000 г. Его суть состояла в том, что на аукционе американской компании *Yahoo* продава-

лись предметы с нацистской символикой, что запрещено во Франции, но допустимо в США. Сегодня спектр всех этих вопросов, связанных с транснациональным характером действий на основе новых технологий, значительно расширился.

Цифровизация — одно из явлений, связанных с утверждением новой, постнеклассической или, иначе говоря, «пригожинской» картины мира, названной так по имени крупнейшего бельгийского физика российского происхождения Ильи Романовича Пригожина. Он утверждал, что современная наука опровергает детерминизм и настаивает на том, что креативность проявляется на любом уровне природной организации. Нестабильность явлений и процессов — существенный элемент бытия, имеет место не единичная бифуркация, а целые их каскады, подталкивающие развитие в том или ином направлении, зачастую под влиянием случайного фактора. В результате возникают новые, непредсказуемые макро-структуры, а будущее открыто. Более того, «конец определенности» предполагает видоизменения, причем даже индивидуальные действия могут оказаться существенными. Достаточно лишь небольшого энергетического воздействия — «укола», чтобы система перестроилась и возник новый уровень организации («эффект бабочки»).

Тем самым И.Р. Пригожин поставил в центр своей картины мира «наведение моста между бытием и становлением», «новый синтез этих двух важнейших „измерений“» действительности, двух взаимосвязанных аспектов реальности, однако при решающей роли времени (становления). Вследствие этого мы вступаем в новую эру «истории времени (которое „проникло всюду“»», когда бытие и становление могут быть объединены — при приоритете последнего. Однако тогда именно скорость коммуникации, которую обеспечивает цифровизация, оказывается решающей.

Таким образом, мы вступаем в очередную глобальную научную революцию, связанную именно с постнеклассической наукой. Напомним, что с точки зрения академика В.С. Степина, ключевые идеи постнеклассической

науки — это нелинейность, коэволюция, самоорганизация, глобальный эволюционизм, синхронистичность и системность (Степин, 2003).

Понятно, что переход к новой картине мира и изменение научного мировоззрения не происходят одномоментно, это относительно длительный и довольно противоречивый процесс. Например, переход от ньютоновской «классической» к эйнштейновской «неклассической», а теперь и к пригожинской «постнеклассической» картине мира еще отнюдь не завершен, в каком-то смысле мы постоянно находимся в переходном периоде и используем наработки предшествующих периодов в применении к отдельным темам и проблемам. Об этом писал еще датский физик Нильс Бор.

Одним из аспектов перехода к постнеклассическому миру становится Четвертая промышленная революция. Напомним, что Первая промышленная революция предполагала механизацию, гидроэнергию и паровые машины, Вторая — электричество, конвейер, поточное производство, Третья — компьютеризацию и автоматизацию. Наконец, нынешняя революция — это, прежде всего, цифровизация. Мы можем зафиксировать момент старта ее осмысления — это публикация сначала статьи, а затем и книги немецкого экономиста и руководителя Всемирного экономического форума Клауса Шваба «Четвертая промышленная революция» (Шваб, 2016).

По мнению исследователя, мир стоит на пороге Четвертой промышленной революции, основные черты которой — «вездесущий» и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства (которые постоянно дешевеют), искусственный интеллект (ИИ), а также нанотехнологии, квантовые технологии, робототехника и т. д. Причем речь идет не просто об «оцифровке» экономических потоков и процессов, а о комплексной цифровой трансформации мира, движимой мегатрендами и множеством не менее значимых факторов.

Сегодня уже трудно назвать сферу человеческой деятельности, в которой не применяются или не делаются попытки использовать цифровые подходы, и область внешней политики и международных отношений не является

исключением. Это новый вариант «черного лебедя», то есть событие аномальное (ничто в прошлом его не предвещало) и обладающее огромной силой воздействия, а объяснение случившемуся дается после того, как это событие случилось (Талеб, 2011, с. 10).

В практику международных отношений еще в 2000-х гг. вошел термин «цифровая дипломатия», и его значение стало очевидным в период пандемии COVID-19. Сложилась другая дипломатия, действующая по иным, нетрадиционным правилам. Благодаря развитию цифровых технологий, многократно ускоряющих процессы коммуникации между государствами, возникли новые формы дипломатического взаимодействия — интеграция информационно-коммуникационных технологий (искусственный интеллект, виртуальная реальность, децентрализация систем и т. д.). Короче говоря, меняется сам характер работы дипломатических ведомств, так как они получили в свое распоряжение мощнейшие инструменты налаживания международных связей и управления международными процессами.

Основанная на сетевых информационно-коммуникационных технологиях, цифровая дипломатия позволяет не просто вести переговоры, а качественно расширять потенциал влияния для достижения внешнеполитических целей с привлечением гражданского общества, бизнес-корпораций, средств массовой информации и других структур.

Следует подчеркнуть, что цифровая дипломатия ориентирована на *стратегическое*, а отнюдь не только на тактическое применение интернет-инструментов в международных отношениях. Это, в свою очередь, означает, что в результате цифровизации изменилась сама парадигма дипломатии, многократно расширились возможности достижения внешнеполитических целей. По мнению министра иностранных дел России С. В. Лаврова, без социальных сетей сейчас не может обойтись ни одна профессия, а дипломатия тем более. Она предполагает интеграцию искусственного интеллекта, кибербезопасности, виртуальные дипломатические действия, а также активное использование социальных сетей. «Особого внимания

заслуживают процессы цифровизации, их регулировка, балансировка, адаптация под конкретную ситуацию. И я убежден, что эти процессы не должны превращаться в самоцель, а должны осуществляться активно после тщательного учета, конечно же, всех рисков и угроз для общества и должны служить защите национальных интересов, защите наших ценностей, нашей культуры и истории», — подчеркивал С.В. Лавров¹.

Хотя с появлением Интернета и социальных сетей это направление деятельности вроде бы уже состоялось, сегодня речь идет о качественном увеличении масштабов и глубины проникновения цифровой дипломатии в международные процессы и явления.

Со временем стали заметны и негативные стороны цифровизации. Так, кибератаки, нацеленные на дипломатические представительства и их сотрудников, сегодня превратились уже в обычную практику. Вопросы кибербезопасности в этих условиях приобретают особенно важное значение — возможна утечка информации, манипуляции с образами и идеями политиков и дипломатов, разрушение международных договоренностей и принципов конфиденциальности, без которых никакая дипломатия невозможна. Под вопросом может оказаться безопасность и устойчивость цифровой дипломатической инфраструктуры как таковой.

— Как феномен цифровизации современного мира отражается в теоретических исследованиях по международным отношениям и политической теории?

— Т.А. Алексеева: Мировой порядок переживает сегодня существенную трансформацию — во все большей степени это сложнейшая система постоянно ускоряющейся транснациональной коммуникации. Новый мир нуждается в переосмыслении, ибо большинство принципов, воспринимаемых в науке о международных отношениях как универ-

сальные истины, возникли в специфических исторических условиях и явились ответами на конкретные «вызовы» своего времени. Отсюда новизна идей и трактовок, даже если по-прежнему сохраняются «большие теории», такие как политический реализм и либерализм. Их дополняют и новые подходы, такие как «квантовая» теория принятия решений (Алексеева, Минеев, Лошкарёв, 2017). Известный французский мыслитель Мишель Фуко писал: «Работать — это значит решиться думать иначе, чем думал прежде» (Фуко, 1996, с. 308). И еще: «Написать книгу — это всегда в некотором смысле уничтожить предыдущую» (Фуко, 1996, с. 309).

Хотя социальные науки разрабатывают различные постпозитивистские и постэмпирические методологии, «политическое» — в лучших традициях Карла Шмитта — по-прежнему преимущественно рассматривается в соответствии с механистической традицией, через постоянные рассуждения о государстве как о машине, государстве как организме, о балансе сил и т. д. И хотя мы вроде бы пытаемся мыслить в терминах сетевых потоков, но доминирующая международно-политическая мысль структурируется вокруг ньютоновской «оси». В последнее десятилетие в научный лексикон политических наук, включая и теорию международных отношений, вошли понятия и концепты из теоретической физики, квантовой теории, термодинамики, самоорганизации биологических систем. Обычно они выступают в качестве метафор, существенно обогащая понимание социально-политических процессов через «сравнение».

Традиционно теория международных отношений опиралась на триаду «реализм — либерализм — марксизм». После распада СССР на место марксизма был предложен конструктивизм, хотя он все-таки не теория, а скорее подход, который применяется в самых разных парадигмах, например в книге Сэмюэля Баркина (Barkin, 2010).

Напомним, что сегодня в политической философии и теории уже господствуют конструктивисты третьего (по мнению некоторых ученых — даже четвертого) поколения, что не могло не сказаться на их взглядах на вопросы

¹ Лавров С.В. Без договоренностей стран в области интернета миру грозит киберанархия // EurAsia Daily. 14.04.2022. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/04/14/bez-dogovorennostey-stran-v-oblasti-interneta-miru-grozit-kiBERanarhiya-lavrov> (дата обращения: 10.10.2025).

цифровизации. Теоретики, сохраняя приверженность базовым постулатам конструктивизма, в то же время обратили особенное внимание на *теорию коммуникации* и *фрейминг* как способы конструирования реальности и ее насыщения определенными смыслами. Это течение сформировалось под влиянием философского дискурса постмодернизма.

Одно из новейших течений конструктивизма — *интерактивный конструктивизм*. Он был сформирован под влиянием «школы Кельнского университета в ФРГ» и таких авторов, как Керстен Райх, Стефан Нойберт и др. Внимание интерактивных конструктивистов сосредоточено на дискурсах, которые, по их мнению, следует воспринимать и анализировать как подвижные, существующие временно в контекстах социального понимания. Отсюда — концентрация исследователей-конструктивистов на таких методах, как дискурсивный анализ. Они настаивают, что именно дискурс формирует мир вокруг нас, и предлагают рассматривать социально воспроизводимые группы идей и значений, закрепившихся в определенном сообществе.

Конструктивисты в принципе делают упор на субъективные факторы восприятия реальности, полагая, что социальные явления, в том числе и международные отношения, слишком сложны, чтобы объяснять их исключительно при помощи эмпирических конструкций. Поэтому они настаивают на внимании к контексту событий и процессов, на фоне которых формируются структуры, и к тому, как и почему некоторые практики стали относительно фиксированными, а другие — мобильными и изменчивыми. Кроме того, конструктивисты сосредоточены на исследовании идентичностей, например роли взаимодействия «Я» — «Другой» в рамках изучения мировой политики.

Конструктивисты весьма осторожны с цифровизацией, и шире — с применением количественных методов анализа международных отношений. Некоторые из теоретиков конструктивизма в принципе отрицают возможность познания и объяснения процессов, оставляя за наукой лишь право интерпретации смысла этих процессов для акторов. Коль скоро конструктивисты не признают полную до-

стоверность научного знания, они ограничивают возможности для исследований, особенно количественных методов, которые традиционно опираются на эмпирическую базу.

В то же время конструктивисты отдают должное цифровизации с точки зрения рассмотрения и анализа некоторых специфических проблем. В частности, цифровизация означает качественный рывок на пути «отмены расстояний», о чем писал в свое время еще Герберт Уэллс (2023, с. 19–21). Разрушительные последствия предыдущих стадий «отмены расстояний»: переход от пешего передвижения к конному, затем к освоению энергии пара, электроэнергии, телефонизации, радио, наконец, к Интернету — не только радикально меняли образ и темп жизни, но и проявлялись отнюдь не мгновенно. Сейчас мы можем только догадываться или вообразить возможные варианты дальнейшего движения по пути цифровизации, в том числе в сфере международных отношений.

Важнейшее значение также имеет фактор культуры, увязывающий географию с историей человечества. География сегодня ассоциируется прежде всего с картой, показывающей не только океаны, моря, горы, но и (что играет особенно значимую роль для политики) межгосударственные границы или границы сообществ. Политическая мысль в этом отношении довольно разнородна, но можно все-таки выделить три основных подхода: геополитический, цивилизационный и геокультурный. Цифровые данные о динамике распространения социокультурных конструктов показывают также расширение спектра тем и направлений международных исследований.

— **М.М. Лебедева:** Теории отражают мир, в котором мы живем. Реализм и либерализм как первые теоретические подходы в международных отношениях исходили из государственно-центристской организации мира. По мере развития мира в XX в. в рамках более поздних вариантов этих теорий внимание привлекли различные объединения государств, международные институты, а в рамках неолиберализма — еще и негосударственные акторы. Нео-марксизм внес идею классового характера государств. В конце XX в. мир стал еще более

сложным. Появились критическая теория, конструктивизм и даже квантовый подход применительно к политической науке (Wendt, 2015). Метафора квантового подхода взята из физики и предполагает вероятностные, а не детерминированные исходы, а акторы одновременно могут быть и союзниками, и противниками друг другу в зависимости, например, от рассматриваемых проблем. При этом поведение одного актора влияет на всех других и т. п.

Цифровизация дала новую метафору — сетевую, начало изучению которой было положено М. Кастельсом (Castells, 1996) еще в конце 1990-х гг., в период становления Интернета. Однако сетевой подход получил развитие в международных отношениях уже в XXI в., когда все чаще стали публиковаться исследования, в которых показывается роль сетевых отношений в мировой политике (Cerny, 2010; Sikkink, 2011).

Интересный ракурс рассмотрения международных отношений и мировой политики предлагает и С. Сассен: отвечая на вопрос М. Акуто, она замечает, что цифровые технологии — это не «паровой двигатель», а инфраструктура, «основа многих социально-технических взаимодействий» (Acuto & Sassen, 2019, p. 40), и именно сетевые взаимодействия создают эту инфраструктуру.

Сетевая теория международных отношений и квантовый подход не противоречат друг другу. Оба подхода подчеркивают, что акторов международных отношений и их связи нельзя рассматривать независимо друг от друга, указывают на нелинейность и непредрежденность выбора и т. п. Однако достаточно ли ориентироваться лишь на метафоры из естественнонаучных представлений при изучении международных отношений и мировой политики? Как отмечает О. Уэйвер в диалоге с Л. Монсис, одним из решений здесь может быть обращение к идеям нового материализма, который предполагает отход от дуализма — в частности, материального и нематериального — природы и человека и т. п. При этом О. Уэйвер обращает внимание, что в этом случае теория сама по себе является технологией, а технология — теорией (Monsees & Wæver, 2019).

Таким образом, специалистам в области международных отношений и мировой политики предстоит работа по осмыслению цифровых реалий и формированию собственных подходов, вероятно, обобщающих как естественнонаучные идеи, так и современные философские представления.

— Как, на ваш взгляд, найти баланс между защитой своего цифрового суверенитета (например, через законы о локализации данных) и необходимостью поддержания глобального, открытого и безопасного Интернета? Неизбежен ли конфликт между этими принципами или возможен их синтез?

— М.М. Лебедева: Государства стремятся обезопасить себя от внешнего вмешательства в цифровой сфере. Это относится как к зарубежным государствам, так и к негосударственным акторам, в том числе бизнес-структурам, НПО, хакерам. Отсюда и закон о локализации данных, и требование к различным структурам осуществлять контроль за контентом, который выкладывается в сеть Интернет, и т. п.

Е.С. Зиновьева и А.А. Игнатов определили цифровой суверенитет в широком смысле как «независимость государства в цифровой сфере и способность к самостоятельной реализации информационной политики внутри страны и на международной арене»². Однако проблема заключается в том, насколько это реализуемо, поскольку цифровой суверенитет отличается от национального суверенитета в его традиционном понимании тем, что:

- 1) не имеет четко очерченных границ;
- 2) противостоит глобальной взаимозависимости и транснациональным корпорациям (ТНК) в области технологий и управления данными;
- 3) в цифровом пространстве нет государств, институтов, людей, а есть лишь их цифровые копии, вследствие чего становится

² Зиновьева Е.С., Игнатов А.А. «Цифровой суверенитет» в повестке объединения БРИКС // Российский совет по международным делам. 24.01.2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovoy-suverenitet-v-povestke-obedineniya-briks/?sphrase_id=137399354 (дата обращения: 16.10.2025).

сложно привлечь кого-либо к ответственности за правонарушения (Шитьков, 2025).

Отсюда множество проблем. Так возникает противоречие между свободой Интернета и вопросами обеспечения безопасности. Например, в упоминавшемся «деле *Yahoo*» этот вопрос так и остался открытым.

Полагаю, что ситуация будет подобна той, что наблюдается в гонке вооружений: появление новых видов вооружений влечет за собой разработку новых средств защиты, и так далее по восходящей.

— Кибервойна, кибершпионаж, дезинформационные кампании — как эти новые угрозы переопределяют понятие национальной безопасности и оборонительных альянсов? Следует ли ожидать появления новых международных договоров, аналогичных Договору о нераспространении ядерного оружия, но уже для кибероружия?

— М.М. Лебедева: Здесь, пожалуй, следует разделить криминальные действия, осуществляемые негосударственными акторами, и противостояние государств, хотя, конечно, такое разделение не всегда очевидно. Однако по криминальным аспектам договориться все же легче, а по политически мотивированным действиям достичь договоренностей значительно сложнее. Именно по этой причине возникают проблемы с определением того, что является терроризмом, и борьбой с этим явлением.

Тем не менее на национальном уровне принимаются законодательные акты для противодействия компьютерным атакам. Так, в 2013 г. (ред. от 22.12.2017) в России был подписан Указ Президента Российской Федерации «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации»³.

³ Указ Президента РФ от 15.01.2013 № 31с (ред. от 22.12.2017) «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации» (Выписка) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140909/ (дата обращения: 01.11.2025).

Очевидно, что проблема не может быть решена только на уровне отдельных государств. Она носит глобальный характер, поэтому вопросами противодействия киберпреступности и борьбы с кибертерроризмом занимаются различные международные организации, включая Организацию Объединенных Наций. Однако вряд ли на данный момент можно говорить о действенных результатах. Причины этого как политические, так и технологические. В будущем нам нужны договоренности, подобные тем, что были достигнуты в период холодной войны, в частности аналогичные Договору о нераспространении ядерного оружия. Кроме того, по всей вероятности, к разработке и реализации таких договоренностей следует привлечь бизнес-структуры, работающие в сфере противодействия угрозам в информационном пространстве. В любом случае договариваться, конечно, надо.

— Т.А. Алексеева: Весьма перспективной может оказаться технология блокчейн — реестр для хранения и передачи цифровых активов. Все записи в блокчейне хранятся в виде блоков, связанных между собой специальными ключами. Цепь блокчейна неразрывна. Блоки нельзя изменить или удалить, можно лишь добавить новые. Блоки хранятся на множестве компьютеров, которые связаны друг с другом в Интернете. Это помогает, например, проследить историю покупок и продаж актива. Фальсифицировать такие данные невозможно. ИТ-специалисты используют эту технологию для перевода денег между людьми — без банков, систем типа *WebMoney* и других посредников. Так появилась криптовалюта биткоин. Можно предположить, что в будущем технология может радикально изменить подход к работе в целом ряде отраслей — от банков и здравоохранения до онлайн-торговли. Например, технология уже может ускорить и удешевить переводы, защитить медицинские данные и сделать логистику доступной для каждого участника процесса. Предполагается, что в будущем блокчейн существенно упростит финансовые связи, следствием чего неизбежно станет изменение функций и характера деятельности

банков и управленческих структур. Основные характеристики блокчейнов — это прозрачность (записи в блокчейне доступны для всех, что снижает коррупционные риски), высокая скорость подтверждения транзакций, позволяющая оперативно реагировать на изменения, надежность (система устойчива к взломам и сбоям благодаря децентрализованной структуре), экономическая эффективность и юридическая совместимость.

Например, в одной стране система электронного голосования на базе блокчейна позволила увеличить явку на выборах на 25 % и сократить время подсчета голосов до 5 минут. Таким образом, технология будет способствовать снижению уровня коррупции и политического манипулирования.

Тем не менее технология не лишена недостатков, которые могут быть использованы криминальными структурами, то есть ее использование требует создания международной системы информационной безопасности.

Иными словами, уровень цифровой защиты пока еще невысок. Кроме того, искусственный интеллект, построенный на базе самообучающихся систем, может начать действовать в своих собственных интересах. В результате человечество может потерять возможность управления ИИ. Важно также учитывать возможность угрозы занятости вследствие автоматизации многих рабочих процессов, в результате чего может возникнуть социальная напряженность (при условии, что не произойдет переквалификация работников). Искусственный интеллект может принимать решения исходя из своей логики, что может быть неэтичным с точки зрения человека, тем более что правовой статус ИИ все еще находится в «серой зоне».

Однако что, пожалуй, здесь самое важное — это потенциально возможная деградация человека или общества: люди могут переложить на ИИ свою интеллектуальную активность, что в свою очередь может привести к умственной и профессиональной деградации человека (при условии снижения им мозговой активности). Эта угроза вполне оче-

видна. В последнее время несколько раз студенты попытались использовать технологии цифровизации для написания рефератов и даже курсовых работ. Пока вмешательство искусственного разума довольно заметно, но что будет в будущем? Массовая безграмотность?

— Как цифровизация изменила инструментарий публичной дипломатии и борьбы за «мягкую силу»? Можно ли считать успешные технологические корпорации (такие, как *TikTok* или *Netflix*) новыми агентами международных отношений и как государства могут на это реагировать?

— М.М. Лебедева: Термин «публичная дипломатия» возник во второй половине XX в. в США и был определен как оказание влияния государства на общества других государств⁴. Каналы этого влияния — двойные: непосредственно через государственные структуры и через программы негосударственных акторов, спонсируемые правительством (Лебедева, 2017). Развитие цифровизации внесло значительный вклад в публичную дипломатию, резко расширив аудиторию взаимодействия с зарубежным обществом за счет сайтов посольств, министерств, появления твиттер⁵-дипломатии (Цветкова, 2011). Следующим шагом развития цифровой публичной дипломатии стало не только информирование зарубежного общества, но и активное взаимодействие с ним. Наконец, использование технологий *Web 3.0* в публичной дипломатии ведет к децентрализации и взаимодействию пользователей (Ордовский, Кожемякин, 2025).

Расширив внешнюю аудиторию, цифровизация одновременно и увеличила число дипломатов, которые стали заниматься публичной дипломатией, писать твиты, посты и т. п. В эту же работу оказались вовлечены и представители негосударственных структур. Все это сдела-

⁴ Public Diplomacy // Dictionary of International Relations Terms : 3rd edition. Washington, DC : U.S. Department of State Library, 1987. P. 85–86.

⁵ Социальная сеть X (ранее *Twitter*) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ (*Прим. ред.*).

ло работу в области публичной дипломатии более сложной.

Какие технологические корпорации являются акторами, а какие нет, — вопрос сложный. В абсолютном значении — никакие. Впрочем, как и государства. Ни одно государство не является неким творцом мировой политики. *TikTok* выступает, скорее, не актором, а проводником «мягкой силы» Китая. В этом отношении компания весьма успешна. Американская *Netflix* также вряд ли претендует на роль актора, но и проводником ее назвать сложно.

— На ваш взгляд, не становится ли цифровизация новым источником глобального неравенства, разделяя страны на технологически развитые «цифровые державы» и всех остальных? Какие международные институты и механизмы могут помочь преодолеть этот разрыв?

— Т.А. Алексеева: Как представляется, ускорение глобальных политических процессов в сочетании с возможностью сетевого и цифрового влияния как на внешних, так и на внутренних реципиентов создает новые возможности в области публичной дипломатии. Впервые в истории у дипломатических и государственных структур появилась возможность прямого взаимодействия с населением других стран без каких-либо официальных заявлений или использования СМИ. Наиболее важными элементами цифровой дипломатии являются взаимодействие в социальных сетях, открывающее возможность коммуникации в реальном времени, проведение конференций и саммитов без логистических издержек, а также организация переговоров по «острым» вопросам без необходимости визитов в другую страну. В этой связи публичная дипломатия обретает сегодня качественно новое измерение, ибо позволяет обращаться к каким-то зарубежным структурам или группам без посредников.

— М.М. Лебедева: Цифровизация, действительно, разделила мир на лидеров и отстающих. И.В. Данилин показывает, что интернет-компании США и Китайской Народной

Республики (КНР), такие как *Facebook*⁶, *Alibaba* и др., являются ключевыми на цифровых рынках: «Именно США и, в меньшей мере, Китай структурируют рынки цифровой экономики, предотвращая шанс третьих стран и регионов перехватить лидерство в данной сфере — в том числе, скупая иностранных конкурентов и перспективные стартапы» (Данилин, 2020, с. 103). Мир в значительной степени оказывается поделенным между этими двумя государствами.

Если говорить о долгосрочных планах, то международные организации, например ЮНЕСКО и Всемирный банк, могут оказывать помощь, в том числе финансируя проекты в области образования в развивающихся странах, что может повысить общий уровень цифровой грамотности. В целом же ситуация представляется не столь однозначной, как разделение на «цифровые государства» и всех остальных. Во-первых, цифровые технологии развиваются, сразу включаясь в глобальное пространство. Поэтому не исключено, что новые идеи и новые стартапы будут возникать в других точках земного шара за пределами США и Китая, и не все их можно будет поглотить. Здесь важным становится формирование сетей и «завязывание узлов» в этих сетях. Во-вторых, возникает проблема стандартов. Борьба за продвижение «своих» стандартов в цифровой сфере на глобальном уровне будет очень острой, поскольку она непосредственно связана с экономической сферой.

— Пандемия COVID-19 и геополитическая напряженность обнажили уязвимость глобальных цепочек поставок, особенно в сфере высоких технологий (чипы, программное обеспечение). Как государства защищают свой технологический суверенитет? Приведет ли это к полному распаду глобальных цепочек на изолированные технологические блоки (например, западный

⁶ Социальная сеть *Facebook* (входит в группу компаний *Meta*) запрещена в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (*Прим. ред.*).

во главе с США и восточный — во главе с Китаем)?

— **Т.А. Алексеева:** Глобальный мир сегодня зависит также от мощных процессов изменения самих политических систем, экономики и технологических «прорывов». Отсюда такое явление, как «технофеодализм», о котором сейчас много говорят и пишут авторы различных идейных ориентаций. Это понятие, описывающее новую социально-экономическую систему, в которой доминируют цифровые технологические платформы, аналогично тому, как в Средние века в обществе господствовала иерархическая система, во главе которой стояли феодалы. Эта идея была сформулирована греческим экономистом Янисом Варуфакисом, которого называют «Джоном Кейнсом с каплей Маркса». Он утверждает, что мы переживаем «эпохальные перемены», когда вследствие развития вычислений и больших данных наступает конец традиционного рынка, движимого капитализмом. Схожесть с феодализмом заключается в том, что корпорации будут получать доход не только с прибыли, но и с аналога «ренты» за доступ к платформе или рекламе, как некогда феодалы взимали ренту с крестьян. Например, американская компания *Apple* удерживает комиссию за продажи приложений в *App Store* в размере 30 %, что напоминает «оброк» или феодальный налог, а не типичную рыночную форму прибыли.

Мелкие компании, хотя и остаются формально независимыми, фактически зависят от инфраструктуры «помещиков»-техногигантов, сосредоточенной в руках лишь нескольких корпораций. Исследователи считают, что это новая форма капитала. Одним из возможных последствий цифровизации может стать слияние бизнеса и власти, что, в свою очередь, может означать появление таких монополий, масштабы которых сегодня пока еще крайне трудно даже вообразить. Это будет уже не просто капитализм, а качественно новый посткапитализм.

— **М.М. Лебедева:** Международная напряженность, как и пандемия, — это кризисные ситуации, а кризисы, как правило, ведут

к поляризации. Сегодня мы можем наблюдать поляризацию не только в области цифровизации мировой политики, но и в других сферах. В частности, происходит поляризация правых и левых партий в Европе и в США.

В результате негативного опыта в пандемию и современной сложной обстановки государства стремятся обеспечить собственное технологическое производство и собственные цепочки технологических поставок. Наиболее яркий пример — производство микрочипов. Тайваньская компания *TSMC* (*Taiwan Semiconductor Manufacturing Company*) на мировом рынке производит более 50 % микрочипов и поставляет свою продукцию в том числе в КНР и США. Во время пандемии возник повышенный спрос на микрочипы и, соответственно, их дефицит. *TSMC* стала поставлять микрочипы для *Apple*. Остальным компаниям пришлось ожидать поставок микрочипов месяцами⁷. Несмотря на то, что микрочипы поставлялись американской компании, это побудило США к тому, чтобы развивать их производство на своей территории, хотя и при помощи *TSMC*⁸.

Едва ли тенденция к технологическому самообеспечению приведет к полному распаду технологических цепочек, поскольку такое вряд ли возможно в современном взаимозависимом мире. Через какое-то время цепочки, пусть и на новой основе, будут восстановлены. В то же время ищутся новые пути нахождения баланса между технологическим суверенитетом и инвестиционной безопасностью, в частности предлагается экосистемный подход (Степнов, 2025).

⁷ Абдулбарова Ю. Производство микрочипов: крупнейшие компании, мировые рынки, тенденции в 2022 году // *linDEAL*. 2023. URL: <https://lindeal.com/trends/proizvodstvo-mikrochipov-krupnejshie-kompanii-mirovye-rynki-tendencii-v-2022-godu> (дата обращения: 12.10.2025).

⁸ *TSMC* построит крупнейший завод по производству микрочипов в Аризоне. США укрепляют позиции на рынке чипов // *IXBT*. 26.09.2025. URL: <https://www.ixbt.com/news/2025/09/26/tsmc-postroit-krupnejshij-zavod-po-proizvodstvu-mikrochipov-v-arizone.html> (дата обращения: 12.11.2025).

— Кто сегодня обладает бóльшим влиянием на цифровую среду — национальные правительства или транснациональные технологические корпорации (*Big Tech*)? И как в связи с этим меняется сама природа власти в международных отношениях?

— М.М. Лебедева: Вряд ли целесообразно противопоставлять транснациональные технологические корпорации и государства. В большинстве случаев они сотрудничают. При этом корпорации лоббируют свои интересы и представлены в государственных структурах и т. д. Аналогичное представительство есть у государственных структур в компаниях.

В отдельных случаях транснациональная технологическая корпорация может оказаться более влиятельной, причем не только в цифровой среде, но и — что более значимо — в мировой политике. Вернемся к примеру *TSMC*. То, что эта компания влиятельнее в цифровой сфере, чем не признаваемая Российской Федерацией Китайская Республика, где она располагается, по всей видимости, очевидно. Однако *TSMC* к тому же во многом сдерживает ключевых геополитических акторов от вооруженного конфликта, который может привести к тому, что весь мир окажется без достаточного количества микрочипов.

— Ключевые элементы Интернета (доменная система, протоколы) исторически управляются при значительном влиянии США и западных некоммерческих организаций. Наблюдаем ли мы кризис этой модели и усиление борьбы за многополярное управление Интернетом со стороны таких стран, как Китай и Россия? К чему может привести фрагментация глобальной сети?

— М.М. Лебедева: Управление Интернетом — старая проблема, возникшая на заре появления Интернета. Она хорошо описана в российской научной литературе. Одно из последних изданий по данному вопросу — вышедшая в 2025 г. коллективная монография под редакцией Е.С. Зиновьевой (Международное управление Интернетом, 2025).

Если говорить вкратце, то разработанный в США Интернет изначально и управлялся из

США. С технологической и правовой стороны США продолжают в значительной степени осуществлять контроль над Интернетом, однако, поскольку он стал глобальной сетью, встал вопрос о его «перевode» на уровень международного управления. Ряд стран, в том числе Россия, выступили с предложением передать управление на международный уровень — в Международный союз электросвязи. США и западные страны возражают, полагая, что это может привести к бюрократизации и жесткой централизации контроля над Интернетом. Пока данная проблема не решена. Предпринимаются попытки создания национальных сетей, что ведет к фрагментации глобальной сети, негативными сторонами которой становятся ухудшение обмена данными (в том числе научными), затруднения при реализации сотрудничества в борьбе с террористическими и хакерскими атаками, а также усложнение деятельности транснационального бизнеса и т. п.

— Как, на ваш взгляд, изменится политический мир (и изменится ли) благодаря цифровым технологиям?

— М.М. Лебедева: Думаю, что политический мир изменится принципиально.

Во-первых, будут развиваться сетевые отношения в мире. Они затронут государственные структуры, негосударственных акторов и взаимодействие государственных и негосударственных акторов. Иерархическая структура политической организации, основанная на Вестфальских принципах, трансформируется в сетевую, где важными составляющими будут как центры (акторы), так и их связи и отношения друг с другом. При этом вряд ли следует соглашаться с Р. Хаасом, что такой мир будет хаотичным (Хаас, 2008). Выстраиванию целенаправленных отношений помогут цифровые технологии, прежде всего — коммуникационные и информационные, а также искусственный интеллект, ведь сейчас мы довольно успешно взаимодействуем в Интернете. Другое дело, что сама перестройка политической организации мира может сопровождаться хаотизацией.

Во-вторых, на уровне государств также произойдут изменения. Так, наиболее очевидными из них станет исчезновение ряда профессий, что повлечет за собой социальные изменения. Начало этого процесса может вести к радикализации политических взглядов. Например, существуют исследования, в которых показано, что в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) внедрение робототехники привело к росту правых взглядов среди представителей низших слоев среднего класса (Kurer & Palier, 2019).

Таким образом, процессы трансформации политической организации мира как на глобальном, так и на страновом уровнях будут сложными.

— Существуют ли какие-либо особенности влияния новых технологий XXI в. на мировую политику по сравнению с тем, какое воздействие оказывали новые технологии в предыдущие эпохи?

— М.М. Лебедева: Думаю, что значимым различием является скорость преобразований в современных условиях. И развитие земледелия, и внедрение парового двигателя или машинного производства шли относительно медленно по сравнению с современными преобразованиями. Сегодня же цифровые технологии внедряются галопирующими темпами. Успеет ли международная практика приспособиться к изменениям? Очевидно, что согласование позиций на международном уровне потребует значительного времени даже при условии подключения к этому искусственного интеллекта.

Другое отличие от прошлого заключается в том, что цифровизация затронула самые основы политической организации мира и ее фундамент — национальный суверенитет. Ни промышленная революция в Англии в XVIII в., ни дальнейшие технологические инновации такого критического воздействия на суверенитет не оказывали. Отсюда стремление государств обезопасить себя в цифровом пространстве. Так, Россия приняла Доктрину национальной безопасности в 2000 г.,

затем — в 2016 г.⁹ с учетом более сложных условий, сложившихся в глобальной цифровой сфере.

Примечательно, что, несмотря на то, что «размывание» суверенитета происходит в виртуальном пространстве, реакция на этот процесс нередко дается асимметрично. Это хорошо видно на изоляционистской политике Д. Трампа по ряду направлений: выход из ряда международных договоров, введение тарифов и т. п., при том что по другим направлениям внешней политики (например, попытках урегулирования международных конфликтов) Д. Трамп оказывается глубоко вовлеченным в международные отношения.

Разумеется, транснационализация, обусловленная новыми технологиями, влияет не только на мировую политику. Однако в других сферах она не затрагивает существенные параметры. Например, в медицине цифровизация дает основу для развития телемедицины, но не сказывается на медицине как таковой.

— Т.А. Алексеева: Согласна с коллегой, но хотела бы сделать некоторые уточнения. Цифровизация, о которой так много говорят и пишут в последнее время, далеко не у всех вызывает восхищение, а многих истораживает. Цифровизация в широком смысле — это выстраивание новой системы управления государственным и частным секторами, а в узком смысле слова — это цифровая трансформация в системе государственного управления и государственной деятельности. С одной стороны, цифровизация призвана изменять процессы и услуги, делать их более быстрыми и одновременно открывать новые возможности коммуникации. С другой стороны, возникают собственные риски цифровизации, которые как минимум требуют внимания.

Интервью провели К.П. Курылев и М.С. Рамич

Поступило в редакцию / Received: 14.11.2025

⁹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1539546/ (дата обращения: 12.11.2025).

Список литературы

- Алексеева Т. А., Минеев А. П., Лошкарёв И. Д. «Квантовая» теория принятия решений в политической науке // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 4. С. 22–32. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.03>; EDN: ZBGHNN
- Данилин И. В. Влияние цифровых технологий на лидерство в глобальных процессах: от платформ к рынкам? // *Вестник МГИМО-Университета*. 2020. Т. 13, № 1. С. 100–116. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-1-70-100-116>; EDN: ZDTVVD
- Зиновьева Е. С. Глобальное управление Интернетом: российский подход и международная практика // *Вестник МГИМО-Университета*. 2015. № 4. С. 111–118. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-4-43-111-118>; EDN: UDUNML
- Лебедева М. М. Публичная дипломатия: исчезновение или новые горизонты? // *Публичная дипломатия: теория и практика* / под ред. М. М. Лебедевой. Москва : Аспект Пресс, 2017. С. 8–20. EDN: ZWAOYT
- Лебедева М. М., Зиновьева Е. С. Специфика международных переговоров в эпоху цифровизации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23, № 1. С. 144–156. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156>; EDN: TQVNYC
- Международное управление Интернетом / под ред. Е. С. Зиновьевой. Москва : Серпантин Про (ИП Гончаров А.В.), 2025. EDN: VELEVP
- Ордовский Д., Кожмякин Е. А. Цифровая публичная дипломатия в эпоху социальных медиа: эволюция и современное состояние // *Полис. Политические исследования*. 2025. № 2. С. 157–166. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.02.11>; EDN: OOLICR
- Степин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. Москва : Прогресс-Традиция, 2003.
- Степнов И. М. Инвестиционная безопасность и технологическая суверенность: экосистемный подход к поиску баланса // *Вестник МГИМО-Университета*. 2025. Т. 18, № 4. С. 185–206. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-4-103-185-206>; EDN: IMLXCS
- Талей Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. Москва : КоЛибри, 2011. EDN: QYCBIX
- Уэллс Г. Дж. Новый мировой порядок. Москва : Субъект, 2023.
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Москва : Касталь, 1996.
- Хаас Р. Эпоха беспоплярного мира // *Россия в глобальной политике*. 2008. Т. 6, № 4. С. 34–47. EDN: TWJYFP
- Цветкова Н. А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2011. № 3. С. 109–122. EDN: NDUOWR
- Шваб К. Четвертая промышленная революция. Москва : Эксмо, 2016.
- Шитков С. В. Подходы к изучению цифрового суверенитета в современной политической науке // *Международная жизнь*. 2025. № 5. С. 90–99. EDN: EGLHNN
- Acuto M., Sassen S. Everyday Tech: In Search of Mundane Tactics // *Technologies of International Relations : Continuity and Change* / ed. by C. Kaltofen, M. Carr, M. Acuto. Cham, Switzerland : Palgrave Pivot, 2019. P. 35–43. https://doi.org/10.1007/978-3-319-97418-7_4
- Barkin J. S. Realist Constructivism : Rethinking International Relations Theory. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
- Castells M. The Rise of the Network Society. Cambridge, Mass. : Blackwell Publishers, 1996.
- Cerny Ph. G. Rethinking World Politics : A Theory of Transnational Neopluralism. Oxford : Oxford University Press, 2010. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199733699.001.0001>
- Kurer T., Palier B. Shrinking and Shouting: The Political Revolt of the Declining Middle in Times of Employment Polarization // *Research and Politics*. 2019. Vol. 6, iss. 1. P. 1–6. <https://doi.org/10.1177/2053168019831164>
- Monsees L., Wæver O. Theory Is Technology; Technology Is Theory // *Technologies of International Relations : Continuity and Change* / ed. by C. Kaltofen, M. Carr, M. Acuto. Cham, Switzerland : Palgrave Pivot, 2019. P. 13–23. https://doi.org/10.1007/978-3-319-97418-7_2
- Nye J. S., Keohane R. O. Transnational Relations and World Politics: An Introduction // *International Organization*. 1971. Vol. 25, no. 3. P. 329–349. URL: <http://www.jstor.org/stable/2706043> (accessed: 12.11.2025).
- Oppenheimer M. F. The Turbulent Future of International Relations // *The Future of Global Affairs : Managing Discontinuity, Disruption and Destruction* / ed. by C. Ankersen, W. P. S. Sidhu. Cham, Switzerland : Springer International Publishing, 2021. P. 23–47. https://doi.org/10.1007/978-3-030-56470-4_2
- Rosenau J. Turbulence in World Politics : A Theory of Change and Continuity. Princeton : Princeton University Press, 1990. <https://doi.org/10.2307/j.ctv301hg5>
- Sikkink K. The Power of Networks in International Politics // *Networked Politics : Agency, Power, and Governance* / ed. by M. Kahler. Ithaca, New York : Cornell University Press, 2011. P. 228–248. <https://doi.org/10.7591/9780801458880-013>
- Wendt A. Quantum Mind and Social Science : Unifying Physical and Social Ontology. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316005163>; EDN: WSXFEH

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-2-387-393

EDN: FPEVGI

Интервью / Interview

Лабиринты Латинской Америки: на перепутье эпох и интересов

*Интервью с З.В. Ивановским, П.П. Яковлевым, Б.Ф. Мартыновым,
Х. Мединой Гонсалесом, А. Пачеко Пасифико, С. да Коста, Ф. Реисом Мело,
О.Н. Богатыревой, М.А.-М. Кодзоевым и Е.А. Яхнис*

Аннотация. 29 октября 2025 г. на кафедре теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы (РУДН) состоялся научный семинар «Геополитика Латинской Америки», объединивший ведущих российских латиноамериканистов. Модератором выступила доктор исторических наук, профессор Алла Юрьевна Борзова. В рамках дискуссии был проведен всесторонний анализ ключевых политических, экономических и социальных вызовов региона. Политический блок, представленный доктором политических наук, профессором, руководителем Центра политических исследований Института Латинской Америки Российской академии наук (ИЛА РАН), профессором факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова З.В. Ивановским, выявил текущую перегруппировку сил с заметным сдвигом «вправо», внутреннюю разобщенность обществ региона и факторы «усталой демократии», что в глобальном контексте может повлиять на внешнеполитические ориентации латиноамериканских стран. Экономический обзор доктора экономических наук, главного научного сотрудника Института научной информации по общественным наукам РАН, профессора Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова П.П. Яковлева продемонстрировал успешную интеграцию Латинской Америки в глобальные хозяйственные экосистемы — аграрно-продовольственную, энергетическую, горнодобывающую, технологическую и финансовую, подчеркнув превращение региона из источника проблем в активного поставщика решений. Серьезное внимание было уделено комплексным угрозам безопасности: доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института международных отношений МИД России Б.Ф. Мартынов и кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений РУДН Х. Медина Гонсалес детально рассмотрели конвергентную природу наркотрафика, его сращивание с коррупцией и терроризмом, а также критическую ситуацию с эрозией государственности в Эквадоре. Миграционные тренды, проанализированные доктором исторических наук, профессором кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина О.Н. Богатыревой и бразильскими коллегами, показали масштабы внутренних перемещений и новые вызовы экологической миграции. Отдельно обсуждались стратегии внешних игроков: давление санкций США на Кубу (М.А.-М. Кодзоев, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра аналитических разработок Института Латинской Америки РАН, доцент РУДН, доцент РГГУ), экспансия Китая в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (Е.А. Яхнис, РУДН) и роль Европейского союза (ЕС). Итогом семинара стал вывод о нарастающем соперничестве США, Китайской Народной Республики (КНР) и ЕС в условиях усиливающейся внутренней турбулентности региона, что определяет его как критически важную арену глобальной геополитики.

Ключевые слова: геополитика, электоральный цикл, глобальные экономические экосистемы, наркотрафик, миграция, санкционная политика, Один пояс, один путь, региональная безопасность, внешнеполитическое соперничество

© Ивановский З.В., Яковлев П.П., Мартынов Б.Ф., Медина Гонсалес Х., Пачеко Пасифико А., да Коста С., Реис Мело Ф., Богатырева О.Н., Кодзоев М.А.-М., Яхнис Е.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Ивановский З. В., Яковлев П. П., Мартынов Б. Ф., Медина Гонсалес Х., Пачеко Пасифико А., да Коста С., Рейс Мело Ф., Богатырева О. Н., Кодзоев М. А.-М., Яхнис Е. А. Лабиринты Латинской Америки: на перепутье эпох и интересов. Интервью провела А.Ю. Борзова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 2. С. 387–393. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-387-393>; EDN: FPEVGI

The Labyrinths of Latin America: At the Crossroads of Eras and Interests

Interview with Z.W. Iwanowski, P.P. Yakovlev, B.F. Martynov, V.X. Medina Gonzalez, A. Pacheco Pacifico, S. da Costa, F. Reis Melo, O.N. Bogatyreva, M.A.-M. Kodzoev, and E.A. Yakhnis

Abstract. On October 29, 2025, the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University hosted a scientific seminar titled “Geopolitics of Latin America,” bringing together leading Russian experts on the region. The discussion was moderated by Doctor of Historical Sciences, Professor Alla Yuryevna Borzova. The discussion covered a comprehensive analysis of the key political, economic and social challenges of the region. The political block, represented by Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Center for Political Studies of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences (ILA RAS), Professor of the Faculty of Global Processes at Lomonosov Moscow State University Z.W. Iwanowski, identified the current regrouping of forces with a noticeable “right-wing” shift in power, internal disunity within societies in the region and factors of “tired democracy,” which may have implications for the foreign policies of Latin American countries in the global context. An economic review by Doctor of Economics, Chief Researcher of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Russian University of Economics named after Plekhanov, P.P. Yakovlev, demonstrated the successful integration of Latin America into the global economic ecosystems—agriculture, food, energy, mining, technology, and finance—emphasizing the region’s transformation from a source of problems to an active provider of solutions. The review also addressed complex security threats. Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of International Relations and Russian Foreign Policy at the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation B.F. Martynov and Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of International Relations at RUDN University V.X. Medina González examined in detail the convergent nature of drug trafficking, its link with corruption and terrorism, as well as the critical situation of the erosion of statehood in Ecuador. Migration trends, analyzed by Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of International Relations at the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin O.N. Bogatyreva and her Brazilian colleagues demonstrated the scale of internal displacement and the new challenges of environmental migration. The strategies of external players were also discussed: the pressure of US sanctions on Cuba (M.A.-M. Kodzoev, PhD in Political Science, Senior Researcher at the Center for Analytical Research at the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor at RUDN University, Associate Professor at RSUH), China’s expansion within the framework of the “One Belt, One Road” initiative (E.A. Yakhnis, RUDN University), and the role of the European Union (EU). The seminar concluded that the rivalry between the US, the People’s Republic of China (PRC), and the EU is growing amidst increasing internal turbulence in the region, making it a critical arena for global geopolitics.

Key words: geopolitics, electoral cycle, global economic ecosystems, drug trafficking, migration, sanctions policy, One Belt, One Road, regional security, foreign policy rivalry

For citation: Iwanowski, Z. W., Yakovlev, P. P., Martynov, B. F., Medina Gonzalez, V. X., Pacheco Pacifico, A., da Costa, S., Reis Melo, F., Bogatyreva, O. N., Kodzoev, M. A.-M., & Yakhnis, E. A. (2026). The labyrinths of Latin America: At the crossroads of eras and interests. Interviewed by A. Yu. Borzova. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(2), 387–393. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-387-393>; EDN: FPEVGI

— Уважаемый Збигнев Владиславович, открывая нашу дискуссию, предлагаю начать с политической панорамы. Как бы вы охарактеризовали текущий электоральный

цикл в странах Латинской Америки и основные линии политического противостояния, которые могут сказаться на внешнеполитических приоритетах?

— **З.В. Ивановский:** В 2025 г. мы наблюдаем сложный и турбулентный электоральный цикл. В большинстве случаев нестабильность связана с отсутствием пропрезидентского парламентского большинства, противоречиями между центром и субъектами федерации, слабостью государственных институтов. На сегодня расстановка сил такова: в восьми странах у власти правые и правоцентристы — это Гаити, Парагвай, Сальвадор, Эквадор, Аргентина, Панама, Перу и к ним добавилась Боливия, где закончился 20-летний срок правления левых. Три страны — сторонницы социализма: Куба, Венесуэла и Никарагуа. Пять стран представляют умеренные левоцентристы — Бразилия, Мексика, Доминиканская республика, Коста-Рика и Уругвай. И четыре страны близки к традиционной социал-демократии — Чили, Колумбия, Гондурас и Гватемала. Таким образом, в 12 из 20 стран пока преобладает левый спектр. Однако общество везде расколото из-за разочарования электората, провала президентских программ, роста коррупции, наркотрафика и отсутствия личной безопасности. Появился даже термин «усталая демократия». Системные кризисы на Кубе и Венесуэле не решены, гипертрофированная экологическая повестка приводит к деиндустриализации, кризис переживают интеграционные процессы, нельзя не упомянуть и «фактор Трампа». В итоге Латинская Америка находится на перепутье: происходит перегруппировка политических сил, но в целом наметился сдвиг «вправо». В глобальном плане это может привести к сближению с США и определенным сложностям в отношениях с Россией.

Китай занимает прагматические позиции, его политика мало связана с режимами, и ему удастся выстраивать хорошие экономические отношения со всеми государствами (Ивановский, 2025a; 2025b).

— **Петр Павлович,** теперь перейдем от политики к экономике. Вы отметили, что центральное место занимают глобальные экономические экосистемы. В чем кон-

кретно заключается задача латиноамериканских хозяйствующих субъектов и каковы успехи региона в этом направлении?

— **П.П. Яковлев:** Главная задача — стать органической частью существующих и формирующихся глобальных экономических экосистем: аграрно-продовольственной, энергетической, горнодобывающей, технологической и финансовой. Рассмотрим по порядку.

В *аграрной сфере* за последние 10 лет страны значительно нарастили производство и экспорт. Стоимость экспорта в 2024 г. составила почти 252 млрд долл. США. Феноменальный рост показала Бразилия, которая борется с США за первое место в мире по объему агроэкспорта (164 млрд против 176 млрд долл. США в 2024 г.). Регион играет ключевую роль в мировой продовольственной безопасности (Яковлев, 2023; 2025).

В *энергетике* показательны примеры Гайаны и Аргентины. В Гайане ВВП вырос на 63 % в 2022 г., экспорт нефти вырос колоссально. Аргентина осваивает месторождение *Vaca Muerta* и планирует стать глобальным игроком на рынке СПГ (Яковлев, 2023).

В *сфере горной добычи* регион поставяет критически важное сырье: Мексика и Аргентина добывают 73 % мирового экспорта серебра, Чили и Перу — 44% меди. Огромный потенциал имеется у «литиевого треугольника» (Аргентина, Боливия, Чили), где сосредоточено около 60 % мировых запасов лития (Яковлев, 2023).

В *сфере технологий* экспорт высокотехнологичной продукции растет: электрических машин — на 36 %, транспортных средств — на 69 %. Коста-Рика — крупнейший поставщик медоборудования. Бразильская компания *Embraer* поставила более 4,5 тыс. самолетов. Аргентина инвестирует 25 млрд долл. США в проект центра обработки данных «Звездные врата» (Яковлев, 2023).

В *финансовой сфере* следует отметить высокий уровень развития банковской системы, активы 20 крупнейших банков превышают 3,3 трлн долл. США. Появление необанка *Nubank* (122 млн клиентов) и беспрецедентное

распространение криптовалют (оборот порядка 1,5 трлн долл. США за 3 года) расширяют финансовые возможности стран региона¹. Таким образом, Латинская Америка все в меньшей степени является проблемой для мира, а все чаще предлагает решения по преодолению глобальных вызовов.

— **Серьезнейшей проблемой, сростающейся с экономикой и политикой, остается наркотрафик. Борис Федорович, как вы оцениваете эту угрозу на региональном и глобальном уровнях и какова, на ваш взгляд, роль США?**

— **Б.Ф. Мартынов:** Это комплексная конвергентная проблема, поскольку наркотрафик существует рядом с криминальной преступностью, коррупцией и терроризмом, пронизывая все страны региона. Активность США, особенно администрации Д. Трампа, можно определить формулой «Интервенционизм под прикрытием красивых слов». В основе лежит захват и перераспределение ресурсов. Все обвинения в нарушении демократии отходят на второй план, а на первое место выдвигается то, что можно «продать» общественному мнению: борьба с наркотрафикантами, преступностью, контрабандой. Это новая парадигма обоснования интервенционизма. Силловые варианты решения (как в Мексике, Колумбии) не решают проблему, а только загоняют ее внутрь. Однако важно другое: США много говорят о борьбе с предложением, но сами не борются со спросом. Статистика ужасающая: смертность от наркотиков к концу 2021 г. достигла 80 тысяч человек. Отдельно следует выделить силу криминальных структур в Бразилии, Мексике, Венесуэле и Эквадоре, где они уже оспаривают власть на местах. Эти структуры во многом будут участвовать в решении будущего латиноамериканских государств. Региону предстоит трудный этап, связанный с авторитарным раз-

витием, новыми переворотами и гражданскими войнами².

— **Хавьер, вы детально рассматриваете пример Эквадора. Почему именно эта, казалось бы, стабильная страна, оказалась в эпицентре кризиса и что это говорит об эрозии государственности?**

— **Х. Медина Гонсалес:** Эквадор столкнулся с ростом насилия и активизацией транснациональной преступности. Его удобное географическое расположение и развитая инфраструктура стали использоваться наркокартелями из Колумбии, Перу и Чили для интеграции поставок в легальные экспортные цепочки. Ужесточение контроля в Мексике и Колумбии вынудило наркоструктуры искать новые маршруты, что привело к усилению влияния мексиканских картелей в Эквадоре и созданию устойчивых связей с местными группировками. Перегруженные тюрьмы превратились в оперативные штабы, где заключенные координируют наркотрафик и управляют конфликтами. Это привело к негативным изменениям в социально-политической системе: росту убийств, кризису судебной системы, массовой миграции, утечке капитала. Расширение преступной активности на соседние страны говорит о необходимости комплексной международной стратегии по борьбе с наркотрафиком.

— **Андреа, ваш доклад посвящен экологической миграции. Почему требуется новый подход к пониманию этого феномена?**

— **А. Пачеко Пасифико:** Необходимо более широкое толкование термина, связанное не только с климатическими катаклизмами, но и с антропогенным воздействием, например разрушительными последствиями деятельности компаний. В Бразилии нет законов, чтобы защитить людей от этого. По некоторым дан-

¹ Nubank Tops Forbes' World's Best Banks in Brazil and Mexico // Nubank. April 19, 2024. URL: <https://international.nubank.com.br/company/nubank-tops-forbes-worlds-best-banks-in-brazil-and-mexico/> (accessed: 12.02.2026).

² Елесеенко Д. Трансформация наркорынка Латинской Америки: война Трампа с картелями // Российский совет по международным делам. 01.04.2026. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/transformatiya-narkorynka-latinskoy-ameriki-voyna-trampa-s-kartelyami/> (дата обращения: 14.04.2026). См. также: (Пятаков, 2023).

ным, с 2008 по 2023 г. более 4 млн человек были вынуждены покинуть места жительства из-за наводнений, разрушений, дыма от пожаров в Амазонии. Это приводит к потере работы, росту цен, нагрузке на инфраструктуру малых городов. Я привела пример компании *Braskem*, нанесшей значительный экологический ущерб региону. Необходимо признание пострадавших людей экологическими беженцами, чтобы сделать государство ответственным за их права (Pacífico et al., 2020).

— Сантос да Коста и Фелипе Рейс Мело, ваши выступления касались внешней политики Бразилии. В чем заключались ключевые различия подходов президентов Л.И. Лулы да Силвы и Ж. Болсонару и каков текущий вектор Бразилии на внешнеполитическом направлении?

— С. да Коста: Ж. Болсонару критиковал ООН, стремился выйти из Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), отвернулся от Африки, выступал против Китая и за сближение с США. Он сблизился с Израилем в ущерб традиционной сбалансированной политике в отношении Израиля и Палестины и объявил об открытии торговой миссии в Иерусалиме. С возвращением Л.И. Лулы да Силвы политика меняется: Бразилия выступает за мультилатерализм, международное право, внимание к экологии и социальным вопросам, возвращается к региональному лидерству и укреплению Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК).

— Ф. Рейс Мело: Традиционно Бразилия отстаивала мультилатерализм. Независимый курс усилился с приходом Л.И. Лулы да Силвы в 2003 г.: страна укрепила экономику, вошла в ИБСА (Индия, Бразилия, Южно-Африканская Республика), G4 (Бразилия, Германия, Индия и Япония), инициировала диалог стран Южной Америки с арабским и африканским миром, стояла у истоков БРИКС. При М. Темере и Ж. Болсонару многие достижения были упущены, страна потянулась к США. С возвращением Л.И. Лулы да Силвы в 2023 г. на пост президента Бразилия восстанавливает независимую позицию, выступает против санкций,

вернулась в СЕЛАК, активно участвует в БРИКС и готовится принять климатическую конференцию ООН.

— Ольга Николаевна, завершая блок по миграции, какие основные тренды и модели вы выделяете для Латинской Америки XXI в.?

— О.Н. Богатырева: Следует выделить три основные модели.

Первая — традиционный маршрут на север, в США и Канаду.

Вторая — новая тенденция трансграничной внутрирегиональной миграции по линии Юг — Юг.

Третья — трансокеанская миграция в Европу и Японию.

Преобладает внутрирегиональная модель, главные направления — Аргентина, Колумбия, Бразилия, Чили, Перу, куда направлялись 6,7 млн мигрантов из Венесуэлы. Важную роль играют конфликты, нестабильность, преступность. Центральная Америка не только поставляет мигрантов, но и предоставляет убежище. «Фактор Трампа» серьезно повлиял на ситуацию. Страны региона стремятся к взаимодействию через региональные институты: Картахенскую декларацию, «Процесс Кито», Лос-Анджелесскую декларацию 2022 г. (Богатырева, Крапивницкая, 2025).

— Магомед Абдул-Мажитович, Куба — пример длительного противостояния санкционному давлению. В чем первопричины ее кризиса и как ей удастся выдерживать это давление?

— М.А.-М. Кодзоев: Первопричина — более чем 60-летняя торговая блокада со стороны США. В эпоху СССР и позднее, во время «левого поворота», у Кубы была опора. С распадом СССР США приняли «Акт Торичелли» (1992), чтобы подтолкнуть кубинскую экономику к краху. Однако руководство Кубы умело вводило контрмеры. Помощь Венесуэлы в рамках Боливарианского альянса для Америк (АЛБА) также была очень важна. В ответ США ввели еще более жесткие законы, угрожающие вторичными санкциями компаниям третьих стран.

При Б. Обаме произошла частичная нормализация американо-кубинских отношений, но Д. Трамп возобновил давление на островное государство, ударив по туризму и медицинским программам. Символом антикубинской политики стал госсекретарь Марко Рубио.

Сейчас Куба активизировала дипломатию с Африкой, ЕС, Китаем, и большинство латиноамериканских стран поддерживают с ней отношения. Куба нашла свою нишу и сумела противостоять давлению со стороны Вашингтона (Давыдов, Кодзоев, 2025).

— **Елизавета Андреевна, как реализуется политика КНР в регионе в рамках инициативы «Один пояс, один путь»?**

— **Е.А. Яхнис:** С 2017 г. регион официально включен в инициативу. Развиваются три направления: Морской, Цифровой и Зеленый Шелковый путь. Морской путь создает новую логистику (порт Чанкай в Перу, порт в Мексике в обход Панамского канала). Цифровой путь включает проекты с площадкой *Alibaba* в Мексике, прокладку подводного кабеля Чили — Гонконг, использование технологий искусственного интеллекта для обеспечения безопасности в Аргентине и Боливии, а также цифровое моделирование портов в Колумбии. Зеленый путь (официально запущен в 2019 г.) охватывает проекты в ветро-, гидроэнергетике и солнечной энергетике в Аргентине, Чили, Колумбии, Мексике. Китай активно продвигает инфраструктурные проекты во всех этих сферах.

— **А.Ю. Борзова:** Таким образом, можно констатировать, что Латинская Америка сегодня — это арена сложного и многовекторного геополитического соперничества. *Китай* действует методично и прагматично, выстраивая многоуровневый диалог, отраслевое сотрудничество и масштабную инфраструктурную экспансию в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Его подход экономикоцентричен

и мало зависит от идеологии правящих режимов в странах-партнерах, что обеспечивает устойчивость присутствия Пекина в регионе.

Европейский союз остается традиционным партнером латиноамериканских государств, предлагающим программное сотрудничество в сферах климата, цифровизации, социальной политики через такие инструменты, как *Global Gateway*, однако его возможности часто ограничены финансово-бюджетными рамками.

Соединенные Штаты, сохраняя роль ключевого военно-политического партнера и главного реципиента миграции, в последние годы все активнее используют силовые и принудительные инструменты: от санкционного удушения неугодных режимов (Куба, Венесуэла, Никарагуа) до интервенционизма под предлогом борьбы с наркотрафиком. Внутренняя турбулентность региона (политическая разобщенность, слабость институтов, мощь криминальных сетей) создает питательную среду для такого вмешательства и одновременно повышает уязвимость стран перед внешним влиянием.

Мы наблюдаем не просто конкуренцию, а конфликт парадигм: китайской модели экономической интеграции, европейской модели нормативно-программного партнерства и американской модели силового доминирования и смены режимов. Учитывая наметившийся политический сдвиг «вправо» в ряде ключевых стран региона, можно прогнозировать дальнейшее обострение этого соперничества. Латинская Америка стоит на перепутье, и ее будущая траектория будет определяться не только внутренней борьбой, но и исходом этой глобальной схватки за влияние. Для России, как отметили коллеги, это означает необходимость тонкой, взвешенной и многовекторной политики, учитывающей всю сложность новой региональной и глобальной конфигурации сил.

Интервью провела А.Ю. Борзова

Поступило в редакцию / Received: 04.03.2026

Список литературы

- Богатырева О. Н., Крапивницкая Е. Д. Миграционные процессы в Латинской Америке в XXI веке. Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2025. EDN: JRVYKZ
- Давыдов В. М., Кодзоев М. А. М. Латинская Америка в условиях меняющегося миропорядка // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69, № 1. С. 39–52. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-1-39-52>; EDN: ECCWPD
- Ивановский З. В. Властные структуры и политические процессы на Кубе: неустойчивая стабильность // Латинская Америка. 2025а. № 7. С. 15–34. <http://dx.doi.org/10.31249/ape/2025.03.14>; EDN: BAEMEZ
- Ивановский З. В. Колумбия: леворадикальная герилья и проблемы национальной безопасности // Актуальные проблемы Европы. 2025b. № 3. С. 240–257. <http://dx.doi.org/10.31249/ape/2025.03.14>; EDN: UDTAUJ
- Пятаков А. Н. Транснациональная организованная преступность в странах Латинской Америки: современные тенденции развития и военно-силовые способы противодействия // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15, № 2. С. 65–93. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-2-65-93>; EDN: JBOSPA
- Яковлев П. П. В Западном полушарии без перемен? (К итогам латиноамериканской политики Дж. Байдена) // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69, № 1. С. 53–65. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-1-53-65>; EDN: MRRMNT
- Яковлев П. П. Модель «nearshoring» — концепция новой экономики Латинской Америки // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 2. С. 93–103. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-2-93-103>; EDN: WYCAAE
- Pacífico A. P., Pinheiro A. T., Granja J. P. F. V., Varela A. O Estado da Arte sobre Migração Forçada no Brasil, entre 2007 e 2017 // O Estado da Arte sobre Refugiados, Deslocados Internos, Deslocados Ambientais e Apátridas no Brasil: atualização do Diretório Nacional do ACNUR de teses, dissertações, trabalhos de conclusão de curso de graduação em João Pessoa (Paraíba) e artigos (2007 a 2017). Campina Grande : EDUEPB, 2020. P. 47–62. <https://doi.org/10.7476/9786587171128.0005>

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ POLITICAL PORTRAITS

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-2-394-416

EDN: FQWJGJ

Научная статья / Research article

«Трамплотия» как феномен принятия внешнеполитических решений

К.П. Курылев¹, Д.В. Станис¹, Н.П. Пархитко^{1,2}✉, И.С. Пятибратов²¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация²Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация✉npparkhitko@fa.ru

Аннотация. В Соединенных Штатах с их исторически сложившейся моделью «плюралистической демократии» крупный бизнес и транснациональные корпорации (ТНК) являются не просто внешними лоббистами, а неотъемлемой частью политического процесса. Их влияние, реализуемое через формальные и неформальные каналы, такие как финансирование избирательных кампаний, мощное лоббирование и феномен «вращающихся дверей», пронизывает все этапы принятия решений — от формирования законодательной повестки до работы исполнительной власти. Эта устойчивая система взаимодействия экономической и политической элит создает контекст, в котором формируется и реализуется внешняя политика страны. Внешнеполитический курс Дональда Трампа как в его первую каденцию (2017–2021 гг.), так и после возвращения в Белый дом в 2025 г., стал наглядным проявлением и усилением этой тенденции. Его уникальный стиль, часто обозначаемый как «трамплотия», представляет собой радикальный отход от традиционных парадигм американской внешней политики. Возвращение Д. Трампа к власти позволяет говорить не о временном отклонении, а об утверждении устойчивой альтернативной модели. Исследование посвящено феномену «трамплотии» — внешнеполитического стиля 45-го и 47-го президента США. Проанализированы его ключевые принципы, такие как транзакционный национализм, экономический протекционизм, прагматизм, отказ от многосторонности в пользу двусторонних отношений и использование непредсказуемости как инструмента давления. На конкретных примерах (отношения с Североатлантическим альянсом, торговая война с Китаем, диалог с Северной Кореей и Россией) выявлены сильные и слабые стороны данного подхода, а также его комплексное влияние на архитектуру международных отношений. Для решения поставленной академической задачи авторы исследования оперируют методологией исторической и политической наук: историко-аналитическим методом, методом сравнения, методом социально-исторических и социально-политических аналогий, а также методом политического анализа. «Трамплотия» сопоставлена с принципами классической дипломатии, и сделан вывод о ее роли как системного вызова устоявшимся нормам либерального миропорядка, что делает «трамплотию» знаковым явлением современной мировой политики.

Ключевые слова: США, бизнес, ТНК, власть, Дональд Трамп, внешняя политика, международные отношения, НАТО, Китай, Украина, Ближний Восток, Индия, торговая война

Вклад авторов. Курылев К.П.: концептуализация, разработка методологии исследования, руководство исследованием. Пархитко Н.П.: методологическая работа, написание — подготовка черновика рукописи и ре-

© Курылев К.П., Станис Д.В., Пархитко Н.П., Пятибратов И.С., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

дактирование рукописи по итогам рецензирования. Станис Д.В.: вычитка материала, первичная корректировка текста. Пятибратов И.С.: подготовка источниковой базы, подбор документов, валидация данных. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Курылев К. П., Станис Д. В., Пархитко Н. П., Пятибратов И. С. «Трампломатия» как феномен принятия внешнеполитических решений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 2. С. 394–416. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-394-416>; EDN: FQWJGJ

‘Trumplomacy’ as a Phenomenon of Foreign Policy Decision-Making

Konstantin P. Kurylev¹, Daria V. Stanis¹, Nickolay P. Parkhitko^{1,2}✉,
Ivan S. Pyatibratov²

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

✉npparkhitko@fa.ru

In the United States, big business and transnational corporations (TNCs) are not merely external lobbyists but an integral part of the political process within the historically established model of ‘pluralist democracy.’ Their influence permeates all stages of decision-making, from shaping the legislative agenda to the workings of the executive branch, through formal and informal channels, such as campaign financing, powerful lobbying, and the phenomenon of the ‘revolving doors.’ This stable system of interaction between economic and political elites forms the context in which the country’s foreign policy is formed and implemented. Donald Trump’s foreign policy course, both during his first term (2017–2021) and after returning to the White House in 2025, has become a clear manifestation and reinforcement of this trend. His unique style often referred to as ‘Trumplomacy’ (Trump + diplomacy), represents a radical departure from traditional paradigms in American foreign policy. The return of D. Trump to power allows us to speak not of a temporary deviation, but of the establishment of a stable alternative model. This article examines the phenomenon of ‘Trumplomacy’ — the foreign policy style of the 45th and 47th presidents of the United States. It analyzes the key principles, such as transactional nationalism, economic protectionism, pragmatism, the rejection of multilateralism in favor of bilateral relations, and the use of unpredictability as a tool of pressure. Using specific examples (relations with NATO, the trade war with China, dialogue with North Korea and Russia), the strengths and weaknesses of this approach, as well as its comprehensive impact on the architecture of international relations, are identified. To address the academic objective, the authors of the study employ the methodology of historical and political sciences: the historical-analytical method, method of comparison, socio-historical and social and political analogies, and political analysis. In conclusion, the paper conducts a comparative analysis of ‘Trumplomacy’ with the principles of classical diplomacy and concludes on its role as a systemic challenge to the established norms of the liberal world order, identifying it as a significant phenomenon of contemporary geopolitics.

Key words: USA, business, transnational corporations, power, Donald Trump, foreign policy, international relations, NATO, China, Ukraine, the Middle East, India, trade war

Authors’ contributions. K.P. Kurylev: conceptualization, development of research methodology, research supervision. N.P. Parkhitko: methodological work, writing — preparation of the draft manuscript and editing of the manuscript following the review. I.S. Pyatibratov: preparation of source materials, selection of documents, data validation. D.V. Stanis: proofreading of the material, initial text correction. All authors have read and approved the final version of the article.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Kurylev, K. P., Stanis, D. V., Parkhitko, N. P., & Pyatibratov, I. S. (2026). ‘Trumplomacy’ as a phenomenon of foreign policy decision-making. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(2), 394–416. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-394-416>; EDN: FQWJGJ

Введение: историография и методология исследования

Особенности политических процессов второго десятилетия XXI в. привнесли многообразие различных форм и видов дипломатии. В специализированной литературе можно встретить такие формулировки, как «научная дипломатия», «климатическая дипломатия», «цифровая дипломатия» и др. (Райнхардт, 2020). «Дипломатия уже давно перестала быть делом исключительно только внешнеполитических/дипломатических структур и дипломатов... которые в рамках государственных институтов профессионально решают задачи, связанные с реализацией внешнеполитического курса страны. Разрешение традиционных внешнеполитических задач государства в контексте новых условий предполагает определенное переосмысление функций дипломатии и существенное расширение круга участников международного общения. Разноплановость и множественность решаемых на международной арене политических, экономических, экологических, культурных, научных и других проблем вызывает настоятельную необходимость участия в международных переговорах, дискуссиях представителей бизнеса, культуры, науки, общественных деятелей, неправительственных организаций» (Русакович, 2017).

Предметом анализа данного исследования служит дипломатия Дональда Трампа, точнее, его видение дипломатии как явления. Дональд Трамп, 45-й и 47-й президент США, не только предлагает альтернативную концепцию дипломатии, но и активным образом имплементирует ее в практической плоскости.

Как первая, так и в особенности вторая администрации Д. Трампа характеризуются персонализацией внешнеполитического процесса и попытками уйти от бюрократии в дипломатии и в области принятия решений. Д. Трамп демонстрирует нетерпимость к традиционным процедурам процесса принятия внешнеполитических решений и не склонен использовать стандартный механизм дипломатии. Его стиль руководства напоминает семейный бизнес, в котором ценятся лояльность и быстрые ре-

зультаты, а не институциональные нормы. Иными словами, там, где традиционная дипломатия подразумевает рассчитанные в среднесрочном и долгосрочном плане многоходовые комбинации и сложные политические маневры, Д. Трамп предпочитает действовать «в один ход» либо «проводить прямую». Любопытно, что подобную смысловую модель ведения дел Д. Трамп «выявляет» и даже позиционирует в собственных литературных сочинениях. Наиболее ярко этот подход проявляется в его работах «Искусство заключать сделки» (Трамп, Шварц, 2010) и «Трамп никогда не сдается»¹, вышедшие в свет в 1987 и 2008 гг. соответственно.

Транзакционная дипломатия, лежащая в основе внешнеполитического курса Д. Трампа, проистекает из бизнес-ориентированного мировоззрения, в котором международные отношения рассматриваются как серия сделок, направленных на получение немедленных выгод. Как указывает старший советник Департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД России И.В. Лябухов, данный подход «отражает представление о внешней политике как о конкуренции за ресурсы и влияние, а не как о системе, основанной на институциональных обязательствах или идеологических ценностях» (Лябухов, 2025).

Таким образом, дипломатическая практика Д. Трампа, как представляется, зиждется на двух опорах. В *теоретическом* плане — это феномен транзакционной дипломатии, который представляет собой специфическую форму международного взаимодействия, базирующуюся на принципах обмена уступками, аналогичных рыночным или бизнес-практикам. В рамках данного подхода дипломатические переговоры трактуются как прагматический процесс торга, направленный на минимизацию издержек и максимизацию конкретных выгод для каждой стороны. В *политико-философском* измерении дипломатия Д. Трампа опирается на интеллектуальную платформу неореализма. Его внешнеполитическая практика

¹ Трамп Д. Трамп никогда не сдается. Москва : Эксмо, 2025.

исходит из практики «игры с нулевой суммой», где внешние связи — это угрозы, а экономический национализм нацелен на сделки с относительно выигрышами. Смещение президента к неформальным каналам и узкому кругу доверенных лиц придает его решениям личностную окраску и задает высокий темп, но ослабляет механизмы, которые должны поддерживать достижения Белого дома в долгосрочной перспективе. Его дипломатия «быстрых сделок» (то есть фактически дипломатия давления) успешна лишь при условии принципиальной практической поддержки оппонировавшей стороны. В противном случае кажущаяся стороннему наблюдателю «жесткая позиция» хозяина Белого дома не конвертируется ни в практические результаты, ни даже в устойчивые дипломатические комбинации. Наглядным примером здесь может послужить курс, заданный Д. Трампом в отношении «поглощения» Канады и аннексии Гренландии, но сравнительно быстро утративший внешнеполитическую приоритетность в Белом доме по мере смещения векторов международной повестки.

В ходе работы над исследованием авторы использовали широкий перечень методов как исторической, так и политической наук. К первым относится историко-аналитический, сравнительно-исторический и ретроспективный методы. Ко второй группе относятся системный, бихевиористский, нормативно-ценностный и социологический методы.

Ключевую цель исследования авторы видят в выявлении особенностей и академическом осмыслении принципиально новой дипломатической практики, применяемой Д. Трампом в рамках внешнеполитического курса США. Авторы предлагают дефиницию «трампломатия», синтезирующую как теоретические подходы к внешнеполитической работе президента США, так и анализ практических результатов этой работы, уже имеющихся в достаточном количестве в разных регионах мира.

Исходя из академической цели авторами были поставлены практические задачи исследования, включающие в себя исследование личности 45-го и 47-го президента

США, анализ внешнеполитической программы Д. Трампа², а также изучение влияния «трампломатии» на мировую повестку через призму регионов.

Анализ личностных характеристик Д. Трампа нашел свое отражение в исследовании А. Громова (Громов, 2025). В нем автор предлагает ретроспективную оценку формирования модели поведения президента США через историю трех поколений его семьи, прошедшей путь от эмигрантов до семьи миллиардера и президента.

Психологический портрет Д. Трампа убедительно представлен в работе Е.А. Поповой, в которой автор исследует речевые стратегии в политическом дискурсе кандидатов в президенты США Д. Трампа и К. Харрис в ходе предвыборной кампании 2024 г. (Popova & Ivanova, 2024). Вьетнамский исследователь политических технологий Т. Нгуен также анализирует лингвистические особенности президента США в обеих его инаугурационных речах (Nguyen, 2025). Российский исследователь В.Е. Косяков выделяет политический цинизм в качестве фактора, обусловившего успех избирательной кампании Д. Трампа в его первую каденцию (Kosyakov, 2022). Первичный анализ личности Д. Трампа провели также Р.Р. Гасимова и Н.В. Подковырина (Гасимова, Подковырина, 2018).

Переходя к политическому портрету 45-го и 47-го президента США, отметим исследование Н.С. Латыповой, посвященное истории чрезвычайных полномочий президентов США с момента основания государства и до окончания первого президентского срока Д. Трампа (Latypova, 2021). Фактор влияния личности Д. Трампа на внутривластный ландшафт США исследовали американский политолог С. Милкис, поднявший такую сложную проблему, как взаимодействие президента США с так называемым «глубинным государством» (Milkis, 2025). Российский исследователь

² Trump's Foreign and Economic Strategy: A Return to Realism and Protectionism // Centre for Strategic Discourse (CSD). April 13, 2025. URL: <https://www.strategiccentre.org/trumps-foreign-and-economic-strategy-a-return-to-realism-and-protectionism> (accessed: 27.03.2026).

Н. Клюкин предлагает анализ внешнеполитического инструментария Д. Трампа, сформировавшегося в течение его первой каденции (Клюкин, 2020). Дипломатическая практика президента США на внешнеполитической арене нашла свое академическое отражение в исследованиях С. Фитцсиммонса (Fitzsimmons, 2022), М. Алсерды (Alserda, 2025), Дж. Лина (Lin, 2025) и Д. Аллина (Allin, 2024). Исчерпывающую оценку политического амплуа Д. Трампа, сформировавшегося в период его первого президентского срока, дает коллективная монография под редакцией член-корреспондента РАН В.Н. Гарбузова с соавторами (Трамп и его политика..., 2025).

Наконец, региональное измерение дипломатии Д. Трампа нашло свое отражение в трудах российских исследователей П.П. Яковлева (Yakovlev, 2025), Н.О. Юдина (Yudin & Iwersen, 2025) и зарубежных авторов Э. Спенсера (Spencer, 2025), М. Шахбаза (Shahbaz, Mustafa & Liqat, 2024), П. Куранши (Kuranchie, 2024) и Ф. Гржегоржевского (Grzegorzewski, 2022).

Крупный бизнес в международных отношениях

Глобализация превратилась в доминирующий фактор мирового политического развития, выйдя далеко за рамки экономики. Этот процесс способствовал появлению новых влиятельных акторов на международной арене, среди которых особое место занимают транснациональные компании (ТНК). Сегодня они стали самостоятельными акторами международных отношений, активно участвующими в глобальных процессах, причем сама глобализация развивается под контролем ограниченного числа сверхмощных корпораций (Станис, Курылев, 2018).

В современную эпоху концентрация власти достигла беспрецедентных масштабов. Крупнейшие технологические корпорации — так называемые *'Big Tech'* (*Alphabet*, *Meta*³, *Amazon*, *Apple*) — по своей рыночной капита-

лизации и влиянию превосходят валовой внутренний продукт (ВВП) многих национальных государств. Их цифровые платформы формируют новые глобальные публичные сферы, правила взаимодействия и информационные потоки, фактически создавая собственную регуляторную среду.

Экспансия ТНК приобрела особенно крупные масштабы в последние десятилетия. Будучи негосударственными структурами, они оказывают растущее влияние не только на экономику, но и на политическую, военную, информационную, научно-технологическую и экологическую сферы. В технологической области ТНК стали главными драйверами гонки за лидерство в области искусственного интеллекта, квантовых вычислений и биотехнологий, что непосредственно влияет на национальную безопасность и экономический суверенитет стран (Курылев и др., 2017).

В международно-политическом измерении ТНК превратились как в инструменты, так и в поле битвы в противостоянии великих держав, особенно США и Китайской Народной Республики (КНР). Санкционные войны демонстрируют, как корпорации вынуждены выбирать сторону, а их глобальные цепочки поставок становятся уязвимыми. В экологической сфере под давлением инвесторов и общества нефтегазовые и технологические гиганты берут на себя роль, традиционно присущую межправительственным организациям, декларируя цели по достижению углеродной нейтральности (Станис, Курылев, 2020).

Особенностью современной эпохи стало то, что некоторые ТНК начали проводить собственную «внешнюю политику», независимую от официальной позиции своих стран. Ярким примером являются западные компании, продолжающие работу в России после начала специальной военной операции (СВО) на Украине или, наоборот, сворачивающие ее под давлением общественности, де-факто формируя экономические условия конфликта.

Методы политического влияния ТНК также эволюционировали. К традиционному лоббизму добавились прямое финансирование избирательных кампаний через *Super PACs*

³ Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (*Прим. ред.*).

в США, создание аналитических центров (*think tanks*), продвигающих нужные корпорациям нарративы, цифровое лоббирование и влияние через социальные сети. Руководители таких компаний, как *Tesla* или *BP*, сегодня часто выступают в роли неофициальных дипломатов, чьи заявления по международным вопросам могут оказывать на рынки большее влияние, чем официальные коммюнике правительств.

Исследования подтверждают усиление концентрации корпоративной власти. Еще в 2011 г. ученые Швейцарского федерального технологического института выявили существование «супергруппы» из 147 компаний, контролирующей 40 % мирового капитала⁴. В 2020-х гг. этот тренд только усилился: доминирование «суперзвездных» корпораций, особенно в IT-секторе, продолжает расти, создавая беспрецедентную асимметрию между горсткой гигантов и остальными участниками рынка, включая целые государства.

Среди всех ТНК ведущую роль в мировых политических процессах играют американские корпорации, а сами США представляют наиболее яркий пример интеграции крупного бизнеса во власть. Особенно наглядно это проявилось в феномене президентства Д. Трампа, где границы между государственными интересами и частным бизнесом оказались существенно размыты.

Д. Трамп: бизнесмен-политик

В современном контексте феномен сращения бизнеса и власти в США вышел далеко за рамки традиционного лоббизма. Сегодня он проявляется в прямом переходе топ-менеджеров и основателей корпораций на ключевые государственные посты (как в администрациях Д. Трампа и Дж. Байдена), в беспрецедентных объемах корпоративных расходов на избирательные кампании после решения по иску некоммерческой организации *Citizens United* про-

тив Федеральной избирательной комиссии США (*Federal Election Commission, FEC*), а также в растущем политическом активизме крупного бизнеса в вопросах, касающихся климатической политики, социального равенства и избирательного права.

Однако американский опыт гораздо более широкий. Ниже (табл.) представлены некоторые (за последние 25–30 лет) политические и государственные деятели США и аффилированные с ними в разное время бизнес-структуры.

Как видно даже из этого неполного списка, представительство на различных этажах власти в США крупного американского бизнеса более чем внушительно, и нынешний президент Д. Трамп — не первый его представитель на посту главы государства. Однако мы в своем исследовании остановимся именно на его фигуре, так как только ему на текущий момент удалось непосредственно пересечь из кресла главы крупной компании в кресло президента США. У того же Дж. Буша-ст. имелась немалая дистанция от момента руководства компанией до Овального кабинета, а у Р. Перо и М. Ромни «въехать» в него вообще не получилось, хотя в президентской гонке они и участвовали, причем Р. Перо — даже дважды. М. Ромни в свою очередь, как и Дж. Буш-ст., имел уже обширный политический опыт к тому моменту, как принял решение в 2012 г. баллотироваться на пост президента США.

Феномен Д. Трампа знаменует новую модель взаимодействия бизнеса и власти, для которой характерно беспрецедентное стирание границ между интересами государства и частного бизнеса. Это проявилось в использовании курортов, принадлежащих корпорации Д. Трампа, для проведения официальных мероприятий, в назначении членов семьи на ключевые посты и активном продвижении личного бренда, что вызвало многочисленные этические споры и судебные разбирательства.

Историческим предшественником в роли бизнесмена-политика Д. Трампа стал Р. Перо, который в 1992 г. набрал рекордные 19 % голосов, продемонстрировав существование мощного протестного электората, чувствующего себя преданным глобализацией и политиче-

⁴ Mackenzie D., Coghlan A. Revealed — The Capitalist Network That Runs the World // New Scientist. October 19, 2011. URL: <https://www.newscientist.com/article/mg21228354-500-revealed-the-capitalist-network-that-runs-the-world/> (accessed: 08.10.2025).

ским истеблишментом. Однако ключевое отличие заключалось в медиастратегии и политическом подходе: если Р. Перо полагался на телевизионные ток-шоу и создание третьей партийной силы, то Д. Трамп эффективно использовал соцсети для прямого общения с избирателями, что позволило ему не только мобилизовать протестный электорат, но и «захватить» Респуб-

ликанскую партию, превратив ее в инструмент своей политической воли (Lin, 2025).

Политическое становление Д. Трампа прошло несколько этапов (Станис, Курылев, 2020). Его первый опыт в «Партии реформ» Р. Перо в 2000 г. закончился неудачей, но стал ценным уроком, показавшим тупиковость создания третьей партии в американской политической

Связи государственных деятелей США с бизнес-структурами

ФИО	Должность	Корпорация
Дональд Трамп	Президент США (2017–2021 гг., (2025 г. — н.вр.)	<i>Trump Organization</i>
Джордж Буш-старший	Президент США (1989–1993 гг.)	<i>Zapata Corporation, Zapata Offshore Company</i>
Ричард Чейни	Вице-президент США (2001–2009 гг.) Министр обороны США (1989–1993 гг.)	<i>Halliburton, Procter & Gamble, Union Pacific, Electronic Data Systems</i>
Кондолиза Райс	Госсекретарь США (2005–2009 гг.)	<i>Charles Schwab Corporation, the Chevron Corporation, Hewlett Packard, the Transamerica Corporation</i>
Рекс Тиллерсон	Госсекретарь США (2017–2018 гг.)	<i>Exxon Mobil</i>
Джордж Шульц	Государственный секретарь в 1982–1989 гг. при администрации президента Р. Рейгана	Президент <i>Bechtel Corporation</i>
Дональд Рамсфельд	Министр обороны США (1975–1977 гг., 2001–2006 гг.)	<i>G.D. Searle & Company, General Instrument Corporation, Gilead Sciences</i>
Чарльз Эрвин Уилсон	Министр обороны США в 1953–1957 гг. при президенте Д. Эйзенхауэре	Президент и главный исполнительный директор <i>General Motors</i>
Пенни Притцкер	Министр торговли в 2013–2017 гг. при президенте Б. Обаме	Основательница компаний в сфере финансов и недвижимости <i>PSP Partners, PSP Capital Partners</i> и <i>Pritzker Realty Group</i> , соучредительница <i>Artemis Real Estate Partners</i> и <i>Inspired Capital</i>
Дональд Риган	Министр финансов в 1981–1985 гг., руководитель аппарата Белого дома в 1985–1987 гг. при администрации президента Р. Рейгана	Председатель совета директоров и генеральный директор <i>Merrill Lynch</i>
Питер Джордж Питерсон	Министр торговли США в 2023–2025 гг. при администрации президента Дж. Байдена	Председатель и генеральный директор <i>Lehman Brothers</i>
Джефф Зиентс	Руководитель аппарата Белого дома в 1985–1987 гг. при администрации президента Р. Рейгана	Главный операционный директор (1996–1998), генеральный директор (1998–2000), председатель совета директоров (2001–2004) компании <i>Advisory Board</i> , председатель совета директоров (2000–2001) корпоративного исполнительного совета
Митт Ромни	Кандидат в президенты США в 2012 г. Сенатор США от штата Юта (с 2019 г.)	<i>Bain Capital</i>
Росс Перо	Кандидат на пост президента США в 1992 и 1996 гг.	<i>Perot Systems</i>
Майкл Блумберг	Мэр Нью-Йорка (2002–2013 гг.)	<i>Bloomberg L.P.</i>

Источник: составлено К.П. Курылевым, Д.В. Станис, Н.П. Пархитко и И.С. Пятибратовым.

системе. Последующая кампания “*Birtherism*”⁵, в ходе которой он оспаривал легитимность президентства Б. Обамы, хотя и была широко осуждена, позволила ему укрепить образ защитника «настоящей Америки» и завоевать доверие ультраконсервативной базы Республиканской партии.

Избирательная стратегия Р. Перо в 2016 г. стала революционной благодаря уникальному сочетанию трех факторов: использованию социальных сетей для прямого общения с избирателями в обход традиционных СМИ, применению *Big Data* и микротаргетирования для персонализированной агитации, а также фокусировке на проблемах «ржавого пояса» и «забытого мужчины», что вскрыло глубинные социально-экономические проблемы деиндустриализации и неравенства, десятилетиями игнорировавшиеся политическим истеблишментом (Latypova, 2021).

Парадокс победы Д. Трампа в 2016 г., когда он получил большинство голосов Коллегии выборщиков, но проиграл в народном голосовании почти на 3 млн голосов, выявил глубокий раскол в американском обществе и уязвимость избирательной системы. Его последующее поражение в 2020 г. и эффектное возвращение в Белый дом в 2025 г. доказали устойчивость созданной им политической модели. Эта модель, основанная на прямой связи с «голосующей базой» и противостоянии с «вашингтонским болотом», прошла проверку многочисленными судебными разбирательствами и в конечном итоге привела к его триумфальному возвращению в Белый дом в 2025 г., сделав его 47-м президентом США.

Поведенческий стиль Д. Трампа

Стиль Дональда Трампа, который вновь стал определяющим для Белого дома с января 2025 г., по-прежнему можно назвать эксцент-

ричным, специфическим и уникальным, но ни одно определение не будет исчерпывающим. Этот стиль будто соткан из противоречий, сплетающихся в понятный только самому главе Белого дома и лишь ему подвластный сценарий. Его сотрудники и партнеры приписывают ему диаметрально противоположные качества: он любит четкое расписание, но действует импульсивно, мыслит глобальными категориями, но погружается в мельчайшие детали, ценит конкуренцию, но ведет себя как безусловный хозяин положения (Громов, 2025).

Его первый срок президентства (2017–2021) стал практическим воплощением этого стиля, характеризовавшегося перманентной кадровой чехардой, управлением через *Twitter* (ныне *X*)⁶ и созданием атмосферы «перманентного скандала» (Kosyakov, 2022). После ухода из Белого дома и в ходе своей второй избирательной кампании 2024 г. эти черты лишь заострились. Несмотря на беспрецедентное бремя — одновременное ведение предвыборной гонки и участие в многочисленных судебных разбирательствах, феноменальная работоспособность и стрессоустойчивость Д. Трампа только укрепили его образ «несгибаемого борца» в глазах сторонников. Эта способность сохранять насыщенный график, сочетая обязанности президента с личными юридическими баталиями, сохранилась и после его инаугурации в 2025 г.

Парадокс стиля управления Д. Трампа заключается в том, что импульсивность и склонность к микроменеджменту — будь то утверждение рождественского декора в *Trump Tower* в прошлом или деталей освещения в Овальном кабинете сегодня — сочетаются с исключительным стратегическим чутьем (Nguyen, 2025). Он с завидной точностью улавливает и озвучивает глубинные страхи и надежды своей базы избирателей относительно иммиграции, деиндустриализации и культурных войн. Именно эта способность, а не следование партийной доктрине позволила ему не только мобилизовать многомиллионное движение, но и полностью перестроить

⁵ Движение *Birtherism* («Биртеризм») — это маргинальная, но шумевшая конспирологическая теория, которая возникла в США в период президентской кампании 2008 г. и активно развивалась в последующие годы. Ее центральное и абсолютно ложное утверждение заключалось в том, что Б. Обама, 44-й президент США, не родился на территории США и, следовательно, не имел конституционного права занимать пост президента.

⁶ Социальная сеть *X* (ранее *Twitter*) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ (Прим. ред.).

Республиканскую партию, превратив ее в «партию Трампа».

Анализ его личностного профиля, проведенный ранее (Гасимова, Подковырина, 2018), остается поразительно актуальным на момент написания данного исследования. Доминирующие черты — амбициозность, бесстрашие, динамичность и ярко выраженный нарциссизм — продолжают определять президентство Д. Трампа. События после выборов 2020 г. и штурм Капитолия 6 января 2021 г. стали крайним проявлением этих качеств, показав, что его «жажда власти» и нежелание признавать поражение могут напрямую угрожать политической стабильности США. Сегодня, вернувшись к власти, он использует эту же риторику, но уже с позиции силы, систематически представляя прошлые и текущие судебные преследования как политически мотивированные атаки «глубинного государства», что неизменно находит отклик у его сторонников (Kuranchie, 2024).

«Правящий политический класс США уму-дринился настолько разочаровать и американцев, и граждан других государств, что уже само выражение готовности начать „все делать иначе“ вызывает определенный оптимизм. Та встряска, которую он учинил политическому олимпу США, заставит истеблишмент и оппозицию действительно менять свои подходы и сложившиеся десятилетиями правила игры, пусть и не так радикально, как это предлагает Д. Трамп» (Дробницкий, 2016).

Это утверждение, сделанное еще в 2016 г., в настоящее время звучит не просто пророчески, а как констатация свершившегося факта. «Встряска» оказалась настолько глубокой, что привела к фундаментальной трансформации Республиканской партии, которая теперь является, по сути, «партией Трампа». Его политический стиль — конфронтационный, популистский и основанный на личной лояльности — стал новой нормой для значительной части американского политического ландшафта. Исход выборов 2024 г. и возвращение Д. Трампа в Белый дом доказали, что «феномен Трампа» и раскол в обществе, который он олицетворяет и которым умело управляет, являются не временным

отклонением, а устойчивой и определяющей реальностью американской политики на годы вперед. Д. Трамп — не просто один из представителей «нового популизма», который неожиданно для большинства сторонников либеральной демократии и безудержной глобализации набирает вес во многих странах мира. Провозглашенный Д. Трампом лозунг вернуть США неоспоримое лидерство опирается на целый набор вполне прагматичных идей. Тем интереснее личность Дональда Трампа — яркого, нестандартного политика, который, будучи слабо интегрированным в политический истеблишмент США бизнесменом, сумел в 2016 г. победить на выборах президента страны (Феномен Трампа, 2020), проиграть следующие выборы и вернуться в Белый дом спустя четыре года.

Внешнеполитическая доктрина Д. Трампа

Внешнеполитическая доктрина Дональда Трампа, сформировавшаяся в его первый президентский срок и окончательно закрепившаяся после его возвращения в Белый дом в 2025 г., представляет собой последовательную и эволюционирующую реализацию принципа «Америка прежде всего». Этот курс не только шел вразрез с послевоенной традицией американской внешней политики, но и существенно отличался от официальной повестки Республиканской партии. По точному замечанию внешнеполитического обозревателя *Bloomberg* Дж. Рогина⁷ со ссылкой на бывшего советника Трампа, С. Нунберга, доктрину действующего президента США можно назвать «рейгановской *realpolitik*» — политикой, свободной от идеологической догмы и меняющейся в зависимости от обстоятельств. Ключевым отличием был отказ от включения в категорию «национального интереса» таких либеральных ценностей, как продвижение демократии, гуманитарное вмешательство и защита прав человека за рубежом. По словам С. Нунберга,

⁷ Rogin J. The Trump Doctrine Revealed // *Bloomberg*. January 31, 2016. URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2016-01-31/the-trump-doctrine-revealed> (accessed: 08.10.2025).

Д. Трамп «не думает, что США следует платить кровью или деньгами за попытки изменения системы в других странах» (Клюкин, 2020).

На практике в первый срок это выразилось в серии резких шагов по демонтажу многосторонних структур: выходе из Транстихоокеанского партнерства (ТТП), Парижского соглашения по климату, Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по иранскому «ядерному досье» и Всемирной организации здравоохранения. Краеугольным камнем экономической политики стал протекционизм, вылившийся в масштабные торговые войны с Китаем и союзниками по Европейскому союзу (ЕС), где Д. Трамп отдавал безусловный приоритет двусторонним сделкам. Его прямая, недипломатичная манера ведения переговоров и ставка на личные отношения с такими лидерами, как Владимир Путин и Ким Чен Ын, шокировали традиционный истеблишмент, но нашли горячую поддержку у его электоральной базы, уставшей от зарубежных авантюр. Уникальной чертой его дипломатического стиля — «трампломатии» — стала *стратегическая непредсказуемость, основанная на личном факторе и использующая хаотичную риторику в качестве инструмента давления и подменяющая традиционные механизмы классической дипломатии*.

Одержав победу на президентских выборах 2024 г. и вернувшись к власти в 2025 г., Д. Трамп трансформировал этот революционный подход в системную и более жесткую стратегию «Америка прежде всего 2.0» (Allin, 2024). На смену точечным торговым конфликтам пришла политика ускоренной деглобализации, ознаменовавшаяся введением универсальных базовых тарифов на весь импорт. Противостояние с Китаем окончательно перешло в плоскость тотальной стратегической и технологической конфронтации. Отношения с традиционными союзниками были пересмотрены через призму «условного атлантизма»: приверженность Организации Североатлантического договора (НАТО) была поставлена в прямую зависимость от немедленных и ощутимых материальных взносов партнеров.

Таким образом, эволюция доктрины Д. Трампа от первого ко второму сроку знаме-

нует переход от шокирующей деконструкции к целенаправленному построению новой международной архитектуры, основанной исключительно на жестком прагматизме и экономическом национализме (Fitzsimmons, 2022). Если изначально «Америка прежде всего» была вызовом глобальному статус-кво, то к 2025 г. она превратилась в системную силу, переопределяющую правила игры и закрепляющую отказ США от роли гаранта либерального миропорядка.

«Трамплوماتия» как внешнеполитический стиль Д. Трампа

«Трамплوماتия», зародившаяся в первый президентский срок Дональда Трампа, эволюционировала из набора провокационных тактик в более структурированную, но не менее радикальную внешнеполитическую стратегию. Ее теоретической основой является *транзакционный национализм 2.0*, где изначальная концепция “*America First*” не только сохраняется, но и доводится до своего логического завершения. На практике это выражается в более системном подходе к стратегическому «разделению экономик» (*decoupling*) и «снижению рисков» (*de-risking*) в отношениях с Китаем, а также в курсе на принудительную трансформацию международных организаций в соответствии с узкими интересами США или на выход из тех структур, которые не поддаются такому пересмотру.

Эта философия напрямую связана с другим ключевым принципом — *последовательной односторонностью и отказом от многосторонних ограничений*. В данной парадигме ключевые решения должны приниматься исключительно в Вашингтоне, а международные институты рассматриваются не как площадки для поиска компромиссов, а как инструменты для легитимации уже принятых США решений, что ведет к дальнейшему демонтажу действующей системы глобального управления. Уникальность «трампломатии» придает *гибридную непредсказуемость*, которая стала ее фирменным стилем. Она заключается в сочетании конфронтационной публичной риторики,

транслируемой через платформу *Truth Social*, с закрытыми прагматичными переговорами (Spencer, 2025). Сознательное создание такой «стратегической турбулентности» позволяет, по замыслу администрации Д. Трампа, удерживать инициативу и держать оппонентов в состоянии неуверенности (Pорова & Ivanova, 2024).

Все эти элементы венчает принцип *окончательной деидеологизации* внешней политики вкупе с попыткой абстрагироваться от влияния «глубинного государства» (Milkis, 2025). Второй срок Д. Трампа ознаменовался углублением прагматичного, лишённого моральных оценок сотрудничества с авторитаристскими режимами, где вопросы прав человека и демократических норм были открыто объявлены второстепенными по отношению к прямым интересам национальной безопасности и экономической выгоде США. В совокупности эти принципы формируют целостную, хотя и конфронтационную доктрину, которая переопределяет роль Соединённых Штатов Америки в мире, ставя во главу угла не их глобальное лидерство, основанное на ценностях, а силовое доминирование, основанное на чистом прагматизме. Причём, хотя в сферу внешнеполитических интересов США традиционно включен весь мир, отдельные его регионы, как представляется, отличаются большей приоритетностью для действующего президента США по сравнению с некоторыми другими. Так, африканское направление внешней политики США сегодня с известной долей условности можно назвать второстепенным (хотя сделанные Д. Трампом в конце октября 2025 г. враждебные высказывания в отношении Нигерии⁸ и отказ посетить Форум «большой двадцатки» в Южно-Африканской Республике под предлогом «коммунистической тирании» в этой стране⁹ не позволяют нам отнести данный регион к разряду «периферийных»). Вынося за скобки

враждебную риторику в отношении Венесуэлы и расплывчатые рассуждения об «объявлении войны наркокартелям», в значительной степени и Латиноамериканский регион может быть отнесен к категории «вторичного приоритета». Впрочем, со времен «доктрины Монро» США традиционно воспринимали данный регион как собственный «задний дворик» (*Backyard*), лишь изредка делая ситуативные исключения из этого правила (Yakovlev, 2025).

Рассмотрим практическое воплощение внешнеполитической программы Д. Трампа в региональном контексте.

Китайская Народная Республика

Политика Д. Трампа в отношении КНР представляет собой наиболее последовательное и системное воплощение принципов «трампломатии» в условиях формирования новой парадигмы американо-китайских отношений через сочетание торговых войн, технологического сдерживания и стратегического соперничества (Alserda, 2025). Его подход, основанный на тактике прямого давления и отказа от многосторонних механизмов, привёл к фундаментальному пересмотру основ взаимодействия двух держав. Примечательно, что это справедливо как для первого, так и для второго сроков президентства. Отношения с Китаем — главный объект воздействия «трампломатии», к которому сводятся меры США, направленные и на третьи страны.

Изначальной и наиболее заметной манифестацией этого курса стала развязанная в 2018 г. торговая война. Д. Трамп ввел последовательные волны тарифов на китайские товары общей стоимостью более 500 млрд долл. США, мотивируя это необходимостью борьбы с нечестной торговой практикой, принудительной передачей технологий и системным нарушением прав интеллектуальной собственности. В отличие от предыдущих администраций, пытавшихся решать спорные вопросы через диалог в рамках Всемирной торговой организации (ВТО), Д. Трамп предпочел тактику одностороннего принуждения, используя экономическое давление как рычаг для достижения конкретных

⁸ Сенатор из Нигерии потребовал извинений от Трампа // РИА Новости. 08.11.2025. URL: <https://ria.ru/20251108/nigerija-2053679068.html> (дата обращения: 01.02.2026).

⁹ Трамп обвинил ЮАР в «коммунистической тирании» // РБК. 06.11.2025. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/690bbc359a79474e4c2f4170> (дата обращения: 01.02.2026).

уступок со стороны Пекина¹⁰. Результатом этих действий стало первое торговое соглашение января 2020 г., которое, однако, не разрешило системных двусторонних противоречий, а лишь зафиксировало обязательства Китая по увеличению закупок американских товаров¹¹.

Ключевым аспектом взаимодействия США и КНР при Д. Трампе стала торговая война, которую американский лидер объясняет необходимостью создания справедливого по отношению к США международного рынка¹². Для достижения этой цели Д. Трамп ввел сначала тарифы в 10 %, затем в 20 %, а в итоге грозил и 125-процентным тарифом в отношении Китая. Десятипроцентные пошлины на весь импорт из Китая вступили в силу 4 февраля 2025 г. 27 февраля Д. Трамп заявил, что пошлины для Китая вырастут еще на 10 % с 4 марта, и это решение уже вступило в силу. Затем в ходе двустороннего обострения противостояния тарифы достигли 145 %, но 11 июня 2025 г. президент США объявил о торговом соглашении с Китаем, которое оставит в силе действующие 20-процентные пошлины и 10-процентные «взаимные» пошлины (в общей сложности тарифы составили 30 %), приостановив действие более высоких пошлин на 60 дней. 11 августа президент Трамп объявил, что повышение взаимной пошлины до 125 % будет приостановлено еще на 90 дней¹³. Китай со своей стороны ответил ограничениями на поставки редкоземельных металлов в США, ко-

торые являются важнейшим ресурсом как в сфере ИТ, так и для оборонной индустрии¹⁴.

При этом Китай гораздо меньше зависит от США в относительном выражении: американский экспорт составляет около 2,5 % китайского ВВП. Тем не менее в 2024 г. США были крупнейшим покупателем китайской продукции, и высокие пошлины рискуют нанести ущерб обоим экономикам. При этом ущерб для Китая может быть снижен за счет того, что Китай одновременно расширяет торговлю с остальным миром и во многих отношениях менее уязвим к сбоям в двусторонней торговле, чем США¹⁵. Сами же тарифы представляют собой макроэкономический риск для мировой экономики, учитывая нестабильное положение США¹⁶. Если ошибки «трампломатии» приведут к рецессии в США, это создаст негативные последствия для всей мировой экономики.

На уровне дискурса Д. Трамп возвел Китай в статус главной угрозы для американской национальной безопасности¹⁷, оказывая на КНР давление не только напрямую, но и через другие государства. Так, одним из условий по введению американских санкций в отношении России стали европейские санкции в отношении Китая. При этом сам Д. Трамп в известной мере противоречит собственной риторике, активно работая над возможной всеобъемлющей сделкой с Китаем, тем самым посылая смешанные сигналы: Китай одновременно и враг, и важный элемент международной экономической и политической систем.

¹⁰ Каминский А. Торговые войны: почему США передумали мириться с Китаем // Forbes. 04.06.2018. URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/362459-torgovye-voyny-pochemu-ssha-peredumali-miritsya-s-kitaem> (дата обращения: 17.12.2025).

¹¹ США и Китай подписали документы по торговой сделке // РБК. 15.01.2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/01/2020/5e1f57739a7947f337051be8> (дата обращения: 17.12.2025).

¹² Fact Sheet: President Donald J. Trump Continues the Suspension of the Heightened Tariffs on China // The White House. August 11, 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/08/fact-sheet-president-donald-j-trump-continues-the-suspension-of-the-heightened-tariffs-on-china/> (accessed: 03.11.2025).

¹³ York E., Durante A. Trump Tariffs: Tracking the Economic Impact of the Trump Trade War // Tax Foundation. May 5, 2026. URL: <https://taxfoundation.org/research/all-federal/trump-tariffs-trade-war/> (accessed: 01.16.2026).

¹⁴ NYT сообщила об ограничении Китаем экспорта редкоземельных металлов // РБК. 14.04.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/04/2025/67fc66879a794738df5cd402?from=newsfeed> (дата обращения: 17.02.2026).

¹⁵ Bao A. China's Exports Surge as Shipments to Southeast Asian Countries Offset Plunge in U.S. Trade // CNBC. May 8, 2025. URL: <https://www.cnbc.com/2025/05/09/chinas-exports-jump-us-tariffs-imports-tumble.html> (accessed: 04.11.2025).

¹⁶ Clausing K. The Aftermath of Tariffs // VOX.eu. August 29, 2025. URL: https://cepr.org/voxeu/columns/aftermath-tariffs#footnote16_bglt3k (accessed: 03.11.2025).

¹⁷ Narlikar A. With "Enemies" Like These, Who Needs Friends?: Trump's China Diplomacy // Observer Research Foundation. October 3, 2025. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/with-enemies-like-these-who-needs-friends-trump-s-china-diplomacy> (accessed: 01.11.2025).

В результате описанные меры, несмотря на их очевидную направленность против Китая, лишь усилили влияние последнего на международной арене. Если ранее США были для Китая страной, с которой важно поддерживать культурные и дипломатические связи, то теперь эти отношения перешли сугубо на транзакционные рельсы, которые снимают с Пекина какую-либо потребность в «одобрении» со стороны Вашингтона. Минимизировав международные отношения до двусторонних сделок, Д. Трамп создал ситуацию, когда ключевые оппоненты США больше не нуждаются в сдерживании собственных амбиций со стороны Вашингтона.

Параллельно администрация Д. Трампа развернула беспрецедентное технологическое противостояние, направленное на сдерживание роста китайских высокотехнологичных компаний. Центральным элементом этой стратегии стала глобальная кампания против *Huawei*, включение компании в «черный список» Министерства торговли США и лоббирование запрета на использование ее оборудования у союзников США под предлогом угроз национальной безопасности. Аналогичные ограничения были распространены на другие китайские технологические корпорации, такие как *ZTE*, *TikTok* и *WeChat*, что демонстрировало стремление к стратегическому «технологическому декаплингу» (*tech decoupling*) и защите лидерства США в критически важных секторах, включая искусственный интеллект и квантовые вычисления.

Стратегия Д. Трампа в отношении Китая влияет и на восприятие третьих стран, таких как Индия, которые, несмотря на все сложности во взаимодействии с КНР, все более и более тяготеют к Пекину. Применяя карательные пошлины и конфронтационную риторику как к друзьям, так и к врагам, США подорвали доверие партнеров, сотрудничество с которыми критически важно для эффективного противостояния Китаю. Это привело к непреднамеренному результату: Китай стал выглядеть более разумным игроком на мировой арене, позиционируя себя как сторонник многосторонних отношений, в отличие от позиций «трампломатии».

Внешнеполитический аспект «трампломатии» в отношении Китая характеризовался переносом акцента с региональных на глобальное измерение соперничества. Администрация Д. Трампа открыто оспаривала инициативу «Один пояс, один путь», обвиняя Китай в создании «долговых ловушек» для развивающихся стран, а также активизировала взаимодействие с Тайванем, утверждая продажи оружия и направляя на остров высокопоставленных официальных лиц, что вызвало резкую реакцию Пекина и способствовало эскалации напряженности в Тайваньском проливе (Grzegorzewski, 2022).

Хотя риторика и методы Д. Трампа подвергались критике за непредсказуемость и склонность к эскалации, его администрации удалось консолидировать двухпартийный консенсус в Вашингтоне относительно необходимости более жесткой линии в отношении Китая. Курс на стратегическое соперничество, впервые четко сформулированный при Д. Трампе, стал новой нормой для американской внешней политики, продолжив определять подход США и после его возвращения в Белый дом в 2025 г., где прагматичный расчет и язык санкций продолжают доминировать над дипломатическим взаимодействием.

Как представляется, тарифы будут не только сохранены, но и универсализованы. Фокус сместится на полное технологическое разделение, ограничения для американских инвестиций в Китай и усиление давления на союзников с требованием присоединиться к санкционному режиму. Риск прямой конфронтации вокруг Тайваня значительно возрастет.

Индия

Политика Д. Трампа в отношении Индии является уникальным примером сочетания жесткого экономического протекционизма и стратегического партнерства, основанного на общей заинтересованности в сдерживании Китая. Этот дуализм стал еще более выраженным после возвращения Д. Трампа в Белый дом в 2025 г., когда Индия окончательно утвердилась в качестве ключевого элемента Индо-Тихоокеанской стратегии Вашингтона.

С самого начала своего первого срока Д. Трамп подверг критике торговый дефицит США с Индией, который он называл «несправедливым». В 2019 г. его администрация отменила льготы для индийского экспорта в рамках всеобщей системы преференций (*Generalized System of Preferences*, GSP), затронув товары на сумму около 6 млрд долл. США. Д. Трамп также неоднократно жаловался на «высокие тарифы» Индии на американские товары, особенно на мотоциклы *Harley-Davidson* (Shahbaz, Mustafa & Liaqat, 2024).

В 2025 г. эти трения приобрели новый характер — администрация Трампа ввела целевые тарифы на индийские IT-услуги и изделия фармацевтической промышленности, мотивируя это необходимостью защиты американских рабочих мест и интеллектуальной собственности. Одновременно Вашингтон усилил давление на Индию в вопросе доступа на ее рынки, угрожая дополнительными торговыми ограничениями¹⁸.

В рамках противостояния США и Китая Индия стала страной, которая продемонстрировала пагубность «трампломатии» для самих США. Традиционно Индия рассматривается как важный геополитический союзник США в регионе, основной «противовес» для Китая. Тем не менее Д. Трамп, основная мотивация которого — выравнивание торгового баланса, применив ряд ограничительных мер, смог нанести ущерб американо-индийским отношениям.

Тарифы США в отношении Индии достигли 50 %, в конечном счете опередив даже рестрикции, примененные к Китаю. Поводом стали закупки Индией российской сырой нефти. Данные тарифы могут сократить экспорт Индии в США почти на 52 % в среднесрочной перспективе и уменьшить валовой внутренний продукт на 0,9 %. При этом данные тарифные меры наносят существенный ущерб непосредственно политике премьер-министра Индии Н. Моди, который уделяет существен-

ное внимание текстильной промышленности, более других пострадавшей от мер, введенных Д. Трампом. Некоторые небольшие фабрики, работающие исключительно с США, уже закрылись¹⁹.

Параллельно Д. Трамп оказывает давление на Индию, требуя доступ к политически чувствительным секторам экономики страны, таким как сельское хозяйство. При этом в обмен Д. Трамп по сути не предлагает ничего, кроме сокращения экономического давления²⁰. В этом смысле можно проследить схожесть «трампломатии» с китайской философией легизма, в рамках которой награда — это отсутствие наказания.

Существенным камнем преткновения оставались отношения Индии с Россией. В 2025 г. администрация Д. Трампа ужесточила применение закона CAATSA²¹, вводя санкции против индийских компаний, сотрудничающих с российским оборонным сектором. Это создало напряженность в отношениях, поскольку Индия исторически зависела от российских вооружений.

Энергетическое сотрудничество также стало зоной разногласий: индийская сторона, отвечая на требования Вашингтона сократить импорт российской нефти, заявила, что это возможно лишь при снятии или смягчении американских ограничений на закупки нефти у Ирана и Венесуэлы²².

¹⁹ Querolo N., Sanjay S. Trump's 50% Tariffs Sow Fear Inside Indian Apparel Hub // Bloomberg. October 3, 2025. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-10-03/trump-s-50-india-tariffs-threaten-nike-walmart-suppliers-with-extinction> (accessed: 01.11.2025).

²⁰ Штраф со скидкой за покладистость: Индия сохраняет возможность компенсировать пошлины за нефть из РФ торговой сделкой с США // Коммерсантъ. 07.08.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7943631> (дата обращения: 01.11.2025).

²¹ Countering America's Adversaries Through Sanctions Act-Related Sanctions // Office of Foreign Assets Control. URL: <https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information/countering-americas-adversaries-through-sanctions-act-related-sanctions> (accessed: 01.11.2025).

²² Bloomberg: Индия выдвинула США условия для отказа от российской нефти // Коммерсантъ. 25.09.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8062258> (дата обращения: 01.11.2025).

¹⁸ Трамп замахнулся на Нью-Дели: тарифы США в отношении Индии достигнут 50 % // Российская газета. 07.08.2025. URL: <https://rg.ru/2025/08/07/tramp-zamahnulsia-na-niu-deli-tarify-ssha-v-otnoshenii-indii-dostignut-50.html> (дата обращения: 17.10.2025).

Тем не менее Д. Трамп не обходится лишь экономическими мерами воздействия, активно принижая значение Индии в своей риторике, прибегая также и к прямым оскорблениям. В частности, президент США назвал экономику Индии «мертвой»²³. Данная оценка, впрочем, далека от истины, так как по темпам роста индийская экономика опережает даже китайскую, которой Д. Трамп подобной характеристики не давал²⁴.

«Трамплوماتия» стала настоящим вызовом для Индии, которая долгое время пользовалась положением важного международного политического брокера, поддерживая рабочие отношения одновременно и с США, и с Евросоюзом, и с Россией. Д. Трамп лишил Индию возможности сохранять баланс, требуя от нее безоговорочной лояльности.

Тем не менее эффект оказался, вероятно, неожиданным для Вашингтона: Индия пошла на сближение с Китаем, отношения с которым у правительства Н. Моды всегда были затруднены и который, как уже отмечалось, позиционируется Д. Трампом в качестве величайшей угрозы для США. Ярким символом этого сближения стал визит премьер-министра Индии в Пекин и его участие в саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), где также важным участником была и Россия²⁵. Таким образом, действия Д. Трампа привели к тому, что важный региональный партнер США пошел на сближение со странами, которые сами подвергаются давлению со стороны Вашингтона.

Более того, можно заметить смену внутриполитических настроений в Индии. В частности, премьер-министр Н. Моди стал активно продвигать идею «Самостоятельной Индии», которая распространяется не только на торгов-

лю, но и на вопросы обороны, энергетики и инноваций²⁶.

Несмотря на экономические разногласия, стратегическое партнерство между двумя странами значительно укрепилось. Д. Трамп публично поддерживал жесткую линию Индии в отношении Китая после пограничных столкновений в Ладакхе. В 2025 г. администрация усилила военное сотрудничество в рамках Четырехстороннего диалога по безопасности (QUAD), упростила поставки современных вооружений, включая истребители и системы противовоздушной обороны (ПВО), провела совместные военные учения в Индийском океане. Особое значение приобрело сотрудничество в сфере технологий: США предоставили Индии доступ к критически важным полупроводниковым технологиям и совместно развивали альтернативы китайской телекоммуникационной инфраструктуре²⁷.

На момент написания данного исследования отношения США и Индии демонстрируют парадоксальную динамику: стратегическое партнерство достигло беспрецедентного уровня, в то время как экономические трения продолжают продолжаться. «Трамплوماتия» в отношении Индии доказала свою эффективность в военно-стратегической сфере, но оказалась ограниченной в решении торгово-экономических вопросов. Будущее отношений будет зависеть от способности двух сторон найти баланс между стратегическими интересами и экономическими разногласиями в условиях растущего глобального соперничества с Китаем.

Украина

Политика Д. Трампа в отношении украинского конфликта сформировала радикально новый подход, основанный на принципе «Америка прежде всего» и последовательном отказе от

²³ Shalal A., Kumar M. Trump Imposes Extra 25% Tariff on Indian Goods, Ties Hit New Low // Reuters. August 7, 2025. URL: <https://www.reuters.com/world/india/trump-imposes-extra-25-tariff-indian-goods-ties-hit-new-low-2025-08-06/> (accessed: 02.11.2025).

²⁴ Real GDP Growth. Annual Percent Change // International Monetary Fund. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/OEMDC/ADVEC/DA/WEO/WORLD (accessed: 02.11.2025).

²⁵ Путин встретился с Моды «на полях» саммита ШОС в Китае // Интерфакс. 01.09.2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1045098> (дата обращения: 01.11.2025).

²⁶ Atmanirbhar Bharat: The Foundation of a Strong and Developed India // PMIndia. August 15, 2025. URL: https://www.pmindia.gov.in/en/news_updates/atmanirbhar-bharat-the-foundation-of-a-strong-and-developed-india/ (accessed: 02.11.2025).

²⁷ Индия и США намерены наращивать сотрудничество в «оборонке» и производстве полупроводников // Интерфакс. 01.02.2023. URL: <https://www.interfax.ru/world/884175> (дата обращения: 14.02.2025).

традиционной роли Вашингтона как гаранта европейской безопасности. После возвращения в Белый дом в 2025 г. этот курс оформился в конкретную стратегию, сочетающую элементы прагматизма, прямого давления и фундаментального пересмотра международных обязательств США.

Надежды на трансформацию ситуации вокруг Украины и начало мирного переговорного процесса, действительно, порой связывались наблюдателями с возможным приходом в Белый дом лидера республиканцев, позиция которого в условиях острого противостояния с американскими демократами и глобалистскими элитами США свидетельствовала о намерении быстро урегулировать конфликт (Гущин, 2025).

С первых месяцев второго срока администрация Д. Трампа приступила к реализации предвыборного обещания «положить конец бесконечной войне», что выразилось в замораживании новых пакетов военной помощи Киеву и сокращении объемов существующей поддержки. Публичная риторика Белого дома акцентировала необходимость «прекращения кровопролития любой ценой», сопровождаясь требованиями к европейским союзникам о компенсации расходов и принятии на себя основной финансовой нагрузки. Этот подход был подкреплен систематическим давлением на Украину с целью склонить ее к территориальным уступкам в обмен на расплывчатые «гарантии безопасности», что вызвало резкое неприятие официального Киева²⁸.

Характерной чертой «трампломатии» стали прямые неформальные каналы коммуникации с В.В. Путиным, выстроенные в обход традиционных дипломатических процедур и без существенных консультаций с европейскими партнерами. Назначение специального посланника для закрытых переговоров с Москвой и личные телефонные разговоры президента с российским лидером создали атмосферу стратегической неопределенности, вызвав серь-

езную озабоченность как в Киеве, так и в европейских столицах, где эти действия восприняли как подготовку к сепаратной сделке²⁹.

Параллельно администрация развернула многостороннее давление, выдвинув странам НАТО ультимативное требование самостоятельно обеспечить военные поставки Украине и взять на себя основное финансирование восстановления украинской инфраструктуры³⁰. Эта позиция спровоцировала кризис в трансатлантических отношениях, побудив европейские правительства к ускоренному созданию альтернативных механизмов безопасности, независимых от американского участия.

Д. Трампу предпочтителен мир на Украине как ввиду того, что Соединенные Штаты тратят на Украину значительные суммы денег, и из-за стремления обвинить в разжигании конфликта Дж. Байдена и его команду, так и по причине желания скорее развязать этот узел, постараться сделать это сугубо на своих условиях и сосредоточить внимание на своем конкуренте в лице КНР. Кроме того, в отличие от Дж. Байдена, Д. Трамп не имеет никакого отношения к нынешнему киевскому режиму и лично не заинтересован в его неограниченной поддержке. Однако все это не свидетельствует о готовности вести серьезный разговор о системе европейской безопасности с Россией как с равным партнером (Гущин, 2025).

К осени 2025 г. политика президента Трампа привела к значительному сокращению оперативных возможностей Украины, создав предпосылки для возобновления переговоров, но на значительно менее выгодных для Киева

²⁹ Выводы Европейского Совета по Украине // Представительство Европейского союза в Российской Федерации. 07.03.2025. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/russia/%D0%B2%D1%8B%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%8B-%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%B0-%D0%BF%D0%BE-%D1%83%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D0%B5-0_ru (дата обращения: 17.04.2025).

³⁰ Столтенберг призвал НАТО сохранить уровень поддержки Украины // РИА Новости. 11.06.2024. URL: <https://ria.ru/20240611/ukraina-1952231910.html> (дата обращения: 16.04.2025).

²⁸ Sunday Shows: Trump Administration Fighting for America First // The White House. March 2, 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/releases/2025/03/sunday-shows-trump-administration-fighting-for-america-first/> (accessed: 13.04.2025).

условиях. Возникший вакуум американского лидерства активизировал процессы европейской стратегической автономии, одновременно углубив расколы внутри самого альянса. Итогом «трампломатии» стало не урегулирование конфликта, а его трансформация в новую фазу, когда в Вашингтоне прагматичный расчет окончательно возобладал над союзническими обязательствами, создав прецедент для фундаментального пересмотра архитектуры европейской безопасности.

Конфликт на Украине — наиболее яркий пример отхода Д. Трампа от политики его предшественника. «Трампломатия» предполагает немедленное прекращение или резкое сокращение военной помощи Украине с целью принуждения Киева к переговорам с Россией на условиях Москвы. Это будет мотивировано не поддержкой Кремля, а транзакционной логикой: прекращением «бесполезных» расходов, желанием добиться «сделки» с Кремлем и перенаправлением ресурсов на сдерживание Китая.

НАТО

Отношения Д. Трампа с НАТО стали одним из наиболее ярких проявлений его внешнеполитической доктрины «Америка прежде всего». Его подход, сочетающий жесткое давление, прагматичный расчет и открытый скептицизм в отношении ценности Альянса, кардинально отличался от политики всех его предшественников и оказал глубокое влияние на трансатлантические отношения.

Подход Д. Трампа к НАТО и месту США в Альянсе можно также охарактеризовать как транзакционный. Президент США в первую очередь обеспокоен не вопросами боеспособности структуры, а тем, насколько справедливо распределена нагрузка между США и другими членами НАТО.

Ключевым элементом «трампломатии» в отношении НАТО стало требование к союзникам немедленно увеличить свои оборонные расходы до целевого показателя в 2 % ВВП³¹.

³¹ Кулагин В. Сможет ли Трамп довести военные расходы стран НАТО до 5% ВВП // Ведомости. 23.12.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/12/23/1083027-smozhet-li-trump-dovesti-voennye-rashodi-stran-nato> (дата обращения: 01.02.2026).

Глава Белого дома рассматривал НАТО не как стратегический союз, основанный на общих ценностях и интересах, а как клуб, где взносы (расходы на оборону) должны напрямую конвертироваться в защиту. Его знаменитый вопрос «А что нам с этого?» отражал это прагматичное, лишенное идеологии видение.

Для достижения удовлетворительного для США баланса в рамках НАТО Д. Трамп обращается преимущественно к инструментарию оказания давления. В отличие от предыдущих администраций Д. Трамп использовал публичные форумы (саммиты НАТО) для прямых обвинений и угроз. Он неоднократно заявлял, что США «несут непропорциональное бремя» и что альянс «устарел». Наиболее радикальным инструментом стало недвусмысленное заявление о возможности выхода США из НАТО, если союзники не подчинятся его требованиям. Это создало беспрецедентную стратегическую неопределенность для Европы, которая десятилетиями полагалась на американские гарантии безопасности. Еще в 2024 г., не будучи президентом, он заявлял, что в случае, если страны — члены Альянса не согласятся на повышение бюджетных расходов на НАТО, он «будет поощрять Россию делать все, что ей вздумается»³².

При этом Дональд Трамп неоднократно заявлял, что НАТО как структура более не является необходимой и морально устарела. Он рассматривает ее как своеобразную программу страхования, в рамках которой участники либо платят «за полное покрытие», либо не имеют права на полноценное участие в структуре. В частности, в 2018 г. Д. Трамп предлагал исключить Норвегию из НАТО³³.

Таким образом, Д. Трамп рассматривает НАТО не как международный военный альянс, а как площадку для удовлетворения личных

³² Colvin J. Trump Says He Once Told a NATO Ally to Pay Its Share or He'd 'Encourage' Russia to Do What It Want // AP. February 11, 2024. URL: <https://apnews.com/article/trump-nato-foreign-aid-russia-2b8054a9fe185eec34c2c541cece655d> (accessed: 05.11.2025).

³³ Stoltenberg Reveals Trump Wanted Norway Out of NATO in 2018 // Sweden Herald. September 29, 2025. URL: <https://swedenherald.com/article/stoltenberg-reveals-trump-considered-removing-norway-from-nato> (accessed: 05.11.2025).

политических амбиций и американских экономических потребностей. НАТО в его понимании — это клуб избранных, пользоваться привилегиями которого могут только платежеспособные и, что важнее, удобные США государства.

С сугубо практической точки зрения логика Д. Трампа по отношению к НАТО оправдала себя. Страны — члены Альянса согласились на повышение затрат на поддержание деятельности структуры до 5 % от ВВП к 2035 г. (Yudin & Iwersen, 2025).

Все эти действия укладываются в предложенную концепцию «трампломатии», так как отвечают ее базовым постулатам. Все заявленное и осуществленное Д. Трампом по отношению к НАТО соответствует принципу «Америка прежде всего», причем не только в контексте удовлетворения в первую очередь американских интересов, но и в контексте выдвижения воли США на первый план. Если ранее НАТО считалась проамериканской структурой, где США были «первыми среди равных», то теперь НАТО — альянс стран, борющихся за благосклонность со стороны США, что существенным образом меняет как динамику отношений, так и характер всей организации. США отныне в меньшей степени член НАТО, и в большей степени — ревизор и поставщик вооружений. Конфликты НАТО — это более не конфликты США, но рынок сбыта.

Более того, Д. Трамп вывел вопрос международной безопасности за пределы НАТО, сделав себя лично активным актором в данной сфере. Так, в октябре 2025 г. Белый дом опубликовал президентский указ, в котором обязался защищать Катар в случае нападения со стороны другой страны по аналогии со ст. 5 Устава НАТО. В указе говорилось, что США будут рассматривать «любое вооруженное нападение» на Катар «как угрозу миру и безопасности Соединенных Штатов»³⁴. Данный пример красноречив вдвойне. Во-первых, сделал

это Д. Трамп после того, как получил от Катара крупные инвестиции в экономику США. Во-вторых, этот указ не помешал Израилю нанести удар по Катару без каких-либо санкций со стороны США. Таким образом, мы наблюдаем, как транзакционный подход Д. Трампа одновременно мотивирует его принимать те или иные решения, но в то же время не подкрепляется какими-либо реальными действиями.

Наконец, не отклоняется Д. Трамп от концепции «трампломатии» и в том, что его активность по отношению к НАТО связана параллельно с рядом других интересующих президента США направлений. В результате риторика Д. Трампа в сторону НАТО — это еще и механизм решения других политических задач. В частности, не желая самостоятельно вводить санкции в отношении России, Д. Трамп требует от стран — членов НАТО прекращения закупок российских энергоносителей, а также введения тарифов в отношении Китая. Рычагом давления при этом остается «дамоклов меч» выхода США из НАТО.

В перспективе описанный подход Д. Трампа к НАТО ведет к формированию в НАТО вассальной системы, в рамках которой через Альянс США смогут диктовать Европе, какой политики ей придерживаться. Это закономерным образом ведет к ребалансировке региональных отношений, в рамках которой ЕС получит бóльшую автономию действий, но меньшие гарантии безопасности в связи со снижением финансовой и военной вовлеченности США. Подрыв доверия к США как к надежному союзнику уже заставил Европу задуматься о стратегической автономии. Такие инициативы, как Постоянное структурированное сотрудничество (PESCO) в ЕС, получили дополнительный импульс.

Можно прогнозировать переосмысление НАТО как международной структуры, в рамках которого возможна атомизация Альянса вплоть до распада на более компактные оборонные блоки. Без цементирующей роли США для многих стран-участниц Альянса становится в большей степени бременем, чем щитом. Причем это зависит не от президента Трампа, который занимает президентский

³⁴ Benen S. Trump Offers Qatar, Which Gave Him a Fancy Plane, a NATO-Like Security Guarantee // MS Now. October 2, 2025. URL: <https://www.msnbc.com/rachel-maddow-show/maddowblog/trump-offers-qatar-gave-fancy-plane-nato-security-guarantee-rcna235175> (accessed: 05.11.2025).

пост в последний раз, и не от того, какая администрация его сменит, а от растущих центробежных тенденций в самой организации, которые тем не менее спровоцированы именно лидером США³⁵.

Стиль Д. Трампа создал глубокий раскол внутри альянса, разделив его на страны, которые рассматривали его методы как необходимую «встряску», и те, кто видел в них экзистенциальную угрозу для западного единства.

«Трампломатия» в отношениях с НАТО представляла собой стратегию управляемого кризиса. Используя финансовое давление и угрозу одностороннего выхода, Д. Трамп заставил союзников увеличить оборонные расходы, достигнув тактического успеха. Однако эта стратегия была основана на подрыве фундаментальных принципов альянса — взаимного доверия и коллективной безопасности. В долгосрочной перспективе это ускорило пересмотр Европой своей зависимости от США и заложило семена потенциальной трансформации НАТО, последствия которой продолжают определять геополитический ландшафт и в настоящее время.

При этом пока не следует ожидать выхода США из НАТО, что было бы стратегически рискованно. Скорее произойдет «трампизация» Альянса, то есть его перевод в формат чисто военного блока, отказ от политических функций, вывод американских войск из стран, «не выполняющих обязательства», и фокус на противостоянии с Китаем как на главной задаче, что противоречит первоначальной цели НАТО. Это может привести к де-факто расколу на «европейскую» и «американскую» ветви НАТО.

Ближний Восток (Израиль и Палестина)

Политика Д. Трампа в отношении палестино-израильского конфликта стала демонстрацией радикального разрыва с десятилетиями американской дипломатической традиции, основанной на принципе «земля в обмен на мир».

Подход действующего главы Белого дома, характеризующийся односторонними действиями в пользу Израиля и системным игнорированием палестинских интересов, привел к фундаментальной трансформации параметров урегулирования конфликта.

Данный подход представляет собой сложное сочетание идеологии «Америка прежде всего», направленной на избежание длительных внешнеполитических конфликтов, и крайне амбициозной дипломатии, ориентированной на заключение сделок и нацеленной на достижение исторического соглашения. Д. Трамп сочетает заявленное стремление положить конец войне с непоколебимой поддержкой Израиля. Соответственно, подход президента США к данному ближневосточному конфликту полностью укладывается в рамки концепции «трапломатии».

Центральным элементом этой стратегии стала серия символически значимых и спорных внешнеполитических решений, направленных на легитимацию ключевых израильских требований. Признание Иерусалима столицей Израиля в декабре 2017 г. и последующий перенос туда американского посольства не только нарушили международный консенсус, но и фактически сняли с повестки дня один из самых чувствительных вопросов окончательного статуса священного города. Этот шаг, воспринятый палестинцами как акт аннексии, привел к разрыву отношений с Палестинской национальной администрацией и сделал невозможным возобновление прямых переговоров на прежних условиях.

Дальнейшее усиление одностороннего курса проявилось в признании суверенитета Израиля над сирийскими Голанскими высотами в 2019 г., что создало опасный прецедент легитимации территориальных приобретений в результате военного конфликта. Однако наиболее структурные последствия имело представление в январе 2020 г. так называемой «Сделки века» (*Peace to Prosperity*). Разработанный без участия палестинской стороны, план предусматривал сохранение израильского контроля над объединенным Иерусалимом, аннексию израильских поселений на Западном бере-

³⁵ Minges M. Understanding the Future of the Transatlantic Partnership // American University. September 24, 2025. URL: <https://www.american.edu/sis/news/20250924-understanding-the-future-of-the-transatlantic-partnership.cfm> (accessed: 01.11.2025).

гу и в долине р. Иордан, а также создание палестинского государства с ограниченным суверенитетом на фрагментированной территории. Несмотря на декларативную ориентацию на экономическое развитие, план игнорировал ключевые палестинские требования о праве на возвращение и суверенитете, что сделало его неприемлемым для палестинского руководства.

Итогом «трампломатии» для палестино-израильского конфликта стало не урегулирование, а системное разрушение прежних дипломатических рамок. Односторонние действия администрации Д. Трампа легитимировали максималистские позиции Израиля, маргинализировали палестинское руководство и создали новые факты на местах, существенно осложнившие возможность возвращения к переговорам на основе принципа двух государств. Это наследие продолжает определять параметры политики США в регионе, демонстрируя эффективность тактики создания необратимых изменений как инструмента внешнеполитического влияния.

После возвращения в Белый дом в 2025 г. Д. Трамп принялся старательно формировать образ миротворца, заканчивающего войны. Поэтому политика Д. Трампа в отношении палестино-израильского конфликта, начатая в его первый срок, не только сохранилась после победы на президентских выборах в 2024 г., но и приобрела новые, более радикальные черты. Курс на односторонние действия в пользу Израиля трансформировался в последовательную стратегию по созданию необратимых изменений на местах.

В подходе президента Д. Трампа к тому, как завершать конфликт, прослеживается особенность «трампломатии» — транзакционный подход. Для США важнее всего «закрыть сделку» — посадить стороны за стол переговоров, а ответственность за сохранение мира переложить на третьи стороны. Это можно увидеть и в плане Трампа — Блэра³⁶ из 20 пунктов по

формированию новой администрации в секторе Газа: возглавить структуру намерен лично Д. Трамп, но вопросы безопасности, разоружения боевых группировок и гуманитарной помощи перекадываются на ООН, арабские страны и ЕС.

При этом сам конфликт Д. Трамп рассматривает как нечто не связанное с США, несмотря на последовательную поддержку действий Израиля в Палестине³⁷. Среди прочего администрация президента США отменила частичное эмбарго на поставки оружия Израилю, ускорила выделение миллиардов на военную помощь и одобрила крупные продажи оружия³⁸. И в этом проявляется идея «Америка прежде всего»: Д. Трамп не заинтересован в прямом вмешательстве США в данное противостояние, предпочитая давать союзнику средства для ведения войны, но не собственную военную мощь.

Как и в других примерах применения президентом США «трампломатии», на ближневосточном направлении очевидна пагубность избранного подхода для позиций США в регионе. Активное участие США в урегулировании конфликта в качестве защитника интересов Израиля воспринимается странами региона как интервенция. Оно показало, что военное партнерство с США не является безусловным и надежным, что ярче всего продемонстрировал безнаказанный удар Израиля по территории Катара (сентябрь 2025 г.³⁹) — важного военного союзника США на Ближнем Востоке. Более того, предложения Д. Трампа, особенно касающиеся переселения населения Палестины, осложнили дипломатию, оттолкнули ключевых арабских партнеров и вызвали между-

³⁷ Speri A. Can Trump Put 'America First' and Also Make Peace in the Middle East? // Aljazeera. January 23, 2025. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2025/1/23/can-trump-put-america-first-and-also-make-peace-in-the-middle-east> (accessed: 02.11.2025).

³⁸ El Baz L., Smeltz L. Republicans Favor Trump Approach to Israel—Hamas War // The Chicago Council on Global Affairs. September 18, 2025. URL: <https://globalaffairs.org/research/public-opinion-survey/republicans-favor-trump-approach-israel-hamas-war> (accessed: 02.11.2025).

³⁹ Взрывы в Дохе вышли громкими // Коммерсантъ. 10.09.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8025284> (дата обращения: 02.11.2025).

³⁶ Hooper S. All the Gaza Ceasefire Details You Need to Know in Donald Trump's Peace Plan // Metro. October 10, 2025. URL: <https://metro.co.uk/2025/10/10/gaza-ceasefire-details-need-know-donald-trumps-peace-plan-goes-ahead-24390050/> (accessed: 01.11.2025).

народную критику, что потенциально затрудняет достижение устойчивого мира.

В доктрине администрации Д. Трампа «Америка прежде всего» приоритетное место занимают односторонние, транзакционные сделки, а не многостороннее сотрудничество и общие ценности. Этот подход сделал США более изолированными на мировой арене и заставил союзников усомниться в надежности американского лидерства. Позиция Д. Трампа и предлагаемый им план урегулирования конфликта в секторе Газа существенно меняют международные отношения, обостряют взаимодействие с традиционными союзниками, меняют динамику на Ближнем Востоке и бросают вызов существующему мировому порядку. Так, подход Д. Трампа к конфликту игнорирует позиции европейских стран, в частности тех, которые признали Палестину как государство. Это углубляет трансатлантический политический разрыв и подрывает деятельность стран ЕС в регионе. Более того, безоговорочная поддержка Д. Трампом решений Б. Нетаньяху снижает статус таких международных структур, как Международный уголовный суд, против судей которого в США были введены санкции, и ООН, подвергнувшаяся критике со стороны президента США. Игнорирование вопроса места проживания палестинцев ставит под угрозу и региональную стабильность на Ближнем Востоке: в частности, данная проблематика беспокоит Иорданию, для которой потенциал наплыва большого числа палестинских беженцев угрожает легитимности действующей власти.

Избранный главой Белого дома подход укрепил международное сообщество в мнении о том, что США больше не являются нейтральным арбитром, а представляют собой тенденциозную державу, добивающуюся собственной выгоды даже ценой отчуждения союзников и подрыва международных институтов. Это не только осложнило путь к миру в секторе Газа, но и способствует большей нестабильности и фрагментации международной системы, где страны все чаще вынуждены подстраховываться и отдавать приоритет собственным национальным интересам перед лицом односторонних действий Вашингтона.

Заключение

Возвращение Дональда Трампа к власти в 2025 г. подтвердило, что «трампломатия» представляет собой не временную аномалию, а устойчивый вызов основам классической дипломатии. Проведенный сравнительный анализ позволил выявить системные изменения, которые продолжают трансформировать международные отношения даже после четырехлетнего перерыва, когда Белый дом занимала администрация Дж. Байдена. Показательно, что этот период не смог полностью реанимировать доверие союзников и вернуть предсказуемость внешней политике США — наследие трамповского подхода оказалось глубже, чем предполагалось. Второй срок Д. Трампа окончательно закрепляет представление о Вашингтоне как о ненадежном партнере, чья политика может кардинально меняться каждые 4–8 лет, что подрывает саму идею долгосрочных союзнических обязательств.

Тактика «управляемого хаоса», составляющая ядро «трампломатии», перестает восприниматься как дипломатическая экзотика и становится новой нормальностью, к которой другим международным игрокам — как союзникам, так и противникам США — приходится адаптироваться путем разработки собственных стратегических «амортизаторов». Эта адаптация проявляется в ускоренном создании альтернативных механизмов безопасности и экономических союзов, не зависящих от американского участия. Подобная трансформация свидетельствует о глубоком кризисе либерального интернационализма, а «трампломатия» выступает одновременно и симптомом, и катализатором системного разложения проекта либерального миропорядка. Она последовательно ускоряет процессы регионализации и фрагментации глобальной системы, где сила и двусторонние сделки начинают решительно преобладать над нормами и многосторонними институтами.

В заключение следует признать, что второй президентский срок Д. Трампа знаменует собой окончательную институционализацию «трампломатии» как новой, альтернативной парадигмы американской внешней политики.

Ее главным итогом становится не тактический успех в отдельных переговорах, а фундаментальная трансформация роли США в мире — переход от статуса гаранта стабильности либерального порядка к положению источника перманентной турбулентности, действующего исключительно в логике сиюминутного интереса. Это неминуемо ведет к нескольким системным последствиям — ускоренному формированию многополярного мира, в котором союзники США будут вынуждены проводить более самостоятельную политику, что особенно заметно на

примере Европейского союза, а конкуренты — активизировать создание альтернативных институтов, как это делают Китай и Россия.

Таким образом, «трампломатия» перерастает рамки персонального стиля одного политика и становится фактором структурной перестройки всей системы международных отношений, определяя контуры новой глобальной реальности, где предсказуемость и стабильность уступают место гибкости и адаптивности в условиях постоянной неопределенности.

Поступила в редакцию / Received: 10.11.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 25.03.2026

Принята к публикации / Accepted: 27.03.2026

Список литературы

- Гасимова Р. Р., Подковырина Н. В. Анализ политической персоны: Дональд Трамп // Анализ политических персон : по материалам конференций и семинаров. Вып. 1. Москва : ИД «Научная библиотека», 2018. С. 127–135. EDN: YWWWBC
- Громов А. Трамп. Москва : АСТ ; Времена, 2025.
- Гущин А. В. Итоги президентских выборов в США и их влияние на перспективы урегулирования конфликта на Украине // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8, № 1. С. 19–26. EDN: BSKCOD
- Дробницкий Д. О. Бизнесмен-харизматик на пути в Вашингтон (Trump, Donald J. Crippled America: How To Make America Great Again. Threshold Editions; Simon & Schuster, 2015) // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. С. 253–261. EDN: WFRXBL
- Клюкин Н. Д. Внешняя политика Дональда Джона Трампа // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 9. С. 96–103. EDN: MPFYPU
- Курылев К. П., Мартыненко Е. В., Пархитыко Н. П., Станис Д. В. Политика Shell в России в условиях санкционных мер стран Запада // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. Т. 12, № 1. С. 189–204. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2017-01-189>; EDN: YRGPEX
- Лябухов И. В. Трансакционная дипломатия Дональда Трампа как средство достижения внешнеполитических целей // Международная жизнь. 2025. № 10. С. 90–101. EDN: MWLNAD
- Райнхардт Р. О. Новые формы и методы дипломатии // Международная аналитика. 2020. Т. 11, № 4. С. 11–20. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-4-11-20>; EDN: BMDVKK
- Русакович А. В. Некоторые тенденции развития современной дипломатии // Дипломатия Беларуси: прошлое и настоящее : материалы научного семинара / под ред. А.В. Русаковича. Минск : БГУ, 2017. С. 22–25. EDN: GHQLYL
- Станис Д. В., Курылев К. П. Крупный бизнес в высших эшелонах власти США. На примере Д. Трампа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7, № 3. С. 226–238. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2020-7-3-226-238>; EDN: HOCTJL
- Станис Д. В., Курылев К. П. Проблема участия частного бизнеса США в системе государственного управления: на примере корпорации ExxonMobil // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2018. Т. 5, № 1. С. 22–32. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2018-5-1-22-32>; EDN: YNMAJF
- Трамп Д. Д., Шварц Т. Искусство заключать сделки / пер. с англ. Н. Зарахович. 6-е изд. Москва : Альпина Бизнес Букс, 2010. EDN: QULCMN
- Трамп и его политика : первое президентство (2017–2021) / отв. ред. В.Н. Гарбузова, П. С. Золотарёва, В. Б. Суряна. Москва : Весь Мир, 2025. EDN: TXIDKN
- Феномен Трампа / под ред. А. В. Кузнецова. Москва : ИНИОН РАН, 2020. EDN: CIMATV

- Allin D. H. The Return of Donald Trump // *Survival*. 2024. Vol. 66, iss. 6. P. 193–202. <https://doi.org/10.1080/00396338.2024.2432214>; EDN: YQFSNY
- Alserda M. The Language of Political War: How Donald Trump Integrates War Into Mainstream Political Discourse // *Journal of Dialogue Studies*. 2025. Vol. 12. P. 22–45. <https://doi.org/10.55207/gopz7222>; EDN: RYHBDX
- Fitzsimmons S. Personality and Adherence to International Agreements: The Case of President Donald Trump // *International Relations*. 2022. Vol. 36, no. 1. P. 40–60. <https://doi.org/10.1177/0047117820965656>; EDN: GQOVMY
- Grzegorzewski F. Strategic Ambiguity in US–Taiwan Relations During the Donald Trump Administration // *Polish Political Science Yearbook*. 2022. Vol. 1, no. 51. P. 59–74. <https://doi.org/10.15804/pps202210>; EDN: IOLFCC
- Kosyakov V. E. Political Cynicism as a Basis of the Success of Donald Trump’s Election Campaign // *Abyss (Studies in Philosophy, Political Science and Social Anthropology)*. 2022. No. 2. P. 85–92. EDN: IVSMYK
- Kuranchie P. Incompleteness: Donald Trump, Populism and Citizenship, Francis B. Nyamnjoh (2022) // *Journal of African Media Studies*. 2024. Vol. 16, iss. 1. P. 111–113. https://doi.org/10.1386/jams_00117_5; EDN: YZLUCA
- Latypova N. S. History of Emergency Powers of the US Presidents: From Abraham Lincoln to Donald Trump // *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya*. 2021. Vol. 26, no. 4. P. 193–211. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.17>; EDN: FPMEPA
- Lin J. From Barack Obama to Donald Trump: The Evolution of Moral Appeals in National Conventions // *Journal of Language and Politics*. 2025. Vol. 24, iss. 2. P. 177–312. <https://doi.org/10.1075/jlp.22173.lin>; EDN: OBHWZH
- Milkis S. M. Review Essay: Donald Trump, Charismatic Leadership and the “Deep State” // *Political Science Quarterly*. 2025. Vol. 140, iss. 2. P. 309–325. <https://doi.org/10.1093/psquar/qqae018>; EDN: NKOWKP
- Nguyen T. B. G., Tran X. H. Disclaim Resources in Donald Trump’s Inaugural Speeches: A Corpus-Based Approach // *Terra Linguistica*. 2025. Vol. 16, iss. 2. P. 118–134. <https://doi.org/10.18721/JHSS.16208>; EDN: GFMWQU
- Popova E. A., Ivanova A. A. Speech Strategies in the Political Discourse of Donald Trump and Kamala Harris in the Framework of the 2024 Election Campaign // *Глобальный научный потенциал*. 2024. № 10. С. 338–340. EDN: GUOGOL
- Shahbaz M., Mustafa G., Liaqat B. B. Indo-American Relations During Donald Trump Era: Implications for Pakistan // *Global Political Review*. 2024. Vol. IX, no. III. P. 9–20. [https://doi.org/10.31703/gpr.2024\(IX-III\).02](https://doi.org/10.31703/gpr.2024(IX-III).02); EDN: CXLDTK
- Spencer E. K. When Donald Trump Dropped the Bass: The Weaponization of Dubstep in Internet Trolling Strategies, 2011–2016 // *Twentieth-Century Music*. 2025. Vol. 22, iss. 1. P. 107–129. <https://doi.org/10.1017/S1478572224000094>; EDN: ANWFYN
- Yakovlev P. P. Política de Estados Unidos en América Latina: Trump — Biden — Trump 2.0 // *Iberoamerica*. 2025. No. 1. P. 5–29. <https://doi.org/10.37656/s20768400-2025-01-01>; EDN: WKAJNR
- Yudin N. O., Iwersen A. K. The Second Coming of Donald Trump and Its Impact on US-German Relations // *Социально-гуманитарные знания*. 2025. № 3. С. 328–332. EDN: TCIABY

Сведения об авторах:

Курьев Константин Петрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 3131-8642; ORCID: 0000-0003-3075-915X; e-mail: kurylev-kp@rudn.ru

Станис Дарья Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код; ORCID: 0000-0002-9824-0365; e-mail: stanis-dv@rudn.ru

Пархитко Николай Петрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международной журналистики, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; доцент кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ; Российская Федерация, 125167, г. Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49/2; eLibrary SPIN-код: 6478-1225; ORCID: 0000-0002-7678-5735; e-mail: npparkhitko@fa.ru

Пятибратов Иван Сергеевич — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ; Российская Федерация, 125167, г. Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49/2; eLibrary SPIN-код: 4868-3772; ORCID: 0000-0003-3652-8483; e-mail: ispyatibratov@fa.ru

РЕЦЕНЗИИ BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-2-417-421

EDN: FVLOGF

**Рецензия на книгу:
Kjeksrud S. Using Force to Protect Civilians:
Successes and Failures of United Nations Peace Operations in Africa. Oxford:
Oxford University Press, 2023. 240 p.**

Н.А. Медушевский

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 lucky5659@yandex.ru

Для цитирования: Медушевский Н. А. Рецензия на книгу: Kjeksrud S. Using Force to Protect Civilians: Successes and Failures of United Nations Peace Operations in Africa. Oxford: Oxford University Press, 2023. 240 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 2. С. 417–421. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-417-421>; EDN: FVLOGF

**Book Review:
Kjeksrud, S. (2023). Using Force to Protect Civilians:
Successes and Failures of United Nations Peace Operations in Africa. Oxford:
Oxford University Press, 240 p.**

Nikolaj A. Medushevsky

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 lucky5659@yandex.ru

For citation: Medushevsky, N. A. (2026). Book review: Kjeksrud, S. (2023). Using Force to Protect Civilians: Successes and Failures of United Nations Peace Operations in Africa. Oxford: Oxford University Press, 240 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(2), 417–421. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-417-421>; EDN: FVLOGF

© Медушевский Н.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Окончание Второй Мировой войны привело к созданию нового мирового порядка, закрепившего результаты победы союзников над странами Оси, но также символизировавшего идеологический раскол между странами-победительницами. Сразу после окончания войны вчерашние союзники превратились в соперников, желающих нейтрализовать друг друга в рамках нового, вероятно ядерного, конфликта. Таков, например, был план У. Черчилля «Операция „Немыслимое“», разработанный летом 1945 г., или план США, получивший название «Операция „Дропшот“», утвержденный Комитетом начальников штабов США в конце 1949 г. и предусматривавший нанесение по СССР ядерного упреждающего удара.

Предотвращению данных трагических планов во многом способствовало создание в 1945 г. Организации Объединенных Наций (ООН), ставшей эффективным инструментом поддержания мирового диалога даже в самые кризисные исторические моменты, например, в ходе Карибского кризиса 1962 г.

Влияние ООН, безусловно, не ограничивалось регулированием отношений между глобальными лидерами, тем более что противостояние капиталистической и социалистической систем имело всеобъемлющее измерение и конфликты часто разворачивались на территории третьих стран, принадлежавших к Движению неприсоединения и в принципе проходивших сложный и противоречивый путь деколонизации. В этом пространстве ООН стала важным агентом, неизменно выступающим за снижение эскалации и выбор мирного пути решения споров как на национальном, так и на международном уровне. Несмотря на миротворческую миссию, уже с момента создания Организации стало очевидно, что преодоление многих конфликтов в принципе невозможно без принуждения сторон к миру или формирования между ними буфера миротворческого контингента, что требовало создания миротворческого контингента ООН как инструмента активной политики.

Миротворческие силы ООН были созданы в соответствии с Уставом Организации для предотвращения или ликвидации угрозы миру

и безопасности путем совместных принудительных действий. Эти силы формируются из вооруженных контингентов стран — членов организации на основе решения Совета Безопасности ООН, и с момента создания Организации таких миссий было проведено уже более 70.

Тем не менее роль миротворческих миссий в принуждении к миру не всегда является безусловной. В определенных ситуациях, как, например, в руандийской гражданской войне, ООН не среагировала вовремя, что привело к геноциду и миллионным жертвам. В других ситуациях, как, например, в Центральноафриканской Республике (ЦАР), миссии ООН показали низкую эффективность и продемонстрировали неспособность добиться мира. Данные «провалы» неоднократно ставили вопрос об эффективности миротворческой деятельности ООН, и сегодня, в условиях роста конфликтности по всему миру, данный вопрос звучит особенно актуально.

В контексте обозначенных проблем миротворческой деятельности ООН особую актуальность приобретают работы авторов-практиков, посвященные анализу реальных успехов и неудач миротворческих миссий ООН, учет знаний о которых в перспективе может способствовать повышению их эффективности или стать фактором реформирования миротворческой деятельности ООН в целом.

Такой важной и актуальной работой является рецензируемая книга норвежского автора Стиана Кексруда «Применение силы для защиты гражданского населения: успехи и неудачи миротворческих операций ООН в Африке» (Kjeksrud, 2023), вышедшая в 2023 г. и основанная в том числе на личном опыте автора. Следует пояснить, что С. Кексруд в настоящее время является профессором Командно-штабного колледжа Норвежского университета обороны, а также работает в Норвежском международном центре обороны (*Norwegian Defence International Centre*, NODEFIC). Ранее С. Кексруд служил офицером во многих международных операциях ООН, в том числе был участником воинского контингента ООН в Афганистане, Северной Македонии, сербском Косово и Ливане. Рассматриваемая нами работа является

фактически переработкой диссертации автора «Использование силы для защиты: сравнительный анализ операций ООН по военной защите», защищенной им в Осло в 2019 г.¹

Рассматриваемая работа состоит из восьми глав, первые две из которых — «Защита с применением военной силы в миротворческих операциях ООН» и «Понимание целесообразности применения силы для защиты гражданского населения от насилия» — являются теоретическими. В них автор изучает сам принцип миротворчества, его легитимность, востребованность и сложность в реализации с учетом многообразия потенциально возможных угроз как для миротворцев, так и для мирного населения, выступающего объектом защиты.

В последующих пяти главах автор рассматривает практику миротворческой деятельности. Наибольший исследовательский интерес представляют третья, четвертая и пятая главы. Так, в третьей главе автор обращается к анализу характеристик и результатов военных операций ООН по защите, то есть исследует тот «ответ», который международная организация дает на возникающий вызов. Одним из важных моментов данной реакции выступает пропорциональность ответа и набор действий, к которым миротворцы могут прибегнуть в ходе реализации своего мандата. Принцип пропорциональности является весьма сложным, так как конфликтная ситуация оценивается извне, и подобная оценка не всегда учитывает реальную практику, с которой миротворцы могут столкнуться «в поле».

В четвертой главе автор проводит анализ эмпирических закономерностей военных операций ООН по защите, в том числе основываясь на своем личном опыте. Эмпирический опыт крайне важен с точки зрения получения информации об удачных и неудачных действиях миротворцев в рамках реализуемой миссии. После проведения каждой миссии ее участниками со стороны ООН готовятся отчеты, содержащие информацию о реализованных практиках миротворчества, однако с этим связан целый комплекс проблем. В частности, отчеты

преследуют цель подтвердить адекватность действий миротворцев, что часто ведет к сокрытию проблемных моментов, демонстрирующих неэффективность миссии. Кроме того, при организации новой миротворческой миссии отчеты по проведению предыдущих миссий могут не учитываться либо рассматриваться частично, что неизбежно ведет к повторению ошибок и снижению эффективности миротворчества. В итоге актуализируется изучение причинно-следственных связей, ведущих к успешным результатам в области защиты, чему посвящена пятая глава работы.

В итоге уже в восьмой главе автор размышляет о повышении целесообразности применения силы для защиты, что особо актуализируется в контексте возникновения множества новых очагов конфликтов по всему миру, требующих активного вмешательства ООН в вопросе принуждения к миру.

Говоря о работе в целом, следует подчеркнуть ее актуальность и новизну. Несмотря на то, что миротворческие миссии под эгидой ООН проводятся уже много десятилетий, существует достаточно мало научных работ, обобщающих их результаты и обращенных на нюансы практики их проведения. Особенно важно, что в своей работе С. Кексруд обращается к анализу миротворческих операций на Африканском континенте, так как количество поводов для проведения миротворческих операций на этом континенте на современном этапе постоянно увеличивается и существует острая необходимость для того, чтобы данные операции достигали поставленных целей, поскольку любой конфликт неизбежно отражается на благополучии целого региона и ведет к цепной реакции дестабилизации.

Новизна рассматриваемой работы связана не только с объектом исследования, но и с объемом вовлеченной в исследование информации, часть которой ранее не была доступна исследователям. Так, автор рассматривает 200 различных операций, проведенных в рамках десяти миротворческих миссий ООН на Африканском континенте в 1999–2017 гг.

В качестве критики можно отметить, что анализ автора устарел, так как с момента

¹ Stian Kjeksrud // Forsvaret. URL: <https://www.forsvaret.no/en/research/staff/kjeksrud-stian> (accessed: 12.01.2025).

последней изученной им миссии прошло уже 8 лет, однако здесь есть и определенное оправдание. Миротворческие миссии ООН длятся годами, и многие миссии, начатые после 2017 г., до сих пор реализуются, а значит фактологическая информация по ним находится в ограниченном или закрытом доступе. Кроме того, для исследования представляет ценность не столько «свежесть» информации, сколько опыт, который из нее можно извлечь, тем более что контекст проведения миссий, особенно в странах Африки, меняется достаточно медленно.

Данный тезис подтверждается и самим Стианом Кексрудом, который обращает внимание читателя на контекст конкретных миссий и операций, констатируя, что в основе их успеха лежит не только технологическое превосходство, которое тоже важно, но прежде всего четкое понимание мотивов врага в применении им агрессии против гражданского населения (Kjeksrud, 2023, p. 49). Знание мотивов, как нам представляется, не только позволяет действовать более эффективно, но также способствует предупреждению агрессии и уменьшает объем затрачиваемых ресурсов, которые у миротворцев всегда ограничены.

Также С. Кексруд оспаривает тезис о том, что присутствие миротворцев ООН всегда снижает уровень конфликта. Действительно, градус конфликта в местах дислокации миротворцев снижается, но само количество мест дислокации всегда ограничено, поэтому конфликтная активность может повыситься на периферии зоны миротворческого контроля, и здесь оказываются важны конкретные активные действия контингента, предусматривающие точечное присутствие и соразмерное применение силы для защиты гражданского населения.

Выводы С. Кексруда имеют практическое значение, так как проистекают из анализа практики конкретных конфликтов, например разбора конфликтов в Демократической Республике Конго и Южном Судане. По мнению исследователя, жестокость и масштаб этих конфликтов привели к изменению действий миротворцев. Если раньше считалось, что силы ООН дей-

ствуют пассивно и влияют на ситуацию самим фактом своего присутствия, то в африканских конфликтах статусная роль миротворцев ООН просто игнорировалась конфликтующими сторонами, особенно если последние были представлены террористами, бандитами или мародерами. Данная ситуация привела к тому, что силы ООН стали гораздо чаще переходить к активным действиям и вступали в бой для защиты гражданского населения в 76 случаях в рамках 200 изученных автором операций. В то же время С. Кексруд констатирует, что этого было недостаточно и в 86 операциях из 200 миротворцы не смогли защитить мирное население на необходимом уровне, что привело к жертвам среди гражданских. Причины провала операций он усматривает в неготовности миротворцев противостоять врагу и непонимании мотивов врага, на основании которых им выбирается объект и форма атаки (Kjeksrud, 2023, p. 87).

Резюмируя обзор книги С. Кексруда «Применение силы для защиты гражданского населения: успехи и неудачи миротворческих операций ООН в Африке», отметим, что ее практическое значение весьма велико, так как она открывает для исследователей новую фактологическую информацию, систематизирует знания о миротворческих операциях ООН в Африке и может служить платформой для разработки теоретического подхода к эффективному применению силы для защиты гражданского населения в различных типах миротворческих операциях ООН.

Несмотря на значимость проведенного автором работы исследования, оно тем не менее именно создает практическую платформу для теоретических разработок, но не очерчивает сам теоретический подход, так как в работе не находит значимого отражения ряд принципиальных аспектов миротворчества, в том числе вопрос о том, что считать эффективностью миротворческой операции. Эксперты ООН оценивают эффективность миссии с формальной позиции выполнения или невыполнения мандата. В реальности же формальное выполнение мандата далеко не всегда означает, что миротворцам удалось исправить ситуацию

и ликвидировать причину страдания и гибели гражданского населения. В итоге возникает уже научный дискурс о том, что критерии формальной эффективности миротворческой деятельности ООН должны быть заменены на критерии реальной эффективности, о чем в своей статье пишет, например, Д.Б. Пушкина (Pushkina, 2020).

Однако вопрос выбора данных критериев сложен и имеет выраженную политическую окраску, свидетельствующую в том числе об отсутствии консенсуса по данному вопросу между странами — членами ООН, многие из которых — особенно на уровне Совета Безопасности — рассматривают проведение

миротворческих миссий ООН как продолжение реализации своих корыстных национальных политических интересов. В таких условиях дискуссия об эффективности миротворческой деятельности ООН перетекает в дискуссию об эффективности самой Организации и необходимости ее реформирования с целью повышения роли глобального сообщества и переориентации повестки ее деятельности с конъюнктурных на объективные интересы. В противном случае миротворческая деятельность ООН рискует полностью утратить престиж и эффективность, а сама Организация — столкнуться с проблемами легитимности Лиги Наций перед Второй Мировой войной.

Поступила в редакцию / Received: 14.01.2025

Принята к публикации / Accepted: 27.03.2026

Список литературы / References

- Kjeksrud, S. (2023). *Using force to protect civilians: Successes and failures of United Nations peace operations in Africa*. Oxford: Oxford University Press.
- Pushkina, D. B. (2020). Successes and failures of United Nations peace operations. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 65(1), 261–277. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.115>; EDN: RWIJEJ

Сведения об авторе:

Медушевский Николай Андреевич — доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока и Африки, Российский государственный гуманитарный университет; Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, стр. 6; профессор кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 4547-0007; ORCID: 0000-0003-0475-6713; e-mail: lucky5659@yandex.ru

About the author:

Medushevsky Nikolaj Andreevich — PhD, Dr. of Sc. (Political Science), Professor, Department of Modern East and Africa, Russian State University for the Humanities; 6, bldg. 6 Miusskaya square, Moscow, 125047, Russian Federation; Professor, Department of Comparative Politics, RUDN University; 10, bldg. 2 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation; eLibrary SPIN-code: 4547-0007; ORCID: 0000-0003-0475-6713; e-mail: lucky5659@yandex.ru